

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

2

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923

Том 2

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

2

THE BOLSHEVIK REVOLUTION
1917—1923

Volume two

London
Macmillan
1952

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ _____ **1**

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

2

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 — 1923

Том 2

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923».

Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923».

Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923».

Том 3

Книга четвертая: «Междоусарствие. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926».

Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926».

Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926».

Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».

Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».

Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор

В. А. СУРОВОВ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7

Часть IV

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

<i>Глава 15.</i> Теории и программы	11
<i>Глава 16.</i> Воздействие революции	30
а) Сельское хозяйство	30
б) Промышленность	52
в) Труд и профессиональные союзы	87
г) Торговля и распределение	99
д) Финансы	112
<i>Глава 17.</i> Военный коммунизм	123
а) Сельское хозяйство	123
б) Промышленность	142
в) Труд и профсоюзы	161
г) Торговля и распределение	182
д) Финансы	195
<i>Глава 18.</i> От военного коммунизма к НЭПу	213
<i>Глава 19.</i> НЭП: первые шаги	222
а) Сельское хозяйство	222
б) Промышленность	234
в) Труд и профсоюзы	250

	Стр.
г) Торговля и распределение	260
д) Финансы	269
<i>Глава 20. Начало планирования</i>	<i>280</i>
<i>Приложение В. Маркс, Энгельс и крестьянин</i>	<i>297</i>
<i>Приложение Г. Рабочий контроль на железных дорогах</i>	<i>306</i>
<i>Примечания</i>	<i>310</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех критических замечаний, высказанных рецензентами по поводу первого тома данного труда, неоспоримо обвинение в том, что мною нарушена естественная последовательность изложения при описании политических и конституционных мероприятий в первые годы советского режима ранее экономических условий, которыми они в значительной степени диктовались и объяснялись. Выход в свет второго тома год спустя после первого позволит теперь рассматривать оба эти взаимосвязанных аспекта параллельно. Однако перед выпавшим на мою долю трудным выбором я не вполне уверен, что изображение сложных экономических отношений вне политического фона, на котором они происходили, облегчило бы их восприятие читателем. Даже сейчас картина не является полной, так как анализ международных отношений Советской России тех лет оставлен на третий том, который будет готов к публикации к будущему году.

Трудности в компоновке материала обнаружились и при работе над настоящим томом. Несмотря на взаимозависимость различных отраслей, экономику Советов следовало подразделить на основные секторы. Их дальнейшее дробление на периоды внутри основного отрезка времени, который охватывает данный том, было менее необходимым. На первый взгляд предпочтительным могло показаться обсуждение происходивших в тот период явлений, скажем в области сельского хозяйства. Однако из-за того, что он включал в себя три подпериода с глубоко различными характерными чертами: революции как таковой, военного коммунизма и первого этапа НЭПа,— я в конце концов решил разделить материал на части по хронологическому принципу, чтобы каждый из секторов экономики рассматривался последовательно в каждой из глав, посвященных соответствующим периодам. Подзаголовки глав помогают читателю, если он этого захочет, сделать выборку материала, скажем, по сельскому хозяйству из всего тома, не отвлекаясь на перемежающиеся разделы по промышленности, финансам и т. д.

Следовало бы дать объяснения и по вопросу о том, чем завершить описание событий в данном томе. Основным замыслом трех-

томного исторического труда было доведение его приблизительно до времени ухода Ленина со сцены и начала борьбы за власть. Создание СССР, принятие Конституции и упразднение народного комиссариата по делам национальностей в июле 1923 г. представили собой естественный рубеж для окончания первого тома. Для второго — соответствующий момент наступил несколько раньше. Первая фаза НЭПа достигла кульминации зимой 1922/23 гг., а XII съезд партии состоялся в апреле 1923 г., месяц спустя после полного отхода Ленина от дел, в условиях угрозы неминуемого экономического кризиса, который вынуждал соперничающих за власть деятелей занять исходные позиции. Поэтому второй том я завершил событиями как раз накануне XII съезда, за исключением главы «Начало планирования». Дискуссии на съезде скорее отражали старые противоречия, чем начало новых дебатов, почему речь о них и ведется в данной главе.

Почти все, кого я искренне благодарил за помощь в предисловии к первому тому, помогали мне и в подготовке последующего. В дополнение к ним назову Мориса Добба, великодушно одалживавшего книги из своей библиотеки, которых я нигде иначе не мог заполучить, и г-жу Дюэр из Королевского института международных отношений за то, что она милостиво позволила мне воспользоваться собранными ею материалами для исследования трудовых отношений в СССР. В особом долгу нахожусь перед Исааком Дойчером за предоставленные им записки из неопубликованных архивов Троцкого, хранящихся в библиотеке Виденера Гарвардского университета. Я вновь приношу мою глубокую благодарность всем, кто оказывал мне помощь или давал советы в поисках материала или написании данного тома.

Э. Х. Карр

5 июня 1951 года

Часть IV

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

ГЛАВА 15

ТЕОРИИ И ПРОГРАММЫ

Учение Маркса возникло из утопизма ранних социалистов, которые силой богатого и изощренного воображения создавали идеальные социалистические общества, не считая необходимым утруждать себя вопросом о том, как эти идеальные общества будущего станут развиваться из уже существующих. Методология Маркса базировалась на истории: всякие изменения в судьбах и общественных формациях человеческого общества являются частью непрерывного исторического процесса. Единственным предварительным условием, которое он и не пытался афишировать, было положение о том, что человеческое общество *в конце концов* будет всегда стремиться организовать себя таким образом, чтобы наиболее эффективно использовать производственные ресурсы. Поэтому он начал с анализа существующего общества, с тем чтобы показать, что капитализм, когда-то способствовавший высвобождению и поощрению небывалого роста производительных сил человечества, в ходе исторического развития достиг такой стадии, когда стал помехой для максимального использования этих ресурсов и препятствием на пути дальнейшего прогресса. Пока в силе изначальное Марксово положение, капитализм неизбежно должен уступить место новому социальному строю, названному Марксом «социализмом» или «коммунизмом», который в свою очередь позволит и будет способствовать максимальному использованию производительных сил. Маркс верил — и в этом его теория являлась политически заряженной и революционной, — что переход от капитализма к социализму повлечет за собой смену буржуазии как правящего класса пролетариатом и что такая смена физически невозможна без революционного насилия, по крайней мере в большинстве стран. Но она была научной и эволюционной. Так же как экономическая структура капиталистического общества выросла из структуры феодализма, так соответственно из капитализма вырастет экономическая структура социализма. Большая часть работ Маркса была направлена не на убеждение в желательности перехода от капитализма к социализму — это положение заложено в самом постулате, — а на то, что этот переход неизбежен.

На протяжении всей жизни Маркс занимался изучением процессов и раскрытием внутри капитализма саморазрушающихся

сил, а не будущим социалистического общества, которое поднимется из его руин. Эта последняя задача в определенном смысле все еще была неактуальной до наступления момента падения капитализма. В предисловии к книге «К критике политической экономии» Маркс писал: «...сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления». И по темпераменту и по убеждениям Маркс был заклятым врагом утопизма в любой форме. В его идеях всегда ощущались следы давних споров с утопическими социалистами, которые находили утешение в миражах будущего социалистического общества. Ближе к концу своей деятельности, в работе «Гражданская война во Франции», Маркс с подчеркнутым презрением разъяснял, что у рабочих не было «готовых и определенных утопий» и «идеалов, к которым они могли бы стремиться»: они знали, что «придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей». Эта вера в преобразование общества в ходе постепенного имманентного исторического процесса вызвала то, что в некотором смысле казалось эмпирическим подходом: сначала приблизиться к препятствию, а потом уже преодолевать его. Маркс не создал программы или манифеста будущего социалистического общества. Только однажды, в «Критике Готской программы», он позволил себе бросить быстрый взгляд на «высшую фазу коммунистического общества»: когда «производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком...» тогда «общество сможет написать на своем знамени: «Каждому по способностям, каждому по потребностям!» Однако, оставляя в стороне необычно цветистую терминологию, это означало немногим более чем подтверждение основного положения Маркса — что для высвобождения и развития производительных сил, скованных вырождающимся капитализмом, необходим социализм. И даже здесь Маркс осторожно подстраховался, написав в сопроводительном к «Критике...» письме В. Бракке: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»¹. Данный афоризм скрывал свои подводные камни. На них указывали ревизионист Бернштейн, который упоминал высказывание Маркса (не исключено, что достоверное), что «тот, кто составит программу на будущее, — реакционер»², и синдикалист Жорж Сорель, который в блестящем теоретическом стиле продемонстрировал несовместимость утопизма и марксизма. «Выдвижение теоретического анализа будущего экономического порядка явилось бы попыткой возвести идеологическую надстройку до того, как создадутся сами условия производства, на которых она будет возводиться, следовательно, любая такая попытка будет немарксистской»³. И Бернштейн и Сорель, каждый по-своему, вывели из теоретического спора, что «движение — все, конечная цель — ничто». Маркс должен был бы оспаривать подобный вывод, однако, судя по всему, в чем-то поддерживал его.

Поэтому Маркс завещал потомству не экономические планы социализма, а экономический анализ капитализма, и пользовался он экономическими методами, присущими капитализму. Понятие «политическая экономия» с ее известными категориями стоимости, цены и прибыли являлось чем-то присущим исключительно капитализму и могло быть вытеснено только вместе с ним⁴. При социализме даже рабочая теория стоимости потеряет свое значение⁵. Сама концепция о действии экономических законов независимо от воли человека принадлежала, по сути, капиталистическому обществу. Маркс неоднократно писал об анархии производства при капитализме и утверждал, что периодические кризисы — неизбежный результат слепого следования законам рынка. Как о само собой разумеющемся в «Коммунистическом Манифесте» говорится, что «пролетариат использует свое политическое господство, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовав все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно, быстрее увеличить сумму производительных сил». Более чем два десятилетия спустя, в «Гражданской войне во Франции», он восклицал Парижскую коммуна за регулирование национального производства на основе «единого плана», а Энгельс ожидал наступления такого времени, когда пролетариат, экспроприировав буржуазию, обратит «...общественные средства производства в общественную собственность» и, таким образом, сделает возможным «общественное производство... по заранее обдуманному плану»⁶. Производство при социализме, писал Маркс в «Капитале», будет организовано при сознательном и плановом управлении обществом⁷. Но Маркс и не пытался рассуждать об условиях или способах осуществления общественно планируемого производства. Все, что можно было выяснить из его работ по этому вопросу, следовало выводить из сделанного им анализа природы и следствий капиталистического производства.

Еще меньше можно сказать о распределении и обращении⁸: способы общественного производства, определявшие отношения в обществе, в равной степени определяли способы распределения и обращения⁹. «Производство, распределение, обмен и потребление... все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство господствует... над этими другими моментами. С него каждый раз процесс начинается снова»¹⁰. Только «вульгарный социализм», который вращается в основном вокруг вопросов распределения¹¹, верил в то, что выравнивание распределения, а не обобществление производства является целью социализма. «Коммунистический Манифест» уже провозгласил, что уничтожение коммунистами «буржуазных условий производства» будет означать также «коммунистическое уничтожение купли и продажи»¹². Конец капитализма будет означать конец товарного производства, а с ним и обмена в его капиталистическом понятии. «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении сред-

ствами производства, — писал Маркс в «Критике Готской программы», — производители не обменивают своих продуктов». В будущем коммунистическом обществе распределение перестанет быть связанным с побуждением поработать, так как материальное поощрение будет заменено поощрением морального характера. Однако в переходном обществе, которое «только что **выходит** как раз из капиталистического общества», продолжает сохранять на себе «родимые пятна» старого, он увидел систему, при которой рабочий «получает от общества квитанцию о том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда»¹³. Но эти разбросанные мимоходом заметки служат тому, чтобы показать почти полное отсутствие желания провести анализ проблем распределения и обмена в социалистическом обществе. Рассуждения о функциях стоимости, цены и прибыли в плановой экономике предстояли в далеком будущем.

Еще одно сознательно или бессознательно удерживало Маркса от определения подхода к экономическим проблемам социализма — его неспособность точно установить, кем будет определяться планирование в социалистическом обществе. Предельно ясно представляя функции планирования, он приписывал их «обществу» в следующем виде: «Общество должно наперед рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства»¹⁴. Планирование в экономике было задумано не как функция государства, а скорее как функция, которая сделает государство лишним. «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия, — провозглашалось в «Коммунистическом Манифесте», — и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер». Но где в этой «ассоциации индивидов» будет проводиться работа по планированию производства? Маркс никогда не пытался ответить на этот вопрос. Согласно одному из отрывков из «Капитала», (само) общество будет «организовано как сознательная и систематическая организация», в которой сами производители «будут регулировать распределение продуктов и поставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы ему править над собой, будучи слепой силой»¹⁵. Признавая, что планирование и управление экономической жизнью являются очевидной неотъемлемой частью социализма, Маркс соглашался с положением, выдвигавшимся всеми социалистами, начиная от Сен-Симона, что эти функции

будут осуществляться не государством или каким-либо политическим органом, а самими производителями¹⁶. Не сделали сколько-нибудь значительных шагов вперед в развитии идеи вплоть до 1917 г. и последователи Маркса. В Программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой II съездом в 1903 г., в строгом духе марксистской терминологии говорилось о «замене частной собственности на средства производства и обращения общественною и вводе планомерности организации общественно-производительного процесса»¹⁷. Но это в общей форме. До революции в большевистской литературе для разработки концепции планирования не было сделано ничего. Накануне революции Ленин заполнил этот явный пробел аргументацией, которой мог бы воспользоваться и сам Маркс. «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении изменяется»¹⁸. Маркс не стал разрабатывать концепции общественного планирования экономики, а его экономическому анализу капиталистического строя путем противопоставления было суждено создать технически основу социалистического планирования¹⁹. Однако экономическую политику переходного периода, через который должна пройти революция в борьбе за установление социалистического строя, пришлось вырабатывать эмпирически самим рабочим, осуществившим революцию.

В дополнение к обобщенным наброскам долгосрочного характера относительно развития будущего социалистического общества Маркс время от времени выступал по актуальным вопросам экономической политики, что оказывало большое практическое воздействие на те партии, которые заявляли в своих программах о приверженности учению Маркса. В «Коммунистическом Манифесте» Маркс зафиксировал некоторые неотложные меры, которые мог применять пролетариат в качестве реальных реформ в существующих условиях, по крайней мере «в наиболее развитых странах». Этих реформ можно добиться в официальных рамках буржуазной демократии, хотя Маркс считал, что «они перерастут самих себя» и «сделают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй». Важнейшими из десяти перечисленных Марксом в «Коммунистическом Манифесте» мерами, которые, как он считал, будут различны в различных странах, явились: уничтожение частной собственности на землю, введение прогрессивного подоходного налога, отмена права наследования, централизация посредством национального банка кредита и средств связи в руках государства, распространение государственной собственности на предприятия и средства производства, одинаковая обязательность труда для всех, бесплатное образование и устранение фабричного труда детей «в его современной форме». Иногда выдвигалось возражение теоретического характера о том, что удов-

летворение этих ограниченных требований и ослабление тягот эксплуатации могут притупить революционный настрой пролетариата и что подобного рода требования не должны выдвигаться истинными революционерами. Однако на практике ни одна партия не может обращаться к широким массам рабочих, не имея программы, призванной облегчить их повседневные тяготы. Вслед за «Коммунистическим Манифестом» коммунистические партии стали традиционно различать программу-максимум и программу-минимум, где первая отражает революционные устремления, а вторая — немедленные практические требования, на выполнение которых они могут надеяться даже при существующем капиталистическом строе. Одним из непредвиденных результатов подобного подразделения являлось привлечение в социал-демократические партии большой группы членов, которые по убеждению или характеру проявляли большую заинтересованность в программе-минимум. В странах, где одни из требований программы-минимум претворялись в жизнь, а другие могли произойти в ближайшем будущем в процессе демократических перемен в буржуазном обществе, партии во все большей степени старались перевести требования программы-максимум в категорию отдаленных теоретических целей, сконцентрировав свою деятельность на осуществлении программы-минимум. Другими словами, социал-демократия, теоретически оставаясь революционной, на практике стала преобладающе реформистской. Социал-демократическая партия Германии представляла собой классический пример такого поэтапного перерождения.

С учетом отсталых экономических и в равной мере отсталых политических условий в русском обществе распространение марксистского учения в России имело специфические особенности. Покорение Кавказа и открытие в сердце Сибири Алтайского края, исключительно богатых полезными ископаемыми, создали материальные условия для промышленного развития страны и превратили Россию в потенциально промышленную державу. Отмена в 1861 г. крепостного права — первый прямой удар по крепости российских феодальных устоев — впервые ознаменовалась внедрением современного промышленного капитализма в стране, где полностью отсутствовали условия для развития сильной, независимой капиталистической буржуазии. Историческим назначением этих реформ (как и огораживания общинных земель в английской истории) было перемещение из деревни в город необходимой для индустриализации национальной экономики рабочей силы. Однако прежде всего они отразились на положении крестьян и на системе землевладения, будущее которых казалось неопределенным. Этот вопрос не терял остроты в течение трех десятилетий. Естественно, что первая марксистская группа в России появилась как результат борьбы противоречий с народниками относительно судьбы русского крестьянина и сельского хозяйства страны. Несмотря на то

что аграрные вопросы занимали второстепенное место в учении Маркса, они стали жизненно важными для его последователей в стране, где почти 90% населения было главным образом занято в сельском хозяйстве. Вызывало удивление, что в заметках последних лет Маркс, похоже, принял сторону народников в их полемике с русскими марксистами²⁰. Народники считали, что русские крестьянские общины (система общинного землевладения с периодическим перераспределением индивидуальных наделов, которая господствовала во времена крепостного права и пережила его отмену) обеспечивали основу для принципа общественной собственности при будущем социалистическом строе, и России, таким образом, представилась возможность повести за собой мир по пути социализма. Однако отец русского марксизма, основатель первой русской марксистской группы за рубежом, Плеханов, не сомневался в том, что значил марксизм в свете аграрных проблем России. Крестьянина, как в России, так и на Западе, Плеханов считал явлением по своей сущности консервативным. Часто цитируют отрывок из написанной им в 1982 г. работы: «Помимо буржуазии и пролетариата, у нас в стране мы не ощущаем социальных сил, у которых могли найти поддержку оппозиционные или революционные группы»²¹. Поэтому он был уверен, что революция в России должна пойти по тому же пути, что и на Западе, то есть по пути, указанному в «Коммунистическом Манифесте». Первым ее этапом будет революция капиталистической буржуазии, которая вызовет в России развитие промышленности и разрушит столь устаревшую феодальную систему землевладения, каковой являлась крестьянская община. Затем, после того как в городе установится с триумфом капитализм, созреет момент для его свержения в ходе пролетарской социалистической революции. Идея народников о переходе к социализму через крестьянскую общину, минуя промежуточную стадию капитализма и создание сильного пролетариата, была либо полной утопией, либо скрытой реакцией. Ленин появился на политической арене 80—90-х годов как пылкий последователь Плеханова. В своих ранних работах он продолжил полемические нападки на народников и страстно защищал тезис о необходимости капиталистического развития в России.

В середине 90-х годов, когда Ленин начал свою деятельность, развитие событий уже решало вопрос в пользу марксистов. В 40-х годах XVIII в. проницательный прусский исследователь Хакстгаузен ясно различал жизненно важную роль крепостного права в экономике России. «Если для прогресса цивилизации и национального процветания необходима собственность в больших масштабах, мое мнение определено: еще нельзя отменять крепостничества»²². Отмена крепостного права нарушила, ничем не изменив, равновесие русской деревни, в котором она пребывала на нижайшем уровне рабской экономики. Она принесла выгоду тем способным и энергичным землевладельцам, кто сумел организовать свои хозяйства на эффективной капиталистической основе путем исполь-

зования наемного труда своих бывших крепостных и развития крупномасштабного производства продукции на экспорт. Менее предприимчивые, не имевшие столь выгодного положения землевладельцы оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям и еще глубже погрузились в трясину долгов и разрухи. В результате реформы выдвинулась также небольшая группа наиболее активных крестьян, которые смогли собрать воедино и расширить свои земельные наделы и выделиться из толпы подобных себе, используя труд своих менее удачливых собратьев. Но для основной массы крестьянства отмена крепостничества означала все больший груз долгов, более тяжелые условия труда и новые формы эксплуатации, еще ненавистнее старых. Крестьянство разделилось на меньшинство (хотя в отдельных районах страны оно составляло одну пятую) обладающих землей крестьян, некоторые из которых использовали наемный труд, и большинство безземельных или не имевших достаточно для поддержания своего существования земли, которые нанимались на работу к крупным землевладельцам или зажиточным крестьянам. Вторжение капитализма привнесло неизбежное классовое расслоение российской деревни²³.

В то же время за отменой крепостного права последовали первые проявления индустриализации России. Ее быстрый рост после 1890 г. с притоком иностранного капитала создал фундамент, на котором была построена Российская социал-демократическая рабочая партия. Настоящей точкой отсчета пролетарского движения стали забастовки 1896 г. Но запоздалый рост капиталистической промышленности в России приобрел несколько специфических черт, которые, по определению Ленина, состояли в том, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»²⁴. В Западной Европе директор или управляющий формировался в промышленности в ходе постепенного и вполне определенного процесса из известного классическому экономисту предпринимателя-одиночки; мелкие предприятия все еще играли важную роль в экономике, а современная крупномасштабная промышленность сохранила отдельные материальные основы и внешний вид от прошлого. При полной поддержке западных и русских финансистов²⁵ современная индустрия России резко набрала силу: ее развитие объяснялось факторами как политического, так и экономического характера²⁶, своим подъемом она была обязана больше государству и банкам, чем отдельным предприимчивым промышленникам, сеть же крупных предприятий в России была значительно шире, чем где бы то ни было в Европе²⁷. Разница в положении российского заводского рабочего и рабочего на Западе была еще более выраженной. На Западе заводской рабочий по-прежнему обладал мастерством и другими характерными для мелкого ремесленника чертами. Русский рабочий являлся крестьянином, который пришел из деревни и мог вернуться туда в период застоя или экономической

депрессии. Он оставался крестьянином юридически в отличие от небольшого слоя ремесленников, относившихся к категории «петти-буржуазии». У него отсутствовал тот уровень мастерства и образования, который породил на Западе растущий класс «рабочей аристократии», заинтересованный в капиталистической прибыли, и, будучи подверженным безграничной эксплуатации, он представлял плодородную почву для революционной пропаганды. Многие различия в структуре промышленности и в положении рабочих отражались в отличающихся друг от друга политических системах Западной и Восточной Европы. И наконец, сходство положения русского заводского рабочего и русского крестьянина означало, что их интересы и тяготы серьезно воздействовали на обоих и с практической точки зрения не существовали порознь, как это имело место в странах Запада.

Первая программа Российской социал-демократической рабочей партии подразделялась на разделы, содержавшие требования максимума и минимума. Но российской партии не грозила скрытая опасность, подобная той, что подстерегала социал-демократию в Германии: возвышение по вполне очевидным причинам требований минимума за счет требований максимума. Начиная с 1848 г. понимание программы-минимум в основном сводилось к тому, что можно было достигнуть при буржуазной революции, не доводя до разрушения систему буржуазно-капиталистических порядков; программа-максимум являлась конечной целью пролетарской социалистической революции. В Западной Европе, где буржуазная революция была свершившимся фактом, программа-минимум далее не являлась революционной и этим принципиально отличалась от революционной программы-максимум. В 1903 г., когда Российская социал-демократическая рабочая партия приняла свою программу, буржуазная революция в России еще должна была свершиться, и поэтому обе программы — и максимум и минимум — являлись революционными. Политические требования принятой партийным съездом в 1903 г. программы-минимум начинались с низвержения царского самодержавия и замены его демократической республикой²⁸. Следовавшие за ними экономические требования, взятые в целом, носили столь же революционный характер в России того времени, хотя и были составлены с расчетливой сдержанностью и упоминали мало из того, чего уже не было достигнуто или было на грани осуществления в развитых буржуазных демократических обществах. Они включали положения об установлении восьмичасового рабочего дня и еженедельного выходного, о воспрещении ночного труда, за исключением тех отраслей, где он был необходим по техническим соображениям, запрещении труда детей до 16 лет (с ограничениями рабочего времени подростков до 18 лет) и использовании женского труда во вредных отраслях, о государственном страховании по болезни и старости, об эффективном надзоре на производстве и ряд других мер, известных по гражданскому законодательству или радикальным программам западных

стран. Аграрные разделы программы были особенно сдержанными и сводились на деле к мерам, направленным на «устранение остатков крепостного порядка» и способствование «свободному развитию классовой борьбы в деревне». Содержавшиеся в ней предложения, по существу, затрагивали отмену выкупных и оброчных платежей, которые крестьяне должны были выплатить за свое освобождение, и возвращение уже выплаченных сумм, конфискацию земель и имений царской фамилии, «учреждение крестьянских комитетов для возвращения сельским обществам... тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права»²⁹. Интерес к экономическому разделу программы на съезде явно отсутствовал. Экономические вопросы не играли важной роли ни тогда, ни в спорах, последовавших за расколом между большевиками и меньшевиками.

Русско-японская война до предела обострила зревшее в городе и деревне недовольство. Революция 1905 г. явилась первым драматическим симптомом стихийной, плохо организованной и подознательной цепной реакции новой революционной волны молодого заводского пролетариата против промышленного капитализма одновременно с многовековой борьбой русского крестьянства против невыносимых условий в сельском хозяйстве. Именно городские рабочие в Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.) внезапно начали революцию, наиболее впечатляющим достижением которой явились массовые промышленные забастовки, прошедшие осенью 1905 г. Но уже в феврале 1905 г. восстали крестьяне в черноземных районах, в прибалтийских провинциях и на Кавказе. Крестьянская жакерия, распространившаяся по всей России в тот год, продолжала неожиданно вспыхивать весной 1906 г., много времени спустя после подавления революции в городах и на предприятиях. То, что произошло в 1905 г., подтвердило одно из положений программы большевиков — необходимость пролетарского руководства восстанием. Но события показали также, что без активной поддержки крестьян революция в России не может быть успешной. Они доказали, что русский крестьянин может откликнуться и на более радикальные революционные лозунги, чем те, что содержались в осторожно составленном разделе партийной программы.

Как следствие событий 1905 г. большевики должны были вести крестьянам абсолютно новую роль и новое положение в революции. Уже в апреле 1905 г. треть участников съезда партии большевиков в Лондоне приветствовала «разрастающееся крестьянское движение» и, признавая, что оно все еще являлось «стихийным и политически бессознательным», признала за ним право на поддержку со стороны социал-демократов. Идея дальше сдержанных рекомендаций Программы, резолюция съезда открыто призывала «крестьянство и сельский пролетариат» к «коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воин-

ской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов»³⁰. В том месяце в качестве конечной цели революции Ленин провозгласил установление «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». В брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции», посвященной разработке этой темы, Ленин сделал тщательное разграничение между первым, или буржуазным, этапом революции, в котором пролетариат будет выступать в союзе со всем крестьянством, и вторым, или социалистическим, этапом, в котором в борьбе против реакции пролетариат будет полагаться на беднейшее крестьянство. «Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, противоположенное. Вся суть марксизма в этой двойной задаче»³¹. Однако содержание аграрной программы, которую будет осуществлять партия на обоих этапах, не обсуждалось. На конференции большевиков 1905 г. в Таммерфорсе был поднят вопрос о пересмотре аграрного раздела программы партии. Она предложила исключить из программы старые пункты об «отрезках» как слишком мягкие и об отмене выкупа как уже выполненные, обещать поддержку всем революционным мерам, применяемым крестьянством, включая конфискацию всех земель, находящихся в частной собственности, искать пути убеждения крестьянства в «непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии»³².

Одним из результатов *rapprochement* между большевиками и меньшевиками зимой 1905/06 гг. было создание совместной комиссии по сбору и анализу предложений, направленных на смягчение аграрной программы³³ для ее рассмотрения на так называемом «объединительном» съезде (позднее называвшемся IV съездом большевиков), который состоялся 6 апреля 1906 г. в Стокгольме. На Стокгольмском съезде была проведена самая продолжительная, полная и наиболее сложная дискуссия по аграрной политике партии, которая когда-либо проводилась в социал-демократических кругах. Помимо основного раскола между большевиками и меньшевиками, получившими тогда небольшое большинство, и те и другие раскололись внутри своих группировок. За несколькими незначительными исключениями, все согласились, что прежняя программа устарела и что для удовлетворения чаяний крестьян, проявившихся в последних выступлениях, следует предпринять какие-то шаги в отношении земли как таковой. Первый шаг был относительно прост. Большевики хотели «конфискации» всех церковных, царских, государственных и частновладельческих земель, меньшевики выступали за «отчуждение» — термин, предполагавший или по крайней мере не исключавший компенсацию. Однако по этому вопросу с большевиками соглашалось достаточное количество меньшевиков, что обеспечило им большинство, и слово «конфискация» появилось в резолюции съезда. От конфискации

освобождались небольшие наделы, размеры которых точно не определялись.

Намного более деликатным и противоречивым был вопрос о том, что же должно последовать за конфискацией. Здесь можно выделить три точки зрения. Не доверяя централизованной власти государства, меньшевики хотели передать землевладения «органам самоуправления», которые предоставят право пользования на неограниченный срок тем, кто их возделывает: решение, известное под названием «муниципализация». Вторая точка зрения была представлена в проекте Ленина и поддержана большинством подготовительной комиссии. По ней конфискованные земли предлагалось передать в ведение крестьянских комитетов с последующим созывом Учредительного собрания, после чего в случае (и только в случае) создания истинно демократической республики партия потребует уничтожения частной собственности на землю и передачи всей земли «всему народу» (или по варианту — государству). Ленин утверждал, что выдвинутая в его проекте оговорка об установлении истинно демократической республики снимала опасность, как ее видели меньшевики, передачи земли централизованному государственному ведомству. Третья группа, включавшая основную часть большевиков, соглашалась с положением ленинского проекта о создании на начальном этапе крестьянских комитетов, но предложила потребовать от Учредительного собрания, чтобы после передачи лесов и шахт государству, а поместий — местным органам самоуправления, «на которых возделывание будет осуществляться общими силами», оставшаяся земля была поделена между крестьянами и передана в их полную собственность.

Ленин, ранее выступавший за то, что единоличная крестьянская собственность, будучи по сути капиталистической, представляла собой шаг вперед по сравнению с феодальной системой крупных землевладений, принадлежащих помещикам и обрабатываемых крестьянами³⁴, теперь заявлял, что, хотя политика земельного раздела была «ошибочной» (из-за того, что она ничего не делала для указания пути к социализму как конечной цели), она не была «вредной», в то время как политика «муниципализации» (которая не была капиталистической, но и не вела к социализму) была и «вредной и ошибочной». Поэтому он снял собственную резолюцию, не имевшую шанса быть принятой, и поддержал идею раздела, а не муниципализации. Все противоречия рассматривались, исходя из понимания буржуазно-демократического характера грядущей революции. Ни в своих выступлениях на съезде, ни в брошюре, где он впоследствии обосновал свою точку зрения³⁵, Ленин не выдвинул основного возражения защитникам единоличной крестьянской собственности — возможной необходимости повернуть вспять процесс раздела после победы социализма и создания вновь крупных коллективных производящих единиц. Так далеко вперед еще не заглядывал никто³⁶. Но большевики остались в меньшинстве. Как мнение съезда была принята резолюция меньшевиков о му-

ниципализации. Совместная резолюция о тактике тем не менее открывала перспективу на будущее, призывая партию «предостерегать его (крестьянина) от обольщения самой системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищету массы, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию». В следующей резолюции говорилось о важности согласовывать действия крестьянства «с наступательным движением пролетариата против царизма»³⁷.

Несоответствия резолюций Стокгольмского съезда стали очевидными, когда они столкнулись с аграрной программой социалистов-революционеров (эсеров), последователей народников — на этот раз крестьянской партии в чистом виде. В соответствии с принятой на съезде партии в январе 1906 г. программой эсеры выступили за обобществление земли путем ее «изъятия из сферы коммерческого обращения и передачи из частной собственности отдельных лиц в общее национальное достояние». Предполагалось распределять землю частным лицам по двум принципам, названным «принципом труда» и «равенства», что означало равное распределение земли между теми, кто на ней работал. Единственная трудность заключалась в том, чтобы определить критерии, по которым должно определяться равенство, — по количеству работников или по количеству потребителей в хозяйстве. Подобная политика ставила эсеров в один ряд с теми социалистами-немарксистами, кто считал, что суть социализма направлена не на способ производства, а на равное распределение. На первый взгляд программа эсеров заметно не отличалась от проекта резолюции большевиков, которая была забаллотирована на Стокгольмском съезде; она также требовала равного распределения земли между крестьянами. Но в объемной брошюре по аграрному вопросу, написанной в конце 1907 г., Ленин разъяснил и непосредственную точку соприкосновения двух позиций, и их явное и фундаментальное противоречие. «Идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще — и со старым крепостническим, крупно-поместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим. Идея «уравнительности» землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремление 10-ти миллионов сидящих на семидесятинном наделе и разоренных помещиками крестьян к разделу³⁸ крепостнических латифундий по 2300 десятин. А в данный исторический момент эта идея действительно выражает такое стремление, она толкает к последовательной буржуазной революции, ошибочно облекая это туманной, квази-социалистической фразеологией... Реальное содержание того переворота, который кажется народнику «социализацией», будет состоять из самого последовательного расчищения пути для

капитализма, из самого решительного искоренения крепостничества... Народник воображает, что эта «уравнительность» устраняет буржуазность, тогда как на деле она *выражает* стремления наиболее радикальной буржуазии»³⁹. Таким образом, на данной, предварительной стадии оказалось возможным использование большевиками эсеровского лозунга об «уравнительности» и даже совместное в союзе с эсерами выступление по аграрному вопросу. Но то, что представлялось эсерам конечной целью социализма, было для большевиков просто побочным вопросом буржуазной революции. Как только буржуазная революция сметет остатки феодализма и крепостничества во имя всеобщей равной собственности на землю, произойдет разрыв, потому что понимание социалистической аграрной революции большевиками в корне отличалось от эсеровского. Но пока детальное рассмотрение аграрной политики социализма оставалось неактуальным, линия раздела между большевиками и эсерами легко стиралась.

Царское правительство сделало одинаковый с революционерами вывод из событий 1905—1906 гг.: ключевым вопросом ситуации в России стала позиция крестьянства. За конституционным Манифестом 17 октября 1905 г., предназначенным умиротворить либеральные и радикальные элементы в городах, 3 ноября последовал новый, в котором крестьянам было обещано освобождение от уплаты имеющихся у них долгов. Всего через год (Стокгольмский съезд проходил как раз в перерыве между ними) вышел известный столыпинский закон от 9 ноября 1906 г., который положил начало новой аграрной политике. Действие реформы было двояким. Крестьянские общины, в которых перестали пользоваться обычаем периодически перераспределять земли, были распущены, и землю разделили между главами входивших в общину подворий. В крестьянских общинах, где все еще практиковалось периодическое перераспределение земель, глав хозяйств поощряли обращаться с просьбами о выходе из общин со своей долей общинной земли. Проводились мероприятия по перепланировке земельных наделов, способствовавшие выходу из общин.

Таким образом, реформа предназначалась для того, чтобы разрушить старую систему коллективной крестьянской собственности и на ее место поставить индивидуальную собственность крестьянина в качестве основы сельскохозяйственной экономики в России. Помимо юридических указов, предлагались и косвенные стимулы, включая предоставление настоящим и будущим землевладельцам займов на выгодных условиях со стороны Крестьянского земельного банка. За 10 лет с момента обнародования закона из общин вышло более двух миллионов хозяйств, причем самый активный период выпал на 1908—1909 гг. Наибольшим образом реформа затронула Украину к западу от Днепра, где в руки индивидуальных владельцев перешло около половины общинных земель. Этот район являлся центром торговли зерном на экспорт: именно здесь сельское хозяйство России было наиболее прибыльным и высоко-

организованным на капиталистической основе. Здесь же ужасающе тяжелым было положение безземельных крестьян, нанимающихся на работу в качестве сельскохозяйственных рабочих. Именно поэтому Троцкий называл черноземную зону Украины «Русской Индией»⁴⁰. В первые годы XX в. волны переселенцев одна за другой выкатывались в Сибирь и за Атлантику.

Хотя в свете репрессивной административной политики правительства Столыпина стало привычным говорить о «стольпинской реакции», в полном смысле слова этот термин не относится к аграрной стольпинской реформе, которая являлась логическим продолжением курса, начатого отменой крепостничества. Главной целью отмены крепостного права было создание резерва «свободных» рабочих рук для промышленного развития. Даже деревня была вовлечена в сферу монетарных отношений: капитализм сломал хребет старым феодальным порядкам. Последнее пристанище этих порядков — крестьянская община встала теперь на путь внедрения в российское сельское хозяйство капиталистической конкуренции и эффективности капиталистического производства. Возможно, стольпинская реформа была навеяна желанием возвести заслон на пути революции с помощью создания класса процветающих и умиротворенных крестьян. Но исходя из того, что капитализм является шагом вперед по сравнению с феодализмом, аграрное законодательство Столыпина было, по словам Ленина, «прогрессивно в научно-экономическом смысле»⁴¹. С другой стороны, аграрный капитализм мог принять две различные формы: капитализм землевладельца с использованием наемного труда и капитализм крестьянина-единоличника. Первую Ленин называл «пруссским», а вторую, несколько заблуждаясь, «американским» типом⁴². Он осуждал стольпинскую реформу, также заблуждаясь, как нацеленную на прусский тип на том основании, что она была направлена против крестьянства в целом. Он полностью осуждал ее как «поощрение грабежа общин кулаками, ломку старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы». Столыпина причислили к «черносотенным помещикам», а его политику изображали как «политику разорения крестьян дотла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии *во что бы то ни стало*»⁴³.

За этими демагогическими высказываниями скрывалась какая-то доля правды. В литературе по данному вопросу стало обычным различать три категории крестьян: «бедняков», составляющих более 80% общего числа, которые были либо безземельными, либо владели настолько маленькими наделами, что не могли прожить, не нанимаясь на работу сами или вместе с семьей, «середняков», которые обеспечивали себя трудом семьи на своих наделах, и «крестьянскую буржуазию», или «кулаков», бывших настолько зажиточными, чтобы пользоваться наемным трудом (хотя для причисления к данной категории было достаточно нанять всего одного

работника). Цель реформы заключалась в том, чтобы поддержать или поощрять кулака или потенциального кулака за счет менее энергичных и бережливых крестьян или менее предприимчивой массы бедняков и таким образом создать верхнюю прослойку преуспевающих верных режиму крестьян. Правительство, объяснял сам Столыпин, сделало ставку не на нищих и пропойц, а на стойких и сильных хозяев⁴⁴. Расчеты не оправдались. Приемлемого решения аграрной проблемы в России не могло быть без повышения ужасающе низкой производительности труда; эта дилемма будет мучать большевиков много лет спустя, а ее нельзя разрешить без введения современных машин и технологии, что в свою очередь невозможно на основе индивидуальных крестьянских наделов.

Если бы Ленин был прав, сопоставляя столыпинский план с прусской системой, то в нем по крайней мере содержался бы важный элемент эффективности, которого фактически не было. На самом деле, разбивая в перспективе крупные сельскохозяйственные единицы на мелкие, техническая реформа была консервативной. В его истинном виде план мог дать Столыпину только надежду на улучшение положения «сильных и стойких» кулаков за счет — и в этом Ленин был абсолютно прав — еще более жестокой и безжалостной эксплуатации беспомощной массы крестьян-бедняков. В результате мера, предназначенная предотвратить наступление революции, внесла жизненно важный вклад в ее успех. Усиливая эксплуатацию большинства как абсолютно, так и по сравнению с небольшой группой более удачливых из них, реформа восстановила крестьян друг против друга и позволила революционерам призывать эксплуатируемых бедняков на борьбу против эксплуататоров-богачей даже в самой крестьянской среде. Поэтому Ленин как пропагандист все эти годы проводил мысль о том, что для массы крестьян столыпинская реформа означала крушение. Но как марксист и русский экономист он полностью отдавал себе отчет, в чем состояло решение проблемы. «Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым им приходится бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности вообще, и помещичьей и крестьянской. На деле борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и **на** помещичьи и **на** наделные земли)*»⁴⁵. Данное утверждение является, пожалуй, явным признанием Лениным в работах того времени факта, что распределение земель в крестьянское владение на основе равенства, хотя и было необходимым шагом на промежуточной стадии буржуазной революции, не могло привести к окончательному решению проблемы и что так же как буржуазная революция сметет поместья землевладельцев, так и революция социа-

листическая в один прекрасный день сведет одиночные крестьянские наделы в крупные экономические единицы.

Превалирующее внимание к аграрному вопросу, уделявшееся в то время русским правительством и революционерами, легко объясняется не только опытом 1905 г., но и сложившимися в стране экономическими условиями, при которых крестьянство составляло свыше 80% населения и производило 50% национального дохода. Для будущего более важным тем не менее был быстрый и постоянный рост промышленного компонента в национальной экономике. Между 1900 и 1913 гг. промышленное производство в России выросло на 62% по сравнению с 35% прироста в сельскохозяйственном производстве⁴⁶. В этот же период происходило быстрое развитие промышленных и торговых монополий и усиление зависимости промышленности от иностранных и российских государственных капиталовложений. Таким образом, по мере приближения кризиса войны и революции резко обострились противоречия развитой капиталистической промышленности, которая действовала в примитивном крестьянском окружении. После экономической депрессии 1908—1913 гг. стали годами процветания и роста российской промышленности, что, естественно, не давало революционной пропаганде широкого поля деятельности. В течение этих лет русские социал-демократы всех направлений не смогли по-новому осмыслить промышленную политику партии. Воодушевленный опытом Петроградского совета, Троцкий продолжал настаивать, что пролетариат, который стремился к осуществлению таких «демократических» требований, как установление восьмичасового рабочего дня, будет подведен неизбежно к «социалистической» политике захвата предприятий⁴⁷. Ленин также осторожно заметил, что «восьмичасовой рабочий день и тому подобные реформы при *всяких* политических условиях неизбежно станут орудием движения вперед»⁴⁸. Примечательно, что это высказывание было мимолетной ремаркой в дискуссии об аграрной политике. В 1912 г., однако, волна промышленных выступлений, спавшая после поражения массовых забастовок 1905 г., поднялась с новой силой. Острая вспышка возмущения на Ленских приисках, во время которой войсками было убито 500 рабочих в самой страшной со времен Кровавого воскресенья бойне, положила начало новому периоду промышленных выступлений. А два года до начала войны 1914 г. были отмечены возобновлением крестьянских волнений. Под поверхностью вновь забурили и закипели скрытые силы, свершившие в свое время революцию 1905 г. После пяти лет резкого спада партийной активности и междуусобной борьбы Ленин вновь начал пристально следить за перспективой беспокойного будущего.

Война 1914 г. обнаружила несовершенство и бессилие национальной экономики России в условиях современных боевых операций. Требования военного времени дали толчок тяжелой промышленности: специфическими особенностями военных лет явились

расширение государственного контроля в промышленности и ее концентрация путем ликвидации мелких и слабых предприятий. Практически полное прекращение иностранных поставок продукции машиностроения и специализированных материалов быстро привело к прекращению роста военной промышленности, да и другие отрасли подошли почти к полной остановке производства. К концу 1916 г. стало ясно, что основные силы промышленности иссякли. В то же время сельское хозяйство еще больше, чем промышленность, пострадало от ухода в армию самой производительной рабочей силы. Уже не было надежды и на обновление сельскохозяйственных машин и орудий. Производство катастрофически упало, в больших городах зимой 1916/17 гг. наступил голод. Вызванные голодом, ухудшающимся положением на заводах и очевидной безнадежностью войны промышленные забастовки стали прелюдией Февральской революции. Находясь в Швейцарии, откуда он наблюдал симптомы общеевропейской агонии капитализма, Ленин заметил, что история сделала еще один крупный шаг вперед, однако, как обычно, воздержался от предсказаний или проектов будущего социалистического строя. В 1916 г. Ленин закончил главную работу военного времени — книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленин был настоящим последователем Маркса: сделанный им накануне революции глубокий анализ экономики последней фазы капиталистического общества явился вкладом в науку об экономике социализма.

За возвращением Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. немедленно последовали Апрельские тезисы, которые заложили основу Октябрьской революции, провозгласив переход от «первого этапа революции, давшего власть буржуазии», ко «второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Экономическая программа была сформулирована в 6-м, 7-м и 8-м тезисах. В 6-м тезисе содержался призыв перенести «центр тяжести в аграрной программе на Советы батрацких депутатов», которые, по взглядам Ленина того времени, должны заседать отдельно от Советов крестьянских депутатов, и к «конфискации помещичьих земель»: вся земля должна быть передана в распоряжение Советов бедняцких и крестьянских депутатов, а крупные поместья (от 100 до 300 десятин — в местных условиях нижний предел для данной категории) превращены в образцовые хозяйства, «работающие под контролем бедняков для общественной пользы»⁴⁹. 7-й тезис призывал к «созданию общенационального банка под контролем Совета рабочих депутатов», а 8-й — к установлению контроля Советов рабочих депутатов «над общественным производством и распределением продуктов», хотя это не имело в виду «введение социализма как нашей непосредственной задачи»⁵⁰. Более тщательная разработка аграрных тезисов по сравнению с теми, которые касались банков, промышленности или торговли, ясно показывала, на что делался упор в ленинских идеях. Ленин был реалистом и впервые о русской революции мыс-

лил конкретно, о революции в преимущественно крестьянской стране. Перед тем как уехать из Швейцарии, он писал, что Временное правительство не могло дать народу хлеба (в лучшем случае оно могло дать народу, как в Германии, лишь «гениально организованный голод»), потому что хлеб можно было получить «только с помощью мер, несовместимых со святостью капитала и земельной собственности»⁵¹. Здесь, как и в развитом далее упоминании об образцовых хозяйствах в 6-м тезисе, Ленин коснулся нервного центра русской революции. Никакая буржуазно-демократическая революция даже с помощью наиболее радикального способа распределения земельной собственности не смогла бы накормить Россию: только социализму под силу провести необходимое наступление на земельную собственность как таковую. Было бы справедливым заметить, что, пока Троцкий вычислял необходимость непрерывного процесса перехода от буржуазной к социалистической революции по своим наблюдениям за петроградским пролетариатом в революции 1905 г., Ленин пришел к аналогичному заключению через изучение фундаментальной проблемы, ярко проявившейся в ходе разрушительного процесса войны, — как накормить народ России. Оба пути никогда полностью не совпадали, равно как не были аналогичны и послышки. Но в 1917 г. оба на практике привели к одной и той же политике.

ГЛАВА 16

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИИ

а) Сельское хозяйство

Та первенствующая роль, которую Ленин отвел в экономической части своих Апрельских тезисов аграрному вопросу, была оправдана всеми последующими событиями, хотя в то время Ленин — единственный среди большевиков — признавал его исключительную важность. Крестьянство в то время представляло еще неизвестную величину, и в апреле 1917 г. Ленин дал своим последователям чрезвычайно осторожную оценку перспектив на будущее.

«Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас еще о его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя.

... Не позволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени, сознательно на стороне капиталистов»¹.

В политическом отношении Ленин был прав, полагая, что партия социал-революционеров с буржуазией не порвет; и крестьянство все еще льнуло к эсерам как к своим традиционным защитникам. Отвоевать его, заставив изменить этой верности, было условием успеха в достижении большевиками руководства в революции. Следовательно, помимо борьбы Советов против Временного правительства — которую искренне и последовательно вели большевики и с колебаниями без всякого энтузиазма поддерживали действовавшие на два фронта эсеры, — большевики участвовали и еще в одной борьбе, против эсеров за поддержку крестьянства. Эта проблема играла свою роль во всех политических расчетах и маневрах периода между Февральской и Октябрьской революциями.

Ход аграрной революции в России послужил иллюстрацией ленинского принципа, что путь к социализму «покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело». Надежды и возбуждение, порожденные Февральской революцией, породили новые всплески крестьянских волнений во многих частях России. Трудно отыскать точные сведения, которые давали бы возможность судить о природе и масштабах происходившего. В конце апреля 1917 г. Ленин отметил, что «крестьяне уже захватывают землю безвозмездно или платят четверть аренды» и что в Пензенской гу-

бернии «крестьяне берут помещичий инвентарь». Тот факт, что подобные случаи действительно получили широкое распространение², подтверждают непрерывные призывы к крестьянам со стороны Временного правительства и его сторонников подождать решений Учредительного собрания. Ответом Временного правительства на эти беспорядки был указ о создании иерархии комитетов по разработке путей осуществления аграрной реформы, которая могла быть проведена в законодательном порядке только на заседании Учредительного собрания; в числе созданных были все-народно избиравшиеся волостные земельные комитеты, уездные, губернские и, наконец, в центре этой иерархии — Главный земельный комитет. Таким образом, вся эта структура была аналогична структуре Советов, однако крестьянские Советы находились еще в зачаточном состоянии и существовали совершенно вне сферы деятельности правительственных органов. Автором этого указа был министр сельского хозяйства Временного правительства, который принадлежал к партии кадетов и в принципе поддерживал национализацию земли при выплате компенсации ее владельцам. Позднее земельные комитеты были захвачены эсерами и превратились в важный инструмент их политики.

Тем временем собравшаяся в конце месяца Апрельская конференция большевистской партии приняла по аграрному вопросу резолюцию, которая воплотила политику, намеченную в Апрельских тезисах. В ней выдвигалось требование конфискации всех помещичьих, церковных и государственных земель, немедленной передачи всех земель «в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные... органы местного самоуправления», а также национализации всей земли как собственности государства, которое должно будет передать право ее распределения в руки местных демократических органов. В докладе на конференции Ленин настаивал, чтобы пункт, предусматривавший передачу земли организованному крестьянству, предшествовал пункту, где говорилось о ее национализации, мотивируя это тем, что «для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом»³. Это было ключом к появлению в этой резолюции единственного нового пункта. В противоположность сторонникам Временного правительства, призывавшим крестьян вступать в «добровольное соглашение с помещиками» и пугавшим их карами за «самоуправство», большевистская резолюция советовала крестьянам «брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства». Большевики, таким образом, оказались единственной партией, благословившей крестьянскую революцию на осуществление насильственной экспроприации помещиков. Это был первый шаг в длительной и терпеливой кампании с целью добиться поддержки крестьянства. Положение, что крупномасштабное сельское хозяйство представляет собой существенную составную часть социализма, было признано

в Апрельских тезисах в форме предложения превратить большие помещичьи имения в «крупные образцовые хозяйства, которые бы велись на общественный счет». Выступая вскоре после этого в «Правде», Ленин снова представил обоснованную формулировку большевистской позиции по этому вопросу.

«Мы не можем скрывать ни от крестьянства, ни тем более от пролетариев и полупролетариев деревни, что мелкое хозяйство, при сохранении товарного хозяйства и капитализма, *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс, — что надо *думать* о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и *браться за него тотчас*, уча массы и *учась у масс* практически целесообразным мерам такого перехода»⁴.

Однако до тех пор, пока крестьянская революция все еще оставалась делом будущего, это представлялось чем-то вроде отдаленного идеала, а в бурной атмосфере, когда важнее всего было определение революционной тактики, подобное предложение, не имевшее непосредственного отношения к делу и к тому же не обладавшее никакой притягательностью для крестьянина, легко отходило на второй план. В заключительном положении резолюции «пролетариям и полупролетариям деревни» рекомендовалось добиваться «образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое велось бы на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств»⁵.

Апрельский кризис Временного правительства совпал по времени с большевистской партийной конференцией. Он завершился отставкой Милюкова и образованием коалиционного правительства, в котором приняли участие все, за исключением большевиков, социалистические партии, а лидер эсеров Чернов стал министром сельского хозяйства. В результате этой перемены на эсеров свалилась вся ответственность за аграрную политику правительства, включая и решение ничего не предпринимать до созыва Учредительного собрания, и это дало шанс большевикам. Широкое распространение беспорядков по всем сельским местностям отчетливо показывало то, что стало теперь совершенно явным и легко распознаваемым различием между аграрной политикой большевиков и коалиционных партий. Когда в мае 1917 г. в Петрограде собрался Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Ленин опубликовал в «Правде» открытое письмо к его делегатам, где свел все противоречия по аграрному вопросу к одной-единственной проблеме: «Следует ли крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, или не следует?»⁶ И когда, десять дней спустя, Ленин сам обратился к съезду как главный большевистский делегат, вопрос о немедленном захвате земли крестьянами прочно занял центральное место в большевистском проекте резолюции и добрую половину выступления Лени-

на. Он защищал партию против обвинения в том, будто она сеет анархию.

«Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти, а мы говорим, что она безусловно необходима и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть! Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большинства рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Далее Ленин объявил себя защитником «сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян», чьи нужды нельзя удовлетворить за счет простой передачи земли «народу». Прежде всего, было необходимо, чтобы беднейшие крестьяне объединились, образовав «отдельную фракцию или отдельную группу» во всех крестьянских организациях. Во-вторых, каждое крупное помещичье имение — Ленин подсчитал, что их число составляет 30 тыс., — должно быть превращено в образцовое хозяйство «для общей обработки их совместно с сельско-хозяйственными рабочими и учеными агрономами». Ленин вновь подтвердил «социалистическое учение», что «без общей обработки земли сельско-хозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма». И вопрос этот отнюдь не доктринерский.

«...Крайняя нужда для всего русского народа стучится в дверь. Эта крайняя нужда заключается в том, что по-старому хозяйничать нельзя. Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель.

...Хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле» — это не выход из ужасного кризиса... Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах»⁷.

На этом съезде, где полностью доминировали эсеры, большевики составляли незначительное меньшинство. Однако этот случай знаменовал одну из стадий в процессе вбивания клина между массами крестьянства и их эсеровскими заступниками. Эсеры не сдавали позиций и на своем III партийном съезде, прошедшем тотчас же вслед за крестьянским съездом, вновь подтвердили свое осуждение попыток захватить землю или предвосхитить решения Учредительного собрания.

Серия съездов, проходивших один вслед за другим в Петрограде летом 1917 г., вынудила связанных своим участием во Временном правительстве эсеров все более и более явно обнаруживать свои истинные позиции. На собравшемся в середине июня I Всероссийском съезде Советов эсеры составляли большинство, и принятая им резолюция по аграрному вопросу отражала в общих чертах программу этой партии. Земля должна быть «изъята из товарного обращения», что означало, что ее нельзя будет боль-

ше ни покупать, ни продавать. Право распоряжаться ею должно принадлежать «всему народу» и осуществляться через «демократические органы своего самоуправления». Право пользователей земли, «как индивидуальных, так и коллективных», должно быть гарантировано «специальными юридическими нормами на началах общегражданского равенства»⁸. К тому времени, конкурируя с крестьянскими Советами⁹, была успешно построена целая пирамида земельных комитетов; она-то и стала главной опорой структуры, которую планировали осуществить эсеры. Для обеспечения «скорейшей и окончательной ликвидации всех пережитков крепостного строя, сохранившихся в деревне, полного уничтожения всех кабальных отношений», а также для осуществления общего надзора за проведением аграрной политики предполагалось создать выборные волостные комитеты, подчиняющиеся через промежуточные органы находящемуся в Петрограде Главному земельному комитету¹⁰. Предложение о национализации и уравнительном распределении земли — напоминавшее о проповедовавшемся старыми народниками призыве к «черному переделу» — было хорошо рассчитанным шагом, направленным на умиротворение крестьянской общественности. Однако общий результат оказался негативным из-за настойчивого осуждения эсерами как членами Временного правительства захвата земли крестьянами до созыва Учредительного собрания. Ленин быстро осознал как общую популярность эсеровской программы, так и содержащуюся в ней одну роковую ошибку.

Следующий этап был достигнут в августе 1917 г. К этому времени быстро созревала революция. Начиная с июльских дней Ленин и другие ведущие большевики либо скрывались, либо были арестованы. В городах и деревнях быстро нарастали беспорядки¹¹, весь правительственный аппарат трещал под напором нового кризиса. В середине августа журнал находившегося под контролем эсеров Всероссийского крестьянского съезда опубликовал то, что получило название «Примерный наказ» (составленный на основании 242 наказов, доставленных депутатами I съезда). Суть этих предложений была хорошо знакома. Они включали экспроприацию помещичьих имений, запрет на применение наемного труда, запрещение купли и продажи земли, «уравнительное распределение земли... смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме»¹² и периодическое перераспределение, которое должно осуществляться органами местного самоуправления. Ленин, который теперь был уверен, что момент захвата власти близок и что, как только это произойдет, сразу же начнется переход революции к своей социалистической стадии, принял решение взять новую тактическую линию. Он заявил, что «Примерный наказ» сам по себе приемлем в качестве программы: «самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства» состоят в том теоретическом положении, будто эту программу можно осуществить без свержения капиталистического режима. До сих пор Ленин

рассматривал национализацию земли как часть программы буржуазной революции. Теперь он утверждал, что поскольку значительная часть земель заложена в банках, то о конфискации можно всерьез думать лишь тогда, когда «революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов». 242 наказа могут быть воплощены в жизнь только тогда, когда под руководством пролетариата и в союзе с крестьянством будет объявлена беспощадная война против капитализма.

«Тогда, — утверждал в заключение Ленин, — наступит конец государству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся»¹³.

Таким образом, Ленин позаимствовал целиком аграрную программу, объявленную эсерами, сделав одну существенную оговорку, что все это может быть осуществлено только как часть революции против буржуазного капитализма, пролетарской революции, которая вот-вот должна была начаться.

Ленинская статья о «Примерном наказе» — написанная им в своем убежище в Финляндии и опубликованная в полулегальном партийном журнале «Рабочий», заменившем временно прекратившую издаваться «Правду», — не привлекла широкого внимания и была забыта в вихре революции. То, что Ленин сделал сразу же после того, как произошла революция, оказалось сюрпризом не только для его противников, но и для многих его сторонников. Двумя самыми жгучими проблемами, которые должны были определить отношение к революции значительной массы населения, а именно крестьян, были вопросы о войне и о земле. Решающее значение имели два декрета, представленные на рассмотрение и единодушно одобренные проходившим 26 октября — 8 ноября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, — так называемые Декрет о мире и Декрет о земле. Декрет о земле был краток. Он провозглашал уничтожение всякой частной собственности на землю; все помещичьи, государственные, церковные и удельные земли передавались «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания». В том, что касается конкретного осуществления этих мероприятий, был целиком и без изменений принят выдвинутый эсерами в августе «Примерный наказ». Ленин охарактеризовал его в своей речи как «выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России». Мелкие землевладения трудящихся крестьян и казаков конфискации не подлежали¹⁴. Это был один из самых хитроумных политических шагов Ленина — рассматривать ли его как средство завоевания популярности среди крестьянства или как прелюдию к более координированным действиям, направленным на то, чтобы расколоть и ослабить эсеров как основную политическую силу в российской деревне.

Теоретически Ленин оправдывал этот шаг, основываясь на двух различных причинах. Вначале он отстаивал его как теоретическую необходимость, подчинение воле большинства, даже при отсутствии согласия с его правотой, в надежде, что опыт научит мудрости. Это соответствовало той точке зрения, что революция находилась еще на своей демократической стадии и пока не созрела для перехода к полной социалистической программе. Когда этот декрет был представлен на рассмотрение съезда и раздавались протестующие голоса, что он создан эсерами¹⁵, Ленин ответил:

«Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос»¹⁶.

А три недели спустя, когда произошел раскол эсеров и была создана коалиция с левой группой, Ленин заявил, что при голосовании «таких вопросов, которые касаются чисто-эсеровских пунктов земельной программы, утвержденной II Всероссийским съездом Советов, большевикам следовало бы воздержаться»; и в качестве примера такого рода особых «эсеровских пунктов» Ленин привел пункт об «уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяйствами»¹⁷. Одновременно с этим Ленин вновь возродил к жизни довод — впервые выдвинутый им в августе того же года, когда он приветствовал «Примерный наказ», — что эта эсеровская программа сама по себе верна, но только в рамках социалистической революции. Таким образом, теперь Ленин предлагал Всероссийскому съезду крестьянских депутатов признать, что «осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 7 ноября (25 октября) рабочей социалистической революции», и провозгласить, что он «всецело поддерживает революцию 7 ноября (25 октября) и поддерживает ее именно как революцию социалистическую»¹⁸. В течение всего этого времени вопрос о необходимости развития крупномасштабных земледельческих хозяйств, на которой столь решительно настаивал Ленин шесть месяцев назад, был незаметно отведен на второй план.

Практические результаты всех этих теоретических дискуссий, возможно, были не так уж велики. Уже в сентябре 1917 г. Ленин отметил, что «всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание»¹⁹. Октябрьская революция сломала последние запруды, которые еще сдерживали этот поток. Теперь уже с призывом свергнуть ярмо выступила не просто одна из революционных партий, а самозванное правительство. «Совет народных комиссаров, — гласило одно из самых первых заявлений, — призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки»²⁰. Однако победа революции быстро породила противоречие между продолжением

революционного процесса до тех пор, пока не будет окончательно завершено разрушение старого порядка, и тем организационным процессом, который был необходим для установления и укрепления нового порядка. В течение шести месяцев, последовавших сразу же за свершением Октябрьской революции, борьба, вытекавшая из этого противоречия, прошла две следовавшие одна за другой, хоть и связанные между собой, фазы. На первой — вопрос сводился к тому, будет ли процесс захвата крестьянами помещичьих имений и дальше развиваться в соответствии с моделью начавшегося еще до революции крестьянского бунта или он будет проводиться упорядоченно и организованно, как то предписывали новые революционные власти²¹. Для второй фазы было характерно возрождение основного конфликта между индивидуалистическими течениями эсеровской политики и коллективистскими тенденциями большевиков. Этот конфликт, который принимал различные формы, был на время приостановлен принятием большевиками эсеровской программы в Декрете о земле и последующей коалицией с левыми эсерами, однако он быстро возродился, как только возникла необходимость решать конкретные вопросы аграрной политики, и достиг критической точки, когда левоэсеровские члены правительства подали в отставку после Брест-Литовска.

Форма противоречия между насильственным или упорядоченным захватом земли крестьянами определялась отчасти случайностью, связанной со спецификой местных условий, а отчасти же — той быстротой, с которой в общем и целом устанавливалась в данном районе Советская власть. Там, где ход событий различался не только от губернии к губернии, но и от деревни к деревне, сведения весьма фрагментарны и порой носят противоречивый характер. Похоже, что наиболее высокий уровень порядка и организованности при захвате земли превалировал там, где сельское хозяйство было более развитым в техническом отношении; это было характерно для районов, где культивировали сахарную свеклу, — как, например, для некоторых областей Западной Украины и Подолья — или было налажено широкомасштабное производство зерна на экспорт. Здесь сельское хозяйство уже велось на капиталистической основе и было большое количество безземельных сельскохозяйственных рабочих, которые быстро смогли обеспечить организованное руководство²². В общем и целом процесс захвата земли проходил наиболее упорядоченно в тех расположенных вблизи центра губерниях, где быстрее всего была установлена Советская власть и где наиболее широко ощущалось влияние центральных властей. В отдаленных районах вся зима 1917/18 г. прошла в условиях анархии и беспорядков, и процесс захвата имений крестьянами сопровождался, как правило, насилием и разрушениями²³. Это различие приобрело особенно большое значение во время гражданской войны, когда советские вооруженные силы действовали главным образом в тех районах, где аграрная рево-

люция была завершена довольно быстро, и определенные мероприятия, направленные на упорядочение управления, обрели уже более или менее солидные традиции, в то время как области, где преобладали наиболее анархические настроения и аграрная борьба велась в наиболее яростных и ожесточенных формах, лежали за пределами «белой» линии. Однако протекал ли этот процесс захвата упорядоченно или сопровождался насилием — почти целиком зависело от людей на местах; влияние центральных властей здесь если и сказывалось, то весьма незначительно. «Дело ликвидации помещичьего строя осуществляли крестьянские массы, органы на местах, — вспоминал впоследствии первый народный комиссар земледелия, — и они являлись там настоящим аппаратом Народного Комиссариата Земледелия»²⁴.

Вторая фаза, которая частично совпадала по времени с первой, была связана с разделом земли после того, как уже прошел процесс национализации или захвата, и сопровождалась резким обострением противоречий между большевиками и их эсеровскими союзниками. Большевики и эсеры находились в искреннем согласии между собой в том, что касалось экспроприации без выплаты компенсации бывшим землевладельцам. До тех пор пока именно этот вопрос оставался главным, интересы всех крестьян совпадали. Но как только это оказалось достигнутым, у различных категорий крестьянства появились свои цели и амбиции. И здесь-то в общем и целом эсеры взяли сторону относительно зажиточных и благополучных крестьян, которые индивидуально или объединившись в коммуны возделывали свои собственные земли, а большевики выступили защитниками интересов бедных крестьян, либо вообще безземельных, либо имевших такие мизерные наделы, которые не могли их прокормить, если они не нанимались на работу к другим. Это различие уже до некоторой степени проявилось в столкновении между эсерами и большевиками по вопросу об организованной или «стихийной» передаче земли крестьянам. Бедные и безземельные крестьяне чаще принимали участие в сопровождавшихся насилием революционных захватах помещичьих имений, чем более процветающие крестьяне, опасавшиеся, что в случае распространения стихийных взрывов крестьянских волнений могут пострадать и их собственные небольшие владения. В этом смысле эсеры — и особенно правые эсеры — были менее революционной партией, чем большевики, и были аналогичны меньшевикам, представлявшим квалифицированные группы городских рабочих. История аграрной политики в период между октябрём 1917 г. и июнем 1918 г. выразилась, во-первых, в расколе между правыми и левыми эсерами, последние из которых отстаивали интересы более угнетенных слоев крестьянства, чем первые, а затем и в расколе между левыми эсерами и большевиками — единственными, кто был готов довести до завершения радикальную политику поддержки бедняков против кулаков.

Займствование большевиками основных частей эсеровской аг-

парной программы было облегчено тем фактом, что программа эта содержала несколько пунктов, которые были предметом различных интерпретаций даже среди самих эсеров. Когда включенный в большевистский Декрет о земле от 26 октября/8 ноября 1917 г. эсеровский «Примерный наказ» определил смысл принципа уравнительного использования земли, сведя его к уравнительному распределению земли среди тех, кто на ней работает, «по трудовой или потребительной норме», он обошел наиболее явное из этих разногласий. Однако при этом оставался открытым вопрос, будет ли такое равенство рассчитываться на основании количества тех, кто действительно работает, — и если так, то будут ли сюда включаться как полноправные работники женщины и подростки — или на основе числа едоков, включая сюда детей, стариков и немощных?

В основе первой из альтернатив лежала концепция, что каждый имеет право на такое количество земли, которое он в состоянии действительно обрабатывать, вторая же основывалась на предположении, что каждый вправе иметь столько земли, сколько необходимо, чтобы прокормить себя и свою семью. Каждая из этих концепций была сама по себе вполне обоснованна, и каждая была прочно укоренена в революционной традиции, однако между собою они отнюдь не совпадали; более того, не было никакой гарантии, что повсюду окажется достаточно земли, чтобы удовлетворить хотя бы одно из этих идеальных требований. Этот вопрос так никогда и не превращался в официальный предмет разногласий между эсерами и большевиками, поскольку не существовало однозначного и признаваемого обеими сторонами ответа на вопрос, какой категории крестьян должно было бы оказываться предпочтение при различных вариантах решения этой проблемы. Однако поскольку этот вопрос должен был решаться в зависимости от местных условий, то все это оказалось в зависимости от характера и склонностей местных властей, которым предстояло принимать решение.

Второе расхождение в интерпретации касалось толкования положения «Примерного наказа», что земельные участки с *«высоко-культурными»* хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под., — а также конские заводы и племенные скотоводства должны быть переданы в *«исключительное пользование государства или общин»*, в зависимости от размера и значения их». И здесь большевики — которые в принципе выступали за широкомасштабное земледелие и централизованный контроль — должны были скорее всего в долгосрочной перспективе занять позицию, отличную от эсеровской, как по вопросу о том, что именно должно включаться в категорию *«высоко-культурных хозяйств»* — должны ли они, в частности, включать все земли, отведенные под такие *«промышленные»* культуры, как сахарная свекла, лен и хлопок, — так и относительно того, какого рода власти должны на практике заниматься их управлением.

Третье, и наиболее существенное, расхождение касалось того, какие именно земли должны были подлежать распределению. Вообще-то в «Примерном наказе» вроде бы ясно давалось понять, что крестьянские наделы наряду с помещичьими имениями должны были объединяться в общий фонд, подлежащий последующему «уравнительному» распределению — исключение составлял лишь, как там заявлялось, «инвентарь малоземельных крестьян». Однако, когда этот вопрос начал обретать конкретное содержание, правые эсеры, представлявшие интересы зажиточных крестьян, начали отступать с этих позиций, заявляя, что земля, которая уже находится в индивидуальном или коллективном крестьянском владении, должна оставаться в неприкосновенности и что принцип уравнительности применим лишь постольку, поскольку это касается распределения между бедными или безземельными крестьянами конфискованных помещичьих имений²⁵. Здесь интересы различных категорий крестьянства оказались абсолютно несовместимыми; и именно в результате удара об эту самую скалу и произошел основной раскол сначала между правыми и левыми эсерами, а потом и между левыми эсерами и большевиками. Тем временем — поскольку столь многие жизненно важные пункты оставались в этом декрете открытыми и подлежали конкретному толкованию на местах — преобладающее значение приобрел контроль волостных земельных комитетов, на которые было возложено исполнение декрета, а этот контроль в то время в подавляющем числе случаев оставался в руках эсеров. Взаимоотношения между земельными комитетами и Советами крестьянских депутатов, которые Ленин, обращаясь к делегации крестьян, подчеркнуто назвал «полномочными органами государственной власти на местах»²⁶, были окутаны конституционной дымкой, характерной для большинства законодательных актов и заявлений этого периода.

Ситуация была слишком щекотливой, чтобы большевики — чья независимая власть в деревне была еще незначительной — могли позволить себе порвать с эсерами; так что, когда Главный земельный комитет, который контролировался правыми эсерами, обнаружил 31 октября/13 ноября 1917 г. заявление, где содержался отказ признать юридическую силу Декрета о земле, никаких акций против него предпринято не было²⁷. Когда несколько дней спустя подал в отставку народный комиссар земледелия Милютин, то Ленин, уже нащупывавший пути к тому, чтобы добиться раскола между двумя крылами эсеров, предложил этот пост Колегаеву, который был главным оратором по аграрным делам от левых эсеров²⁸. Это предложение натолкнулось на резкий отказ. Однако не прошло и двух недель, как политика Ленина, направленная на раскол среди эсеров, достигла цели, была сформирована коалиция между большевиками и левыми эсерами, а Колегаев стал народным комиссаром земледелия. Левые эсеры в отличие от правых эсеров признали законным Декрет о земле, принятый 26 октября/

8 ноября 1917 г. Так что успехи были весьма значительны. Однако у Милютина в течение недолгого пребывания на этом посту не хватило времени для организации народного комиссариата земледелия (Наркомзема)²⁹, который, оказавшись под началом Колегаева, оставался как по составу служащих, так и общему стилю работы прямым преемником эсеровского министерства земледелия, каким оно было при Временном правительстве. Последовавшие далее Положение и Инструкция от 13/26 декабря 1917 г. в общем и целом подтверждали эсеровскую политику. Там вновь заявлялось, что земельные комитеты облечены полномочиями для «проведения в жизнь земельных законов, как уже изданных, так и имевших быть изданными впредь». Специально оговаривалось, что «земли специальной культуры и промышленного значения... а также опытные и показательные поля и участки, поля сельскохозяйственных и других учебных заведений» не подлежат раздроблению и передаются в ведение земельных комитетов; все же остальные земли должны быть распределены по «уравнительно-трудовому» принципу, конкретное содержание которого не уточнялось³⁰. Неделию спустя декретом Совнаркома был распущен совет Главного земельного комитета, который по-прежнему так и отказывался признать Декрет о земле³¹. Этот акт, отрезавший комитеты от их независимого представительства в центре, ознаменовал собой первый шаг, направленный на то, чтобы ограничить их престиж и полномочия и подчинить их местным Советам.

Следующий важный поворотный момент произошел в январе 1918 г. с роспуском Учредительного собрания и созывом III Всероссийского съезда Советов. Теперь уже Советская власть была установлена на всей северной и центральной части территории России и на Волге и быстро проникала в Сибирь. Повсюду экспроприация помещичьих имений либо была завершена, либо близилась к завершению. Однако поскольку до сих пор все признавали необходимость дождаться вердикта Учредительного собрания, то процесс перераспределения земель еще не начинался, и все зависело от воли уездных или волостных земельных комитетов или же земельных отделов местных Советов. И здесь ситуация была для большевиков далеко не утешительной. Коалицию между левыми эсерами и большевиками даже в центре никоим образом нельзя было считать вполне искренней. Когда III Всероссийский съезд Советов собрался, чтобы утвердить роспуск Учредительного собрания, то бывший Всероссийский съезд крестьянских депутатов — хотя он теперь официально и слился с более широким сообществом — попытался тем не менее сохранить некое теневое независимое существование под видом «крестьянской секции» Всероссийского съезда Советов. Еще более бездеятельной оказалась эта коалиция в деревне; в земельных комитетах по-прежнему доминировали эсеры, которые проявляли более или менее открытую враждебность по отношению к большевикам. Одновременно с III Все-

российским съездом Советов в Петрограде собрался съезд делегатов земельных комитетов. Хотя три четверти делегатов по свидетельствам считались левыми эсерами, они заняли враждебную позицию по отношению к Всероссийскому съезду Советов, соглашаясь поначалу иметь дело только с его «крестьянской секцией». В результате лихорадочной деятельности Колегаева в качестве посредника к делегатам обратился с речью Ленин³². В конце концов удалось обеспечить одобрение съездом проекта закона «О социализации земли», который был призван урегулировать спорный вопрос о распределении земли и второпях представлен на состоявшееся 18/31 января 1918 г. последнее заседание Всероссийского съезда Советов. То обстоятельство, что проект был представлен на съезд в последний момент, предотвратило возникновение дискуссий. Он был одобрен в принципе и передан во ВЦИК для более детальной проработки³³. Этот же съезд уже заложил ранее в Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа два основных принципа большевистской аграрной политики: «частная собственность на землю отменяется» и «образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием».

Окончательный текст закона «О социализации земли» был — с помощью преднамеренно рассчитанного совпадения — обнародован 19 февраля 1918 г. — в 57-ю годовщину принятого Александром II постановления об освобождении крепостных крестьян³⁴, что до некоторой степени знаменовало совпадение между собой позиций большевиков и эсеров. Статья 9 гласила, что распределением сельскохозяйственных земель ведают «сельские, волостные, уездные, губернские, областные главные и федеральные земельные отделы Советов», которые должны были либо заменить собой старые земельные комитеты, либо превратить их в отделы Советов. Поскольку правые эсеры продолжали играть доминирующую роль в земельных комитетах, то эта мера была приемлема как для левых эсеров, так и для большевиков, однако вследствие того, что последние осуществляли контроль над советским административным аппаратом в целом, то в конечном счете пожинали плоды от нее именно они. Возможно, в долгосрочной перспективе это положение нового закона оказалось для большевиков наиболее выгодным. Однако Ленин мог с гордостью указать и на статью 11, которая определяла цели социалистической аграрной программы в следующих выражениях:

«а) Создание условий, благоприятствующих росту производительных сил страны, в смысле увеличения плодородия земли, поднятия сельскохозяйственной техники и, наконец, поднятия уровня сельскохозяйственных знаний в трудовых массах земледельческого населения.

б) Создание запасного фонда земель сельскохозяйственного значения.

в) Развитие сельскохозяйственных промыслов, как-то: садо-

водства, пчеловодства, огородничества, скотоводства, молочного хозяйства и проч.

г) Ускорение перехода от малопроизводительных к более производительным системам полеводства в различных поясах, путем равномерного расселения трудящихся земледельцев.

д) Развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству»³⁵.

Таким образом, бок о бок с эсеровским принципом «черного передела» в новом законе был ясно установлен и получил признание большевистский принцип коллективного ведения сельского хозяйства, который был сразу же зафиксирован в Декрете о земле, принятом 26 октября/8 ноября 1917 г.

Эти большевистские заявления были, однако, по своей природе скорее придатками к закону, чьей «душой», как назвал ее впоследствии в кавычках Ленин, был «лозунг уравнительного землепользования»³⁶. В действительности, сделав попытку применить этот лозунг на практике, закон, в сущности, продемонстрировал его химерический характер. Основные эсеровские принципы полностью признавались. «Право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом», — гласила статья 3. А статья 53 нарочито описывала применение наемного труда как «законом недозволенное». «Распределение земли между трудящимися, — говорилось в статье 12, — должно производиться на уравнительно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма... не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и, в то же время, давала бы возможность безбедного существования семье земледельца». Применение этой сентенции на практике означало, согласно статье 25, что «количество земли, отводимой отдельным хозяйствам... не должно превышать потребительно-трудовой нормы», и при этом прилагалась детальная инструкция, уточняющая, каким путем надлежит исчислять эту норму. Правильные размеры земельного надела для данного хозяйства определялись в результате сложного подсчета, который принимал во внимание как число живущих там «рабочих сил» — причем мужчина принимался за единицу, женщина — за 0,8, юноши в возрасте 16—18 лет — за 0,75, девушки — за 0,6, а дети в возрасте 12—16 лет — за 0,5 единицы, — так и «количество едоков». Там, где размеры наличных земель не позволяли реализовать эти нормы на практике, судя по всему, допускалось покрытие этого дефицита за счет «земель запасного фонда», создаваемых в результате конфискации помещичьих имений, а там, где это оказывалось невозможно, предусматривалась миграция семей в другие районы. Однако там не была решена — и даже не рассматривалась — ни одна из практических трудностей, возникающих в ходе осуществления этих мероприятий. Вопрос о выравнивании размеров крестьянских наделов, превышавших указанную норму, был обойден молчанием, хотя в другом разделе этого

закона и содержалось положение, что «излишек дохода, получаемый от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступает на общественные нужды в распоряжение органов Советской власти». Закон содержал несколько примечаний, оговаривающих приспособление его положений к конкретным местным условиям.

Закон «О социализации земли» был подвергнут впоследствии критике со стороны Ленина на том теоретическом основании, что, хотя лозунг уравнительного распределения и имел «прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте», он был неуместен применительно к революции социалистической и принимался большевиками только как необходимый шаг в революционном развитии и как некая мера, которой в тот момент желало большинство крестьянства.

«Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству, — писал Ленин, — изжить мелкобуржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим»³⁷.

Критики, которая могла бы иметь более непосредственное практическое значение, заслуживала чрезвычайная расплывчатость содержащихся в этом законе формулировок, оставлявшая почти каждый спорный пункт открытым для местных толкований и исключавшая какие бы то ни было перспективы достижения единообразия в применении заложенных им принципов. Хотя, с другой стороны, широкое разнообразие как экономических, так и социальных условий в различных районах бывшей царской империи превращало какое бы то ни было единообразие в аграрном законодательстве в предприятие весьма рискованное. Совершенно ясно, что в то время — и к тому же по столь животрепещущему вопросу, каким был вопрос об использовании земли, — никакая центральная власть, не располагавшая сильными средствами давления — а большевики ими не обладали, — не имели возможности навязать свои решения даже в тех сельских районах России, которые приняли Советскую власть. Как в действительности распределялась земля — зависело от коллективной воли заинтересованных групп крестьянства или от решения тех местных властей, которые они признавали. Те распоряжения, которые передавались из Москвы, воспринимались в той мере, в какой они представлялись разумными и соответствовали представлениям самих крестьян о том, что должна была бы принести им революция. Эти представления, как знал Ленин, были гораздо ближе к эсеровскому «уравнительному распределению», чем к тому коллективизму, который большевики считали не просто конечной целью, но и самой настоятельной потребностью развития российского сельского хозяйства.

В течение весны и начала лета 1918 г. перераспределение земель происходило в центральных, северо-западных и северо-восточных губерниях европейской части России и в районе Волжского бассейна — в общей сложности это касалось 28 губерний, в кото-

рых прочно установилась Советская власть³⁸. Однако реально протекавшие процессы имели весьма мало отношения к только что обнародованному закону и были столь же противоречивы, столь же разнообразны и столь же трудноуловимы, для того чтобы их проследить, как и проходивший минувшей зимой захват земель у помещиков.

«Социализация не была проведена в общегосударственном масштабе, — писал один из сотрудников Наркомзема. — ...Практически земля осваивалась местным населением; случаи переселения из малоземельных губерний в многоземельные были единичны. Уравнение внутри селений проводилось неукоснительно; межволостное уравнение норм проводилось уже реже, межуездное — еще реже, о межгубернском не приходится и говорить»³⁹.

Распределение по числу едоков было более распространено в малоземельных центральных и волжских губерниях, распределение в соответствии с трудовыми возможностями — в менее густонаселенных северных губерниях России и в сибирских степях. Система коммунальных наделов, подлежащих периодическому перераспределению, реформой не затрагивалась, и это понятно: ведь если предполагалось форсировать запреты на использование наемного труда и на аренду земли, то проведение периодического перераспределения земли, исходя из меняющегося семейного положения, было все равно явно необходимо. Нежелательное измельчение земельных наделов скорее усиливалось, чем преодолевалось; приводились экстремальные ситуации, когда крестьяне получали небольшие участки земли в 70—80 верстах от дома⁴⁰. Некоторые свидетельства говорили о том, что процесс распределения земли протекал спокойно и без осложнений благодаря опыту, приобретенному самими крестьянами в ходе периодического перераспределения наделов в крестьянских коммунах, другие же сведения утверждали, что между кулаками и бедными крестьянами происходили открытые столкновения⁴¹. Все эти столь различные картины соответствовали действительности; трудности как раз возникали тогда, когда предпринимались попытки установить какие бы то ни было пропорции происходящего или нарисовать его общий вид. Из суммарного количества конфискованной земли 86% было, как утверждалось, распределено среди крестьян, 11 — перешло к государству, в основном в форме советских земледельческих хозяйств и ферм, а 3% — сельскохозяйственным коллективам. Среднее прибавление к крестьянским наделам варьировалось от волости к волости в пределах от одной четверти до трех четвертей десятины⁴². Однако практическое осуществление принципа равенства отнюдь не удерживалось узкими рамками: оно тоже было неравномерным. Иногда вся земля в пределах села или волости объединялась в один общий фонд, подлежащий затем дальнейшему перераспределению, иногда распределялась только конфискованная помещичья земля. Иногда распределение проводилось, исходя из количества «едоков», иногда — на основе числа работников или их предпола-

гаемой способности выполнять работу; приводились случаи, когда земля распределялась только среди тех крестьян, у которых были семена. Большевики в общем и целом поддерживали распределение всей земли, исчисляемой по числу едоков; в обоих случаях предпочтение оказывалось в пользу бедных и безземельных. Эсеры же стремились ограничить распределение только помещичьими землями и распределять ее в соответствии с трудовыми возможностями — оба эти подхода благоприятствовали зажиточным крестьянам⁴³. Если исходить из общих соображений, а также из того факта, что в большинстве органов, занимавшихся перераспределением земли, влияние эсеров было преобладающим, то представляется вполне вероятным предположить, что в целом бедные крестьяне выиграли от всего этого меньше, чем их более процветающие соседи.

Ратификация Брест-Литовского договора привела к выходу в марте 1918 г. из состава Совнаркома его эсеровских членов, и Коллегаева сменил на посту народного комиссара земледелия большевик Середя. Этот шаг не повлек сразу же за собой ослабления доминирующего влияния левых эсеров в местных земельных комитетах, так что, возможно, на процессе перераспределения земли это и не отразилось. Левые эсеры сохранили за собой также и места в составе ВЦИК⁴⁴; и, хотя предпринятая после отставки Коллегаева решительная попытка сохранить за собой контроль за Наркомземом потерпела поражение⁴⁵, тем не менее изменения в составе работников в общем стиле деятельности Наркомзема — до сих пор укрупненного почти исключительно за счет служащих-эсеров — происходили весьма постепенно. Так, еще в мае 1918 г. у Свердлова были основания сетовать, что «в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу»⁴⁶. Более того, предписания центрального правительства все еще оказывали весьма слабое воздействие на реальную ситуацию в сельских районах. Это был период, когда местные Советы все еще интерпретировали лозунг «Вся власть Советам!» в смысле своего собственного абсолютного суверенитета — или, уж во всяком случае, полной свободы действий в решении вопроса о том, принимать к сведению или игнорировать инструкции центральных властей. Никаких попыток установить такого рода централизованную власть — пока политика центра контролировалась эсерами, будь то правыми или левыми, — судя по всему, не предпринималось; это была цена, которую приходилось платить за коалицию с левыми эсерами.

Обстоятельством, сделавшим теперь активное вмешательство из центра настоятельной необходимостью и возвестившим окончательное падение этой коалиции, стала та чрезвычайно острая ситуация, которую не могли со все возрастающей тревогой не осознавать большевики: это была нехватка продовольствия в столице. Удлинявшиеся хлебные очереди в Петрограде в первые недели

1917 г. оказались важнейшим фактором свершения Февральской революции; урожай 1917 г. отразил отсутствие мужчин, которые воевали на фронте, и был много ниже среднего уровня. А после Октябрьской революции из-под контроля центральных властей вышла богатейшая житница России — Украина. Официально нехватка продовольствия приписывалась действиям спекулянтов и богатых крестьян, изымавших с рынка свои запасы зерна. Это хотя и было отчасти правдой, но составляло всего лишь ее часть; однако это представляло собой ту единственную часть правды, которая позволяла еще поддерживать надежды на то, что удастся найти средство решения этой проблемы до следующего урожая, ждать которого оставалось еще целых шесть месяцев. В январе 1918 г. продовольственная ситуация вновь вызывала тревогу как в Петрограде, так и в Москве. На совещании, в котором принимали участие члены президиума Петроградского Совета и представители органов по снабжению продовольствием, Ленин призывал к «массовым обыскам» в Петрограде и на товарных станциях и к расстрелу на месте тех спекулянтов, которые будут обнаружены с хлебом⁴⁷. Народный комиссар продовольствия предложил одновременно послать в деревни отряды с целью насильственного изъятия зерна, принять меры, направленные на то, чтобы стимулировать обмен продуктами между городом и деревней⁴⁸. Обе эти меры были в течение последующих нескольких месяцев испробованы, и обе они потерпели провал. В разгар брест-литовского кризиса было нелегко организовать для посылки в деревню вооруженные отряды, а некоторые из тех, что удалось послать, встретили ожесточенное сопротивление. Столь же неэффективными оказались и мероприятия, которые должны были способствовать оживлению торговли и обмену товарами, что объяснялось отчасти отсутствием такого рода товаров, которые крестьяне действительно желали бы купить, а отчасти, как объяснял Ленин, еще и тем, что зажиточный мелкий буржуа обладал небольшим запасом денег, так что у него не было острой необходимости спешить с продажей⁴⁹. Деревня поднимала пассивное восстание против города. Уже появилась кардинальная проблема пролетарской революции в преимущественно крестьянской по своему экономическому укладу стране. Было бы трудно преувеличить ту картину административной беспомощности, которую представил на прошедшем летом 1918 г. V Всероссийском съезде Советов народный комиссар продовольствия.

«Мы не получили сведений о погрузке и отправках, об исполнении наших нарядов, — словом, во всем деле царил полный, ужасный хаос. . . При проходе грузов через станции являлись совершенно посторонние нам лица, которые считали себя вправе отцеплять вагоны, перегружать грузы и т. д. . . Наряду со всем этим мы сталкивались с жесточайшим сопротивлением населения, которое ни в коем случае не хотело отдавать хлеба. И из многих фактов, доходящих до нас, мы убедились, что та мера, на которую мы возла-

гали так много надежд, а именно — товарообмен, не могла оказаться особенно полезной. В нашей практике было много случаев, когда крестьяне, видя, что товара нет, заявляли: «без товара мы не отдадим», но когда привозили товар, хлеб мы все равно не получали, а товар они распределяли между собой»⁵⁰.

Однако ситуация стала безнадежной еще до этого. Попытка внушить крестьянам благоговейный ужас или убедить их, апеллируя к ним как к одной единой группе, существенных результатов не принесла; и, по всей видимости, в качестве последнего броска в этом направлении правительство вновь обратилось к тому средству, которое, кстати говоря, составляло важный элемент большевистской программы еще с тех пор, как Ленин написал в 1905 г. в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» о двух стадиях революции в деревне⁵¹. Теперь, весной 1918 г., намеченный там ход событий можно было бы осуществить на практике. Пролетариат, шагая в союзе с крестьянством как единым целым против феодальных помещиков, осуществил первую стадию революции. Теперь назрело время для осуществления второй стадии революции, когда пролетариату предстояло расколоть крестьянство на две части и шагать дальше с «полупролетарскими» бедными крестьянами против мелкобуржуазных кулаков. «И мы убеждены, — сказал Ленин на проходившем в Москве 14 февраля 1918 г. собрании крестьян, — что трудовое крестьянство объявит беспощадную войну своим угнетателям-кулакам и поможет нам в нашей борьбе за лучшее будущее народа и за социализм»⁵². Три недели спустя, на съезде партии, который принял решение о ратификации Брест-Литовского договора, он добавил более конкретно:

«Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму... Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм»⁵³.

В мае 1918 г. он вновь подчеркивал, что мелкобуржуазный элемент в деревне удастся удержать под контролем только в том случае, «если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда»⁵⁴. То, что в течение первых шести месяцев революции большевикам так и не удалось ни на один серьезный шаг приблизиться к осуществлению этой политики, является симптомом их слабости в сельских районах, — слабости, которая вынудила их вступить в политическую коалицию с левыми эсерами. Только нависшая угроза голода в городах могла заставить их всерьез обратить внимание и принять действенные меры, необходимые для установления их власти в деревне.

Новая большевистская политика в отношении деревни началась по-настоящему в мае 1918 г. 9 мая ВЦИК дал свое одобрение декрету «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Эта тема, объявленная в пространном заголовке декрета, была развита в риторической преамбуле:

«В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются попрежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому повышению хлебных цен. . .»

Конкретные положения этого декрета слишком впечатляющими не были. Он призывал «всех трудящихся и неимущих крестьян» к «беспощадной борьбе» против кулаков, угрожал суровыми наказаниями тем, кто укрывал запасы зерна или использовал их для самогонаварения, и представлял народному комиссариату продовольствия — Наркомпроду — полномочия отменять любые решения местных продовольственных властей или распускать и реорганизовывать подобные органы и «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов». В декрете не сквозило особой надежды, что желаемых целей удастся добиться какими бы то ни было иными средствами, кроме силы. «На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией»⁵⁵.

Будучи однажды принята, новая линия проводилась далее с неукоснительной твердостью. Несколько дней спустя Ленина в Москве посетил председатель Путиловского завода, обрисовавший ему положение, в котором оказались рабочие Петрограда. Ответом Ленина было обращение, где он призывает рабочих «спасти революцию» и принять участие в действиях «продовольственных отрядов, организуемых Комиссариатом Продовольствия»⁵⁶, а также письмо к петроградским рабочим «О голоде», где содержится наиболее полное выражение новой тактики. Он противопоставлял открытую оппозицию Советской власти со стороны правых партий, включая сюда и правых эсеров, «бесхарактерной» позиции левозэсеровской партии, которая «протестует» против продовольственной диктатуры, она «дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное». Письмо заканчивалось возвратом к первоочередным принципам.

«Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий *как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда*, пошел в «народ».

...Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше железных *отрядов* сознательно и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма»⁵⁷.

Народники, «пошедшие в народ» 50 лет назад, представляли собой движение радикально настроенной интеллигенции, стремившейся повести за собой крестьянство на восстание против феодальных помещиков. Пошедшие в народ большевики представляли движение социалистического пролетариата, намеренного повести за собой бедных крестьян на борьбу против буржуазного кулака, расчищая таким образом путь для победы социалистической революции. Двойная функция этих «железных отрядов», состоявших из рабочих, очевидно, явствовала из последнего декрета от 27 мая 1918 г., предоставлявшего Наркопроду монополию над распределением всех «предметов первой необходимости». Особые отряды, «формируемые по преимуществу в потребляющих районах», должны были базироваться при местных органах Наркомпрода, с тем чтобы содействовать изъятию продовольственных запасов. Однако наряду с этим их предписывалось использовать также и «в целях организационных, инструкторских и агитационных», и в качестве их главной задачи» провозглашалась «организация трудового крестьянства против кулаков»⁵⁸.

Когда были выпущены все эти декреты, со всех сторон уже сгушались тучи гражданской войны. Первые открытые вспышки произошли почти в тот же самый момент, когда Ленин написал свое письмо к петроградским рабочим. Гражданская война ускорила принятие во всей сфере экономической политики серии мероприятий, которые обрели впоследствии известность под названием «военный коммунизм». Однако эти перемены были в известной мере подготовлены и тем, что произошло еще раньше; и нигде это не было более явно заметно, чем в аграрной политике, где под угрозой голода уже начинали обретать очертания те формы организации, создание которых суждено было завершить чрезвычайной ситуацией, вызванной гражданской войной. Установление «военного коммунизма» в сельском хозяйстве было ознаменовано выпуском декрета от 11 июня 1918 г. об образовании знаменитых комитетов крестьянской бедноты, или комбедов, — они представляли собой «волостные и сельские Комитеты деревенской бедноты, организуемые местными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов при непрременном участии продовольственных органов и общим руководством Народного Комиссариата Продовольствия». Право выбирать или быть избранным в эти комитеты имело все сельское население, за исключением «заведомых кулаков и богатеев, хозя-

ев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т. п.»⁵⁹. Они были призваны служить инструментом для изъятия у «кулаков и богатеев» излишков зерна, для распределения зерна и предметов первой необходимости и, в более широком смысле, для проведения на местах сельскохозяйственной политики Советского правительства. Бедные крестьяне могли получать за свои услуги вознаграждение в виде зерна из изъятых количеств, которое отпускалось им бесплатно до 15 июля, со скидкой 50% твердой цены — до 15 августа и со скидкой 20% в течение всего времени после указанного срока, а также в виде сходных скидок при приобретении других предметов первой необходимости⁶⁰.

Все свидетельства подтверждают ту особую важность, которую приписывал Ленин этой мере. Это была мера, вызванная политической необходимостью. Столыпин, стараясь найти пути повышения производительности российского сельского хозяйства, тоже — а возможно, и прежде всего — стремился облечь свои реформы в такую форму, в которой они помогали бы ему добиться лояльного отношения к режиму со стороны определенной привилегированной части крестьянства. Сходный мотив лежал и за большевистским призывом к бедному крестьянину. Однако в то же самое время это была и мера, продиктованная социалистическим принципом. Буржуазная линия была достаточно ясна.

«Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемерут, так они ведь и всегда умирали с голоду. Но социалист так рассуждать не может. . .»⁶¹

Богатый крестьянин, который производил излишки зерна, был заинтересован в высокой и ничем не ограниченной цене на хлеб. Бедный же крестьянин, который не производил достаточно даже для своего собственного потребления и был вынужден наниматься на работу, был заинтересован в ценах низких и фиксированных. Эта мера представляла собой провозглашенный выбор между буржуазной и социалистической политикой. Наконец, Ленин чувствовал, что этот шаг был знаменательным прежде всего потому, что он означал окончательную и решающую стадию в переходе от буржуазной революции к социалистической. Этот переход был уже давно осуществлен рабочими в городах. Однако в деревне до тех пор, пока крестьянство оставалось единым, осуществляя экспроприацию помещичьих имений, эта революция не переросла еще своей буржуазно-демократической фазы. Лишь тогда, когда крестьянство раскололось и бедные крестьяне — в союзе с промышленными рабочими и под их руководством — перешли в наступление против мелкобуржуазных кулаков, можно было сказать, что социалистическая революция в деревне действительно началась. «...Наша деревня, — писал в то время Ленин, — только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «Октябрьскую» (т. е. пролетар-

скую) революцию»⁶². А несколько позже он описывал создание комитетов крестьянской бедноты как «поворотный пункт гигантского значения во всем ходе развития и строительства нашей революции» и как шаг, которым «мы перешли границу, отделяющую буржуазную революцию от социалистической»⁶³.

Таким образом, воздействие голода и гражданской войны толкнуло советский строй на путь чрезвычайных мер, который одновременно оказался также и путем социализма. Двойственный характер мероприятий, которые были осуществлены под натиском неотвратимой необходимости и в то же время оказались выражением коммунистических принципов, стал существенной чертой и той политики, которая стала впоследствии известна как «военный коммунизм». Это совпадение было отнюдь не случайным, а было воспринято большевиками как выражение марксистского тезиса, что принципы, которые провозглашаются коммунистами, представляют собой следствия, научно выводимые из объективной ситуации.

б) Промышленность

Большевистские мыслители не представляли себе, что промышленная политика поставит перед ними такие же трудности, как и аграрная политика. Вполне естественно, что руководимая пролетариатом социалистическая революция могла столкнуться с определенными трудностями при решении задачи выработать и осуществить на практике такую аграрную политику, которая, не противореча ее собственным принципам, не была бы в то же самое время антагонистичной по отношению к крестьянству. Однако в том, что касается промышленной политики, дело представлялось вполне однозначным: контроль над промышленностью должен был бы самым естественным образом перейти в руки рабочих, которые действовали бы от своего собственного имени и в своих же собственных интересах. Прошедшая в апреле 1917 г. партийная конференция мало что добавила по этому вопросу к однозначной программе, намеченной в Апрельских тезисах, где среди прочих «немедленных мер» выдвигалось и «установление государственного контроля за... крупнейшими синдикатами капиталистов»⁶⁴; и, отставив эту резолюцию, Ленин заявил, что, как только они будут захвачены и переданы под контроль Советов, «Россия одной ногой станет в социализм»⁶⁵. На практике дело оказалось не таким уж простым. В известном смысле большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они представляли

главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку.

Как и во всякой воюющей стране, в России война — после некоторого начального периода замешательства — дала временный стимул для развития промышленного производства. Но в России, с ее весьма скудным индустриальным оборудованием, изоляцией от основных источников снабжения, низкой производительностью труда и слабой промышленной и политической организацией, этот эффект оказался выраженным менее четко, а пик максимума наступил более быстро. Уже к 1916 г. под влиянием вызванной войной усталости, нехватки в снабжении основными продуктами питания и износа заводов и оборудования производство начало падать. Февральская революция еще более усилила воздействие всех этих неблагоприятных факторов. Хроническими стали нехватки во всем, и даже были случаи, когда из-за недостатка сырьевых материалов приходилось закрывать предприятия. Все эти обстоятельства послужили еще одним новым импульсом для обычного в военное время движения за национализацию и государственный контроль. Одним из первых актов Временного правительства было решение об организации представительного «совещания по развитию производительных сил России». В июне 1917 г. ему на смену были созданы Экономический совет и Главный экономический комитет для, как было определено в его функциях, «выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни»⁶⁶. Экономический совет представлял собой широкое совещательное собрание, а Главный экономический комитет являлся ядром небольшого планового департамента. Однако в период правления Временного правительства ни один из этих органов не обладал — да и не мог обладать — ни той властью, ни той инициативой, которые позволили бы положить конец кумулятивному процессу экономического упадка и разрухи.

Более важное, чем эти явно вялые подходы к организации планирования, диктуемой военным временем, значение имели те стимулы, которые дала Февральская революция развитию рабочего движения. На заводах начали быстро появляться рабочие комитеты, и декретом Временного правительства от 22 апреля 1917 г. они получили законодательное признание как органы, уполномоченные представлять рабочих во всех делах и переговорах с предпринимателями и с правительством⁶⁷. Первыми требованиями были восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы. Однако вскоре эти требования переросли в более или менее организованные попытки со стороны рабочих — сперва единичные, но постепенно становившиеся все более или более частыми — участвовать в управлении и самим вступить во владение предприятиями. Это, как дальновидно предвидел Троцкий в 1905 г., явилось неизбежной реакцией рабочих в революционной ситуации на отказ выполнить их требования и олицетворяло противодействие любым

попыткам ограничить революцию буржуазно-демократическими рамками. В некоторых случаях предприниматели подчинялись и приходили к соглашению с заводскими комитетами, однако чаще применяли меры воздействия, объявляя локауты и закрывая свои предприятия⁶⁸. Большевики делали все возможное, чтобы еще больше разжигать эти противоречия. Растущий прилив анархии на заводах служил их революционным целям. Не в их силах было сдержать этот поток, даже если бы они этого и хотели, однако они имели возможность частично контролировать и направлять эти процессы, пока готовились использовать их в своих целях. Именно **эта** ситуация и вовлекла их в то, чтобы признать и воспринять как свою собственную такую практику, которая по своей природе была скорее анархистской и синдикалистской, чем большевистской.

Чего не мог предвидеть никто, так это того, что захват заводов рабочими окажется в долгосрочной перспективе еще менее совместим с установлением социалистического строя, чем захват земли крестьянами. Эта трудность оказалась в течение некоторого времени замаскированной туманным и неоднозначным выражением «рабочий контроль». Когда в апреле 1917 г. Ленин утверждал, что синдикат сахарозаводчиков должен перейти «в руки государства, под контроль рабочих и крестьян»⁶⁹, он давал таким образом конкретный пример воплощения того принципа «советского» или «государственного» контроля, который был заложен в Апрельских тезисах и в резолюции Апрельской конференции. Вторая часть этого выражения была не более чем комментарием к первой; в ней говорилось, что «рабочие и крестьяне» являются теми, через кого и во имя кого будет действовать государство. Когда несколько недель спустя Ленин — под воздействием принятого Временным правительством решения создать комитет для установления «общественного контроля» над промышленными предприятиями — пришел к утверждению, что «в рабочих кругах растет сознание необходимости *пролетарского* контроля за фабриками и синдикатами» и что только пролетарский контроль и может оказаться эффективным⁷⁰, он не признавал — а возможно, и не вполне четко осознавал, — что говорил нечто новое или что эти требования, исходящие от «рабочих кругов», касаются чего-то отличного от того, что он уже отстаивал ранее. Несколькими днями позже, в середине мая 1917 г., идеи Ленина о «контроле» получили дальнейшую разработку. Советы или съезды банковских служащих должны выработать планы создания единого общегосударственного банка и установления «точнейшего контроля». Сходные меры контроля за существующими учреждениями должны выработать и Советы служащих синдикатов и трестов. Причем осуществление контроля должно быть передано не только всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но также и Советам рабочих каждого крупного предприятия и «представителям каждой крупной политической партии»⁷¹. Однако из этих явно весьма решительных рекомендаций вытекало два следствия. Прежде всего, упорная

настойчивость в этом контексте на предание публичной гласности отчетной документации свидетельствует о том, что Ленин имел в виду контроль, осуществляемый с помощью бухгалтерского надзора за принятием финансовых и коммерческих решений, а отнюдь не контроль за осуществлением технологических процессов, будь то в сфере производства или в сфере организации деятельности предприятия: эти проблемы на той стадии ему просто не приходили в голову⁷². Во-вторых, создается впечатление, что Ленин мыслил категориями «политической» деятельности Советов в качестве доверенных лиц и представителей как в центре, так и на местах государственной власти, а вовсе не той «прямой», непосредственной деятельности, которую Советы могли бы проводить как выразители профессиональных интересов рабочих на конкретном предприятии, в конкретной отрасли промышленности и сфере управления.

Различие между «политическими» и «прямыми» действиями имели значение как в теории, так и на практике. В теории оно служило водоразделом между коммунистами, верившими в возможность организации экономической власти через посредство централизованных политических органов, деятельность которых обеспечивается рабочими как единым целым, с одной стороны, и анархистами и синдикалистами, которые считали, что конечной формой всякого эффективного революционного действия и альтернативой централизованной политической власти, чреватой перерастанием в деспотизм, является прямая и стихийная экономическая инициатива рабочих, — с другой. На практике это различие определяло расхождение между большевистскими лидерами, которые планировали основное стратегическое направление революции, исходя из гипотезы дисциплинированной и упорядоченной организации рабочих, и самими рабочими на предприятиях, которые, будучи измучены угнетающей нуждой своей повседневной жизни и горя революционным энтузиазмом в надежде сорвать ярмо своих собственных капиталистических предпринимателей, предпочли несогласованные действия и, рассматривая происходившее как благоприятную возможность для исполнения своих чаяний, особенно не прислушивались к тем политическим призывам или аргументам, которые выдвигали местные партийные руководители. Поскольку все Советы представляли собой Советы рабочих или депутатов от рабочих, то граница между «политическими» действиями и «прямыми» действиями, которые предпринимали они сами или которые предпринимались от их имени, легко стиралась — ведь, как уже отмечалось, для Советов были характерны явно выраженные синдикалистские наклонности⁷³.

Ленин, с энтузиазмом выступая за Советы и за принцип административного контроля, осуществляемого самими рабочими, своими изречениями, произнесенными им в апреле и мае 1917 г., способствовал еще большему размыванию этой границы. Однако потенциальная противоположность и несовместимость между «государственным контролем» и «рабочим контролем» в промышленной

политике, которые соответствовали такой же противоположности между государственными сельскохозяйственными фермами и крестьянской собственностью на землю, были вполне реальными. Если «рабочий контроль» означал, что управление будет осуществляться центральным съездом Советов и его исполнительным комитетом, то тогда он был не более чем синонимом национализации и государственного контроля при «рабоче-крестьянском правительстве». Если же, с другой стороны, рабочий контроль означал контроль, осуществляемый рабочими комитетами или заводскими Советами, то тогда это было уже нечто совершенно иное, и это нечто могло весьма легко вступить в конфликт не только с государственным контролем, но и с любой политикой «планирования», осуществляемой с целью положить конец капиталистической анархии производства. В высказывании, сделанном позднее одним из руководителей большевистской экономической политики*, была большая доля справедливости.

«Но если спросить себя, как же представлялась до 25 октября нашей партии *система* рабочего контроля в целом, и на почве какого хозяйственного порядка ее думали построить, то мы нигде не найдем ясного ответа»⁷⁴.

Первое испытание пришло на прошедшем в Петрограде 30 мая 1917 г. совещании, в котором приняли участие более 400 представителей «фабрично-заводских комитетов» Петроградской области. Ленин подготовил к совещанию проект резолюции, которая получила одобрение Центрального Комитета партии, а также состоявшего преимущественно из большевиков организационного бюро этого совещания. Резолюция, в которой были сформулированы наиболее важные большевистские заявления по организации промышленности, сделанные до революции, была основана на тезисе о «рабочем контроле» — этот ставший впоследствии популярным лозунг использовался здесь, в партийных документах, явно впервые. Упомянув о «полном расстройстве всей экономической жизни в России» и о приближении к «катастрофе неслыханных размеров», резолюция далее гласила:

«Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо, во-1-х, чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими не менее трех четвертей всех голосов при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала; во-2-х, чтобы фабричные и заводские комитеты, центральные и местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а равно профессиональные союзы, получили право участвовать в контроле с открытием для них всех торговых и банковых книг и обязательством сообщать им все данные; в-3-х, чтобы представители всех

* Речь идет о Н. Осинском. — *Прим. ред.*

крупных демократических и социалистических партий получили такое же право.

Рабочий контроль, признанный уже капиталистами в ряде случаев конфликта, должен быть немедленно развит, путем ряда тщательно обдуманных и постепенных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими».

Далее в резолюции говорилось о необходимости «общегосударственной организации» с целью «организации в широком, областном, а затем и общегосударственном масштабе обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и т. п. продуктов на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты», а также о необходимости организовать «всеобщую трудовую повинность» и ввести «рабочую милицию». На совещании эта резолюция была представлена Зиновьевым. Она получила после первого прочтения 290 голосов, а затем — после того, как комиссия по выработке проекта резолюции внесла в нее несколько незначительных поправок, — была принята, как заявлялось, большинством в 297 голосов при 21 против и 44 воздержавшихся. Это совещание явилось первым репрезентативным органом, в котором было достигнуто впечатляющее большевистское большинство, и именно в этом и состояло его основное значение⁷⁵.

Структура и тактика этой резолюции являлись блестящим примером политической гениальности Ленина. Он с распростертыми объятиями приветствовал стихийное революционное движение за рабочий контроль; он, казалось, стимулировал его дальнейшее развитие, распространяя его на возможно более широкий круг рабочих организаций — фабричных комитетов, местных и центральных Советов, профессиональных союзов и «демократических и социалистических партий», все они были упомянуты в резолюции; таким образом, он косвенно высветил и показал анархические последствия рабочего контроля в том его виде, в каком его обычно понимали и практиковали, и указал путь к «тщательно обдуманным и постепенным» мерам, которые окажутся необходимы для «полного регулирования производства и распределения продуктов рабочими». Для Ленина эта резолюция представляла собой не только тактический маневр, но и воспитательный процесс. На совещании он не без удовлетворения произнес одну из дополнительных своих речей, где заметил, что для того, «чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть *рабочим контролем*», однако при этом пояснил, что подразумевает под этим, «чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями»⁷⁶. Чтобы эта мораль была еще лучше усвоена, он подчеркнул в своей статье в «Правде» в более явном и более четком виде, чем ему удалось это сделать на совещании: необходимо, «чтобы организация (контроля и руководства), будучи организацией

„в общегосударственном масштабе”, направлялась Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁷⁷. Отнюдь не все из тех, кто проголосовал за эту резолюцию, согласились бы с подобной интерпретацией.

Месяц спустя появился новый фактор в форме Всероссийского съезда профессиональных союзов. Российские профессиональные союзы впервые выступили как активная сила во время революции 1905 г. и после десятилетия фактического угасания были вновь возрождены к жизни Февральской революцией⁷⁸. На съезде, прошедшем в июне 1917 г., подавляющее большинство составляли эсеры и меньшевики, что представляло собой еще одну иллюстрацию того факта, что организованная рабочая элита имела тенденцию быть менее радикальной и революционной, чем обычные рядовые члены, и отнюдь не выказывала никакой склонности связываться с «экономической анархией» заводских комитетов. Отдавая на словах дань принципам таких комитетов, съезд выразил желание превратить их в органы проведения определяемой в централизованном порядке профсоюзной политики, что эти комитеты должны избираться под надзором профсоюзов и по спискам, которые составляют профсоюзами.

Наиболее важным достижением съезда стало создание основ центральной профсоюзной организации. Он впервые избрал Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов, в состав которого пропорционально вошли члены всех представленных на съезде партий; от большевиков в него вошли Шляпников и Рязанов. Что еще более важно, он назначил своего секретаря в лице Лозовского — одного из «межрайонцев», который несколько недель спустя вступил в большевистскую партию⁷⁹. Лозовский представлял собой способного и амбициозного интеллигента, который в течение последующих нескольких лет играл весьма влиятельную роль в судьбах профсоюзного движения. Однако в тот момент профсоюзы имели наименьший вес среди всех групп и организаций, в том или ином качестве претендовавших на то, чтобы представлять рабочих. Основная часть их находилась под доминирующим влиянием меньшевиков и меньшевистских воззрений. Они не принимали никакого участия в подготовке Октябрьской революции, а некоторые из них в действительности просто ее осуждали. У избранного на июньском съезде Центрального Совета не было ни необходимых средств, ни организации, которые позволили бы им взять на себя роль лидера. Согласно мрачной картине, нарисованной впоследствии Лозовским, в его распоряжении находился всего один оргработник, которого можно было послать в губернии, и до Октябрьской революции совету удалось выпустить всего два номера своего ежемесячного журнала⁸⁰.

Фабричные комитеты же со своей стороны час от часу набирали силу. Петроградское совещание фабрично-заводских комитетов, прошедшее в мае 1917 г., было лишь первым из четырех такого рода совещаний, проведенных в период между маем и октябрём.

Причем за последним из них последовало более широкое и представительное собрание, которое заседало в течение целой недели накануне Октябрьской революции, провозгласило себя «Первым всероссийским совещанием фабрично-заводских комитетов» и постановило приступить к созданию централизованной организации, которая объединяла бы такие комитеты⁸¹. Подобные амбиции угрожали немедленным конфликтом с Центральным Советом профсоюзов, и спор между двумя конкурирующими организациями получил довольно широкую огласку. Большевики, которые представляли на совещании явное большинство, сами по этому вопросу единого мнения не имели, занимая промежуточные позиции между эсерами и анархистами, выступавшими за независимые фабрично-заводские комитеты, и меньшевиками, отстаивавшими необходимость упорядоченной профсоюзной организации. Эта неопределенность оставила свои следы и на принятой этим совещанием резолюции. Благословение, данное «рабочему контролю в общегосударственном масштабе», носило неоднозначный характер; столь же сомнительный характер имело и различие между «контролем за условиями труда», который должен был осуществляться «под руководством профессиональных союзов», и «контролем за производством», который, судя по всему, оставался за комитетами. Центральный орган, чьи функции весьма претенциозно описывались как «регулирование народного хозяйства», должен был избираться Всероссийской организацией фабрично-заводских комитетов, однако работать он должен был как одна из секций Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов⁸².

В вихре последних месяцев перед революцией все эти разногласия и конкуренции имели не так уж много значения. Атаки, которые вели рабочие на предприятиях против предпринимателей, способствовали повышению общего революционного напряжения и одновременно усиливали экономические беспорядки. Ленин приветствовал эти действия, считая их приметами времени, и по-прежнему рассуждал на тему о «рабочем контроле». В брошюре под названием «Грозящая катастрофа и как с нею бороться», которая была написана в начале сентября 1917 г., но опубликована лишь несколько недель спустя, он выдвинул свой первый, весьма туманный план промышленной политики. Для того чтобы победить угрозу голода, писал он, необходимы «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их», а нынешнее коалиционное правительство, состоящее из кадетов, эсеров и меньшевиков, добавил он, никогда не решится на такие меры «из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли. . .»⁸³. Ленин требовал принятия пяти конкретных мер: национализации банков, которой можно достигнуть одним росчерком пера; национализации крупных «торговых и промышлен-

ных синдикатов (сахарного, угольного, железного, нефтяного и пр.)» и установления государственной монополии, что также может быть с легкостью достигнуто, поскольку монополии эти, в сущности, уже созданы капитализмом; отмены коммерческой тайны; принудительного объединения в союзы мелких предприятий, поскольку это будет способствовать повышению эффективности как производства, так контроля, и, наконец, «регулирования потребления» за счет введения справедливых и рациональных норм. Свое место в этой схеме отведено было и рабочему контролю. Ленин считал, что было бы хорошей идеей созвать вместе рабочих и предпринимателей «на совещания и съезды» и «в их руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства». Это было бы равносильно «контролю над помещиками и капиталистами со стороны рабочих и крестьян»⁸⁴. Однако здесь Ленин говорил — главным образом в пропагандистских целях — о мерах, которые теоретически могло предпринять Временное правительство даже в рамках буржуазной революции. Вопросы о рабочем контроле в рамках будущего социалистического строя он пока еще не ставил.

Несколько недель спустя Ленин написал намного более важную брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?», где он впервые подробно рассмотрел экономическую политику после революции. Он вновь повторил свои известные пункты о национализации банков и крупных синдикатов и «принудительном синдицировании» мелких предприятий. Он ввел слово «план» — поначалу, правда, слегка колеблясь — и высказался за «централизм и за план *пролетарского* государства»⁸⁵. Первый набросок ленинской философии — вряд ли это можно было еще назвать политикой — планирования сочетался с решительным утверждением прав рабочего контроля.

«Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов».

Однако, опровергая обвинения в синдикализме, Ленин вновь в ясных и безошибочных выражениях подтвердил ту интерпретацию, которую он дал этому выражению после майского совещания.

«Когда мы говорим: „рабочий контроль“, ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилятся и керится» вот уже более полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов»⁸⁶.

И он добавил, что существующий государственный аппарат учета и контроля не подлежит, подобно другим частям государственного «угнетательного» аппарата, уничтожению революцией: он будет просто взят из рук капиталистов и подчинен «пролетарским Советам»⁸⁷. Этот «рабочий контроль» приравнялся к контролю, осуществляемому «пролетарскими Советами», и этого тонкого различия между Советами рабочих, действующих в политическом качестве, и рабочих, действующих в профессиональном качестве, проведено не было. Наконец в «Государстве и революции» Ленин одним блестящим росчерком пера разрешил всю эту антитезу.

«Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются *вооруженные рабочие*. Все граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упращен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок»⁸⁸.

Раз государство и рабочие станут одним и тем же, то и никакой антитезы, никакого противопоставления между государственным контролем и рабочим контролем быть не может. Не много найдется примеров, которые лучше продемонстрировали бы необычайное мастерство Ленина совмещать упорное продвижение к конечной цели, которую он рассматривал как необходимую, с удовлетворением популярных требований, находившихся в очевидном противоречии с этой целью.

История промышленной политики в первые месяцы революции непосредственно следовала за эволюцией ленинской мысли в прямо предшествовавшие этому месяцы, пройдя путь через «рабочий контроль» до «планирования». Комментатор, который поставил «рабочий контроль» в один ряд с лозунгами «земли» и «мира», считая его «одним из наиболее популярных и распространенных лозунгов Октябрьской революции»⁸⁹ преувеличивал только в том, что число заводских рабочих, заинтересованных в осуществлении рабочего контроля, было намного меньше числа тех, кто был заинтересован в мире или в приобретении земель. «Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством», — заявил Ленин в своей первой речи в Петроградском Совете на другой день после 25 октября/7 ноября 1917 г.; и рабочий контроль оказался назван среди непосредственных задач этого нового строя как в резолюции, принятой по этому случаю, так и в заявлении состоявшегося на следующий день II Всероссийского съезда Советов⁹⁰. Планировалось, что съезд должен был принять декрет по этому вопросу одновременно с декретами о земле и о мире, и Милютину было даже несколькими днями раньше специально поручено Центральным Комитетом партии подготовить проект такого декрета⁹¹. Одна-

ко, возможно, именно в процессе подготовки этого проекта и выявилась вся сложность вопроса. На съезде так ничего подобного принято и не было, а неделю спустя в «Правде» был опубликован вышедший из-под пера Ленина проект декрета. В нем предусматривалось, что рабочий контроль должен быть организован на каждом предприятии наподобие Советов либо «непосредственно, если предприятие так мало, что это возможно», либо в других случаях «через своих выборных представителей». Решения органов рабочего контроля были обязательны для предпринимателей и могли быть отменены только «профессиональными союзами и съездами» — неясно, шла ли здесь речь о съездах профсоюзов или о съездах Советов. Предприниматели и представители рабочего контроля совместно несли ответственность на предприятиях государственного значения за «строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества»⁹². Эта концепция была уже ранее разработана Лениным в работе «Удержат ли большевики государственную власть?». Принималось как само собой разумеющееся, что предприниматели и технический персонал будут продолжать управлять предприятиями под неусыпным оком «рабочего контроля».

Именно в этом пункте решающее значение имело вмешательство профсоюзов. Октябрьское совещание фабрично-заводских комитетов показало заинтересованность Центрального Совета профессиональных союзов в том, чтобы обуздать анархические тенденции рабочего контроля; теперь такую же заинтересованность в еще большей мере проявляло и революционное правительство, борющееся за то, чтобы сохранить и организовать основные производственные процессы. Так что в проходивших за кулисами после публикации ленинского проекта декрета о разногласиях профсоюзы превратились в неожиданных защитников порядка, дисциплины и централизованного управления производством; и отредактированный проект декрета, вынесенный в конце концов 14/27 ноября 1917 г. на обсуждение ВЦИКа, был результатом борьбы между профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами, повторившей борьбу между ними на октябрьском совещании⁹³. Проект декрета начинался с изобретательно сформулированного положения, что рабочий контроль учреждается «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства». Он повторял положения первоначального ленинского проекта об обязательном характере решений рабочих представителей и ответственности владельцев и рабочих представителей перед государством. Однако он был усовершенствован за счет заимствования из модели Советов и учреждения целого нового и сложного аппарата рабочего контроля, в точности имитирующего политическую систему Советов. Фабрично-заводские комитеты или Советы были подотчетны перед Советами рабочего контроля более высокого уровня на всей данной территории — города, губернии или промышленного района, — а эти местные Советы в свою очередь несли ответственность перед Всероссийским Советом рабочего контроля, который сам в конечном сче-

те подчинялся решениям съезда Советов рабочего контроля. Декрет завершался обещанием — в качестве подачки, нацеленной, чтобы умиротворить возможную критику, — что «Положение о взаимоотношениях между Всероссийским Советом рабочего контроля и другими учреждениями, организующими и регулируемыми народное хозяйство, будет издано особо». В ходе дебатов во ВЦИКе самым яростным критиком был докладчик от профсоюзов Лозовский.

«Основной недостаток этого законопроекта тот, что он стоит вне связи с планомерным регулированием народного хозяйства и распыляет контроль над производством вместо того, чтобы его централизовать.

...Нужно оговорить с абсолютной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получалось такого впечатления, что предприятия принадлежат им».

Он тем не менее был бы готов проголосовать за этот декрет при условии, если «в созданные этим декретом учреждения профессиональные союзы войдут, чтобы поставить дело контроля так, как это соответствует интересам рабочего класса». Милютин, главный докладчик по декрету, который сам впоследствии стал ярким приверженцем «национализации», несколько извиняющимся тоном пояснил, что «жизнь обогнала нас» и возникла та настоящая необходимость «объединить тот рабочий контроль, который проводится на местах, в один стройный общегосударственный аппарат», так чтобы законодательство о рабочем контроле, которое должно логически укладываться в рамки «хозяйственного плана», могло бы в известной мере превосходить законодательство, касающееся самого этого плана⁹⁴. На самом же деле рабочий контроль в том виде, в каком он был первоначально задуман и в каком широко практиковался в то время, вряд ли нашел во ВЦИКе какую бы то ни было поддержку. Один из выступавших упомянул о расхождениях, которые существуют между теми, кто хотел бы расширить рамки рабочего контроля, и теми, кто желал бы их сузить. Однако те, кто на словах больше всего ратовал за рабочий контроль и выступал за его «расширение», на самом деле пытались весьма искусно обезвредить и упорядочить его, превратив в широкомасштабное централизованное общественное учреждение. Декрет был одобрен ВЦИКом 24 голосами против 10 и обнародован на следующий же день⁹⁵.

Тем временем жизнь продолжала «обгонять» тех, кто занимался законодательством, и тщательно продуманный декрет от 14/27 ноября 1917 г. не имел никаких практических последствий⁹⁶. Стихийная склонность рабочих организовывать фабрично-заводские комитеты и вмешиваться в управление предприятиями неизбежно подстегивалась самой революцией, которая способствовала внушению рабочим той мысли, что отныне производственный аппарат страны принадлежит им и что теперь они могут управлять им по своему усмотрению и в своих собственных интересах. То, что на-

чало происходить до Октябрьской революции, теперь случалось еще более часто и открыто, и ничто уже не могло преградить этот нараставший поток мятежа. Тем не менее на самом деле события разворачивались по-разному от предприятия к предприятию, так что никакой полной или единообразной картины нарисовать не представляется возможным. Чаще всего предприниматели были готовы закрыть свои заводы и подвергнуть локауту непокорных рабочих. Именно этой возможности Советское правительство опасалось больше всего: ленинский законопроект о рабочем контроле содержал специальное положение, запрещавшее какую бы то ни было «остановку предприятия или производства» без согласия рабочих представителей⁹⁷. Порой для продолжения работы приходилось вести нелегкие переговоры между предпринимателями и рабочими, порой это сотрудничество принимало весьма обескураживающие формы, как случилось в одной из конкретных отраслей промышленности, где предприниматели и рабочие единым фронтом выступали против правительственного указа закрыть или провести концентрацию заводов, занимающихся производством военного снаряжения, или, что было еще более неожиданным, пришли к соглашению не проводить в жизнь декрет, воспрещавший работу в ночную смену для женщин⁹⁸. Чаще всего фабрично-заводские комитеты попросту брали от имени рабочих власть на предприятиях в свои руки. Предоставленные самим себе, рабочие по самой природе вещей весьма редко обладали техническими знаниями, промышленной дисциплиной или знаниями в области бухгалтерского учета, которые были необходимы для обеспечения нормальной работы предприятия. Были случаи, когда рабочие просто-напросто присваивали себе после захвата власти на предприятии его средства, продавали запасы и оборудование и использовали все это в своих собственных интересах⁹⁹. Так, московскую пуговичную фабрику, где власть захватили рабочие, а бывший предприниматель был осужден на трехмесячное тюремное заключение за саботаж, пришлось закрыть после двухнедельной борьбы, происходившей из-за неспособности комитета справиться с ее управлением. Приводились даже такие примеры, когда рабочие или фабрично-заводские комитеты, отстранившие предпринимателей от управления, потом приходили к ним и просили вернуться¹⁰⁰. Весной 1918 г., когда рабочий контроль был уже дискредитирован, один из выступавших на Всероссийском съезде Советов народного хозяйства с пониманием оценил некоторые из условий, которые привели к такому положению.

«Тот, кто работает в этих предприятиях, может сказать, что дело не только в рабочих, не в том, что рабочие «замитинговали», а дело в том, что персонал предприятий, командный состав, опустил руки, потому что у него выпала старая палка, которой он погонял рабочих, и теперь у него нет других средств заставить рабочих работать, которые имеются у западно-европейской буржуазии. ...Все эти условия выдвинули перед рабочим классом настоячи-

вую задачу управления, и он должен был взяться за нее. Разумеется, рабочий класс взялся неумело. Это понятно. Одни гоняли старых директоров и мастеров, может быть, потому, что раньше эти люди скверно обращались с ними, но нам известны случаи и бережного обращения с достойным персоналом управления предприятиями»¹⁰¹.

Концепция рабочего контроля распространилась даже на гражданские службы. Среди курьезов, встречавшихся в гуще декретов, выпущенных в первые месяцы революции, был декрет об упразднении Советов служащих, захвативших контроль над народным комиссариатом почт и телеграфов и Адмиралтейством¹⁰². Существенно иная ситуация сложилась на железной дороге. Там рабочие и технический персонал, объединившись, захватили и взяли в свои руки управление железными дорогами и в течение длительного времени упорно оказывали демонстративное неповиновение по отношению к каким бы то ни было внешним властям¹⁰³.

Трудно с уверенностью судить о том, насколько подобные условия были общими для всей промышленности на территории России. Смертельный враг фабрично-заводских комитетов, Рязанов, говорил в январе 1918 г., что за пределами Петрограда они никогда не играли сколько-нибудь заметной роли, да и там только в металлургической промышленности¹⁰⁴. Однако не подлежит сомнению, что даже на тот период это было недооценкой; к тому же рабочие металлургических предприятий Петрограда представляли революционную элиту пролетариата, так что все, что делалось там в первые недели революции, позднее скорее всего имитировалось в других местах. Даже еще до Октябрьской революции обстановка в Петрограде — этом уже скрипевшем и расшатанном центре российской военной индустрии — была достаточно напряженной; теперь беспорядки стали распространяться от центра к периферии. Этот процесс нельзя относить исключительно — или главным образом — за счет воздействия рабочего контроля. Он уже был пущен в ход еще задолго до революции благодаря таким факторам, как нехватка сырья, запущенность предприятий и оборудования и общая усталость и деморализация, порожденные войной. Революция усилила все эти негативные факторы и ускорила этот процесс. Однако нет никакой точной информации о том, как этот вихрь промышленного хаоса распространялся от столиц по всей советской территории. В некоторые районы и на некоторые предприятия революция проникала довольно медленно, и работа там в течение некоторого времени продолжалась в основном так же, как и прежде. Так, бумагопрядильная и красильная фабрика в Петрограде работала на полную мощность вплоть до конца февраля 1918 г., когда она была остановлена из-за слишком большого накопления готовой продукции вследствие неполадок в работе транспорта и связи, приведших к расстройству всей системы товарообмена¹⁰⁵. Когда разрушается весь экономический организм, здоровые клетки

не могут оказывать длительного сопротивления общему заражению.

Процесс распада продолжался отчасти в результате действий большевиков, а отчасти вопреки их попыткам его преодолеть. Эта двойственная позиция легко объяснима. До известной точки эта экономическая разруха представляла собой неотъемлемую часть большевистской политики. Разрушение экономического, так же как и политического, аппарата буржуазного правления являлось неотъемлемым условием победы революции, и то оружие разрушения, которое представлял собой рабочий контроль, оказало революционному делу бесспорные услуги. Разрушение играло важную роль как мера, предвещающая созидание¹⁰⁶. Однако по достижении определенной точки — а это была «идеальная» точка, которая не могла быть в то время с точностью определена, — дальнейшее разрушение угрожало уже существованию самого этого строя. Утверждение, что проблемы производства и взаимоотношения между классами в обществе могут быть решены за счет прямых и стихийных действий рабочих на отдельных предприятиях, было не социализмом, а синдикализмом. Социализм отнюдь не стремился подчинить безответственного капиталистического предпринимателя столь же безответственному фабрично-заводскому комитету, требовавшему того же права на независимость от существующей политической власти, ведь такое положение могло лишь увековечить ту «анархию производства», которую Маркс считал позорным пятном капитализма. Роковой и неизбежной тенденцией фабрично-заводских комитетов было стремление принимать решения, исходя из интересов данного завода или данного района. Сутью же социализма является создание экономики, планируемой и тщательно координируемой центральными органами, исходя из общих интересов всех в целом.

Как форма организации, рабочий контроль ненадолго пережил первые недели революции. Когда в декрете от 14/27 ноября была предпринята попытка придать им законодательную форму в надежде преодолеть за счет этого центробежные явления и попытка эта завершилась провалом, превратив упомянутый декрет в мертвую букву, возникла необходимость найти какие-то другие средства, которые позволили бы запустить в действие конструктивные силы. Инструментом, выбранным для этой цели, оказался Высший Совет народного хозяйства, который был создан в декабре 1917 г. без каких бы то ни было ясных концепций относительно того, в чем же конкретно должны будут состоять его функции, и превратился в течение последующих двух лет в фокус централизации и управления промышленностью. Со стороны труда соответствующие функции выполняли профсоюзы, чье соперничество с рабочим контролем привело к тесному альянсу с государственными хозяйственными органами. Этот процесс был в полном разгаре, когда в январе 1918 г. собрался I Всероссийский съезд профессиональных союзов¹⁰⁷.

Создание органа, попеременно описывавшего то, как Высшее хозяйственное совещание, то как Совет народного хозяйства, обсуждалось, судя по всему, еще в самые первые дни революции. 17/30 ноября 1917 г., то есть через три дня после декрета о рабочем контроле, Совнарком выпустил декрет, официально объявлявший о роспуске Главного экономического комитета и Экономического совета, существовавших при Временном правительстве, и сообщавший, что функции и средства «временно, впредь до образования Совета народного хозяйства, передаются в ведение Уполномоченных Совета Народных Комиссаров по организации Высшего Экономического Совещания». Этими представителями были, судя по всему, Осинский (он же Оболенский), Смирнов и Савельев: теперь к ним добавились Бухарин, Ларин и Милютин¹⁰⁸. Десять дней спустя Ленин сетовал, что «Экономическое совещание до сих пор не встречало достаточного к себе внимания», и тщетно протестовал против предложения отвлечь Бухарина от этой важнейшей задачи, назначив его в состав редакции «Правды»¹⁰⁹. 1/14 декабря 1917 г. Ленин выступил на заседании ВЦИКа в пользу предложенного Бухариным законопроекта о создании Высшего Совета народного хозяйства¹¹⁰, и 5/18 декабря 1917 г. соответствующий декрет был принят¹¹¹.

Декрет о рабочем контроле определял цель рабочего контроля как «планомерное регулирование народного хозяйства». Декрет от 5/18 декабря 1917 г. описывал цель Высшего Совета народного хозяйства (сокращенно ВСНХ) как «организацию народного хозяйства и государственных финансов». Новый орган призван был «согласовывать и объединять» деятельность всех существовавших экономических органов, как центральных, так и местных, включая также и Всесоюзный Совет рабочего контроля; в его состав должны были входить члены Всероссийского Совета рабочего контроля, представители всех народных комиссариатов, а также эксперты, которые должны были назначаться с правом совещательного голоса. Таким образом, он заменил собой, поглотил и вытеснил аппарат рабочего контроля; как отметил несколько дней спустя Ленин, «от рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства»¹¹². В отдельных случаях наблюдалась явная преемственность между двумя этими организациями: так, Петроградский областной Совет рабочего контроля — возможно, один из немногих действительно прочно установленных органов рабочего контроля — был сам непосредственно превращен в Петроградский областной Совет народного хозяйства¹¹³.

Однако три недели, прошедшие с момента принятия декрета о рабочем контроле, многому научили. Новый декрет возлагал на ВСНХ полномочия конфисковать, приобретать, секвестровать или в принудительном порядке синдицировать все отрасли производства и коммерческой деятельности; он был призван осуществлять централизацию и руководство работой всех органов экономиче-

ского управления; и все хозяйственные законопроекты и декреты должны были передаваться на рассмотрение Совнаркома через него. Текущая работа ВСНХ должна была координироваться бюро, состоящим из 15 членов. Осинский был назначен председателем ВСНХ, получив быстро вышедший из употребления ранг и титул народного комиссара по организации и регулированию производства. В первый состав бюро ВСНХ вошли Бухарин, Ларин, Милютин, Ломов, Савельев, Сокольников и Шмидт¹¹⁴. Было, как водится, захвачено помещение бывшего Главного экономического комитета. Однако работавший там персонал ушел; так что ВСНХ не унаследовал от своего предшественника ничего, кроме обстановки кабинетов и нескольких досье и книг¹¹⁵. Поскольку все проекты молодого строя были в то время туманны и хаотичны, ВСНХ совершенно очевидно мыслился как центральный орган, который будет планировать и руководить хозяйственной жизнью страны. Ленин назвал его накануне рождения «боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет народных комиссаров является в политике»¹¹⁶. Сколь неопределенными и многообещающими были его потенциальные функции, можно судить по тому, что в первоначальном списке отделов, на которые он был подразделен, непосредственно соседствовали друг с другом «демобилизация» и «финансы», «топливо» и «металлы». Первым поручением, которое получил его председатель Осинский, был контроль за захватом Государственного банка¹¹⁷. Его первые зарегистрированные декреты — поскольку он присвоил себе и официально на него не возложенные законодательные функции — касались регулирования снабжения электроэнергией в запрещенные для этого часы правительственного здания в Смольном¹¹⁸ и установления свода правил и принципов, направляющих политику в области внешней торговли¹¹⁹.

То обстоятельство, что ВСНХ вскоре превратился в главный инструмент советской промышленной политики ценой исключения на практике из сферы его компетенции прочих функций, не было, таким образом, частью первоначального замысла. Однако этот курс был более или менее случайно взят на первом заседании бюро ВСНХ, состоявшемся 14/27 декабря 1917 г. Этот день был полон событий. Утром отряды Красной гвардии заняли частные банки, и ВЦИК позднее в тот же день выпустил декрет об их национализации¹²⁰. Ленин присутствовал на заседании бюро ВСНХ и представил законопроект о национализации не только банков, но и всех промышленных предприятий¹²¹. Официальной стенограммы этого мероприятия нет. Согласно утверждению Осинского, предложение Ленина открыто оспорили только Лозовский и Рязанов. Однако большинство присутствовавших сочли его неосуществимым¹²², и законопроект этот так и остался официально непринятым и неопубликованным. 20 декабря 1917 г./2 января 1918 г. вышел декрет, которым ВСНХ возлагал на себя контроль над всем правительственным финансированием промышленности

и над выплатой жалования во всех государственных учреждениях — координацией всей этой деятельности должен был заниматься «отдел государственного планирования» ВСНХ¹²³. Этот декрет — как и многие-многие другие, выпущенные в тот период, — так и остался мертвой буквой и представляет интерес лишь как свидетельство того, что кто-то из членов ВСНХ — возможно, Ларин — мыслил намного впереди своего времени. Не только до всеобъемлющего экономического плана, но даже и до общей и эффективной национализации промышленности оставалась еще дистанция огромного размера.

Несколько дней спустя состоялось первое заседание ВСНХ, яркое описание которого оставил один иностранный очевидец¹²⁴. В нетопленной, полупустой, скудно обставленной комнате вокруг стола собралось человек двадцать: там были представители профсоюзов, рабочих от фабрично-заводских комитетов, несколько народных комиссаров и инженеров с железных дорог и металлургических предприятий в качестве «специалистов» — словом, «весьма разношерстная компания». Осинский произнес речь, где говорилось о недостатках декрета о рабочем контроле и необходимости координации деятельности фабрично-заводских комитетов и профсоюзов с деятельностью центральных политических органов Советов. Затрагивались и обсуждались различные практические трудности. Заседание одобрило план создания специальных комиссий — будущих главков и «центров» по различным отраслям промышленности, а также декрет, который был обнародован 23 декабря 1917 г./5 января 1918 г., учреждавший сеть подчиненных местных органов. Декрет предусматривал основание в каждой области Совета народного хозяйства — Совнархоза — который должен был работать под контролем ВСНХ. Совнархозы предполагалось подразделять на 14 секций или отделов, каждый из которых должен был отвечать за различную отрасль производства; они должны были включать в свой состав представителей местных учреждений и организаций: точное число таких представителей надлежало определять Советам — по всей видимости, соответствующим местным Советам — рабочим, солдатским и крестьянским депутатам¹²⁵. На усмотрение областных совнархозов оставался вопрос о целесообразности создания губернских и местных совнархозов, подотчетных им и выполняющих те же самые функции в пределах более мелких территориальных единиц: они включали в свой состав соответствующие органы рабочего контроля там, где таковые уже на деле существовали¹²⁶. Вся эта система, которая получила дальнейшее официальное оформление на прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства¹²⁷, была задумана как экономический макет, представляющий собой точную копию политической структуры Советов рабочих и крестьянских депутатов с аналогичной пирамидой съездов. Однако этот параллелизм, который жигдился на нереалистической концепции разделения сферы полно-

мочий между политическими и экономическими властями¹²⁸, оказался весьма неэффективным. На самом высоком уровне ВСНХ никогда не мог даже помышлять о том, чтобы быть экономическим Совнаркомом, а губернские и местные совнархозы не могли соперничать с политическими Советами. Идея экономических Советов была мертворожденной. То, что было создано, оказалось на деле центральным экономическим ведомством, имеющим отделения на местах.

Предусмотренная этим декретом сложная система организации все еще носила на себе печать первоначальных намерений осуществлять общий надзор за всеми аспектами экономической деятельности. Однако это намерение вскоре увяло. Планирование народного хозяйства как единого целого превратилось в отдаленный идеал. Политика в области сельского хозяйства находилась в зависимости от деликатного соотношения сил между левыми эсерами и большевиками; финансовая политика в общем и целом уже обрела черты еще до того, как начал свое существование ВСНХ, и оставалась заповедной зоной народного комиссариата финансов; торговля все еще рассматривалась как сфера, имеющая вспомогательные функции по отношению к сфере производства. Где после того, как выявились существенные недостатки рабочего контроля, действительно образовалась брешь, так это в области промышленной политики. Здесь планирование и организация были остро необходимы, и функции ВСНХ стали постепенно сужаться, заполняя собой эту брешь. Организация, которая была предусмотрена в декрете ВСНХ от 23 декабря 1917 г./ 5 января 1918 г., включала «особые комиссии для каждой отрасли промышленности». С другой стороны, большинство основных отраслей российской промышленности в период войны создали себе сами — при содействии и поддержке официальных властей — специальные централизованные органы, претендовавшие на то, чтобы с большей или меньшей эффективностью выступать от имени всей отрасли в целом, координируя выпуск продукции и регулируя объем продаж. В течение первых недель революции постоянно возникал вопрос о взаимоотношениях подобных органов с Советской властью; в отдельных, немногих отраслях промышленности обладали достаточной силой, чтобы играть самостоятельную роль, также и профсоюзы, однако нигде — за исключением железных дорог, которые все равно уже принадлежали государству, — их роль не была решающей. Конечно, время от времени ВСНХ делал попытки пинать промышленников ногами. Один делегат I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства нарисовал картину некоего подобия «богеми», где «сперва портной будет поставлен во главе громадного металлургического завода, затем художник будет поставлен во главе текстильного производства»¹²⁹. Такие случаи бывали, и оправдывались они порой теми теориями, которые проповедовал в своей работе «Государство и революция» Ленин, а теперь навязчиво и энергично про-

пагандировал Бухарин. Однако скорее всего они имели место в тех случаях, когда предприниматели и управляющие оказывали открытое сопротивление, практиковали саботаж или же просто-напросто покидали свои предприятия. Наиболее широко распространенным типом взаимоотношений между выжившими капиталистическими органами и инструментами новой власти было не-легкое, недоверчивое и полувраждебное сотрудничество. Возможно, самые первые назначения в состав ВСНХ были основаны на соображениях партийной лояльности. Однако существуют официальные сведения, что в составе экономического комитета московских областных Советов и первого харьковского областного Совнархоза были представители от предпринимателей ¹³⁰.

Происходившая в течение первой зимы после революции постепенная концентрация в руках ВСНХ контроля над промышленностью может быть проиллюстрирована тем, что происходило в двух наиболее крупных отраслях российской промышленности — металлургической и текстильной. В обоих случаях контроль был осуществлен на тех основах, которые были заложены еще до революции. Металлургическая промышленность представляла собой наиболее высокоорганизованный участок российской экономики; первая коммерческая централизованная организация, занимающаяся продажей продукции всей отрасли промышленности в целом, была создана еще в 1902 г. Она называлась Продамет. Потребности войны привели к созданию в 1915 г. официального комитета по распределению металлов под названием Расмеко. Одним из первых актов ВСНХ были превращение Расмеко в исполнительный орган металлургической секции и передача в его руки задачи установления цен на металлы ¹³¹. К марту 1918 г. горнодобывающая и металлургическая секция ВСНХ, воздвигнутая на дореволюционных основах, представляла собой весьма активную организацию с центральным управленческим персоналом в 750 человек ¹³².

Текстильная промышленность была старейшей широкомаштабной отраслью промышленности России. Это была единственная отрасль, в которой фактически все фабрики располагались в центральных областях, так что вся отрасль концентрировалась в пределах территории, находившейся под контролем Советов; правда, вскоре ей суждено было оказаться отрезанной от ее главных традиционных поставщиков сырья в Туркестане. Тот факт, что лишь немногие текстильные фабрики оказались в числе национализированных в течение первого периода ¹³³, позволяет предположить, что предприниматели здесь занимали менее непримиримые позиции, чем в других отраслях. Временное правительство основало по соглашению с текстильной промышленностью специальную организацию под названием Центроткань с главной конторой в Москве, чья декларируемая цель якобы состояла в содействии лучшему распределению поставщиков. 16/29 декабря 1917 г. был принят декрет, уполномочивший экономиче-

скую секцию Московского Совета провести реорганизацию Центроткани «для учета всех изделий текстильного производства, для отчуждения их в государственную собственность и для распределения их через руководимую Народным Комиссариатом Продовольствия обще-государственную продовольственную организацию»¹³⁴. Судя по всему, этим декретом ничего достигнуто не было, кроме того, что он закладывал предварительные основы для некой организации, в которой Советская власть сможет найти общий язык с промышленниками. В конце января 1918 г. прошел съезд профсоюзов работников текстильной промышленности, разумеется, не без одобрения со стороны официальных властей; он принял резолюцию в пользу создания централизованной организации, которую он назвал Центротекстиль, с целью осуществления контроля над этой отраслью промышленности¹³⁵. Наконец, в марте 1918 г. ВСНХ создал центральный орган текстильной промышленности, который — хотя он и носил название, предложенное рабочими, — явно представлял собой некую комбинацию Центротекстиля и Центроткани. В Положении о новом Центротекстиле он объявлялся «Государственным органом, объединяющим и руководящим всей деятельностью в области промышленности». Он должен был состоять из 30 рабочих, 15 инженеров и управляющих — о них упоминалось в привычных для царских времен выражениях как об «имущих» или «подлежащих налогообложению» слоях населения — и 30 представителей различных официальных и полуофициальных организаций: исполнительным органом должно было стать бюро, состоящее из 11 человек¹³⁶. Угрожающая нехватка сырья — которая стала особенно острой осенью 1918 г., — возможно, сыграла здесь определенную роль, способствуя достижению в этой отрасли относительно высокого уровня сотрудничества между предпринимателями, рабочими и Советской властью.

Примеры с металлургической и текстильной отраслями дают возможность наглядно проиллюстрировать процесс создания системы объединенного управления для каждой из конкретных отраслей промышленности, который ВСНХ начал осуществлять в первые месяцы 1918 г. В течение 1915 и 1916 гг. царское правительство учредило централизованные органы — иногда называвшиеся «комитетами», а иногда «центрами» — для многих отраслей промышленности, производящих те виды продукции, которые были прямо или косвенно необходимы для ведения войны¹³⁷, и к 1917 г. такие центральные органы — которые обычно состояли из представителей данной отрасли и осуществляли регулирующие функции довольно-таки неопределенного характера — распространились почти по всей сфере промышленного производства. В течение первой половины 1918 г. ВСНХ постепенно захватил власть над всеми такими органами — или, во всяком случае, над тем, что от них осталось, — и трансформировал их в некие административные органы под названием «главки» или «центры», находящиеся

в подчинении и под контролем ВСНХ. Главный комитет кожевенной промышленности — Главкож — был учрежден в 1918 г.¹³⁸ За этим вскоре последовали главные бумажный и сахарный комитеты, а также мыловаренный и чайный «центры» — все это вместе с Центротекстилем уже существовало к марту 1918 г.¹³⁹ Весьма маловероятно, чтобы эти органы были созданы, если бы не основы, которые были уже заложены еще до революции, и не сотрудничество со стороны управляющих и инженерно-технического персонала этих отраслей. Журналы, которые выпускало весной и летом 1918 г. большинство этих органов, во многом сохраняли — если оставить в стороне официозные аспекты — стиль и характер старых коммерческих журналов. В тот момент могло создаваться впечатление, что российская экономика — следуя модели, установленной во время войны в Германии, — находилась на пути к компромиссу между промышленностью и новой государственной властью на базе концентрации и самоуправления при осуществляемом ВСНХ широком государственном контроле. Насколько эффективен был этот контроль, никакого ясного и однозначного ответа дать нельзя. Однако в той мере, в какой он оказывался эффективным, он был продуктом скорее сотрудничества, чем принуждения. В те времена, когда подорванная войной и революцией российская экономика все глубже и глубже погружалась в море анархии и разрухи, можно разглядеть некоторое молчаливое сообщество интересов между правительством и наиболее разумными и умеренными промышленниками, стремившимися совместными усилиями обеспечить возврат к своего рода упорядоченному производству¹⁴⁰.

Широкая национализация промышленности не была, таким образом, частью первоначальной большевистской программы, и, хотя на ВСНХ были официально возложены полномочия «конфисковать, реквизировать и секвестровать», первые шаги на пути к национализации были неуверенными и спотыкающимися. В самом начале национализация рассматривалась не как некая цель, которая желательна сама по себе, а как реакция на особые обстоятельства, как правило, связанные с какими-либо враждебными акциями со стороны предпринимателей; причем осуществлялась она исключительно по отношению к отдельным предприятиям, а не к отраслям в целом, так что в первоначальных мероприятиях в этой области полностью отсутствовал какой бы то ни было элемент планирования. В советской литературе при описании политики в области национализации, характерной для этого раннего периода, использовалось два эпитета. Эта политика называлась «карательной»¹⁴¹, что означало, что мотивом ее было либо преодоление сопротивления или саботажа со стороны капиталистов, либо принятие карательных мер, связанных с такими их действиями; и она называлась «стихийной»¹⁴², что означало, что она являлась главным образом результатом действий рабочих на местах, а не центральных властей. Можно

найти сколько угодно доказательств, что оба эти описания были оправданны.

«Карательный» характер первых мероприятий по национализации иллюстрируется тем фактом, что первые декреты о национализации — будь то декреты, выпущенные Совнаркомом или ВСНХ, — всегда указывали причины, вызвавшие или оправдывавшие национализацию. Наиболее часто в качестве причины назывался отказ подчиниться рабочему контролю¹⁴³. Однако электроосветительная компания — «общество электрического освещения» — оказалась национализирована потому, что ее руководство, несмотря на правительственные субсидии, «привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими»¹⁴⁴. Петроградский Путиловский завод был захвачен из-за «задолженности в казну», а другой крупный металлургический концерн был подвергнут национализации «ввиду заявления правления... о ликвидации дел общества»¹⁴⁵. Несколько металлургических и сталелитейных заводов, выпускающих гвозди, было национализировано «из-за неспособности продолжать выполнять план и ввиду его важности для правительства»¹⁴⁶. Принятая в январе 1918 г. III Всероссийским съездом Советов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозглашала государственной собственностью все предприятия, рудники и транспортные средства. Это, хотя и являлось скорее заявлением принципиального характера, чем законодательным актом, ознаменовало более решительный поворот в умонастроениях, и начиная с этого времени декреты о национализации, как правило, прекратили давать обоснования для проведения этой меры¹⁴⁷. «Стихийный» элемент ранней национализации еще более заметен, чем ее «карательный» характер. Выпущенные ВСНХ или Совнаркомом декреты о национализации касались главным образом предприятий, расположенных в Петрограде, или нескольких широкоизвестных губернских концернов со штаб-квартирой в столице. Однако куда более значительное количество расположенных по всей стране крупных и мелких предприятий было национализировано областными или местными Советами, совнархозами и другими местными органами, а также самими рабочими без одобрения местных Советов¹⁴⁸. Порой акты о национализации, осуществлявшиеся местными Советами, шли рука об руку с требованиями политической автономии. Когда сразу же после революции в Туркестан была направлена комиссия для организации поставок хлопка для текстильных предприятий Москвы и Петрограда, то она обнаружила, что туркестанские Советы и местный Совнарком уже провели национализацию местной хлопковой промышленности¹⁴⁹. С точностью оценить, что именно происходило на всех обширных просторах советской территории, возможным не представляется¹⁵⁰. Однако все свидетельствует в пользу того, что главным источником национализации зимой 1917/18 гг. служили неорганизованные действия рабочего контроля и что областные и местные Советы и совнар-

хозы гораздо чаще выпускали декреты, покрывавшие действия, предпринятые самими рабочими, чем декреты, являвшиеся результатом их собственной инициативы. Национализация, как сказал впоследствии Рыков, «производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией»¹⁵¹. Характерной чертой этого неупорядоченного процесса «карательной» и «стихийной» национализации было то, что она применялась только относительно отдельных предприятий. За исключением торгового флота, который к тому времени уже был организован как целостная единица и национализирован декретом, принятым в январе 1918 г.¹⁵², первым случаем национализации целой отрасли промышленности стала национализация в мае 1918 г. сахарной промышленности, за которой в следующем месяце последовала и нефтяная промышленность¹⁵³. И все же совершенно ясно, что до тех пор, пока единицей национализации оставалось скорее предприятие, чем отрасль промышленности, синдикалистские тенденции, присущие рабочему контролю, так и не были полностью преодолены. В сообществе, которое поставило себе целью организовать свою жизнь на основании скорее социалистических, чем синдикалистских принципов, судьба конкретной фабрики или отдельного предприятия не могла определяться исключительно их собственными, так сказать, достоинствами и заслугами. Как единая целостность здесь должны были рассматриваться вся отрасль промышленности или сфера производства, а в конечном счете и народное хозяйство в целом.

Брест-Литовский договор произвел на все советское общество воздействие сильнейшего шока. Словно резкий луч прожектора, осветил он картину почти полной беспомощности и разрухи и привел вдруг к резкой остановке той экономической политики дрейфа и компромисса, которая была характерна для последних трех месяцев. В момент подписания договора основной акцент все еще делался на необходимости создать новую армию для «защиты социалистического отечества» и на надежную перспективу грядущей международной революции: именно эти вопросы все еще оставались лейтмотивами резолюции VII съезда партии, одобдившего ратификацию договора от 8 марта 1918 г. Ровно неделю спустя они повторились в резолюции официально ратифицировавшего договор IV Всероссийского съезда Советов, причем им был добавлен новый момент — необходимость решительного поворота в экономической политике.

«Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и необходимую задачу текущего момента: повышение деятельности и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и строй-

ных организаций, охватывающих по возможности все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны, как наследие мучительной войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества»¹⁵⁴.

Пришло время подсчитать огромные экономические потери, в сущности, не вызванные, а только зарегистрированные брест-литовскими соглашениями. Они составляли 40% в промышленности и промышленном населении бывшей царской империи, 70 — в железорудном и сталелитейном производстве и 90% в сахарном производстве¹⁵⁵. Чтобы вырвать страну из когтей разрухи, требовались радикальные меры. С другой стороны, уже сам факт, что хоть как-то удалось выжить после германского нашествия, вселял определенный оптимизм. Беспорядки последних месяцев можно было на вполне законных основаниях отчасти приписать ужасам войны, а они на данный момент уже были позади. Впервые Советская республика была свободна от каждодневных забот, связанных с опасностью иностранного вторжения. Промышленная реконструкция была первой и самой главной и неотложной задачей «передышки».

Новый поворот в политике сопровождался важными переменами в ВСНХ. Почти сразу же, судя по всему, был понижен в должности его первый председатель Осинский¹⁵⁶. Вместе с Бухариным и Ломовым он участвовал в дискуссиях Центрального Комитета партии в числе активных противников Брест-Литовского договора, и, потерпев поражение, все они были выведены из состава бюро ВСНХ и отстранены от всякой ответственности за его политику¹⁵⁷. Это открыло путь Ларину и Милютину, ставшим наиболее влиятельными фигурами в штаб-квартире ВСНХ; одно время предполагалось, что Ларин займет пост председателя¹⁵⁸. Бывший меньшевик, Ларин изучал и восхищался инспирированной государством промышленной концентрацией и плановой экономикой военной Германии. Милютин — хотя всегда и оставался большевиком — отнюдь не принадлежал к числу бескомпромиссных экстремистов, как об этом свидетельствовала его отставка в связи со спорным вопросом о коалиции в ноябре 1917 г.¹⁵⁹ Как Ларин, так и Милютин выдвинулись теперь как практические деловые люди, занимавшиеся прежде всего тем, как найти средства остановить катастрофическое падение производительности. Оба были убежденными сторонниками планирования и централизации. Политика, которую они представляли, явилась реакцией на излишества рабочего контроля и «стихийной» национализации, и на некоторое время этой политике была обеспечена поддержка Ленина.

Первым безошибочным шагом на новом пути явился декрет, обнародованный ВСНХ 3 марта 1918 г. — дата подписания в Брест-Литовске, — за подписью Ларина. Декрет содержал явное

официальное признание функций технического управления в промышленности и в то же самое время знаменовал попытку заложить основы целостной системы централизованного надзора и контроля. Каждый главк или центр должен был назначать на каждое предприятие, принадлежащее данной отрасли промышленности, своего комиссара или уполномоченного, который призван играть роль представителя правительства и осуществлять надзор, а также двух директоров, одного — технического, а другого — административного. Административный директор подчинялся решениям «хозяйственно-административного совета», в состав которого входили представители рабочих, предпринимателей и инженерно-технического персонала предприятия, а также профсоюзов и местных советских органов. Решения технического управляющего могли быть отменены только уполномоченным правительства или «центральной дирекцией» отрасли. В декрете был заложен принцип, что «рабочий контроль над национализированными предприятиями осуществляется путем передачи всех заявлений и постановлений фабрично-заводского комитета или контрольной комиссии на усмотрение и разрешение хозяйственно-административного совета предприятия»; кроме того, в декрете было положение, что рабочие или предприниматели должны составлять не более половины всех членов административного совета¹⁶⁰. На открывшейся 19 марта 1918 г. сессии ВСНХ Милютин начал свой основной доклад, заявив, что «диктатура пролетариата сделала неизбежным изменение всей экономической политики сверху донизу». Он подверг осторожной критике «недочеты» рабочего контроля и национализацию в том виде, в каком она осуществлялась до сих пор.

«Национализация шла либо снизу, проводилась областными, часто местными советами РС и КД, или же шла сверху, отсюда, от СНК и ВСНХ. Но недостаток был тот в этой системе национализации, что не было общего плана. Самый процесс диктовался объективно экономическим положением и фактами классовой борьбы. В настоящее время нашу промышленность приходится финансировать государству, и в сущности национализированные предприятия и частные предприятия сейчас в большинстве содержатся государственной казной. И поэтому в этом отношении нам трудно, в сущности говоря, получить такую картину отличия национализированных от ненационализированных предприятий в смысле задолженности с их стороны государству; поэтому в дальнейшем перед нами стоит необходимость управления теми фабриками и заводами и т. д., которые еще не национализированы, и доведения до конца национализации промышленности».

Главным следствием всего этого был отказ от «карательной» системы национализации в пользу «системы планомерной национализации», соответствующим образом подготовленной и охватывающей целиком каждую данную отрасль промышленности. Такой дальнейший курс национализации должен быть связан

с «увеличением производительности». Ларин провозгласил тогда точку зрения — столь непривычную в то время, сколь она может казаться очевидной сейчас, — что функции ВСНХ заключаются в том, чтобы «увеличить количество полезных предметов, производимых в стране»; он оказался намного впереди своего времени и когда выдвинул три амбиционных проекта, которые предполагалось осуществлять за счет общественных работ, — интенсивное оснащение оборудованием месторождений, расположенных в Центральной Сибири, электрификация промышленности в Петрограде и проведение ирригационных работ в Туркестане ¹⁶¹. Планы разработки месторождений и развития промышленности в Сибири, которые должны были заменить утраченные промышленные районы на Украине и юго-востоке России, широко обсуждались в начале 1918 г., но были быстро прерваны гражданской войной; те же самые причины сделали неосуществимым и проект относительно Туркестана. Электрификация промышленности оказалась зародышем той идеи, которая пустила ростки позднее, заняв почетное место в истории советского планирования. Однако в тот момент Ларин занимался строительством «воздушных замков».

Проблемой, по которой в течение короткого периода спокойствия, последовавшего после Брест-Литовска, разгорелись жаркие споры, стал вопрос о взаимоотношениях революционного правительства с бывшими лидерами капиталистической промышленности. Ленинская концепция «государственного капитализма» как строя, который оставит за собственниками владение и управление своими промышленными предприятиями, подчинив их общегосударственному надзору и руководству, отнюдь не была забыта. Деловые контакты между ВСНХ и промышленниками всячески поощрялись, так что не удивительно, что между видным железорудным и стальным магнатом, чьей промышленной группе принадлежали основные локомотивные и вагоностроительные заводы страны, Мещерским и ВСНХ вот-вот были готовы начаться переговоры, касающиеся будущей организации этой отрасли промышленности. В марте 1918 г. Мещерский выдвинул весьма изобретательное предложение, в соответствии с которым его группа должна была владеть половиной акций нового металлургического треста, другая же половина должна была принадлежать государству, причем группа должна была от имени этого смешанного предприятия осуществлять управление трестом. Небольшим большинством голосов ВСНХ принял решение вести переговоры, основываясь на этом предложении ¹⁶². Приблизительно в то же самое время еще один промышленник, Стахеев, сделал предложение образовать трест железорудной и сталелитейной промышленности на Урале, причем акции на сумму 200 млн. рублей должны были быть субсидированы его группой, еще 200 млн. — государством, а 100 млн. — неназванными американскими капиталистами. Альтернативное предложение предполагало, что государство возьмет

на себя субсидирование всего капитала, а группа Стахеева будет осуществлять руководство и управление трестом от имени государства¹⁶³.

Все эти проекты — из которых наиболее серьезным было предложение Мещерского — вскоре натолкнулись на жесткую политическую оппозицию. Потерпевшая поражение в связи с ратификацией Брест-Литовского соглашения левая группа теперь под руководством Бухарина и Радека выступила широким фронтом в экономической области. 4 апреля 1918 г. эта группа представила на одном партийном собрании серию тезисов, две недели спустя они были опубликованы в первом номере недолго просуществовавшего журнала «Коммунист»¹⁶⁴. Присутствовавший на этом собрании Ленин зачитал серию контртезисов: они в то время опубликованы не были, однако явно представляли собой часть первого варианта обширной статьи под заголовком «Очередные задачи Советской власти», которая, получив предварительно одобрение Центрального Комитета партии — необычно торжественная формальность, — была напечатана в «Известиях» от 28 апреля 1918 г.¹⁶⁵ На другой день Лениным были открыты широкие публичные дебаты по этому вопросу на заседании ВЦИК, где от имени левой группы выступил Бухарин, а 3 мая ВЦИК одобрил шесть тезисов по «Очередным задачам Советской власти», что ознаменовало собой полное принятие ленинской позиции¹⁶⁶. Не удовлетвовавшись этой формальной победой, Ленин разгромил своих поверженных противников в весьма живо написанной брошюре «О „левом” ребячестве и о мелкобуржуазности», которая положила конец разногласиям и содержала в наиболее законченном виде ленинские экономические взгляды того времени.

Обе стороны были единодушны в признании того, что наступил поворотный момент. Революция одержала триумфальную победу над своими врагами внутри страны, власть буржуазии была сломлена, а буржуазная административная машина, как политическая, так и экономическая, полностью разгромлена — разрушительная фаза революции была завершена. Однако относительно того, как осуществить созидательную фазу, мнения радикальным образом разделились. Члены левой группировки стояли на диаметрально противоположных позициях относительно тех, кто до и после революции скептически относился к возможности немедленного перехода к социалистической революции; они, напротив, утверждали, что социалистическая революция уже свершилась, и им не терпелось собрать урожай ее живительных плодов. От выдвижения какой бы то ни было конструктивной или конкретной программы они уклонялись, оставаясь по преимуществу группировкой оппозиционной. Однако о чем шла речь, в принципе было совершенно ясно. Программа пролетарской революции переводилась на другие рельсы в интересах консолидации новой государственной власти. Так же как в Брест-Литовске, дело международной революции было отдано в жертву ради «охраны и укрепления

ния уцелевшей части Советского государства», так же и в экономической сфере «все силы будут обращены на укрепление и развитие производительных сил, на «органическое строительство», при отказе от дальнейшей ломки капиталистических производственных отношений и даже при частичном восстановлении их». Эта аргументация продолжалась:

«Вместо перехода от частичных национализаций к общей социализации крупной промышленности, соглашения с „капитанами промышленности“ должны были привести к образованию больших руководимых ими и охватывающих основные отрасли промышленности трестов, которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий. Такая система организации производства дает социальную базу для эволюции в сторону государственного капитализма и является переходной ступенью к нему».

Отголоски такой же критики слышались и со стороны левых эсеров и меньшевиков, которые, выступая в своей печати, сетовали, что «под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов»¹⁶⁷. Недавно проявившаяся настойчивость Ленина на централизованной организации и предлагаемые им меры по ее осуществлению отвергались как отступление от социализма в сторону государственного капитализма.

В середине апреля 1918 г., когда эти разногласия были в самом разгаре, было принято решение отклонить план, предложенный Мещерским¹⁶⁸. Не вполне ясно, насколько это решение было форсировано той ролью, которую сыграли в этом члены оппозиции; согласно одной из версий, оно было продиктовано обнаружением того факта, что основная часть акций группы Мещерского попадала бы в немецкие руки¹⁶⁹. Однако дискуссии по принципиальным вопросам продолжалась без ссылок на это решение. Опровержение Лениным критических выступлений со стороны левой оппозиции было весьма характерным и знаменательным. С апреля 1917 г. он проповедовал — вопреки мнению тех, кто стремился удержать революцию в узких буржуазных рамках, — доктрину непосредственного перехода от буржуазной революции к социалистической. Однако он проявлял осторожность, удерживаясь от утверждений относительно времени и условий, при которых социалистическая революция может быть достигнута. «Не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача, — отмечал он в Апрельских тезисах, — а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов». В работе «Государство и революция», написанной накануне Октябрьской революции, он говорил, имея в виду Германию военного времени, об «эпохе перарастанания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм», хотя и отвергал при этом еретическую мысль, что этот государственно-монополистический капитализм может

называться «государственным социализмом»; это не было социализмом, но это был шаг на пути к социализму¹⁷⁰. Эта концепция высококонцентрированной и монополизированной экономики, управление которой осуществляется капиталистами при номинальном сохранении частной собственности, но при неусыпном надзоре со стороны государства, именно и означала то, что Ленин называл «государственным капитализмом». Попытка осуществить это сразу же после революции в виде системы рабочего контроля потерпела поражение отчасти из-за отказа капиталистических предпринимателей играть отведенную им роль¹⁷¹. Однако куда более значительные успехи — несмотря на провал переговоров с Мещерским — ожидали политику, направленную на организацию серии крупных промышленных монополий под контролем и руководством ВСНХ¹⁷². Это не было социализмом, но означало шаг по пути к его осуществлению. Ленин никогда открыто не оспаривал столь дорогое сердцам меньшевиков сомнительное утверждение, что, прежде чем стать социалистической, Россия должна перестать быть отсталой. Эта проблема обрела особую остроту в связи с провалом — вопреки расчетам Ленина — надежд на то, что германский и западноевропейский пролетариат придет на помощь российской революции. Отсталая Россия теперь должна завершить свою буржуазную революцию, должна собственными силами провести модернизацию в ожидании, пока придет помощь из Европы.

Впоследствии случилось так, что Ленин смог использовать упрек в «государственном капитализме» не как обвинение, а как комплимент. Во время дискуссий на заседании ВЦИК он с иронией обратил против своих оппонентов их же собственное оружие.

«Эволюция в сторону государственного капитализма — вот зло, вот враг, с которым нас приглашают бороться.

И вот, когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете левых коммунистов, я спрашиваю: что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы мы могли в России через малое число времени получить государственный капитализм, это было бы победой. Как они могли не видеть, что мелкий собственник, мелкий капитал — наш враг? Как они могли в государственном капитализме видеть главного врага?»¹⁷³

В работе «О „левом” ребячестве и о мелкобуржуазности» он развил эту идею с теми же акцентами, но более подробно. Россия представляет собой арену, на которой борются между собой различные формы производства. Но важно распознать, какие из них являются врагами, а какие — союзниками.

«Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капита-

лизм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма»¹⁷⁴.

Государственный капитализм — это, таким образом, не только камень, ступая на который можно перейти к социализму, но и союзник социализма в качестве врага его врагов.

Зарубежной страной, на которой по-прежнему был сфокусирован взгляд не только Ленина-революционера, но и Ленина — государственного деятеля, оставалась Германия. Интерес Ленина к германской военной экономике начал давать плоды. Еще не был ратифицирован Брест-Литовский договор, а он уже с нетерпеливым энтузиазмом обращался к этой теме.

«Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо выучиться»¹⁷⁵.

Он посвятил Германии как «конкретнейшему примеру государственного капитализма» и как «последнему слову современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации» целую главу работы «О „левом” ребячестве и о мелкобуржуазности». Единственным недостатком германского государственного капитализма было то, что его государство было государством «*юнкерски-буржуазного империализма*». Поставьте на его место «*советское*, т. е. пролетарское государство», и «вы получите *всю* сумму условий, которая дает социализм». История играет странные шутки. Она породила в начале 1918 г. «две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой» — один в Германии, а другой в России. Политическая революция произошла в России, а экономическая организация имелась в Германии. Обе они были необходимы для достижения социализма. Задача российских социалистов заключалась в том, чтобы — в ожидании, пока разразится германская революция, — «учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹⁷⁶. Похоже, это было единственным восхищенным упоминанием о Петре Великом — а возможно, и вообще о каком бы то ни было другом русском царе — в работах Ленина. Таким образом, Ленин проводил достаточно резкое различие между первым и вторым периодами революции. Дело «подавления сопротивления эксплуататоров» было уже в главных чертах сделано «в период с 7 ноября (25 октября) 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г.». С другой стороны, «наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и конт-

роля за производством и распределением продуктов *сильно отстала* от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов». Впереди, в течение следующего периода лежит «коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада», а это означает «повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высокую организацию». В течение первого периода лозунг «Грабь награбленное» был совершенно правильным, во втором — девизом должно стать: «Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай»¹⁷⁷. В первый период важно было подчеркивать социалистическую враждебность к государству, необходимость уничтожить буржуазную государственную машину; это было подчеркнуто в работе «Государство и революция». Однако когда Бухарин упоминал «Государство и революцию» в «Коммунисте» в апреле 1918 г., он процитировал только «то, что уже... устарело, что является вчерашним», промолчав о задаче завтрашнего дня в том, «что касается учета, контроля, дисциплины»¹⁷⁸. В первый период превалирующим лозунгом был «рабочий контроль», теперь, в новом акценте на организацию как путь к социализму, это было предано забвению.

«Мы организовали при царе тысячи и при Керенском сотни тысяч. Это ничего, это в политике не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они — не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму»¹⁷⁹.

В то время Ленин стремился внедрить в сознание масс важность организации, используя — возможно, намеренно — гиперболические выражения. Если бы торговец сказал ему, что улучшилось положение на некоторых железных дорогах, «так мне такая похвала в миллион раз ценнее, чем 20 резолюций коммунистов». Железные дороги как раз и являлись главным «гвоздем», представляя собой «одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм»¹⁸⁰. Здесь можно было уже увидеть предвкушение того пути, на котором два года спустя ленинское воображение покорила панацея электрификации.

В мае 1918 г. полемика по вопросу об организации промышленной политики прекратилась; причем завершилась она без решающей победы какой бы то ни было из сторон. Предложение о том, чтобы вести дела совместно с капиталистами, было отверг-

нуто и уже более не возобновлялось; таким образом, исчезла возможность компромисса с промышленниками под флагом «государственного капитализма». Но, с другой стороны, доводам левой оппозиции в пользу местной автономии и «рабочего контроля» суждена была недолгая жизнь: девизами дня стали организация и централизация. Вслед за отказом от плана Мещерского ВСНХ созвал в середине мая в Москве совещание работников металлургической промышленности с целью обсуждения вопроса о национализации. В совещании, которое прошло под председательством Ленина, принимали участие главным образом представители рабочих и инженерно-технического персонала соответствующих предприятий. Было зачитано письмо к совещанию от Ленина, который от лица Совнаркома выступал в пользу национализации, мотивируя это тем, что такие меры повлекут за собой объединение в рамках единой администрации различных предприятий, включая сюда инженеров и специалистов, а также выступая за принятие мер, обеспечивающих соблюдение «строгой трудовой дисциплины». Представители инженерно-технического персонала от голосования воздержались, однако никаких других обструкций относительно данного мероприятия с их стороны не последовало. Логика сложившейся ситуации носила императивный характер: раз проект Мещерского, предполагавший национализацию наполовину, был отвергнут, то единственной вероятной альтернативой была национализация полная. В результате этого совещания была принята резолюция, выступавшая за «немедленную национализацию» предприятий и проведение объединения; под эгидой ВСНХ был образован временный комитет с целью организации «объединенных государственных металлургических заводов (Гомза)» — первого и самого крупного из трестов, созданных ВСНХ в порядке воплощения ленинского принципа «принудительного синдицирования»¹⁸¹. Двумя неделями раньше декретом Совнаркома была национализирована сахарная промышленность¹⁸² — первая, кроме транспорта, отрасль, с которой теперь стало возможным иметь дело как с единым целым.

I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства собрался в Москве 26 мая 1918 г. Он планировался как нечто вроде хозяйственного парламента. Свыше 100 делегатов с правом голоса представляли ВСНХ и его главки и центры, областные и местные совнархозы и другие хозяйственные органы, а также профсоюзы; кроме того, на съезде присутствовало около 150 делегатов без права голоса¹⁸³. Председательствовал на съезде недавно назначенный на пост председателя ВСНХ Рыков¹⁸⁴. Вновь подняли голос представители левой оппозиции. Бухарин, чьи функции здесь были чисто формальными, сводясь к оглашению приветствий к съезду от Центрального Комитета партии, с известной едкостью заметил, что существуют люди, которые вместо того, чтобы поднимать знамя «вперед к коммунизму», поднимают знамя «назад к капитализму». Осинский выразил опасения, что при новых по-

рядках «ключи от производства остаются в руках капиталистов». Ломов, напомнив съезду, что фраза о том, что социализм должен учиться у капитализма, имела хождение в 80—90-е годы XIX века и выдвинута она была «квази-марксистом» (а ныне буржуазным деятелем) Струве, вел арьергардный бой в защиту рабочего контроля и сделал замечание, которое стало характерным для всех оппозиционных групп на несколько лет вперед:

«Мы всеми мерами — национализацией, централизацией подавляем силы в своей стране. Массы совершенно отрезаются от творческой живой силы во всех областях народного хозяйства»¹⁸⁵.

Однако доминировало на съезде осознание того сурового факта, что практическая необходимость требует обеспечить увеличение и организацию производства, с какими бы это ни было сопряжено теоретическими жертвами. Милютин, сделавший на съезде основной доклад, был подвергнут критике не столько за выдвинутые им предложения, сколько за прозвучавшие в его докладе оптимистические оценки на будущее. А Рыков как председатель ВСНХ выступил за радикальную и бескомпромиссную политику национализации. Применявшиеся до настоящего времени случайные и бессистемные методы не представляли собой ни эффективного противоядия хозяйственной анархии, ни эффективного вклада в строительство социализма. Национализация отдельных предприятий не означает социализма: это в лучшем случае синдикализм. Даже национализация отдельных отраслей промышленности не является достаточной мерой.

«Я до сих пор думал, — сказал Рыков, — что можно организовать социалистическое общество, и то при условии международного социалистического переворота, но организовать социалистическую отрасль промышленности, социализировать отдельную фабрику или завод, извините меня, до сих пор ни один социалист таких предложений не делал и не может делать»¹⁸⁶.

Однако — хотя на чисто доктринерском уровне таким образом без всяких компромиссов провозглашался тезис о несовместимости такой экономики, которая была бы наполовину социалистической, а наполовину капиталистической, — необходимо было также признать и то обстоятельство, что «мы в состоянии национализировать и в состоянии управлять национализированными предприятиями только в части промышленности» и что, следовательно, придется начать с наиболее важных¹⁸⁷. В ключевой резолюции съезда содержалось следующее сравнительно скромное высказывание:

«В области организации производства необходимо завершение национализации, и от проведения национализации отдельных предприятий (которых национализировано и секвестировано 304) необходимо перейти к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено слу-

чайного характера и может проводиться исключительно или В.С.Н.Х. или С.Н.К. по заключению В.С.Н.Х.»¹⁸⁸.

Съезд принял также резолюцию о торговле, финансах и трудовой дисциплине. Работала даже аграрная секция, которая тоже приняла резолюции, включая резолюцию о желательности общественных ферм, однако у всего съезда в целом не хватило времени, чтобы их рассматривать¹⁸⁹. Общим результатом этого мероприятия явилось одновременно как сужение, так и усиление полномочий ВСНХ. В качестве его основной функции была подтверждена концентрация усилий на организации промышленности, и в пределах этой сферы он стал высшим авторитетом¹⁹⁰. Проведение согласованной советской промышленной политики стало впервые возможным в мае 1918 г., хотя нехватка ресурсов и прежде всего квалифицированных кадров по-прежнему препятствовала эффективному осуществлению этой политики.

Вскоре, однако, события форсировали развитие процессов в этом направлении. Даже во время заседаний I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства на Урале с оружием в руках поднялись чешские легионы; июнь стал свидетелем стремительного развития гражданской войны и начала вторжения союзных войск. Все это способствовало тому, чтобы спровоцировать усиление нервного напряжения в Москве и ускорить необходимость более жесткой организации и контроля за промышленностью. Однако непосредственный импульс к активным действиям исходил с совершенно другой стороны. Германская оккупация Украины после Брест-Литовска быстро увеличила заинтересованность Германии в российских ресурсах, и акции в российской тяжелой промышленности в широких масштабах скупались германскими компаниями. Если бы этот процесс продолжался и дальше, то в германскую собственность могла перейти значительная часть российской промышленности, поэтому следовало опасаться германского дипломатического вмешательства против национализации. Согласно некоторым официальным сообщениям, посол Германии в Москве Мирбах уже получил к тому времени инструкции выразить по этому поводу протест¹⁹¹.

Эти опасения привели к драматическим событиям 28 июня 1918 г., после продолжавшегося всю ночь совещания Совнаркома, был выпущен декрет о национализации всех важных отраслей промышленности. Цели этого декрета, как было заявлено в его краткой преамбуле, сводились к осуществлению «решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой» и «упрочению диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты» — это было попыткой провести довольно-таки иллюзорную параллель между этим декретом и учреждением комитетов крестьянской бедноты как инструмента проведения аграрной политики. Среди отраслей промышленности, все имущество которых ныне объявлялось «собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», были названы горная, металлургиче-

ская и металлообрабатывающая, текстильная, электротехническая, лесопильная и деревообделочная, табачная, стекольная и керамическая, кожевенная, цементная, а также все паровые мельницы, предприятия по местному благоустройству и в области железнодорожного транспорта и несколько менее важных отраслей. Однако после этого лихого введения составители декрета обнаружили проницательное осознание различия — на котором в свою очередь настаивали как Ленин, так и Рыков, — существующего между национализацией предприятия и управлением им после того, как оно национализировано. Задача «организации управления национализируемыми предприятиями» доверялась «в срочном порядке» ВСНХ и его секциям. Однако до тех времен, пока ВСНХ не выпустит специальные инструкции, касающиеся упомянутых в декрете конкретных предприятий, эти предприятия должны были рассматриваться как переданные в безвозмездное арендное пользование прежних владельцев, которые должны были по-прежнему осуществлять финансирование и извлекать из них доход; при этом директорам и персоналу было под страхом наказания за пренебрежение покидать свои посты¹⁹². Декрет от 28 июня 1918 г. сохранил, таким образом, различие между юридической передачей прав собственности государству — что само по себе еще не влекло за собой никаких практических последствий — и практическим принятием на себя государством ответственности за управление. Первый шаг был теперь — в том, что касалось основных отраслей промышленности, — под угрозой германского вмешательства поспешно завершен. Второй шаг — осуществленный, возможно, с большой скоростью, чем полагали составители декрета, — был сделан под давлением гражданской войны.

в) Труд и профессиональные союзы

Марксистская программа провозглашала то, что лежало в основе «трудовой» политики. Она извлекала логические выводы из теории, согласно которой труд является единственным источником стоимости; и это обстоятельство превращало пролетариат в главный инструмент и в главное действующее лицо, которое должно было извлечь выгоду из грядущей революции. Если она порой и казалась безразличной к тем требованиям, которые обычно фигурировали в «рабочих» платформах, то это потому что подобные требования предполагали признание капиталистической системы и имели смысл лишь до тех пор, пока такая система продолжала существовать. Следовательно, эти требования могли быть только вторичными; главной целью рабочих должно было всегда быть свержение капитализма, а не улучшение своего положения в рамках этого строя. Пункты, которые фигурировали среди минимальных требований рабочих, содержащихся в «Коммунистическом Манифесте», а также в инспирированных им бо-

лее поздних партийных документах, были важны не столько сами по себе, сколько как средство достижения революционной цели. Что случилось с партиями, которые исключительно или чрезмерно концентрировали свою деятельность на этих минимальных требованиях, показывали примеры «ревизионистов» в Германии и «экономистов» в России. Держа в голове эти примеры, большевики вряд ли были склонны забывать, что они являются партией революционной, а не «реформистской», и их трудовая политика должна рассматриваться именно в свете этого критерия. С другой стороны, они не могли не проявлять определенного интереса к тем практическим требованиям рабочих, которые могли быть в известной мере удовлетворены даже при буржуазном правлении. В принятой в 1903 г. на II съезде Программе партии содержались требования 8-часового рабочего дня, еженедельного выходного дня и прочие знаковые пункты рабочей программы.

Тот же самый элемент неопределенности и компромисса присутствовал и в большевистском отношении к профсоюзам. I Интернационал умудрился искусно лавировать между теми из его членов — главным образом английской группировкой, — которые придавали тред-юнионизму большое значение, и теми, главным образом французами и немцами, кто был склонен вообще исключить его как не соответствующий революционной борьбе. Резолюция, принятая в 1866 г. конгрессом, проходившим в Женеве, признавала, что профсоюзы сохраняют свою необходимость и жизненность, «пока существует современный способ производства», однако предостерегала их против следования «узким» целям и призывала к борьбе «за освобождение угнетенных миллионов»¹⁹³. Эта резолюция цитировалась в 1899 г. Лениным, протестовавшим против так называемого «кредо» экономистов, стремившихся свести деятельность рабочего класса к «экономической борьбе» тред-юнионизма¹⁹⁴. В работах Ленина и других большевиков эта традиция выражалась в сохранившейся привычке использовать выражение «тред-юнионизм» — в английском варианте — в уничижительном смысле. В работе «Что делать?» Ленин писал, что экономисты «постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм», утверждал, что «политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством», и полагал, что социал-демократы, хотя они и должны работать в профсоюзах, не должны делать попыток построить социал-демократические профсоюзы¹⁹⁵. На проходившем в 1906 г. в Стокгольме IV съезде партии принцип «беспартийности» профсоюзов поддерживали равным образом как большевики, так и меньшевики, и он был включен в принятую съездом резолюцию¹⁹⁶. Прошедший в 1907 г. в Лондоне следующий съезд, хотя и подтвердил эту резолюцию, привлёк внимание к необходимости «признания профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии»¹⁹⁷, а позднее в том же году Ленин объявил о своем переходе на точку зрения, что нейтральность

профсоюзов «*принципиально отстаивать нельзя*»¹⁹⁸. В следующем году к этому тезису присоединился Центральный Комитет партии, и отныне он занял свое место как признанный пункт партийного учения¹⁹⁹. Тенденция рассматривать профсоюзное движение как нечто имевшее для партии вспомогательное значение и как инструмент партийной политики была внутренне присуща большевистской доктрине и усиливалась с каждым шагом, направленным на то, чтобы стимулировать более активное участие партии в деятельности профсоюзов²⁰⁰.

Большевистская позиция в отношении рабочей политики и профсоюзов отражала российские условия. До 1905 г. не существовало никакой программы по улучшению условий труда, которая имела бы хоть какие-нибудь шансы на успех, а профсоюзное движение находилось еще в эмбриональном состоянии. Время от времени случались серьезные забастовки, однако они представляли собой только беспорядочные и стихийные взрывы недовольства против невыносимо тяжелых условий. В 1905 г. непокорные рабочие организовывались не в профсоюзы, а в Советы — органы, которые с самого начала имели политический и революционный характер. Первые в России профсоюзные конференции были проведены в 1905 и 1906 гг., однако в последовавший за этим период репрессий профсоюзы пострадали едва ли меньше, чем левые политические партии. Февральская революция 1917 г. принесла профсоюзам возрождение и большой приток новых членов. Роль профсоюзов в период между Февральской и Октябрьской революциями уже была описана²⁰¹. Прошедший в августе 1917 г. VI съезд партии упоминал в своей резолюции «Об экономическом положении» в числе «рабочих организаций» профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и Советы рабочих депутатов, не делая попыток провести различие между их характером и функциями²⁰². Однако в сознании наиболее радикально настроенных и активных рабочих профсоюзы затмевались силой Советов²⁰³; а в том, что касается отношений между профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами, большевики вплоть до Октябрьской революции имели все основания поддерживать эти комитеты, которые имели революционный облик и содержали большевистское большинство, против профсоюзов, которые стояли за упорядоченную организацию труда и находились под преимущественным влиянием меньшевиков.

Поворотный пункт в большевистской позиции наступил вскоре после победы Советской власти. Российские профсоюзы, появившиеся на свет слишком поздно и уже в сложившихся условиях крупномасштабной промышленной организации, имели тенденцию расти не на базе отдельных профессий или ремесел, а на базе отраслей промышленности в целом. Большинство российских профсоюзов было по этой самой причине не только более всеобъемлющим и не только имело более широкий и обобщенный состав членов, чем их западные аналоги, но и было более склонно к тому,

чтобы рассматривать себя скорее как представителей всех рабочих в целом, чем той или иной конкретной профессиональной группы²⁰⁴. Эта традиция, развитию которой способствовала та квазиреволюционная обстановка, в которой российским профсоюзам приходилось действовать, как нельзя лучше подходила для того, чтобы удовлетворить новые конструктивные потребности Советской власти. Прежде всего революционное правительство поспешило провести в законодательном порядке те меры трудового законодательства, которые уже давно были привычны в западных демократических странах, не уделяя особенно большого внимания тому, насколько они могут быть практически осуществимы в сложившихся в то время в России условиях. Через четыре дня после революции был выпущен декрет, провозгласивший принцип 8-часового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели, ставивший ограничения на работу женщин и подростков и запрещающий использование труда детей в возрасте младше 14 лет²⁰⁵. В декретах от 11/24 декабря 1917 г. и 22 декабря 1917 г./4 января 1918 г. содержались положения о страховании на случай безработицы и болезни²⁰⁶. Проводить в жизнь эту политику «протекционистского» рабочего законодательства было невозможно без сотрудничества какого-то центрального органа, который представлял бы рабочих. Эту брешь заполнили профсоюзы, и их позиции соответствующим образом упрочились. За отсутствием другого аппарата на них было возложено управление социальным страхованием, которое было предусмотрено декретом от декабря 1917 г.²⁰⁷ Во-вторых, Советское правительство теперь испытывало острую нужду в том, чтобы обеспечить противовес возраставшей анархии фабрично-заводских комитетов и рабочего контроля, и нашло этот противовес в лице организации, которая претендовала на то, чтобы представлять общие — в отличие от групповых — интересы рабочего класса. И здесь тоже профсоюзы с триумфом получили то, что им причиталось. Подчинение фабрично-заводских комитетов упорядоченной профсоюзной организации превратилось в цель советской, так же как и профсоюзной, политики.

Новый альянс между правительством и профсоюзами был публично скреплен на проходившем в Петрограде в январе 1918 г. — в момент роспуска Учредительного собрания — I Всероссийском съезде профессиональных союзов. Успех Октябрьской революции оказал воздействие на политический облик союзов: из общего количества в 416 делегатов с правом голоса 273 были большевиками и 66 — меньшевиками²⁰⁸. Будущие взаимоотношения между правительством и профсоюзами сразу же превратились в кардинальную проблему съезда и предмет наиболее упорных дискуссий. Они затруднялись позицией, занятой Лозовским, который, хотя и возглавлял альянс между правительством и профсоюзами, заключенный с целью преодолеть анархию рабочего контроля, со своей обычной энергией высказывался и писал о необходимости сохранить полную автономию профсоюзов по отношению

к органам политической власти и вышел — или был исключен — из большевистской партии. Рязанов, другой ведущий большевик, состоявший в Центральном Совете профсоюзов, остался в партии, но, как было известно, придерживался убеждений, которые были не так уж далеки от позиций Лозовского. Зиновьев, присутствовавший на съезде как главный делегат от большевистской партии, подверг критике «независимость» профсоюзов: этот лозунг, который раньше означал независимость от буржуазии, теперь, при рабочем правительстве, не может означать ничего иного, кроме права «поддержки саботажников». Профсоюзы уже стали частью Советской власти, послав своих делегатов во ВЦИК. С другой стороны, Зиновьев выступал против каких бы то ни было намерений запретить стачки: ведь проблема национализированных отраслей промышленности тогда еще едва-едва зарождалась — правительство даже готово было вносить вклад в забастовочные фонды. Главные ораторы от меньшевиков Майский и Мартов утверждали, что поскольку революция была революцией буржуазно-демократической и никакой иной быть не могла, то профсоюзы должны выполнять свои обычные функции, сохраняя полную независимость от государства. Лозовский, отстаивавший свои позиции с момента Октябрьской революции, благоразумно занял промежуточную линию. Он резко отмежевался от взглядов Зиновьева, категорически осуждая идею, будто профсоюзы должны сразу же превратиться в «органы государственной власти», чьи решения «проводятся принудительным путем». Однако он согласился с выводом — подспудно присутствовавшим и в доводах меньшевиков, — что как только социализм будет достигнут, то исчезнут и возражения против интеграции профсоюзов в рамки государственной машины. Главная резолюция съезда, хотя и приветствовала революцию как «социалистическую революцию», отражала известную степень компромисса с более осторожной позицией Лозовского в отношении временного расписания.

«В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти.

...В результате наметившегося процесса, профессиональные союзы неизбежно превратятся в органы социалистического государства, участие в которых для всех лиц, занятых в данном производстве, будет государственной обязанностью»²⁰⁹.

В действительности I Всероссийский съезд профессиональных союзов заложил принцип подчинения профсоюзов государству, который потом уже около трех лет не подвергался сомнению никем, кроме меньшевиков. Однако фундаментальный вопрос трудовой политики в условиях социалистической экономики был всего лишь едва затронут. В резолюции заявлялось, что профсоюзы «должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны»; и именно в этом духе там в числе наиболее неотложных «задач

дня» назывались такие задачи профсоюзов, как «самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т. п.»²¹⁰. Снова яблоком раздора оказались фабрично-заводские комитеты. Один анархистский делегат описал их как «ячейки будущего общественно-социалистического строя», другой для контраста называл профсоюзы «живыми трупами». Однако съезд без особых осложнений принял резолюцию, в которой провозглашалось, что «фабрично-заводские комитеты должны стать органами соответствующих профессиональных союзов на местах»²¹¹. Включение фабрично-заводских комитетов в централизованную профсоюзную систему означало, что конкретные интересы небольших групп рабочих должны уступить место общим интересам всего пролетариата в целом; а вряд ли можно отрицать, что эти общие интересы состояли зимой 1917/18 г. — так же как и многие годы после — прежде всего в «организации производства» и «воссоздании подорванных производительных сил страны». Многое из этого аргумента было опущено. Однако в своих пределах он еще сохранял силу. Одним из следствий признания профсоюзами этой роли явился поразительно тесный альянс между Центральным Советом профсоюзов и ВСНХ. Оба натерпелись от фабрично-заводских комитетов, оба одинаково верили в централизацию, и оба отстаивали дело промышленного производства против претензий других секторов экономики. Если в капиталистических странах предприниматели и профсоюзы обнаруживают порой общие интересы в борьбе против потребителя или против того, кто представляет сельское хозяйство, в Советской России эти общие интересы отразились во взаимоотношениях между этими двумя важными органами. К марту 1918 г. слияние между советскими и профсоюзными органами в функциях продвинулось достаточно далеко. Основная часть служащих народного комиссариата труда — сокращенно Наркомтруда, — а также областных и местных его представителей, так называемых «трудовых комиссаров», назначалась теперь профсоюзами, и, согласно сведениям, содержавшимся в напечатанной в официальном журнале Наркомтруда статье Шмидта, «весь вопрос, как целесообразнее провести слияние, которое должно произойти главным образом между Всероссийским Советом Профессиональных союзов и Народным Комиссариатом Труда»²¹².

Съезд, на котором было большевистское большинство, избрал новый состав Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов с Зиновьевым в качестве председателя и Шмидтом в качестве секретаря вместо сбившегося с пути, но не раскayавшегося Лозовского. Зиновьев, однако, был слишком загружен другими функциями, и в марте 1918 г., когда штаб-квартира Совета

вместе с правительством переместилась в Москву, его на этом посту сменил Томский, рабочий-большевик, который в течение десяти лет оставался доминирующей фигурой в советском профсоюзном движении и много сделал для повышения его престижа. Начиная с января и в течение последующего времени профсоюзы получили официальное признание как представители и исполнители трудовой политики, в определении которой они могли участвовать с правом совещательного голоса. Было с готовностью принято к сведению, что главной непосредственной целью этой политики — а следовательно, и политики профсоюзов — должны стать организация и расширение производства. Гораздо медленнее осознавался тот факт, что условием увеличения производства — или сохранения того положения, при котором оно продолжало стремительно падать, — была организация труда и усиление трудовой дисциплины и что как раз именно это, следовательно, и окажется главной задачей профсоюзов на последующие годы.

Процесс усвоения этого не свойственного им принципа шел весьма кружным путем. Еще в мае 1917 г. Ленин говорил на Всероссийском крестьянском съезде о возможной необходимости введения «трудовой повинности» с целью обеспечения рабочей силы для широкомасштабных сельскохозяйственных единиц²¹³. В сентябре 1917 г. он, используя более общие выражения, написал, что «жизнь», выйдя уже за рамки капитализма, поставила «всеобщую трудовую повинность» на повестку дня²¹⁴. Накануне революции он с удовлетворением отметил в одном из впечатляющих отрывков работы «Удержат ли большевики государственную власть?», что «хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющими капиталистическими государствами: именно капиталистическое государство создало также и «всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, — это военная каторжная тюрьма для рабочих». Это были уже готовые меры, которые рабочим оставалось лишь перенять и распространить на капиталистов — *«и на богатых вообще»*, — добавил Ленин. Французская революция гильотинировала своих врагов, пролетарская революция заставит их работать на себя. «Кто не работает, тот не ест», — процитировал Ленин, добавив, что это представляет собой «основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»²¹⁵. Подразумевавшаяся там надежда, что если по отношению к капиталистам будет применяться принуждение, то относительно рабочих этой меры не потребуются, ненадолго пережила победу революции. Однако отказаться от нее публично было отнюдь не легко. Когда декретом, принятым в январе 1918 г., были учреждены биржи труда, для предпринимателей стало обязательным нанимать рабочую силу исключительно через эти биржи, что же касается рабочих, то на них возлагалась единственная обязанность регистрироваться на бирже в случае, если они окажутся безработными²¹⁶. Шмидт говорил на состоявшемся в январе

1918 г. съезде профсоюзов о тех, кто виновен в «саботаже» и «противодействии той политике, которую ведет рабочий класс в лице своих представителей власти», и высказал мысль, что «мы не обойдемся без того, чтобы силой принудить их выполнять ту работу, которую они должны выполнять»²¹⁷. В одной из статей, написанных в том же месяце, Ленин снова привел выражение «кто не работает, тот пусть не ест» как «*практическую* заповедь социализма» и незаметно включил «рабочих, отлынивающих от работы», в категорию правонарушителей, которых «посадят в тюрьму»²¹⁸. Однако эта статья была отложена в сторону и не напечатана, и проблема осталась еще на два месяца в подвешенном состоянии.

Брест-литовский кризис и желание найти пути остановить стремительный спад в промышленном производстве сделали вопрос о трудовой дисциплине и трудовых стимулах неотвратимым. VII съезд партии, который принял в начале марта 1918 г. решение о подписании договора, потребовал «самых энергичных, беспощадных, решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины рабочих и крестьян»²¹⁹, а официально ратифицировавший его неделю спустя IV Всероссийский съезд Советов также выступил за «повышение деятельности и самодисциплины трудящихся»²²⁰. Эта проблема была поднята в докладе, сделанном на заседании ВСНХ Милютиным, говорившим о «трудовой повинности, трудовой повинности в расширенном смысле слова, не такой трудовой повинности, которая проводилась на Западе²²¹, не той повинности, представление о которой имеется у масс, которая говорит, что надо поставить всех на работу, а трудовой повинности как системы дисциплины труда и как системы организации труда в целях производства». Такая схема, добавил он, может быть «основана только на независимости и железной самодисциплине масс рабочего класса»²²². Однако в конце концов взял на себя ответственность за проведение этой меры именно Центральный Совет профсоюзов, который выпустил 3 апреля 1918 г. Положение, регулировавшее весь этот вопрос в целом: это было первым подробным заявлением нового строя по вопросу о трудовой дисциплине и трудовых стимулах, а также о тех функциях, которые возлагались в этой связи на профессиональные союзы. В условиях «хозяйственного развала», который угрожает «умиранием» пролетариату, профсоюзы видят свою обязанность в том, чтобы «напрячь все усилия к поднятию производительности труда и последовательному проявлению на фабриках и заводах необходимых основ трудовой дисциплины». Каждый профсоюз должен организовать комиссию* «для определения норм производительности каждого цеха и каждой категории рабочих». С явной неохотой признавалось там использование сдельной оплаты, направленной «к поднятию производительности труда»; кроме того, указыва-

* Так называемые «Бюро нормирования». — *Прим. ред.*

лось, что «премирование повышенной производительности сверх определенной нормы выработки до определенного предела может явиться полезной мерой к поднятию производительности, не истощающей работника». Наконец, в случае, если «отдельные группы рабочих» откажутся подчиниться профсоюзной дисциплине, они могут в качестве крайней меры быть исключены из профсоюза «со всеми вытекающими из того последствиями»²²³.

Эти правила вскоре вызвали критические нарекания. Левая оппозиция в своих тезисах — которые были зачитаны на собрании, состоявшемся 4 апреля 1918 г., и опубликованы две недели спустя в «Коммунисте»²²⁴ — с негодованием упоминала о «рабочей политике, направленной на водворение среди рабочих дисциплины под флагом «самодисциплины», введение трудовой повинности для рабочих, ...сдельной платы, удлинения рабочего дня и т. п.», утверждая, что «введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве... грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство, как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата»²²⁵. Меншевицкий журнал заявил в адрес большевиков, что «под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьми-часового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тейлора»²²⁶ — тейлоризм был некогда широкоизвестной американской системой повышения эффективности труда, которую Ленин когда-то описывал как «порабощение человека машиной»²²⁷. Ленин на заседании ВЦИКа принял этот вызов. Только «деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда», а «наша диктатура пролетариата есть обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда...»²²⁸. В первом варианте брошюры «Очередные задачи Советской власти», которая была задумана как аргументированный ответ левой оппозиции, он писал о «задаче обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся» и добавил:

«Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения»²²⁹.

В опубликованном тексте брошюры осторожность вынудила его высказаться на этот счет несколько менее откровенно:

«...Условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости*, интенсивности труда, лучшей его организации...

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины... Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдель-

* У Карра ошибочно переведено как «скорости» («speed»). — *Прим. ред.*

ную плату, применение многого что есть научного и прогрессивно-го в системе Тейлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д., и т. п.»²³⁰.

Следует отметить, что наиболее сильные чувства вызывали в то время не проекты введения принудительной трудовой повинности, а внедрение сдельной оплаты труда и других дискриминационных вознаграждений в качестве стимулов к достижению более высокой производительности труда. Дело здесь касалось не столько вопроса о трудовой дисциплине, сколько проблемы равенства. Именно разделение труда при капитализме превратило, по словам «Коммунистического Манифеста», рабочего в «придаток машины». Признанной целью социалистов было покончить с различиями между промышленным и сельскохозяйственным трудом, между умственным и физическим трудом; это рассматривалось как прелюдия к установлению общества равноправия²³¹. Следовательно, социалистическая политика должна обеспечивать равную оплату всем. Энгельс хвалил Парижскую коммуну за то, что она «платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, какую получали другие рабочие»; и он утверждал, что поскольку при социализме образование и профессиональное обучение будут оплачиваться за счет общества, то более квалифицированный рабочий не может выдвигать перед государством требований о более высоком вознаграждении, чем менее квалифицированный рабочий²³². Похоже, однако, что эти аргументы несколько размыли границу между непосредственными возможностями и конечной целью. Когда Маркс в «Критике Готской программы» проводил различие между низшей и высшей фазами «коммунистического общества», он ясно дал понять, что на низшей стадии распределение все еще будет осуществляться не в соответствии с потребностями, а согласно выполненной работе. До тех пор пока производство не расцветет достаточно обильно, чтобы позволить полную реализацию коммунизма с его принципом «каждому по потребностям», единственной возможной формой равенства — хотя, в сущности, это и являлось принципом неравенства, поскольку индивидуальные способности всегда неравны, — было равное вознаграждение за равный труд²³³. Тем не менее Ленин в написанной накануне революции работе «Государство и революция» рассматривал как «ближайшую цель» так организовать народное хозяйство, чтобы «техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего»²³⁴; а в своей менее теоретической и более практической брошюре того же периода — «Удержат ли большевики государственную власть?» — он явно предусматривал временное исключение из политики равной оплаты только в пользу «специалистов»²³⁵.

В результате этого учения среди большевистских лидеров, а еще больше среди рядовых большевиков сформировались чрезвычай-

чайно сильные настроения против дискриминации между различными формами труда или различными категориями рабочих; и, хотя они не предполагали официальных требований обеспечить на нынешней стадии революции какое бы то ни было уравнивание оплаты, эти настроения, вне всякого сомнения, подразумевали в качестве идеала именно равенство. Один из первых декретов ограничивал жалование народного комиссара 500 рублями в месяц с дополнительными 100 рублями на каждого неработающего иждивенца — это были цифры, сравнимые с зарплатой квалифицированного заводского рабочего²³⁶; в течение многих лет существовало партийное правило, в соответствии с которым члены партии, получавшие жалование сверх некоего время от времени фиксировавшегося минимума, должны были передавать излишек в партийную кассу²³⁷. С партийной точки зрения, меньшевики, чьими последователями были представители наиболее высококвалифицированных рабочих, являлись естественными защитниками дифференциации в оплате, большевики же стояли за уравнивание. Первый народный комиссар труда Шляпников заявлял, что «общим положением», признанным Наркомтрудом и Центральным Советом профсоюзов, является то, что «между работниками наемного труда не может быть привилегированных» и что, проводя политику фиксированной оплаты и условий найма, мы «изгоняем всякую разницу между пролетариатом воротничков и блузников»²³⁸. Однако никаких специальных обязательств, которые гарантировали бы уравнивание в оплате, принято не было; не предпринималось также и никаких серьезных попыток обеспечить это равенство на практике. Декрет от 19 января/1 февраля 1918 г., который устанавливал шкалу заработной платы для петроградской металлургической промышленности, предписывал в качестве критериев для установления размеров зарплаты на удивление прагматическую систему: в эти критерии включался некий минимум, необходимый для поддержания существования, уровень профессионального мастерства, требуемый для выполнения данного вида работы, наличие особо опасных или тяжелых условий труда, а также относительная важность данной отрасли промышленности в народном хозяйстве. Фиксированные на этой основе уровни заработной платы варьировались от максимального к минимальному в отношении 3:2, к тому же в исключительных случаях декретом допускалось и использование сдельной оплаты. Кроме того, предусматривались вычеты из зарплаты в случае невыполнения нормы производительности и перевод на более низкую ступень оплаты в тех случаях, когда обнаруживалась неспособность справиться с данным видом работы²³⁹. Несколько дней спустя был опубликован декрет об оплате работников почт и телеграфа, устанавливавший шкалу для квалифицированных рабочих в пределах от 215 до 600 рублей в месяц, а «директору» — жалование в размере 800 рублей в месяц²⁴⁰. В этих размерах оплаты не было ничего необычного, кроме того, что они фиксировались официальным декретом.

Какие бы аргументы ни выдвигали отдельные партийные теоретики, новый строй никогда практику дифференцированной оплаты всерьез сомнениям не подвергал. Что в действительности вызывало теперь критику, так это предложение сознательно и намеренно использовать такую дифференциацию в качестве стимула для увеличения производительности.

В этом — как и в других аспектах хозяйственной политики — прошедший в мае 1918 г. I Всероссийский съезд Советов представил спектр наиболее неотложных проблем и противоречий первого периода революции. Томский, принимавший участие в работе съезда в качестве делегата от Центрального Совета профессиональных союзов, заявил, что «все задачи профессиональных союзов в настоящее время тесно переплетены с задачами восстановления разрушенного войной производства», и пришел к заключению, что «Высший совет народного хозяйства и профессиональные союзы — это настолько родственные организации, они так тесно переплелись между собой, что независимая тактика этих двух организаций является невозможной»²⁴¹. Осинский, первый председатель ВСНХ, а ныне член левой оппозиции, повел атаки на «систему сдельной оплаты» и «тейлоризм»²⁴². Лозовский осудил тейлоризм как «теорию построения всего на отборных рабочих, укрепления рабочей аристократии». Еще один делегат, будучи далек от мысли, что это может рассматриваться как недостаток, утверждал, что, «если мы возьмем самого лучшего большевика и дадим ему сдельную работу, он даст нам громадную выработку, превышающую норму»²⁴³. Выводы съезда были весьма уклончивы. Он принял резолюцию «Положение об управлении национализированными предприятиями», где говорилось, что треть членов администрации должна назначаться профсоюзами, одобрялась резолюция Центрального Совета профессиональных союзов «О поднятии производительности труда», признавался принцип, что «за определенную гарантированную заработную плату должна быть гарантирована определенная твердая норма производительности», и выражалось весьма осторожное согласие с принципом сдельной оплаты и «премированием повышенной сверх нормы производительности». Профсоюзы взяли также на себя ответственность за выработку «правил внутреннего распорядка» и возлагали на фабрично-заводские комитеты задачу «строжайшим образом следить за неукоснительным проведением таковых в жизнь»²⁴⁴. Шел процесс формирования не столько некой установленной политики, сколько определенного спектра настроений и мнений. Однако летом 1918 г. этот постепенный процесс был внезапно прерван, и гражданская война, а потом и установленный в результате этой войны военный коммунизм быстро придали этим медленно развивавшимся тенденциям конкретную форму и содержание.

г) Торговля и распределение

В цивилизованном обществе кардинальной проблемой распределения всегда являются взаимоотношения между городом и деревней. В России военного времени эта проблема уже проявила себя в сильной форме продовольственного кризиса. Хлебные карточки были введены в Петрограде и в Москве еще летом 1916 г., а очереди за продовольствием явились важнейшим вкладом в Февральскую революцию. Временное правительство сразу же организовало комитет продовольствия, декретировало государственную хлебную монополию, в соответствии с которой хлеб должен был поставляться государству по твердым ценам, а в мае 1917 г., когда было сформировано коалиционное правительство с участием эсеров и меньшевиков, образовало вместо комитета продовольствия полноправное министерство продовольствия²⁴⁵. Все эти меры, судя по всему, способствовали развитию «черного рынка» и побуждали крестьян извлекать хлеб с рынка в ожидании более высоких цен. Функции министерства продовольствия включали не только руководство осуществлением хлебной монополии и установление твердых цен на хлеб, но также и обеспечение поставок крестьянам по сходным ценам таких товаров, которых они требовали в обмен на свою продукцию. Так, в сентябре 1917 г. был выпущен приказ о передаче в его распоряжение с целью обеспечить процесс обмена с крестьянами 60% продукции текстильной промышленности, оставшейся после удовлетворения потребностей армии²⁴⁶. Однако и эти меры оказались неэффективными; проведенное два раза повышение официальных цен на хлеб в ответ на давление со стороны аграрного населения способствовало дискредитации Временного правительства в глазах голодающего городского населения в течение последнего периода его существования.

В период между февралем и октябрём большевики, естественно, эксплуатировали каждую неудачную попытку Временного правительства установить справедливую систему распределения. Ленинские Апрельские тезисы, написанные в 1917 г., призывали осуществить контроль Советов над распределением, а также и над производством; в число «крупнейших синдикатов капиталистов», над которыми требовалось установить «государственный контроль» резолюция Апрельской конференции, включались как синдикаты обрабатывающей промышленности, так и коммерческие²⁴⁷. Начиная с этого времени распределение обычно называли наряду с производством в числе тех областей деятельности, которые требовали общественного — или рабочего — контроля и были включены в тот «государственный аппарат», который, по словам Ленина, «является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме»²⁴⁸. На другой день после Октябрьской революции Петроградский Совет потребовал «рабочего контроля над производством и распределением продуктов»²⁴⁹. Декрет от 14/27 ноября 1917 г. о

рабочем контроле номинально относился как к предприятиям, связанным с производством, так и к предприятиям, занятым распределением. Однако весь этот декрет в целом — так же как и все партийные изречения предреволюционного периода — был явно направлен по замыслу его авторов к заводским рабочим; служащие магазинов и других предприятий сферы распределения не были рабочими в узком смысле этого слова и не имели как таковые соответствующих форм организации; к тому же среди них у большевиков было не так много сторонников. Персонал бывшего министерства продовольствия, судя по имеющимся сведениям, продолжал подчиняться приказаниям учрежденного Временным правительством Совета продовольствия и в течение нескольких недель отказывался признать только что назначенный народный комиссариат продовольствия²⁵⁰. Новый строй столкнулся с почти полным развалом существующей системы распределения, как коммерческой, так и государственной, причем в ситуации, когда у него еще не было средств создать свою собственную.

Прямолинейная простота этой проблемы отнюдь не облегчала ее решения. Выпущенный три дня спустя после Октябрьской революции декрет, возложивший на городские органы самоуправления ответственность за распределение продовольствия, а также «предметов первой необходимости» и за контроль над продовольственными магазинами, ресторанами, гостиницами и мукомольными мельницами во всех городах с населением свыше 10 тыс. жителей²⁵¹, был не более чем жестом; ведь, судя по всем данным, нехватка была связана в основном не с недостатками в распределении внутри городов, а с тем, что продовольствие не поступало в города из деревни. Обращение к армии показывало ту тревогу, которую вызывало в Совнаркоме неблагоприятное положение комиссариата на фронте.

«Продовольствие в стране есть. У помещиков, кулаков, торговцев имеются огромные скрытые запасы съестных припасов. Высшие государственные чиновники, высшие железнодорожники и банковские служащие помогают буржуазии против солдат, рабочих и крестьян... Банковские директора отказывают Советской власти в деньгах на экстренные продовольственные расходы»²⁵².

В этом обращении содержалось обещание принять «самые решительные меры» против «спекулянтов, мародеров, казнокрадов и контрреволюционеров-чиновников» — декрет угрожал, что все такие лица «арестуются и будут заключены в крепость Кронштадтской тюрьмы» Военно-революционным комитетом²⁵³. Однако тон этих заявлений свидетельствовал о том, что куда легче найти козлов отпущения, чем эффективные средства решения проблемы. Спекуляция неизбежно присуща всякому периоду политического и экономического распада; ведь первый экономический декрет Французской революции был направлен против спекулянтов, создававших тайные запасы продовольствия. Перед концом 1917 г. газеты начали обращать внимание на новое явление — мешочни-

чество — и описывать деятельность мешочников, которые рыскали по деревням, скупая у крестьян продовольствие, а затем в мешках привозили его в города и распродавали по непомерно высоким ценам²⁵⁴. Декретом ВЦИК от 24 декабря 1917 г./6 января 1918 г. со ссылкой на резолюцию II Всероссийского съезда Советов выносилось постановление о создании при Совнаркоме Всероссийского комитета продовольствия и местных продовольственных комитетов, которые учреждались при местных Советах и находились в их подчинении²⁵⁵. Однако это представляло собой еще один пример попыток преодолеть кризис за счет создания бумажного аппарата, который так никогда и не показал своей эффективности на практике.

Неполадки с распределением были сопряжены с такими же неудобствами, что и спад производства, но еще менее поддавались проверке и контролю. После трех с половиной лет войны крестьянин испытывал острую нужду в тканях, хозяйственном инвентаре и почти всех видах потребительских товаров. И отнюдь не нехватка товаров представляла в то время главную трудность. Многие предприятия все еще сообщали о запасах нереализованных товаров²⁵⁶. То, что произошло, было достаточно ясно. Революция сопровождалась общим нарушением регулярных коммерческих отношений, а спешные попытки нового строя импровизировать официальный аппарат распределения оказались полностью неэффективными. В период между декабрем 1917 г. и мартом 1918 г. целая серия декретов предоставила официальным органам монополию на закупку и продажу текстиля, запасов продовольствия в широком смысле слова, спичек, свечей, риса, кофе и перца²⁵⁷. Следующий за ними декрет объявлял государственной собственностью все склады зерна²⁵⁸. Пытаясь овладеть денежной инфляцией, правительство вступило на тот же путь действий, который его лидеры столь резко осуждали в период правления Временного правительства: в течение первых шести месяцев пришлось провести два последующих повышения твердых цен на зерно²⁵⁹. 16 февраля 1918 г. было объявлено о «самой решительной борьбе против мешочничества», а местным Советам и всем железнодорожным организациям были даны указания арестовывать мешочников, а в случае вооруженного сопротивления расстреливать их на месте²⁶⁰. Две недели спустя Ленин разгневанно требовал, что «железные дороги должны быть освобождены от мешочников и хулиганов», и указал, что «спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный „внутренний” враг»²⁶¹.

Однако от этого официального негодования было мало пользы. Правительство не располагало запасами тех продуктов и товаров, которые оно брало на себя контролировать и распределять; норма выдачи продовольствия в городах упала до голодного уровня, выжить можно было только за счет «черного рынка», где еще в небольших количествах и по непомерным ценам можно было купить продукты. Однако официальные органы не оставляли по-

пытках найти выход. 25 марта 1918 г. Совнарком ассигновал более миллиарда рублей для финансирования закупок товаров, которые предполагалось продавать крестьянам в обмен на зерно²⁶². Наконец, декрет от 2 апреля 1918 г. — первый, где была предпринята попытка нового строя подойти к проблеме распределения систематически и решить ее в целом, — уполномочивал Наркомпрод закупить потребительские товары всех видов, от предметов одежды до гвоздей и подков, для обмена с крестьянами на зерно и другие продукты. Процесс распределения передавался в руки местных органов Наркомпрода или назначаемых ими организаций, однако в работу по обеспечению этого распределения предписывалось вовлекать бедных крестьян, дабы гарантировать, что «нуждающееся население» тоже получит свою долю; этот законопроект имел, таким образом, свою классовую основу, которая легко могла вступить в противоречие с его экономическими целями²⁶³. Сомнительно, чтобы этот декрет оказался эффективнее своих предшественников. За пределами крупных городов предписания советских властей имели еще весьма слабое воздействие. Комитетов продовольствия или каких-нибудь других государственных органов, которые были бы способны управлять торговлей хоть в сколь-нибудь значительных масштабах, практически еще не существовало.

Тем временем к решению этого вопроса начал применяться и другой подход, который в конечном счете оказался более перспективным. В России было широко развито кооперативное движение, которое осуществлялось в трех формах: производственные кооперативы, включая как сельское хозяйство, так и городские ремесла, кредитные кооперативы и потребительские кооперативы. Все они внешне политического характера не имели, однако кооперативы производителей и кредитные, которые были почти исключительно сельскими, были связаны с эсерами, а потребительские кооперативы, преимущественно городские, — с меньшевиками. В одной из своих ранних работ Ленин высказал презрительное отношение к крестьянским банкам и «дешевому кредиту», которые были пунктами платформы народников, считая, что они рассчитаны на то, чтобы «только усилить и развить буржуазию»²⁶⁴. Социалисты же в прошлом традиционно с подозрением смотрели на производственные кооперативы, считая, что они имеют тенденцию вырождаться в кое-как завуалированные капиталистические предприятия. В 1910 г. Ленин составил проект резолюции Копенгагенского конгресса II Интернационала, где высказывался о производственных кооперативах как о товариществах, которые «в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных», однако сдержанно одобрил кооперативы потребительские²⁶⁵. Именно к российским потребительским кооперативам и обратились теперь большевики. Они подразделялись на два типа — рабочие кооперативы, концентрировавшиеся вокруг предприятий, и общие кооперативы,

находившиеся главным образом под патронажем мелкой буржуазии. Революция оказала на рабочие кооперативы стимулирующее воздействие. Утверждалось, что один заводской рабочий кооператив в Москве насчитывал 200 тыс. членов, а рабочий кооператив Путиловского завода в Петрограде — 35 тыс. членов. Прошедший в Петрограде в августе 1917 г. съезд принял решение создать специальный центральный орган рабочих кооперативов²⁶⁶. Это решение, однако, судя по всему, осталось лишь на бумаге. Во время Октябрьской революции существовало от 20 до 25 тыс. потребительских кооперативных обществ различных типов, в которых состояло 7—8 млн. человек²⁶⁷; эти кооперативы группировались вокруг сильного центрального органа, известного как Центросоюз.

Первый шаг сделал Ленин, составивший во время своего рождественского уединения в Финляндии в последние дни 1917 г. проект некоего несколько наивного плана объединения всего населения в местные потребительские общества. Каждое общество должно было иметь прикомандированный к нему закупочный комитет, а сами эти общества со своими закупочными комитетами имели бы монополию на торговлю потребительскими товарами. Однако этот проект вылился в намерение создать подобный аппарат за счет простого процесса овладения всеми действующими кооперативами. «Существующие потребительские общества национализируются, обязуясь включить в свой состав все население данной местности поголовно»²⁶⁸. В январе 1918 г. этот план был опубликован Наркомпродом в форме законопроекта — такой пробный, предварительный характер его представления показывал, что против него ожидались оппозиционные выступления и что Советское правительство не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы ввести эту политику одним росчерком пера. Переговоры с кооперативами продолжались почти три месяца. С точки зрения большевиков, положение кооперативов и правильное отношение к ним «радикально изменилось после захвата государственной власти пролетариатом». Однако то, что Ленин описывал как «соглашение с кооперативами буржуазными, как и с кооперативами пролетарскими», было достигнуто лишь после того, как оказался преодолен брест-литовский кризис²⁶⁹. 11 апреля 1918 г. это соглашение было обсуждено и одобрено ВЦИКом; и здесь тоже о нем говорили как о «компромиссном решении, страдающем существенными недостатками»²⁷⁰. Эти апологетические заявления были данью силе организации, которая была способна вести самостоятельные арьергардные бои против правительства, еще не уверенного в своей власти. В соответствии с теперь уже официально выпущенным декретом потребительские кооперативы должны были быть открыты для всех, чтобы «влиять все население»; с другой стороны, членство не должно было быть автоматическим и бесплатным, хотя неимущие люди должны были приниматься при номинальном взносе размером в 50 коп. Не обладали кооперативы, как то предусматривал ленинский проект, и монополией торговли по-

требительскими товарами. Признавались также и частные торговые объединения, хотя в качестве «побудительного стимула для вступления других в члены кооперации»²⁷¹ при любых торговых сделках взимался 5%-ный налог или сбор, который кооперативы возвращали своим членам в конце года²⁷². В каждой местности могли действовать два — и не более — кооператива — «общегражданский кооператив» и «кооператив рабочего класса»; это различие соответствовало уже существовавшей практике. Наконец, кооперативы, так же как и частные торговые фирмы, подчинялись регулированию, инспекции и контролю со стороны ВСНХ²⁷³. Чтобы справиться с этим делом, ВСНХ основал специальную секцию, состоявшую из трех членов его же собственного президиума, представителя Наркомпрода и трех представителей кооперативов²⁷⁴. Этот декрет эффективно втягивал кооперативы в орбиту Советской власти. Хотя на первый взгляд казалось, что он способствовал их усилению за счет расширения численности их членов и привилегий, которые предоставлялись им в ущерб частным торговцам, на самом деле декрет делал их подотчетными органу Советского правительства и зависимыми от него; а ВСНХ в процессе проведения этого декрета в жизнь превратил, судя по всему, эту зависимость в реальную.

В хаотической ситуации весны 1918 г. декрет о кооперативах внес весьма небольшой вклад в решение проблемы торговли и распределения между российскими заводами и российскими крестьянскими хозяйствами. Однако он внес новый элемент путаницы в соперничество между ВСНХ и Наркомпродом. Ведь декрет подчинял кооперативы не комиссариату, а ВСНХ, хотя общая тенденция развивалась в то время в сторону такого разделения функций, при котором контроль над производством возлагался на ВСНХ, а контроль над распределением — на Наркомпрод. Так называемый декрет «О хлебной диктатуре», выпущенный 9 мая 1918 г., признавал Наркомпрод как «единое учреждение», в котором должны быть централизованы «все распоряжения продовольственного характера», и передавал в его подчинение все местные продовольственные организации²⁷⁵. В этом декрете не делалось никаких упоминаний ни о ВСНХ, ни о кооперативах. Следующий декрет, от 27 мая 1918 г., «О реорганизации Народного Комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов», чьей декларируемой целью было «объединить в одном органе снабжение населения всеми предметами первой необходимости и продовольствия, организовать в государственном масштабе распределение этих товаров и подготовить переход к национализации торговли предметами первой необходимости», попытался восполнить этот пробел. В нем содержался пункт, предусматривавший, что цены на предметы первой необходимости должны будут устанавливаться ВСНХ «совместно с» Наркомпродом, а «распределение между населением осуществляется местными правительственными организациями при участии кооперации». В созданный при Нар-

компроде Совет продовольствия должны были входить представители как от ВСНХ, так и от Центросоюза. Тем не менее основная часть декрета была посвящена дефинициям, касавшимся учреждения и прерогатив местных продовольственных комитетов Наркомпрода, не упоминая при этом никаких прочих организаций, действующих в этой же области; это намерение сконцентрировать власть над всеми формами распределения в руках Наркомпрода было даже почти не замаскировано²⁷⁶.

Первые серьезные дискуссии по кардинальной проблеме торговли и обмена между городом и деревней прошли на состоявшемся в конце мая 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства²⁷⁷. В ходе их было поднято множество головоломных вопросов. Весьма знаменательно, что торговля почти полностью перестала осуществляться по официальным каналам и по официальным ценам, и распределение перешло в руки мешочников и прочих контрабандных или незаконных торговцев, которые осуществляли свои сделки либо путем прямого товарообмена, либо по ценам, не имевшим никакого отношения к официально установленным тарифам. Те, кто пытался установить диагноз этой болезни, давали два различных объяснения. Согласно некоторым, эти помехи обязаны были просто-напросто нарушениям аппарата распределения, исчезновению фирм или отдельных лиц, благодаря которым действовал этот аппарат при капиталистической системе. Другие считали, что трудности проистекали прежде всего из проблемы денежного обращения. Официально зафиксированные правительством твердые цены на зерно и другие предметы первой необходимости не имели практического смысла из-за денежной инфляции, связанной со все возрастающим выпуском бумажных денег. Те, однако, кто был согласен со вторым объяснением, расходились по вопросу о средствах решения этой проблемы. Некоторые утверждали, что для учета обесценивавшейся стоимости денег следует поднять цены, другие предпочитали провести дефляционную политику, сохраняя низкие цены, сократив выпуск бумажных денег, дабы восстановить их падающую стоимость²⁷⁸. Второе объяснение, приписывавшее нарушения причинам денежного характера, имело под собой весьма убедительные основания. Однако поскольку те, кто это проповедовал, были разделены между собой, а также и в связи с тем, что ни прогрессивное повышение цен, ни сокращение выпуска бумажных денег не были в первые месяцы 1918 г. практически осуществимы, то получила официальное признание и оказала воздействие на политику того времени именно первая гипотеза, утверждавшая, что неполадки можно устранить за счет усовершенствования организации. Резолюция съезда выявила ревнивые чувства в связи с экспансией Наркомпрода в сфере распределения, однако мало что смогла предложить конструктивного. Наиболее новым из содержавшихся в ней предложений было то, что, поскольку «частно-торговые аппараты разрушены или парализованы, или же заняты широко-развитой спекуляцией», а

также ввиду «почти полной остановки процесса обмена, что грозит гибелью стране», следует предпринять попытки использовать частные торговые фирмы «под руководством и контролем государственных органов, преимущественно на началах комиссионных»²⁷⁹.

Съезд позаботился в то же время и о том, чтобы обеспечить власть ВСНХ над кооперативами. Он принял резолюцию, где подтверждалось, что «деятельность кооперативных организаций... должна быть согласована и поставлена в тесную связь с деятельностью советских организаций», причем этот процесс должен распространяться на сельскохозяйственные и кредитные кооперативы, а также и на потребительские кооперативы; там говорилось, что **важным условием обеспечения, общественного распределения продуктов и предметов массового потребления** является превращение кооперативов в общие организации, охватывающие все население; наконец, в резолюции утверждалось, что общий надзор над кооперативным движением должны осуществлять областные и местные совнархозы под руководством ВСНХ²⁸⁰. Общее намерение превратить кооперативы в инструмент советской политики были очевидны. Однако власти, необходимой, чтобы ввести какую бы то ни было согласованную систему распределения, все еще было недостаточно. Взаимоотношения между местными совнархозами и местными продовольственными комитетами по-прежнему носили столь же неопределенный характер, что и взаимоотношения каждого из них с местными Советами²⁸¹. Конечно, в Москве настроения межведомственного соперничества носили достаточно острый характер, да и на местах часто возникали трения между продовольственными комитетами и кооперативами, которые пользовались покровительством ВСНХ. Вряд ли можно было бы избежать серьезного столкновения из-за раздела сферы компетенции, если бы либо ВСНХ, либо Наркомпрод были в действительности способны осуществить эффективный контроль за распределением или если бы местные совнархозы и продовольственные комитеты имели бы достаточно времени, чтобы пустить хоть какие-то корни в экономической жизни деревни. Однако все эти новые учреждения находились еще в эмбриональном состоянии, многие из них существовали только на бумаге, а многие и вовсе не существовали. Лишь только в стране разразилась гражданская война, как учрежденный недавними декретами аппарат обмена и распределения оказался сразу же вытеснен, и в течение некоторого времени наиболее эффективными инструментами извлечения зерна у крестьян были «железные отряды», сформированные из рабочих в городах и на предприятиях, которые усиливались за счет местных Комитетов крестьянской бедноты. Единственными производственными органами, чьи давно установленные основы позволили им до некоторой степени противостоять всемирному потоку и в конечном счете выжить, оказались кооперативы. В течение следующего периода именно кооперативы, которые с помощью жестких и принудительных мер втягивались в систему Советской вла-

сти, стали основными инструментами распределительной политики страны.

В то время как советский контроль над внутренней торговлей осуществлялся с такими перебоями и прошел через многие компромиссы и отступления, внешняя торговля была той областью хозяйственной деятельности, где окончательная форма регулирования — полная государственная монополия — была достигнута в течение шести месяцев после Октябрьской революции и практически без каких бы то ни было промежуточных стадий. Столь стремительное развитие этого процесса было обязано не существованию предварительных теоретических концепций — было бы трудно обнаружить хоть какое-нибудь большевистское заявление, сделанное до революции, по вопросу о внешней торговле — по наличию определенных специфических условий. До 1914 г. для российской внешней торговли было характерно существенное превышение экспорта над импортом, поскольку Россия была вынуждена оплачивать услуги, которые оказывали ей западные капиталисты. Во время войны полностью прекратилась торговля с самым крупным торговым партнером России — Германией; торговля с остальным миром оказалась ограничена как теми общими нехватками, которые ограничивали торговлю повсюду, так и особыми трудностями, связанными с доступом в Россию. В результате сильно сократившееся производство России — касалось ли это продовольствия, сырьевых материалов или готовой промышленной продукции — оказалось полностью поглощено деятельностью, связанной с удовлетворением военных потребностей, не оставляя ничего, что можно было бы пустить на экспорт. В этих условиях российская внешняя торговля сократилась до ограниченных размеров и состояла главным образом из поставок, направляемых в Россию ее союзниками, так что баланс того, что еще оставалось от внешней торговли, стал резко пассивным. Когда после Октябрьской революции союзники прекратили поток поставок в Россию — систематическая блокада была установлена после Брест-Литовского договора, — то торговля с внешним миром почти полностью прекратилась. Для большевиков резкое прекращение внешней торговли было симптомом и символом их изоляции во враждебном мире. Тому, что здесь Советскому правительству оказалось проводить радикальную политику легче, чем в других областях, способствовали и некоторые другие особые факторы. До 1914 г. основная часть российской внешней торговли осуществлялась иностранными компаниями, которые имели свои отделения в Петрограде и Москве; очень многие из них были германскими компаниями или осуществляли операции с помощью германских посредников — все они исчезли, как только разразилась война. Во время войны все большая и большая часть сокращавшейся российской внешней торговли осуществлялась при прямом или косвенном государственным контроле. Когда произошла Октябрьская революция, част-

ные интересы в этой области уже практически были вытеснены или ослаблены войной и оказались, таким образом, достаточно уязвимыми.

Советская внешнеторговая политика, так же как и промышленная политика, развивалась во многом под воздействием тех же самых импульсов, которые характерны для политики всякой воюющей страны. До 1914 г. правительства, активно стремясь обеспечить благоприятные условия для прибыльной деятельности своих собственных производителей и торговцев, занимались прежде всего тем, что стимулировали экспорт и ограничивали импорт тех товаров, которые могли конкурировать с продукцией национальной промышленности. Война выявила повсюду противоречия между национальными интересами в широком смысле слова и теми личными интересами, которые и были ранее регуляторами в международной торговле. Теперь политика правительств сводилась к тому, чтобы импортировать максимальные количества товаров, необходимых в той или иной мере для ведения войны, и сократить экспорт до того минимального уровня, который был необходим, чтобы финансировать этот импорт, без которого нельзя было обойтись. Как импорт, так и экспорт стали теперь объектами процесса отбора, который диктовался не перспективными прибылями отдельных лиц, а общими соображениями, связанными с национальными интересами. Эти цели достигались за счет системы государственного контроля, которая была следствием и спутником преваляровавшей системы «государственного капитализма» в промышленности. Если Советская Россия довела эту новую политику контроля над внешней торговлей до ее логического завершения — в то время как капиталистические государства легко отказались от нее, лишь только миновал непосредственный кризис, — то произошло это отчасти потому, что эта политика нашла подтверждение в социалистической теории, но главным же образом вследствие того, что более слабое состояние советской экономики делало такую поддержку совершенно необходимой.

Советская внешнеторговая политика была вначале сформулирована как акция оборонительного характера. Несколько дней спустя после Октябрьской революции американский военный атташе в Петрограде проинформировал российский Генеральный штаб, что «если большевики останутся у власти и осуществят свою программу заключения мирного договора с Германией, то действующее ныне эмбарго на экспорт в Россию останется в силе»²⁸²; на что «Известия» гневно отреагировали, заявив, что «Северо-американская плутократия согласна, будто бы, отпускать нам паровозы только в обмен на головы русских солдат»²⁸³. В том режиме острой недостаточности, который это эмбарго накладывало на Россию, необходимо было срочно искать способы обеспечить защиту против тех внутренних врагов строя, которые могли быть заинтересованы в том, чтобы, с одной стороны, истощать скудные ресурсы России в интересах своих иностранных

клиентов, а с другой — импортировать в страну те товары, которые еще можно было найти за рубежом по прибыльным для них ценам, а не те, в которых общество испытывало острую потребность. Выпущенный 5/18 декабря 1917 г. первый декрет ВСНХ ознаменовал собой попытку заложить принципы контроля за экспортом и импортом. Продовольствие, «в том числе даже уже находящийся в Архангельске чай и прочие продукты», экспортировать запрещалось; «меха, персидские ковры и иные предметы роскоши» могли экспортироваться в «Швецию и другие страны», которые готовы были разрешить экспорт из них в Россию «машин, частей машин и иных предметов, необходимых для русских заводов»; сырье можно было экспортировать только в том случае, если имелись сведения о достаточном обеспечении этими видами сырья российской промышленности; импортировать разрешалось только предметы, «безусловно необходимые для русского хозяйства». Ответственность за выдачу лицензий на импорт и экспорт возлагалась на один из отделов ВСНХ²⁸⁴. В конце декабря Совнарком опубликовал декрет, который официально запрещал любой импорт или экспорт товаров при отсутствии такой лицензии²⁸⁵. Наблюдавшиеся зимой 1917/18 гг. трудности с судоходством представляли собой, возможно, более эффективную преграду для внешней торговли, чем те ограничения, которые наложило правительство. 26 января/8 февраля 1918 г. была введена новая форма контроля через национализацию торгового флота²⁸⁶.

Подписание 3 марта 1918 г. Брест-Литовского договора обрубило все шансы на то, чтобы вновь открыть торговлю со странами Западной Европы, однако одновременно с этим подняло вопрос о советско-германской торговле. Конечно, здесь и речи не могло быть о торговле на равноправных началах. В своей первоначальной декларации советская делегация предлагала, среди прочих вещей, осудить в процессе переговоров «попытки сильных народов подавить более слабые народы такими косвенными методами, как экономические бойкоты, экономическая зависимость путем навязывания торговых договоров и отдельных тарифных соглашений»²⁸⁷. Однако эти надежды были резко отмечены. Помимо непосредственных германских замыслов добраться до житниц Украины, у Германии были все основания рассчитывать на получение от поверженной России всех тех поставок, которые могли бы помочь ей избежать удушающей блокады союзников: заключенное одновременно с Брест-Литовским договором дополнительное экономическое соглашение обязывало Советскую Россию не проводить повышения своих тарифов относительно центральных держав сверх тарифного уровня, который имела Россия в 1903 г., и не вводить запрета или налога на экспорт лесоматериалов или руды²⁸⁸. Трудно оценить, какова была относительная роль различных сил, которые толкали новый строй на ужесточение контроля за торговлей страны, как внутренней, так и внешней. Однако те, кто руководил советской политикой, должно быть, быстро поняли,

что если Советское правительство будет выступать в коммерческих сделках с Германией не просто как орган, наделенный регулирующими функциями, а как главный торговый партнер, то оно в процессе обычных торговых переговоров может накладывать на экспорт основных видов сырья любые ограничения и условия, которые ему только заблагорассудится, не нарушая при этом формально положений Брест-Литовского договора. Государственная монополия на внешнюю торговлю позволяла правительству не только одержать верх над частными интересами, которые могли вступить в противоречие с государственной политикой, но и аннулировать обычные ограничения, которые накладывались действующими международными коммерческими соглашениями — вплоть до договора, заключенного в Брест-Литовске.

Все эти соображения позволяют объяснить ту поспешность, с которой была проведена национализация внешней торговли, осуществленная задолго до национализации основных отраслей промышленности и внутренней торговли. Декретом от 22 апреля 1918 г. вся внешняя торговля объявлялась национализированной, и все коммерческие сделки с иностранными государствами или зарубежными торговыми фирмами должны были осуществляться «от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами». Проведение этого декрета в жизнь поручалось народному комиссариату торговли и промышленности, который должен был создать с этой целью Совет по внешней торговле — в состав этого Совета должны были входить представители ВСНХ и его главков и центров, а также представители кооперативов и профсоюзов и даже частных торговых организаций²⁸⁹. Внешняя торговля подлежала национализации целиком, полностью и безоговорочно, однако, до тех пор пока столь значительная часть производства и распределения все еще оставалась вне государственного контроля, монополия внешней торговли вынуждена была опираться на кооперативы и частные предприятия, сотрудничая с ними на комиссионной основе²⁹⁰ и рассматривая их, наряду с главками и центрами, как своих внутренних поставщиков. Эта аномалия была внутренне присуща создавшейся ситуации. Что было намного серьезнее, так это нехватка товаров и отсутствие кадров. Милютин позднее признавал, что на практике почти все приходилось создавать заново.

«Главное затруднение в проведении декрета в жизнь составит, конечно, создание широкого, разветвленного аппарата для производства, закупки и концентрации товаров в руках государства.

Этот аппарат придется создать, так как до сих пор его не было . . . Только с течением времени и после большой предварительной работы дело национализированной внешней торговли удастся поставить на твердую почву»²⁹¹.

Справедливости ради следует добавить, что все эти недостатки были в организации внешней торговли не более заметны, чем в любой другой отрасли советской экономики, так что в общем и

целом эти препятствия оказались не так уж серьезны; к тому же в лице Красина, который осенью 1918 г. был назначен председателем Совета внешней торговли, большевики имели одного из немногих опытных коммерческих руководителей. Таким образом, тот факт, что монополия внешней торговли была столь рано и столь твердо установлена как одна из жизненно важных частей советской системы, был обязан отчасти сравнительно небольшой роли, которую внешняя торговля играла в российской экономике, отчасти — необходимости принять срочные меры для защиты против экономической эксплуатации со стороны капиталистического мира и отчасти — еще целому ряду случайных обстоятельств.

Весной 1918 г. легче было создать организацию внешней торговли — во всяком случае, на бумаге, — чем сформулировать политику. Однако были предприняты попытки решать и эту задачу. Радек зачитал на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства официальное политическое заявление, разработанное с целью ориентировать членов советской делегации на советско-германских экономических переговорах. Поскольку пассивный баланс советской внешней торговли был на несколько ближайших лет практически неизбежен, то Советская Россия могла получить «необходимые для русского производства заграничные продукты» только за счет займов и кредитов. Этого в свою очередь можно было достигнуть только путем предоставления концессий «для создания новых предприятий, необходимых для систематического развития неиспользованных еще производительных сил России по общему плану». Таким концессиям нельзя было позволять, чтобы они представляли «сферы влияния в России иностранных государств»; из областей, где могли действовать эти концессии, следовало исключить Урал, Донецкий и Кузнецкий бассейны и район Баку; те, кому будут предоставлены концессии, должны будут подчиняться советскому законодательству; Советское правительство должно будет получать часть продукции по рыночным ценам и часть прибыли, если она превышает 5%. В числе прочих условий было требование, чтобы Германия освободила Донскую область и не предпринимала никаких мер, направленных на вмешательство в какие бы то ни было торговые соглашения, заключенные Советской Россией с Украиной, Польшей, балтийскими или кавказскими странами. Заявление было целиком составлено с явным или подразумеваемым расчетом на одну только Германию, однако в нем содержалось и следующее положение, носившее более общий характер:

«Для России, как нейтральной страны, необходимо, в целях восстановления ее народного хозяйства, как восстановление хозяйственно-торговых сношений с центральными державами, так и поддержание и расширение сношений со странами согласия»²⁹².

Ларин упоминал, что в течение зимы 1917/18 гг. он выдвинул план торгового соглашения с Соединенными Штатами, предлагавшего концессию на освоение Камчатки в обмен на товары или

предоставление займов, однако только один Радек воспринял эту идею всерьез²⁹³. Тем не менее, когда американский полковник Робинс вернулся в мае 1918 г. из Москвы в Соединенные Штаты, он привез с собой общее положение о концессиях в духе заявления Радека²⁹⁴; а Бронский описывал на I Всероссийском съезде Советов Америку как «единственную страну, которая могла бы нам что-либо прислать, чтобы восстановить наше народное хозяйство»²⁹⁵. В то время подобные планы были утопичными. Однако столь же преждевременным и нереальным оказался и на первый взгляд более практически осуществимый проект деловых отношений с Германией. Следующие три года занял длительный и болезненный процесс возведения камня за камнем всей структуры советской внешнеторговой политики. Интересно отметить, однако, что наброски будущей концессионной политики Советского государства были уже в некоторых деталях выработаны еще в то время.

д) Финансы

До Октябрьской революции финансовая политика большевиков сводилась к двум многократно и многозначительно подчеркивавшимся требованиям: национализации банков и аннулированию финансовых обязательств прежних российских правительств. Вдобавок к этому прошедший в августе 1917 г. VI съезд партии — и первый из съездов, на котором так или иначе затрагивались финансовые вопросы, — призвал к «немедленному прекращению дальнейшего выпуска бумажных денег» и к осуществлению различных финансовых реформ, в том числе введению налога на имущество, «высоких косвенных налогов на предметы роскоши» и реформе подоходного налога²⁹⁶. Эти последние пожелания рассматривались скорее как попытки подчеркнуть бездеятельность Временного правительства, чем как пункты некой позитивной программы, так что никаких мыслей насчет того, какими путями и за счет каких средств можно было бы провести их в жизнь, там не содержалось. После Октябрьской революции первый шаг был направлен на то, чтобы осуществить главные требования о национализации банков и об аннулировании долгов. Это заняло весь период до Брест-Литовска. И только после того, как был преодолен брест-литовский кризис, были впервые всерьез рассмотрены более широкие проблемы финансовой и денежной политики.

Национализация банков была самым простым и наиболее конкретным пунктом большевистской финансовой программы. Концепция банков как контролирующего рычага плановой и организованной экономики относится еще ко временам Сен-Симона²⁹⁷; она занимала почетное место в социалистической традиции XIX в. Занятая в конце этого века во всей Европе, и в особенности в Германии, банками командная роль в развитии промышленности, казалось, давала этой гипотезе блестящее практическое подтвер-

ждение. Опубликованный в 1909 г. «Финансовый капитал» Гильфердинга рассматривался повсюду марксистами как выдающийся вклад в развитие марксистской теории и послужил Ленину одним из главных источников вдохновения при написании им работы «Империализм, как высшая стадия капитализма»; в своей работе Гильфердинг утверждал, что «овладение шестью крупными берлинскими банками означало бы сегодня овладение важной областью крупной промышленности»²⁹⁸. Ленин еще давно высказал предположение, что одной из главных причин поражения Парижской коммуны было то, что она не взяла в свои руки банки²⁹⁹. В работах, написанных им в 1917 г., он вновь и вновь возвращался к жизненной важности национализации банков³⁰⁰. «На войне, — писал он вскоре после возвращения в Россию, — наживается кучка банкиров, которая держит в руках весь мир». А несколько позднее он охарактеризовал банки как «главные нервные узлы капиталистической системы народного хозяйства»³⁰¹. Прошедшая в апреле 1917 г. партийная конференция потребовала «установления государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк»; а прошедший в июле — августе 1917 г. VI съезд партии призвал к «национализации и централизации банкового дела»³⁰². Наконец, накануне Октябрьской революции Ленин безоговорочно присоединился к традиционной точке зрения на роль банков при социализме.

«Без крупных банков социализм был бы неосуществим.

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем* готовым у капитализма... Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата»³⁰³.

Когда момент наступил, то основы политики нового строя в этом — так же как и в других вопросах — оказались продиктованы в такой же мере текущими потребностями, как и положениями программы этого режима. Российская банковская система распалась на три слоя. Во главе ее стоял Государственный банк, который во всем, кроме названия, представлял собой одно из правительственных ведомств: в соответствии со своим уставом он «подчинялся непосредственно министерству финансов». Он контролировал денежное обращение и кредит, имея с 1897 г. монополию на выпуск бумажных денег, действовал в качестве банкира в отношении правительства и других банковских учреждений страны и выполнял в более широком смысле признанные функции центрального банка, хоть и занимаясь при этом получением вкладов от частных лиц или фирм и предоставлением кредитов. Второе место занимали около 50 акционерных банков, занимающихся осуществлением общих банковских операций и составлявших ядро всей системы; среди них были «семь банков-акул», на долю ко-

торых приходилось более половины всех основных капиталов и вкладов³⁰⁴. Третий слой составляла сеть специализированных банковских и кредитных учреждений, обслуживавших конкретные отрасли производства или торговли или отдельные группы населения; они различались по размерам — от крупного московского Народного бланка, который являлся банком, финансирующим кооперативы, до незначительных по масштабам местных или городских кредитных учреждений.

С самого начала Советская власть занималась первыми двумя из указанных проблем³⁰⁵. Ответом банков на захват власти большевиками была попытка парализовать новую власть с помощью финансового бойкота. Они открывались всего на несколько часов в день или не открывались вовсе; было ограничено изъятие вкладов; предприятиям, где контроль захватили рабочие, не предполагалось предоставлять кредит и выдавать наличные деньги ни для удовлетворения срочных потребностей управления, ни для выплаты заработной платы³⁰⁶. Декрет от 30 октября/12 ноября 1917 г. приказывал банкам возобновить денежные операции и принимать к оплате выписанные на них чеки, угрожая непокорным управляющим тюремным заключением. Однако при этом пояснялось, что декрет был выпущен исключительно в интересах вкладчиков, и опровергались слухи о намерении конфисковать банковский капитал³⁰⁷. Вряд ли удивительно, что приказ, облеченный в столь апологетические выражения, был расценен как признак слабости и проигнорирован. Однако революции не исполнилось еще и двух недель, как нехватка наличных денег вынудила правительство к действиям, пусть даже робким и нерешительным. Первым на очереди оказался Государственный банк, ставший теперь номинально и юридически органом Советского правительства. 7/20 ноября 1917 г. заместитель народного комиссара финансов Менжинский официально потребовал у директора банка от имени Военно-революционного комитета выдать ему 10 млн. рублей для покрытия текущих нужд Совнаркома. После того как это требование было отклонено, Менжинский в тот же день вернулся в сопровождении вооруженного отряда и зачитал собранному персоналу банка официальный приказ о выдаче Рабоче-крестьянскому правительству 10 млн. рублей³⁰⁸. Войска заняли банк. Однако ни их присутствие, ни обращенный на следующий день ВЦИКом призыв к «лояльным» сотрудникам³⁰⁹ не заставили нарушить бойкот; так что шесть дней спустя банк также проигнорировал еще одно распоряжение, предписывавшее ему выдать Совнаркому краткосрочный аванс размером в 25 млн. рублей. В тот же день правительство назначило Осинского «государственным комиссаром» банка, а 17/30 ноября 1917 г. выпустило еще один декрет, в котором содержалось в качестве временной меры указание Оболенскому выдать требовавшиеся 2 млн. руб. на нужды Совнаркома в течение трех дней, дабы покрыть суммы, выданные по ордерам «казенным и общественным учреждениям», а также

«торгово-промышленным предприятиям, коим средства нужны для выдачи заработной платы рабочим»³¹⁰.

Эта последняя мера была явной попыткой сломить сопротивление акционерных банков, которые в течение всех этих трех критических недель продолжали пользоваться определенным снисхождением со стороны новых властей, старавшихся во взаимоотношениях с ними не нарушать существующих законов. Когда полное прекращение деятельности Государственного банка, лишив денежных поступлений, парализовало их деятельность, Оболенский пригласил директоров банков на совещание, продолжавшееся в течение трех дней. В результате было достигнуто соглашение, в соответствии с которым комиссару Государственного банка гарантировалась выдача денег, а частные банки должны были функционировать под надзором Государственного банка и представлять ему отчет в своих действиях³¹¹. Этот компромисс оказался неэффективным и просуществовал весьма недолго. Утром 14/27 ноября 1917 г. вооруженные отряды заняли основные частные банки в столице³¹². Позднее в тот же день, на заседании ВЦИКа, Ленин утверждал, что только упорная обструкция со стороны банков вынуждает правительство применить насилие.

«Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призывали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контакте и отчетности получать ссуды...

Мы хотели идти по пути соглашений с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами»³¹³.

Сокольников, один из партийных финансовых специалистов и будущий народный комиссар финансов, пояснил ВЦИКу, что банки финансировали оппозицию и саботаж и уходили из-под контроля, представляя фальшивые счета³¹⁴. В конце этого заседания ВЦИК одобрил два декрета, которые тотчас же были выпущены. В соответствии с первым объявлялась государственная монополия банковского дела и частные банки вливались в единый Государственный банк³¹⁵; второй предписывал вскрытие всех частных сейфов, конфискацию золота и драгоценных металлов и кредитование векселей по счетам, открытым в Государственном банке на имя их владельцев³¹⁶. Вскоре после этого название «Государственный банк» было изменено на Национальный, или Народный, банк. На той стадии революции слово «государственный» все еще имело для большевиков неприятный и чуждый оттенок.

Однако даже тогда трудность заключалась не в том, чтобы выпустить декреты, а в том, чтобы обеспечить их эффективное осуществление.

«Не было ни одного человека из нашей среды, — сказал Ленин на III Всероссийском съезде Советов, — который представлял бы

себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали... Мы нисколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное нами уже сделано»³¹⁷.

В течение нескольких недель после обнародования декрета о национализации банковские служащие по-прежнему сопротивлялись, продолжая забастовку, и только в середине января 1918 г. банки наконец-то начали работать под новым руководством³¹⁸. В феврале капитал национализированных частных банков был переведен на счета Народного банка; все банковские акции были официально аннулированы, а осуществляемые посредством их финансовые сделки объявлены противозаконными³¹⁹. В апреле неожиданно вновь открылись переговоры с представителями банков, и был в действительности выработан проект договора, в соответствии с которым частные банки должны были вновь быть воссозданы под видом национализированных предприятий, но под автономным руководством бывших директоров³²⁰, — это был финансовый аналог тех переговоров, которые Менжинский вел с промышленниками³²¹. Однако эти планы — хотя они и согласовывались с проповедовавшейся в то время Лениным доктриной «государственного капитализма» — натолкнулись на сильное сопротивление слева; в результате план возрождения частных банков оказался таким же бесплодным, как и остальные. Оставшаяся категория специализированных или географически локализованных банков и кредитных учреждений — за исключением двух сельскохозяйственных ссудных банков, которые, будучи собственностью государства, были объявлены ликвидированными и слитыми с Национальным банком³²², — сохранили независимое существование еще несколько месяцев. С большинством из них было покончено в течение 1918 г. Среди последних выживших был московский Народный банк, который являлся центральным банком кооперативов. Декрет от 2 декабря 1918 г. положил конец его независимому статусу и превратил его отделения в кооперативные отделения Национального банка³²³. В тот же день было покончено еще с одной бросавшейся в глаза аномалией: официальным декретом объявлялось о ликвидации «всех действующих в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики иностранных банков»³²⁴.

Вторым и другим главным пунктом большевистской финансовой программы было аннулирование государственных займов и обязательств. Это, как отметил Ленин на III Всероссийском съезде Советов, оказалось легче, чем национализация банков³²⁵. Принцип непризнания революционным строем долгов царского правительства впервые был провозглашен в «финансовом манифесте», выпущенном Петроградским Советом в декабре 1905 г. с целью дискредитировать попытки правительства добиться новых займов за границей. Этот манифест касался не одних только

иностранных обязательств, там были упомянуты и менее значительные займы российского правительства, сделанные на внутреннем рынке. Первым шагом Советского правительства был декрет от 29 декабря 1917 г./11 февраля 1918 г., прекративший любые выплаты процентов или дивидендов по ценным бумагам и акциям и запрещающий осуществление с их помощью финансовых сделок³²⁶. Затем 28 января/10 февраля 1918 г. был выпущен подробный декрет, касавшийся как иностранных, так и внутренних займов, «заклученных правительствами российских помещиков и российской буржуазии». Иностранные займы безоговорочно аннулировались. Мелкие держатели бумаг внутренних займов ценностью до 10 тыс. рублей сохраняли свои вклады, которые переводились в новый заем РСФСР: выплаты процентов по краткосрочным простым векселям и долгосрочным казначейским обязательствам прекращались, однако они могли по-прежнему циркулировать в качестве бумажных денег³²⁷. Декрет не вызвал особого интереса в России, где неспособность, так же как и нежелание Советского правительства брать на себя финансовые обязательства своих предшественников были восприняты как нечто само собой разумеющееся³²⁸. Однако это вызвало энергичные официальные и неофициальные протесты в союзных странах; в ноте, подписанной основными иностранными представителями в Петрограде, говорилось, что «их сограждане правомочности этого декрета не признают»³²⁹, и он в течение многих лет продолжал служить темой ожесточенных дебатов.

Помимо этих двух требований — национализации банков и аннулирования долгов, — финансовые концепции большевистских лидеров были неясны и расплывчаты, текущие же проблемы решались в самом начале с точки зрения жесткого ортодоксального финансового подхода. Никто в течение первых недель революции не подвергал сомнению таких установленных принципов буржуазных общественных финансов, как то, что бюджет должен быть сбалансирован, что неограниченный выпуск бумажных банкнот для покрытия общественных расходов является злом, с которым необходимо как можно скорее покончить, и что вполне подходящим способом увеличить доходы является прямой подоходный налог, а также косвенное налогообложение предметов роскоши. В Советской России зимы 1917/18 гг. невозможно было воздать должное ни одному из этих принципов. Однако это упущение все еще рассматривалось как чисто временное и сравнивалось со сходными недостатками, которые наблюдались во всех воюющих великих европейских странах, а также и во многих нейтральных государствах. В то время как в России к власти пришло Советское правительство, почти все европейские страны получили ту или иную долю своих общественных доходов, эксплуатируя инфляционные возможности печатных станков. Россия здесь составляла исключение лишь в том, что удовлетворяла из этого источ-

ника слишком уж большую часть своих финансовых потребностей, однако это не имело никакого отношения к большевизму. Уже в 1914 г. дефицит российского государственного бюджета достиг 39% общего объема расходов, и в три последующих года он поднялся соответственно до 74, 76 и 81%³³⁰.

Эти дефицитные явления отражались во все большей инфляции бумажных денег. После проведенной в 1897 г. Витте денежной реформы российский рубль вплоть до 1914 г. сохранял стабильную стоимость — зафиксированный на это время выпуск бумажных денег в сумме 1,6 млрд. рублей почти полностью покрывался золотыми запасами Государственного банка. В период между началом войны и февралем 1917 г., при существенном уменьшении объема золотого запаса, выпуск бумажных денег увеличился до 10 млрд. рублей. В период между Февральской и Октябрьской революциями к выпуску бумажных денег было добавлено еще 9 млрд. рублей. Пять раз Временное правительство поднимало допустимый законом уровень выпуска бумажных денег, и в каждом из этих случаев это проводилось задним числом; последний раз это произошло 6 октября 1917 г., когда допустимый уровень был поднят до 16,5 млрд. рублей — цифра эта в тот момент на деле была уже превышена³³¹. Однако вначале денежный вопрос не рассматривался большевиками как проблема первостепенной важности, и правительство продолжало печатать деньги для удовлетворения своих потребностей, никак себя не ограничивая. Современный мир не имел опыта обесценивания денег в таких катастрофических масштабах, в каких это проводилось в то время как в России, так и в Германии, и вряд ли всерьез отдавал себе отчет в реальной возможности такого положения. Попытка Временного правительства увеличить так называемый «свободный заем» на внутреннем рынке закончилась провалом. Советский декрет, аннулирувавший обязательства предшествующих российских правительств, на некоторое время преградил путь к тому, чтобы прибегнуть к внутренним или иностранным займам, так что в создавшейся обстановке, характеризовавшейся обесцениванием денег и хаосом в управлении, налогообложение становилось все менее эффективным средством. Таким образом, единственным существенным источником доходов, который был доступен для Советского правительства, оставался печатный станок. В течение первых нескольких месяцев этот процесс продолжался автоматически и почти без комментариев, хотя Ленин выразил общее мнение, заявив в мае 1918 г., что «хозяйничанье с помощью типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может быть оправдано, как временная мера»³³². Никаких официальных акций с целью поднять давно уже превышенный допустимый законом уровень, установленный Временным правительством в октябре 1917 г., предпринято не было. Однако выпуск бумажных денег рос в течение всего этого периода приблизительно такими же темпами, что и при Временном правительстве. Этот

рост был дополнен серией декретов, превращавших в законные платежные средства сначала облигации «свободного займа» Временного правительства, стоимость которых не превышала 100 рублей, затем — неоплаченные купоны всех правительственных займов, истекших до принятия декрета об аннулировании, и, наконец, всех долгосрочных казначейских обязательств и краткосрочных казначейских облигаций³³³. Все эти меры, призванные отчасти облегчить трудное положение мелких вкладчиков, а отчасти — освободить казну от обязательств, которые она не имела возможности выполнять непосредственным образом, имели своим следствием дальнейшее увеличение объема денежного обращения, которое не было формально сопряжено с обращением к уже и без того перегруженному типографскому станку.

В течение начального периода существования строя налогообложение носило в лучшем случае случайный и нерегулярный характер. Тогда еще не стоял вопрос об отходе от ортодоксальных принципов налогообложения. В первой Программе партии от 1903 г. содержалось требование *«отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства»* как «основного условия демократизации нашего государственного хозяйства», то есть как часть программы-минимум буржуазно-демократической революции³³⁴. Ленин в уже цитированной речи, произнесенной в мае 1918 г., повторил, что «все социалисты против косвенных налогов, ибо единственный правильный, с социалистической точки зрения, налог это прогрессивно-подходный и имущественный»³³⁵. Вскоре, однако, стало ясно, что все это в сложившихся условиях было не более чем тщетными надеждами, которые служили заменой какой бы то ни было серьезной налоговой политике. До тех пор пока вся экономика в целом оставалась в состоянии разрухи, а экономическая политика ориентировалась на то, чтобы исключить крупные частные доходы, нельзя было всерьез думать ни об увеличении средств за счет подходного налога, ни о реорганизации налоговой системы. И новый строй не мог в тот момент позволить себе никаких иных амбиций, кроме как жить сегодняшним днем, перебиваясь теми источниками, которые оставили ему его предшественники. Его первой фискальной законодательной акцией был декрет от 24 ноября/7 декабря 1917 г., где отодвигался крайний срок уплаты подходного налога на уровне, установленном Временным правительством, и увеличивались денежные инъекции за неуплату; принятый в тот же день другой декрет вносил незначительные поправки во взимание налога на табачные изделия³³⁶. Возможно, это были два первых советских декрета, которые касались применения и усиления законодательных актов предыдущего российского правительства. В январе 1918 г. еще один декрет отмечал, что унаследованный от Временного правительства налог с публичных зрелищ и увеселений в общем и целом не уплачивается, и требовал, чтобы он строго взимался в будущем³³⁷.

Первая революционная инициатива в области налогообложения принадлежала местным Советам, которые, будучи лишены прочих источников доходов, начали взимать «контрибуции» с состоятельных граждан, основываясь на чисто субъективных оценках. Однако по мере того, как начала постепенно самоутверждаться центральная власть, эта процедура — при всей ее революционной видимости — натолкнулась на сильную оппозицию со стороны Наркомфина — возможно, отчасти — как правонарушение в глазах финансовых пуристов, а отчасти — как посягательство на налоговые прерогативы центрального правительства³³⁸. В конце марта 1918 г. комиссариат обратился к местным властям с циркулярным письмом, где запрещал подобную практику³³⁹. Местные Советы — при поддержке народного комиссариата внутренних дел — выразили протест против этого вмешательства в их автономные права. ВЦИК, руководствуясь их интересами, оказал в неявном виде поддержку системе «контрибуций»³⁴⁰, и право местных Советов покрывать свои потребности за счет взиманий налогов было признано в Конституции РСФСР. Это стало отправным пунктом конфликта между центральными и местными властями³⁴¹. На съезде представителей финансовых отделов местных Советов, проведенном в Москве в мае 1918 г. под эгидой народного комиссариата внутренних дел, основной докладчик выступил в защиту полного отделения местных финансов от центрального контроля. Это вызвало нарекание со стороны Ленина, который утверждал, что условием проведения финансовых реформ, которых требует новый строй, является «демократическая централизация»³⁴². Однако в течение всего 1918 г. взаимоотношения между центральными и местными финансовыми органами оставались весьма хаотическими.

Это, однако, составляло лишь незначительный элемент той обширной проблемы общественных финансов, которая стояла перед Советским правительством. Эти вопросы впервые стали предметом серьезных дискуссий в ходе той общей политической переориентации, которая последовала за Брест-Литовским договором. Глава о бюджетном праве в Конституции РСФСР, проект которой как раз разрабатывался в то время, открывалась заявлением, что финансовая политика республики должна способствовать осуществлению «основной цели экспроприации буржуазии и подготовки условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств» и что она не намерена останавливаться перед «вторжением в право частной собственности». Однако последующие положения, которые, по всей видимости, исходили от Наркомфина, носили весьма банальный и полностью ортодоксальный характер. 15 апреля 1918 г. народный комиссар финансов Гуковский представит во ВЦИК то, что, очевидно, должно было играть роль выступления по вопросу о бюджете; в середине мая в Москве прошел уже упомянутый съезд представителей финансовых отделов местных Советов; а в конце

мая, во время работы I Всероссийского съезда Советов, прошла первая критическая дискуссия о принципах советской финансовой политики. Из этих дискуссий — только последняя из трех упомянутых существует в виде полного стенографического отчета — можно составить достаточно ясную картину тех противоречивых тенденций, которые начинали выявляться в свете накопленного тяжелого опыта.

Выдвинутая Гуковским официальная позиция представляла собой, если рассматривать ее в широком смысле, позицию правого толка и тесно примыкала к ортодоксальным принципам. Гуковский утверждал, что «до тех пор, пока у нас будет существовать денежное обращение» — эта оговорка была ритуальной данью повиновения доктрине, в соответствии с которой они должны были в один прекрасный день отмереть, — сохраняет свое значение золотое обеспечение выпуска бумажных денег. Он считал, что функции Наркомфина сводятся к тому, чтобы насколько возможно урезать предварительные оценочные расходы, представляемые ему различными ведомствами, а затем сводить расходы с доходами. Гуковский имел традиционное для всех министров финансов предпочтение к косвенному налогообложению, оправдывая его тем аргументом, что, хотя социалисты совершенно правомерно выступали при капиталистическом строе в пользу прямого налогообложения, результаты и возможности такого обложения все больше и больше падают по мере разрушения этого строя. Он резко критиковал взимание «контрибуций» местными Советами, считая, что это не только само по себе необоснованно, но и представляет собой присвоение налоговых полномочий центральной власти³⁴³. Ленин, чьим наиболее детальным заявлением по этому вопросу была речь на прошедшем в мае съезде, расходился с Гуковским только в том, что придерживался старого партийного предпочтения прямому налогообложению; он предлагал, чтобы подоходный налог стал всеобщим и взимался в качестве ежемесячных взносов — предложение, которое, конечно, было совершенно неосуществимым. Он был менее враждебен в принципе к взиманию «контрибуций», чем Гуковский, хотя и признавал, что они относятся к периоду «переходной власти» и что настанет время для осуществления централизованного сбора налогов³⁴⁴. Слабость официальной позиции состояла в невозможности построить на этих — а в сущности, в тот момент и вообще на каких бы то ни было — принципах какой-нибудь хоть мало-мальски согласованный бюджет. На заседании ВЦИКа в апреле 1918 г. Гуковский оценил расходы строя на первую половину года в 40—50 млрд. руб. и не представил никаких оценок относительно его доходов. На I Всероссийском съезде Советов, который прошел шесть недель спустя, он оценил расходы на первую половину года в 20—25 млрд., а доходы — в пять млрд. руб.³⁴⁵ Однако все эти цифры трудно рассматривать как что-нибудь отличное от догадок.

Левая оппозиция, выразителем взглядов которой на съезде был

Смирнов, не усматривала ничего удивительного в том, что не представлялось возможным составить бюджет, — ведь в конце концов буржуазные бюджеты были результатом многолетнего опыта — и не видела ничего тревожного в бюджетном дефиците, при условии, что расходы будут способствовать достижению желаемых целей. Не видели также никаких причин для уныния и в чрезмерном использовании типографского станка, приводящем к обесценению рубля, ведь все равно, «когда произойдет полное торжество социализма, рубль ничего не будет стоить и у нас будет безденежное обращение». В нынешних условиях не следует ожидать особых результатов ни от прямых, ни от косвенных налогов, а вот систему контрибуций следовало бы поощрять³⁴⁶. Никаких попыток ответить Смирнову на съезде предпринято не было: столь радикальная доктрина либо не была понята, либо расценивалась как слишком фантастическая, чтобы заслуживать серьезных обсуждений. Сокольников, сделавший основной доклад по вопросу финансовой политики, занимал в некоторых отношениях промежуточную позицию. Он настаивал на важности золота в осуществлении сделок с иностранными государствами, однако считал, что ограничивать выпуск бумажных денег внутри страны требованиями золотого обеспечения не обязательно и не реально. Опасность чрезмерного денежного обращения можно уменьшить за счет введения твердых цен. «Нам не нужно стремиться к понижению товарных цен, но нам нужно стремиться к тому, чтобы цены эти стали твердыми повсюду». Сокольников, однако, не отвергал налогообложения: напротив, он считал, что «не может существовать Россия» без прямого налогообложения крестьян и что «без этого Советская власть не может вести хозяйство». В отношении отсутствия бюджета он утешительно заметил, что Франция еще не имеет бюджета на 1918 г.³⁴⁷ Сам съезд воздержался от каких бы то ни было заявлений по этим явно неразрешимым проблемам. Единственный вклад в них, который случайно оказался в тексте резолюции по торговле и обмену, показывает, как мало тогда еще финансовый реализм проник в органы руководителей советской экономической политики: в ней содержалось требование «усиленного обложения, прямого и косвенного, усиления чекового обращения и самого решительного сокращения политики эмиссий»³⁴⁸. Когда разразилась гражданская война, финансовая и налоговая политика Советского правительства все еще в основном оставалась неопределенной и несформулированной.

ГЛАВА 17

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

а) Сельское хозяйство

Введение военного коммунизма в сельском хозяйстве совпало с окончательным политическим расколом с левыми эсерами, которые после отставки членов правительства левых эсеров в марте 1918 г. все еще оставались во ВЦИКе и Советах. Последний раз большевики и левые эсеры на правах официальных партнеров участвовали бок о бок во втором заседании V Всероссийского съезда Советов 5 июля 1918 г. (накануне убийства Мирбаха); причем заседание проходило в основном в яростных дебатах по аграрной политике, во время которых Спиридонова объявила себя «яростной противницей партии большевиков»¹. Политика Советского правительства подвергалась критике со стороны эсеров по трем моментам. Большевистские рабочие отряды, как заявил эсеровский оратор, «ведут чуть ли не войну, объявленную городом деревне»²; а эсеры всегда выступали традиционными защитниками деревни против города. Создание комитетов бедноты представляло собой попытку подорвать авторитет земельных комитетов, в большинстве из которых эсеры все еще занимали доминирующее положение, причем различие между этими комитетами отражало тот факт, что большинство зажиточных крестьян сохраняли верность эсерам — будь то правые или левые, — в то время как бедные и политически менее сознательные крестьяне если еще и не попали под влияние большевиков, то по крайней мере были склонны поддаться на уговоры большевиков. И наконец, поощрение правительством (сколь бы неэффективным это ни было в настоящий момент) создания крупных хозяйств в конфискованных имениях вступило в прямое противоречие с политикой эсеров, направленной на распределение земли среди крестьян, и с запретом эсеров на использование наемного платного труда на земле; на съезде раздавались жалобы на то, что помещичьи владения остаются нераспределенными в районах, где крестьяне остро нуждаются в земельных наделах, и на то, что вопреки истинным социалистическим принципам наемные рабочие продолжают трудиться на их обработке³. Такой же резкой критике под-

вергся недавний декрет о лесах, по которому заведование лесами осуществляется Центральным управлением лесов (это была первая попытка поставить природные ресурсы страны под прямое управление государства ⁴.

Объявление левых эсеров вне закона в результате убийства Мирбаха привело к тому, что в центре была устранена всякая оппозиция чисто большевистской политике в области сельского хозяйства. Вследствие быстро распространявшегося критического положения, вызванного гражданской войной, сбор зерна у крестьян для нужд города и армии стал вопросом жизни и смерти; с другой стороны, еще более затруднилось снабжение крестьян тканями и другими товарами первой необходимости, поскольку армия теперь претендовала на все имевшиеся запасы. Таким образом, не оставалось ничего другого, как с удвоенной силой применять метод реквизиции при помощи такого механизма, как рабочие отряды и комитеты бедноты. Работе этих отрядов было посвящено не меньше трех декретов, изданных в первую неделю апреля 1918 г. Первый из них уполномочивал профсоюзы, фабричные комитеты и городские и уездные Советы организовывать продовольственные отряды из «рабочих и беднейших крестьян» и отправлять их в зернопроизводящие губернии, чтобы «добыть хлеб по твердым ценам или за счет изъятия у кулаков». Половина зерна, добытого таким образом, предназначалась организациям, которые посылали отряды; другая половина подлежала передаче Наркомпроду для общего распределения. Второй декрет обязывал губернские и уездные Советы, комитеты беднейших крестьян и профсоюзы организовать, где необходимо, аналогичные отряды для сбора урожая. В третьем подробно разбирались организация и структура этих отрядов, которые должны были включать «не менее 25 человек из числа безусловно честных и преданных революции рабочих и беднейших крестьян» ⁵. И наконец, чтобы поставить все точки над «i», на той же неделе появился еще один декрет — «Об обязательном товарообмене». В нем предусматривалось, чтобы в хлебных сельскохозяйственных местностях каждым уездом было поставлено продовольственных продуктов на сумму не менее 85% стоимости взятых на учет и отпущенных кооперативам товаров ⁶.

Трудно понять подоплеку этих декретов. Народный комиссар продовольствия Цюруп, выступая на V Всероссийском съезде Советов, заявил, что были использованы все обычные средства для получения хлеба и «только тогда, когда ничего не получается, только тогда пускаются отряды». Что касается слухов о том, что, «как только отряды попадают в деревни, они начинают разлагаться, пьянствовать; мы не отрицаем, что это существует, но мы принимаем меры к тому, чтобы этого не было . . . Подбор делается крайне тщательный».

«Мы на эти отряды смотрим не только как на военную силу, а мы видим в этих отрядах людей, которые идут в деревню хотя

и вооруженными, но и в то же время это те агитаторы, которые будут пропагандировать в деревне, которые понесут в деревню наши идеи»⁷.

Крестьяне, когда у них хватало смелости, сопротивлялись изъятию у них хлеба. Порой сопротивление оказывалось серьезное и дело доходило до вооруженных столкновений; и такие случаи, хотя и составлявшие исключение, не были редкостью⁸. Также нелегко подсчитать число отрядов и размах их деятельности. Согласно одному выступавшему на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г., Петроградский Совет к тому времени направил 189 отрядов численностью до 72 тыс. человек и Московский Совет — примерно такое же число⁹. К этому моменту сбору подлежали не только зерно и фураж, сахар и картофель, но и мясо, рыба и все виды животных и растительных масел, включая конопляное, подсолнечное и льняное масло¹⁰. Ленин в тот момент, когда от этих мер окончательно отказались, выдвинул единственно возможное оправдание в их пользу:

«Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли»¹¹.

Это были вызванные отчаянием средства для достижения цели. С точки зрения теории социализма критерий необходимости, возможно, казался естественным и правильным: от крестьянина требовалось предоставить все, что превышало его собственные потребности и потребности его семьи. С точки зрения практики это было губительно. Неприкрытая реквизиция у так называемого кулака произвольно установленных излишков вызывала обычно реакцию двух видов: краткосрочную, заключавшуюся в сокрытии запасов, и долгосрочную — в отказе засеять больше земли, чем было необходимо для пропитания своей семьи.

Советские руководители ясно понимали эти опасности. 30 октября 1918 г. впервые был внедрен новый эксперимент с натуральным налогом. Очевидно, это было не заменой разверстки, а дополнением к ней. Правда, все, кто сдал свои излишки до того, как был введен налог, объявлялись свободными от налога. Последний должен был определяться посредством сложных подсчетов, при которых принимались во внимание размер надела и поголовье скота у налогоплательщика, равно как и число людей, находящихся у него на иждивении¹². То, что предлагалось, не являлось более простым изъятием излишков, а представляло собой взятие установленного количества продуктов, исходя из предполагаемой способности платить. Однако это был один из многих декретов того периода, которые так никогда и не вступили в силу¹³. В январе 1919 г. был введен в действие еще один новый

принцип. Декретом Совнаркома, сопровождаемым подробной инструкцией Наркомпрода, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, «разверстывалось» для отчуждения у населения между производящими губерниями: губернии должны были провести разверстку среди уездов, уезды — среди волостей, а волости делали свои квоты между деревнями и отдельными крестьянами¹⁴. Преимущество этой системы заключалось в том, что центральные власти освобождались от обременительной задачи сбора налога; кроме того, она восстановила принцип коллективной ответственности, на котором основывалось сельское налогообложение царского правительства. Однако эти постоянно меняющиеся средства для достижения цели лишь иллюстрируют непреодолимый характер трудностей, с которыми сталкивалось Советское правительство. Потребности Красной Армии и городского населения в разоренной, изуродованной и дезорганизованной стране можно было удовлетворить только за счет полного изъятия излишков сельскохозяйственной продукции. Кроме того, промышленность была не в состоянии производить достаточное количество промышленных товаров, чтобы наладить обычный процесс товарообмена; в случае же, если попытки взять силой излишки не прекращались, начиналось сокрытие запасов и сокращение посевных площадей до размеров, необходимых для удовлетворения собственных потребностей крестьян. И все же кризис был преодолен, армия обеспечена и города спасены от голодной смерти, но не от голода. По мере того как улучшался механизм сбора и районы, охваченные гражданской войной, переходили под контроль Москвы, увеличивалось количество собранного хлеба¹⁵. Правда, справедливости ради надо сказать, что в период военного коммунизма крестьянский хлеб либо находил свой тайный путь на свободный рынок, либо силой изымался агентами правительства. Даже те крестьяне, которые сражались на стороне Советского правительства против худшего из зол — «белой» реставрации, — продолжали вести борьбу за хлеб.

Поворот к беднейшему крестьянству летом 1918 г. был связан в советской политике с другой фундаментальной целью — развитием крупного земледелия. Он повлек за собой окончательный разрыв с левыми эсерами, непримиримыми противниками этой цели; а бедняки представляли собой единственную группу крестьян, которых можно было считать безразличными к крестьянской собственности и потенциально выступающими в пользу коллективного хозяйствования¹⁶. Эти коллективные хозяйства были нескольких видов. Первоначальные советские хозяйства (совхозы) — образцовые хозяйства, упоминавшиеся в Апрельских тезисах Ленина и его некоторых более поздних высказываниях, — в основной своей массе формировались на основе бывших имений, вырабававших специальные культуры, для которых требовались техническая подготовка и специальная организация (такие, как са-

харная свекла или лен)¹⁷. Были также сельскохозяйственные коммуны, в которых крестьяне объединялись для обработки нераспределенной земли, совместно трудясь и деля поровну доходы; они, похоже, представляли черту примитивного коммунизма, присущую русскому крестьянству¹⁸. И наконец, были сельскохозяйственные артели, в которых элемент коллективизма сводился к процессам производства и торговли. По-видимому, Ленин принял во внимание все эти формы коллективного земледелия, когда осенью 1918 г. признал, что существует лишь «...несколько сот поддерживаемых государством сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств»¹⁹. К тому времени было фактически завершено проведенное на скорую руку распределение сельскохозяйственных угодий в районах, находившихся под контролем Советской власти. Лучшие земли, за исключением ограниченных площадей, отведенных под свеклу, лен и другие специальные виды культур, оказались в крестьянском землепользовании; а те, что остались для коллективистских экспериментов, были, вероятно, худшими и менее пригодными для обработки землями. Как впоследствии писал один из большевистских толкователей:

«Помещичья земля подверглась в своем громадном большинстве разделу, и можно было опасаться, что крупное производство в сельском хозяйстве погибнет. Кроме того, существовала опасность и сильного укрепления мелкособственнических стремлений»²⁰.

Требовались героические меры. 4 июля 1918 г. Совнарком проголосовал за выделение 10 млн. руб. для стимулирования сельскохозяйственных коммун²¹. 2 ноября 1918 г. был образован фонд в размере миллиарда рублей для авансирования сельскохозяйственных коммун и рабочих ассоциаций, деревенских товариществ или групп при условии их «перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским»²². В следующем месяце Ленин выступил с пространной и очень важной речью перед участниками встречи, которая была названа «первым Всероссийским съездом земельных отделов, комитетов бедноты и коммун». Темой его выступления был приход социализма в деревню, причем это было его первым крупным высказыванием о социалистическом строительстве в сельском хозяйстве. Он нарисовал одну из своих широких перспектив. Объединенными усилиями всего крестьянства в целом было достигнуто «сметение и уничтожение помещичьей власти». Но если бы революция в русской деревне остановилась на этом, она затормозилась бы там, где остановились революции на Западе 1789 и 1848 гг.

«Она еще не трогала более сильного, более современного врага всех трудящихся — капитала. Она грозила поэтому кончиться так же половинчато, как кончалось большинство революций в Западной Европе, где временным союзом городских рабочих и всего крестьянства удавалось смести монархию, смести остатки средневековья, смести более или менее дочиста помещичье зем-

левладение или помещичью власть, но никогда не удавалось подорвать самих основ власти капитала».

Комитеты бедноты выполнили функцию раскола крестьянства: «деревня перестала быть единой». Это достижение перевело «нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре». И теперь был необходим (Ленин повторял это снова и снова) «...переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли». Ленин и не пытался скрыть масштабы этой задачи.

«Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающиеся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь».

Война создала эту необходимость за счет разорения, оставленного ею в наследство. Вместе с тем она показала, какие «чудеса техники» существуют, и пробудила в людях сознание, что эти «чудеса техники» могли бы преобразовать земледельческое производство. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что главной задачей земельной политики должно стать «последовательное и неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли»²³.

В течение нескольких недель кампания шла полным ходом. Она обсуждалась на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г., на котором один из официальных представителей высказал мнение, что «вопрос с пропитанием городов можно решить только за счет создания крупных производственных объединений в деревне»²⁴.

Ее кульминацией стал пространный декрет, изданный ВЦИК 14 февраля 1919 г. Это был первый крупный законодательный акт об аграрной политике после декрета о «социализации», принятого за год до этого совместно с левыми эсерами. В новом декрете смело провозглашался «переход от единоличных форм землепользования к товарищеским», говорилось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие» и что «в основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Одна из его статей содержала тщательно разработанные положения о структуре, прерогативах и обязательствах совхозов и сельскохозяйственных коммун. Совхозы, во главе которых мог быть отдельный заведующий или рабочий комитет, непосредственно подчинялись губернским или местным Советам и через них — соответ-

ствующему отделу Наркомзема: эта организация была очень близка организации национализированных фабрик, находившихся под контролем ВСНХ. Сельскохозяйственные коммуны, суть «добровольные союзы трудящихся», обладали большей автономией, хотя и находились в конечном счете в подчинении местных (уездных) земельных отделов и Наркомзема²⁵.

Другой эксперимент в этой области возник из попытки городских рабочих организовать взаимопомощь. Продовольственное положение в городах в конце 1918 г. породило опасность полного разложения пролетариата за счет возвращения рабочих в деревню, откуда большинство из них в свое время и пришли. Декретом в декабре 1918 г. было признано право профсоюзов и рабочих организаций заготавливать и перевозить для нужд своих членов все продовольственные продукты, за исключением зерна и муки (исключение, которое вскоре начали игнорировать)²⁶. От коллективных заготовок до коллективной обработки земли был всего лишь шаг; и зимой 1918/19 гг. этот шаг был сделан, по-видимому, с помощью изобретательности и предприимчивости ВСНХ. 15 февраля 1919 г. сразу же после декрета о советских хозяйствах был издан декрет, предоставивший право объединениям государственных предприятий, а также отдельным крупным государственным предприятиям, городским Советам, профессиональным союзам и кооперативам получать земельные участки для организации на них советских хозяйств для удовлетворения своих потребностей²⁷. По некоторым данным, более 30 главков и центров получили в общей сложности около 800 тыс. десятин земли от имени фабрик, находившихся под их контролем²⁸. Очевидно, предполагалось, что время от времени группы рабочих с самих фабрик будут пополнять ряды местных рабочих в этих промышленных совхозах: возвращение фабричного рабочего в свою деревню для сбора урожая было обычным явлением в российской промышленности. Этот проект являлся отклонением от принципов рационального и организованного распределения (хотя в декрете предусматривалось, что часть продуктов, превышавшая размеры пайка, не подлежала распределению, а должна была передаваться Наркомпроду). Однако он отвечал насущной потребности и являл собой еще одно подтверждение того кардинального факта, что обеспечение нормального питания для населения городов в конечном счете несовместимо с системой мелкокрестьянского земледелия.

Похоже, место, занимаемое коллективными хозяйствами в официальной пропаганде того времени, не отвечало скромным результатам, достигнутым ими. Согласно самым подробным имеющимся статистическим данным, в европейской части России, исключая Украину, насчитывалось 3100 совхозов в 1918 г., 3500 — в 1919 г. и 4400 — в 1920 г. Правда, это скромное увеличение объяснялось быстрым ростом числа хозяйств, «приданных» фабрикам, на долю которых в 1920 г. приходилась почти половина всех совхозов, так что число хозяйств, находившихся под непо-

средственным управлением государственных властей, на самом деле, может быть, даже сократилось. Большинство советских хозяйств того периода были совсем маломощными и не шли ни в какое сравнение с гигантскими совхозами конца 20-х годов: в 1920 г. было подсчитано, что более 80% из них занимали площадь меньше 200 десятин. Общее качество почвы было невысоким, и меньше половины земли отводилось под пашню. Сообщалось, что в феврале 1919 г. под прямым управлением Наркомзема находилось всего 35 совхозов общей площадью 120 тыс. десятин (эти хозяйства можно было бы отнести к числу наиболее крупных); остальные находились под местными Советами и «влачили жалкое существование». В середине 1919 г. насчитывалось 2100 сельскохозяйственных коммун; впоследствии их число постепенно снижалось, по мере того как улетучивался энтузиазм, на волне которого родилась эта форма общественного хозяйствования. Число сельскохозяйственных артелей, напротив, увеличилось с 1900 в 1919 г. до 3800 в 1920 г., а со временем возрастало еще большими темпами; однако эта форма сельскохозяйственной кооперации не предусматривала коллективной обработки земли²⁹.

Эти цифры ясно показывают, сколь незначительна была спонтанная поддержка крестьян этих крупных производственных единиц в сельском хозяйстве, и свидетельствуют о полном крахе большевистской политики. Это стремление к крупному земледелию исходило исключительно из городов и от официальных кругов. Доводы в его пользу (как с точки зрения теории социализма, так и исходя из практической эффективности) были неопровержимыми. В декретах предусмотрительно оговаривалось, что земля для создания этих хозяйств должна предоставляться исключительно за счет нераспределенных крупных имений и других пустующих и незанятых земель (в тексте ошибочно дается «занятых». — *Ред.*). Но такие вторжения вряд ли способствовали ликвидации недоверия у крестьян, страдавших от хронической нехватки земли. В равной степени трудно вообразить, какие чувства охватывали тех из них, кого призывали отказаться от их мечты стать мелким сельским собственником, а вместо этого работать в качестве «сельских пролетариев» в советских или других коллективных хозяйствах, особенно в такое время, когда материальные условия сулили слабое или никакого смягчения трудностей прошлого. Крестьянин думает: «Если крупное хозяйство, значит я опять батрак»³⁰. В марте 1919 г., выступая на съезде, который был созван для создания профессионального союза сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии, Ленин говорил о преимуществах коллективного ведения хозяйства. И когда ему был задан вопрос о статье в декрете от 14 февраля, которая запрещала рабочим и служащим советских хозяйств заводить собственный скот, птиц и огороды, Ленин с некоторой неохотой признал, что иногда необходимо делать исключения и что, вероятно, можно будет после обсуждения сделать для Петроградской губернии

изъятие из этого положения «на известный короткий срок»³¹. Как всегда, крестьянин хранил молчание. Однако гражданская война отодвинула на задний план все другие вопросы, и крестьянская оппозиция и обструкция эффективно заблокировали любой рост советских и других коллективных хозяйств. Советское правительство не могло проводить никакой политики, которая — сколь бы желанной она ни была в долгосрочной перспективе — угрожала бы в дальнейшем непосредственным сокращением будущего урожая.

Однако к тому времени в советской аграрной политике произошло еще одно радикальное изменение. Создание комитетов бедноты в июне 1918 г. представляло собой в основном политическую меру, направленную на раскол крестьянства. Они выполнили одну политическую функцию — предоставили информаторов. До их возникновения государственные служащие или рабочие, не знакомые с положением на местах, не располагали средствами обнаружения спрятанных запасов хлеба и определения того, какими запасами может располагать тот или иной кулак, а отсюда происходило так много «ошибок» в оценках запасов³². На местных беднейших крестьян можно было положиться в том, что они донесут о кулацких нарушениях и уклонениях от сдачи, в результате чего злоба и враждебность только раздували пламя классовой борьбы в деревне. Тем не менее этот механизм не сработал. Теперь, когда земля оказалась распределенной, «крестьяне-бедняки» — то есть те крестьяне, которым нечего терять, — оказались менее многочисленными, чем предполагали большевики. Комбеды, там, где они были эффективны, похоже, возглавлялись ярыми большевиками, которые не всегда обладали опытом работы на селе и очень быстро вступали в столкновение с местными Советами, остававшимися к тому времени по своему составу преимущественно беспартийными. В результате началась борьба за власть, в ходе которой стало ясно, что в местных органах управления сельскими делами нет места как для комитетов, так и для Советов³³. Съезд комитетов бедноты Петроградской губернии, состоявшийся в Петрограде в начале ноября 1918 г., был готов сделать логичный вывод: большинство делегатов прибыли туда, чтобы потребовать передачи всей политической власти из рук Советов комбедам. Однако для правительства этого оказалось слишком много. Вмешался ВЦИК, и съезд вынужден был принять единодушно резолюцию совершенно другого содержания. Резолюция взвешенно сочетала похвалу со скрытым порицанием. Комбеды вели борьбу с кулаками, но при выполнении этой задачи «неизбежно должны были выйти за пределы декрета 11 июня». В деревне, таким образом, «создалось двоевластие, приводившее к бесплодной растрате сил и путанице в отношениях». «Диктатура пролетариата и беднейших крестьян» могла быть проведена последовательно только «от высших органов Советской власти до низу»; и комбеды должны были «принять самое активное участие

в преобразовании волостных и сельскохозяйственных Советов в истинные органы Советской власти и коммунистического строительства». Неделю спустя эта резолюция была передана Зиновьевым, который председательствовал на этом съезде, на рассмотрение VI Всероссийского съезда Советов в бессвязной и довольно неуклюжей речи и получила единодушное одобрение без всякого обсуждения³⁴. В результате комбеды потеряли свой независимый статус и им была отведена роль группы членов местных Советов, выступающей за более решительную, активную политику. В результате решения съезда ВЦИК обнародовал 2 декабря 1918 г. декрет, в котором провозглашалось, что ввиду сложившейся в деревне обстановки «двоевластия» насущно необходимо провести перевыборы в сельские Советы, что комбеды призваны сыграть активную роль в организации этих выборов и что, однако, после перевыборов Советы затем должны остаться «единственными органами власти», а комбеды должны быть распущены³⁵. Ленин впоследствии, на очередном съезде партии, по этому вопросу высказал мнение, что комбеды «... настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными Советами, т. е. реорганизовать сельские Советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне»³⁶. Это была идеализированная картина. Ликвидация комбедов явилась своевременным признанием поражения — отход с непригодных для обороны позиций. Правда, решение это не было принципиальным и не мешало повторению этого же эксперимента где-либо в другом месте. В начале 1919 г., когда после поражения Германии на Украине была восстановлена Советская власть, там начали создаваться комитеты деревенской бедноты как раз в тот момент, когда перестали существовать комбеды на территории РСФСР³⁷.

Решение о роспуске комбедов было тесно связано со стремлением обеспечить Советской власти поддержку середняка. В России некоторое время перед революцией стало обычным подразделять крестьян не на две, а три категории: зажиточные крестьяне, которые производили продукцию для рынка, равно как и для собственных нужд, используя наемный труд и продавая излишки своей продукции (кулаки); беднейшие крестьяне, безземельные или имевшие слишком мало земли, чтобы прокормить себя и свою семью, и вынужденные наниматься на работу к другим для того, чтобы жить (бедняки, или батраки); и промежуточная категория крестьян, которые могли прокормить себя и свои семьи, однако, как правило, не использовали наемный труд и не имели излишков на продажу (середняки). Вполне понятно, что такая классификация не имела четких границ, а статистика, относящаяся к ней, носит ненадежный характер. Тем не менее было общепринято, что кулаки составляли менее 10% крестьянства, на долю бедняков приходилось около 40%, а остальные 50%

были середняками³⁸. Понятие «середняк» соответствовало тому, что в Западной Европе было известно как «мелкий крестьянин». Русский бедняк являлся, если исходить из западной терминологии, сельскохозяйственным рабочим, хотя некоторые из них владели мелкими участками земли, пусть и недостаточными для содержания своих семей, но технически исключавшими их из категории «безземельных» крестьян.

Ленин признал эту тройственную классификацию российского крестьянства во время Октябрьской революции, когда заявил, что политика Советской власти должна быть следующей: «...трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить...»³⁹ Однако эта политика в тот момент находилась в состоянии неопределенности. Революция в деревне все еще переживала буржуазный этап; сохранял свою силу союз между большевиками и левыми эсерами; и главной задачей кампании зимы 1917/18 гг. было провести экспроприацию крупных землевладельцев в интересах всего крестьянства в целом. Затем, летом 1918 г., последовал раскол с левыми эсерами и были созданы комитеты бедноты, чтобы начать социалистическую революцию против кулаков. Под восторженным впечатлением от нового шага середняки почти не принимались в расчет. В тот момент, когда вводилась эта мера, Ленин говорил, в частности, о необходимости «соглашения» и «союза» со средним крестьянством и «уступок ему»⁴⁰; и в августе 1918 г. циркуляр за подписью Ленина и Цюрупы был разослан всем местным властям, в котором указывалось, что Советское правительство ни в коем случае не выступает против «крестьянства среднего достатка, не эксплуатирующего трудящихся», и что льготы декрета от 11 июня 1918 г. должны распространяться как на бедняков, так и на середняков⁴¹. Однако, до той поры покуда комбеды продолжали активно действовать и располагали силой, оставалась непреодолимой тенденция сконцентрировать все усилия на удовлетворении интересов беднейших крестьян и приравнять середняков к кулакам.

Было бы ошибочно рассматривать изменение в советской аграрной политике, которое последовало после роспуска комитетов бедноты зимой 1918/19 г., либо как шаг вправо, либо как шаг в предвкушении новой экономической политики 1921 г. Однако это означало определенное смягчение наиболее острых проявлений военного коммунизма и возврат к политике компромиссов с теми, кого до сих пор считали мелкобуржуазными элементами деревни. Это произошло в самый решающий момент гражданской войны, когда Советское руководство почувствовало необходимость привлечь на свою сторону всех возможных союзников в этой отчаянной борьбе. Уступка среднему крестьянину совпала по времени с неудавшейся попыткой подрезать крылья Чeka и с проявлением более терпимого, правда, ограниченного отношения к меньшевикам и эсерам, которое началось в ноябре 1918 г. и продолжалось всю зиму⁴², равно как и с более широким призывом к

буржуазной интеллигенции и «специалистам» всех профилей поступать на службу к новому режиму. Ленин с особым акцентом писал о соглашении «с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции» как о части единой политики⁴³. Все они рассматривались как колеблющиеся элементы с мелкобуржуазной окраской, выступающие то за буржуазию, то за пролетарское дело и склонные принимать то ту, то другую сторону⁴⁴. Победа в гражданской войне не была бы достигнута, если бы в этот момент не произошла определенная консолидация данных элементов на стороне Советской власти. Однако это изменение означало также признание со стороны большевистских лидеров того факта, что они недооценили рост численности и влияния среднего крестьянства в результате аграрной реформы. Большевистские теоретики всегда утверждали, что распределение земли на мелкие крестьянские наделы должно вести к усилению элементов мелкобуржуазного капитализма в деревне. Теперь теория подверглась проверке практикой. Ленин писал впоследствии, что «крестьянская „беднота“... превратилась в середняков»⁴⁵. Попытка внедрить социализм при помощи ударной тактики, проводимой через комитеты бедноты, провалилась, и на повестку дня встал вопрос о компромиссе. В определенной степени изменение фронта было предтечей более широкомасштабной операции, проведенной в марте 1921 г.

Умиротворение среднего крестьянина было существенной и важной частью советской политики в течение всего 1919 г. К моменту проведения VIII съезда партии в марте 1919 г. оно было в полном разгаре. Ленин возвращался к этому вопросу на съезде не менее трех раз — в своей речи при открытии съезда, в отчете Центрального Комитета и в отдельном докладе «О работе в деревне». Теперь было недостаточно «нейтрализовать» среднее крестьянство; на достигнутой стадии социалистического строительства было необходимо поставить отношения «на почву прочного союза». Ленин дважды цитировал примиренческие рекомендации, данные Энгельсом в его последней статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», против применения средств принуждения в отношении к мелкому крестьянину⁴⁶. Конечно, не могло быть и речи об умиротворении кулаков. «Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками». Однако было серьезной ошибкой, когда «по неопытности советских работников...» удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство⁴⁷. Аграрный отдел новой партийной Программы, одобренной съездом, после подтверждения принципа поддержки советских и других коллективных хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов перешел к единоличному крестьянину. «Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать», партия стремится к проведению ряда мер, «направленных к поднятию производительности крестьянского хо-

зяйства». Таким образом, должна быть оказана практическая помощь крестьянину в мелиорации его земель и в снабжении улучшенными семенами; подчеркивается необходимость широкого и планомерного привлечения промышленных рабочих к «коммунистическому строительству» в земледелии; должно быть решительно подавлено сопротивление «кулачества, деревенской буржуазии»; а последний абзац был посвящен отношению к среднему крестьянству:

«Партия ставит своей задачей отделять его (т. е. среднее крестьянство) от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований».

С целью усиления этого вывода съезд принял специальную резолюцию «Об отношении к среднему крестьянству». В силу того что оно имеет «сравнительно крепкие экономические корни», а также учитывая отсталость сельскохозяйственной техники России, среднее крестьянство «будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции»; советские работники в деревне должны осознать, что «оно не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда». Поэтому, поощряя товарищества всякого рода, а равно и сельскохозяйственные коммуну средних крестьян, власти «не должны допускать ни малейшего принуждения» при создании таковых. Всякие «произвольные реквизиции» должны беспощадно преследоваться; тяжесть налога должна ложиться «целиком на кулаков»; среднее же крестьянство должно облагаться «чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него»⁴⁸.

Не было упущено ни одного повода для внедрения этих довольно-таки трудных директив. Накануне съезда умер Свердлов, занимавший почетный и представительный пост председателя ВЦИКа. Его преемником стал Калинин, петроградский рабочий, бывший крестьянин-середняк из Тверской губернии, который, по словам Ленина, имеет «тесную связь с крестьянским хозяйством... и каждый год ее (деревню) посещает». Символизм этого назначения был открыто провозглашен: «Мы знаем, что нашей главной задачей в стране мелкоземледельческой является обеспечить нерушимый союз рабочих и среднего крестьянства»⁴⁹. Однако у курса, столь уверенно проводимого на протяжении всего 1919 г., также были свои недостатки. В среднем крестьянине проявились многие черты, традиционно приписываемые кулаку, и если поддержка беднейшему крестьянину не смогла стимулировать производство, то поддержка среднему крестьянину все в большей степени способствовала производству того, что появлялось на «черном рынке». Первые нотки тревоги прозвучали у

Ленина в речи на совещании по работе в деревне в ноябре 1919 г.

«Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом — основная задача и основное противоречие. Крестьянин, как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, — такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать».

И вновь:

«Но крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление. „Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать“, — так рассуждает крестьянин, по привычке, по старинке. А мы говорим, что это государственное преступление»⁵⁰.

Среднее крестьянство заняло традиционную крестьянскую позицию в отношении правительственного регулирования, рассматривая его как наступление города на святые прерогативы деревни. Смещение акцента в поддержке с беднейшего на среднее крестьянство вновь открыло путь для сил мелкобуржуазного крестьянского капитализма. Однако в создавшихся условиях делать было нечего. VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. принял жесткую резолюцию, рекомендуя перейти к политике реквизиции и требуя, чтобы продразверстка была распространена с хлеба и мяса на «картофель и по мере необходимости также и на другие продукты сельского хозяйства»⁵¹.

В равной степени смещение акцента с беднейшего на среднее крестьянина ничем не помогло советским хозяйствам и другим формам крупного земледелия. Ленин на IX съезде партии в марте 1919 г., когда была провозглашена политика умиротворения среднего крестьянина, затронул один из наиболее болезненных вопросов коллективного сельского хозяйства. Среднее крестьянство будет завоевано на сторону коммунистического общества «только тогда . . . когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни». Но в этом как раз и был камень преткновения.

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы»⁵².

Ленин не продолжил этот силлогизм. Построение социализма в России было невозможно без обобществленного сельского хозяйства; обобществление сельского хозяйства было невозможно без тракторов; получение тракторов было невозможно без все-

мировой пролетарской революции. Тем временем лозунг крестьян был: «За Советскую власть, за большевиков, долой коммунию!»⁵³ Начали раздаваться протесты против того, что совхозы есть не что иное, как более или менее «восстановление помещиков под советским флагом»⁵⁴. На Всероссийском совещании в ноябре 1919 г. по работе в деревне Ленин признал «недоверие и возмущение» среди крестьянства против совхозов, особенно если там в качестве заведующих и специалистов сидят «старые эксплуататоры», однако решительно встал на защиту такой практики.

«... Нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти»⁵⁵.

Тем не менее VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. стал местом бескомпромиссного наступления на совхозы. Их обвиняли в том, что они чуждаются местных Советов, привлекают специалистов, предлагая высокие ставки, а также в том, что они вмешиваются в процесс распределения земель. Директора совхозов живут в роскоши, занимая дома бывших землевладельцев; в некоторых случаях изгнанные помещики фактически возвращались к своим владениям под личиной директоров совхозов: «Советские хозяйства превратились в орудия контр-революционной агитации против Советской власти»⁵⁶. В своем ответе Ленин признал, что такого рода злоупотребления могли иметь место, и мог только возразить, что выход для совхозов заключался в том, чтобы установить тесную связь «и с окрестным крестьянством и с коммунистическими группами»⁵⁷. Середняк оставался закоренелым индивидуалистом. Когда летом 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна немецкий делегат укорял Советское правительство за поддержку мелкому крестьянству в ущерб крупному земледелию, сопровождавшуюся «рецидивом изжившего себя мелкобуржуазного образа мышления» и «принесением интересов пролетариата в жертву крестьянства», Ленин ответил в резкой форме, что «иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой» и что, «если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться»⁵⁸. И все же эта точка зрения, до тех пор пока она превалировала, служила серьезным препятствием для осуществления того, что Ленин и все марксисты считали — и в условиях России совершенно справедливо — единственным путем к более эффективному земледелию.

Поэтому, когда гражданская война осенью 1920 г. в конце концов завершилась и бывшие территории Российской империи, объединенные теперь под властью Советов, были предоставлены самим себе в деле выполнения тяжелой задачи восстановления, стало совершенно ясно, что революция в преобразовании лица русской деревни не решила ни одной из стоявших перед ней фундаментальных проблем. Важные производящие продовольствие районы были возвращены в советскую экономику к моменту сбо-

ра урожая 1920 г.⁵⁹ По некоторым данным, в Сибири, ставшей доступной после разгрома Колчака, насчитывалось огромное количество хлеба, собранного в прошлые годы, и различными декретами предусматривались все возможные принудительные меры для изъятия этих запасов у их владельцев⁶⁰. Но такие неожиданные удачи, хотя и приносили, возможно, некоторое смягчение теперь уже хронической нехватки продовольствия в городах, не могли повлиять на прогрессировавшее снижение его производства, которое угрожало остановкой всей экономики. Вполне естественно, что на статистические данные о сельском хозяйстве в период военного коммунизма нельзя полагаться. Сколь бы велико ни было желание, получить хотя бы приблизительные данные из деревни было невозможно; у крестьянина были все основания для сокрытия информации о своем производстве и запасах⁶¹; а анализ и сопоставление получаемых сообщений оставляли желать лучшего. Различными властями предоставлялись различные цифры, и не всегда было ясно, к каким районам они должны были относиться. Однако со всеми этими оговорками можно в общих чертах нарисовать статистическую картину сельского хозяйства России накануне НЭПа.

Перераспределение земли, начатое Октябрьской революцией, было фактически завершено к концу 1918 г. в районах, находившихся под властью Советов, и распространилось к лету 1920 г. на всю территорию советских республик. Это привело к разительному уравниванию размеров производственных единиц. Таблица, распространенная в это время, классифицировала земельные участки разного размера соответственно в 1917, 1919 и 1920 гг.

	1917	1919	1920
	%	%	%
Беспосевных земель	11,3	6,6	5,8
С посевными до 4 десятин	58,0	72,1	86,0
С посевными от 4 до 8 десятин	21,7	17,5	6,5
С посевными свыше 8 десятин	9,0	3,8	1,7 ³²

Мелкие земельные наделы, обрабатываемые крестьянином и членами его семьи, которые имели в своем хозяйстве одну лошадь (явление, типичное даже для 1917 г.), в 1920 г. стали преобладающими в земледелии России. Полностью исчезли крупные помещичьи владения. Попытки восстановить крупные хозяйства в виде совхозов и земледельческих коммун повсеместно встречали упорное сопротивление и пользовались незначительным успехом. Среди многочисленных причин снижения объема производства в течение первых трех послереволюционных лет (опустошение деревни, потери рабочих рук, уничтожение поголовья скота, нехват-

ка орудий производства и удобрений) было бы несправедливо отводить более чем незначительное место меньшей эффективности мелких хозяйств по сравнению с крупными. Однако последнее являлось постоянным препятствием, которому суждено было пережить неблагоприятные факторы, возникшие непосредственно из-за мировой и гражданской войн, и которое представляло собой основную дилемму советской экономики.

Рост мелкокрестьянского земледелия за счет крупного имел определенные специфические последствия. Прежде всего он способствовал переходу с производства более ценных технических культур на производство простых средств к существованию. На III Всероссийском съезде Советов в январе 1920 г. отмечалось, что «наблюдается опасный переход от технических и специальных сельскохозяйственных культур к культурам хлебным (уменьшение посевов льна, пеньки, масличных растений, хлопка и т. д.), равно как и уменьшение животноводства»⁶³. Согласно докладчику по аграрному вопросу, на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. обрабатываемые площади в советских республиках уменьшились в период между 1917 и 1919 гг. на 16%; однако снижение было наименьшим на площадях под рожью (6,7%) и наибольшим — под специальными культурами (27% — под коноплей, 32 — под льном, 40% — под фуражными культурами)⁶⁴. Во-вторых, мелкие крестьянские хозяйства не только производили меньше, но и потребляли большую часть того, что производили. Так что остаток, попадавший в города, сокращался вдвое; а там, где существовали излишки, процесс сбора оказывался несравненно более трудным и опасным, поскольку было невозможно как материально, так и морально применять к массе мелких и средних крестьян меры принуждения, которые могли быть использованы против немногочисленных зажиточных крупных земледельцев или в отношении коллективных хозяйств, поддерживаемых государством или городским пролетариатом. Как Ленин всегда предсказывал, распределение земли среди крестьян, приведя к уменьшению среднего размера производительной единицы, оказалось непреодолимым препятствием на пути увеличения притока продовольствия и сырья в города, что было необходимо для увенчания победы пролетарской революции. Еще раз была ясно продемонстрирована трудность построения социалистического порядка в стране, экономика которой зависела от отсталого крестьянского земледелия.

Однако, не говоря обо всех препятствиях, возникающих в аграрной системе, основная трудность в обеспечении городов продовольствием заключалась в том, что крестьянину нельзя было предложить соответствующее возмещение за производимое им продовольствие и что реквизиция в той или иной форме была фактически единственным законным способом получения хлеба. Советские руководители, не имея никакой иной реальной альтернативы, упорно не хотели признать этот суровый факт⁶⁵. Однако к

осени 1920 г. недовольство крестьян достигло слишком широких масштабов, чтобы его скрыть. Начиная с сентября демобилизация армий привела к бандитизму (традиционная форма крестьянских волнений) повсеместно в центральных и юго-восточных областях; центром этих беспорядков, похоже, была Тамбовская губерния⁶⁶. Враждебность крестьян открыто проявилась на совещании председателей волостных и сельских исполкомов Московской губернии, на котором выступил Ленин. В своем заключительном слове он признал, что «большинство крестьян слишком больно чувствует... и голод, и холод, и непосильное обложение» и что именно за это «...и прямо, и косвенно большинство говоривших ругали центральную власть»⁶⁷.

Последнее серьезное исследование сельскохозяйственной проблемы в период военного коммунизма состоялось на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. С разгромом Врангеля завершилась наконец гражданская война, и съезд занимался почти исключительно проблемами восстановления хозяйства. В своей вступительной речи (это был доклад ВЦИКа и Совнаркома о внешней и внутренней политике. — *Ред.*) Ленин все еще придерживался той точки зрения, что «в стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять»⁶⁸. Меньшевик Дан суммировал обвинительный акт действиям Советов: «Продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, ибо, хотя она выкачала 300 миллионов пудов, но это куплено повсеместным сокращением посевной площади, достигшим почти четверти прежних засевов, сокращением скотоводства, прекращением посевов технических растений, глубоким упадком сельского хозяйства»⁶⁹. В резолюции, предложенной делегатом от левых эсеров, предлагалось, что «в целях стимулирования развития сельского хозяйства» разверстка должна распространяться только на ту часть продуктов, в которой нуждается потребляющая страна, а остальную часть продукта «оставлять в руках производителя либо для его собственного удовлетворения, либо для обмена ее через потребительскую кооперацию на необходимые для трудового крестьянского хозяйства предметы»⁷⁰. Резолюция меньшевиков пошла еще дальше, признав, что «русское крестьянство есть класс товаропроизводителей, развивающий или сокращающий свою хозяйственную деятельность по принципам товарного хозяйства», то есть класс мелких капиталистов, и предложив, чтобы «все излишки, остающиеся за выполнением государственных повинностей, строго определенных, крестьянство имело возможность сбывать на основе добровольного товарообмена или устанавливаемых по соглашению с ним цен»⁷¹. Предложение меньшевиков было встречено враждебно, причем один из большевистских делегатов сравнил его с тем, что «мы слышали не раз от всех кулаков и бандитов, особенно на Украине»⁷². Однако дебаты были выдержаны в мрачных и бесперспективных тонах. Доклад-

чик Теодорович вскрыл три основные черты сложившейся ситуации: «общее обеднение деревни», сокращение сельскохозяйственного производства, сопровождающееся переходом от специальных к «натуральным» культурам, и «процесс нивелировки хозяйства». Эти условия порождают два «основных дефекта»: упадок посевной площади и падение урожайности («примерно в 3—4 раза меньше, чем в некоторых странах Западной Европы»). Теодорович еще раз изложил вечную дилемму — «заколдованный круг» — города и деревни и их соответствующих требований друг к другу:

«Чтобы возродить деревню, надо снабдить ее в нормальном количестве продуктами городского производства; но для этого, в свою очередь, город должен быть снабжен определенным количеством сырья и продовольствия»⁷³.

Однако концепции о том, как вырваться из этого «заколдованного круга» и получить «определенное количество» продовольствия, в котором нуждался город, все еще отдавали наивностью и диктовались преимущественно городскими интересами. В 1919 г. исполнительный комитет Тульского губернского Совета выдвинул идею создания «посевого комитета», чтобы вести кампанию среди крестьян за расширение производства⁷⁴. Эта идея была поддержана в других местах и, казалось, подходила для всеобщего пользования⁷⁵. Было решено установить губернские, уездные и волостные сельские «посевные комитеты». На Наркомзем была возложена выработка «общегосударственного плана обязательного посева». «Установление планов засева по уездам, волостям и селениям...» было возложено на губернские комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли, а проведение в жизнь этих планов — на нижестоящие комитеты. Было решено «объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева»⁷⁶.

Дебаты на VIII Всероссийском съезде Советов привели к определенному прогрессу. На протяжении первых трех лет большевистского режима нехватка продовольствия рассматривалась как проблема сбора и распределения, а не производства. Это предложение, естественное в стране, до недавнего времени являвшейся экспортером зерна, было теперь наконец-то признано трагическим заблуждением. Гражданская война, аграрная реформа и забастовка производителей из-за реквизиции — все это, вместе взятое, привело к последовательному сокращению возделываемых площадей и собираемого урожая. Когда гражданская война закончилась, стало очевидно, что основной задачей советской аграрной политики является теперь не изъятие у крестьянина несуществующего излишка, а стимулирование сельскохозяйственного производства. Это-то и было признано съездом. И все же вопреки всей практике вновь было выдвинуто предположение, что крестьянина можно заставить силой или обещаниями согласиться с этими требованиями. На этот раз заблуждение оказалось кратковременным. Когда три месяца спустя Ленин объявил о Новой

экономической политике, ее направления не очень сильно расходились с теми, которые были бегло набросаны левыми эсерами и меньшевиками на VIII Всероссийском съезде Советов.

б) Промышленность

Влияние гражданской войны на промышленность было более непосредственным и на первый взгляд более разрушительным, чем на сельское хозяйство. В сельском хозяйстве она интенсифицировала спрос на все и усугубила все трудности производства и снабжения, обострив тем самым вопросы, которые в противном случае создали бы в более медленном и поддающемся управлению темпе. В промышленности она сделала то же самое и даже больше. Еще раз она искажила образ производства в тот момент, когда на повестке дня стоял вопрос о возвращении к условиям мирного времени; она преобразовала все ведущие отрасли промышленности в организацию снабжения Красной Армии и превратила промышленную политику в часть военной стратегии; при этом каждое решение диктовалось чрезвычайными обстоятельствами и принималось без учета долгосрочных перспектив и принципов. А поскольку в советской промышленной политике сохранялась преемственность до и после гражданской войны, тем самым подтверждался принцип, что войны и потрясения служат в качестве катализатора революционных преобразований, обусловленных предшествовавшими и более глубокими причинами. Государственный контроль над промышленной машиной, уже получивший стимул в результате первой мировой войны до прихода большевиков к власти, теперь приобрел новый и всеобъемлющий импульс от гражданской войны, чье место в большевистской доктрине было вновь подтверждено суровым практическим опытом. Главным уроком, который гражданская война преподала в области промышленности, была необходимость централизованного контроля, управления и планирования. Он включал также два вывода, не столь явно совместимых с социалистическими принципами, но прямо продиктованных соображениями эффективности, — потребность в технических специалистах и необходимость единоличной ответственности в управлении.

Юридические отношения между государством и промышленностью были определены последовательной национализацией всех промышленных предприятий. Период военного коммунизма в индустрии начался с декрета от 28 июня 1918 г. о национализации всех крупнейших промышленных предприятий⁷⁷. В течение второй половины 1918 г. целый ряд декретов о национализации заполнил пробелы, оставшиеся после законодательства от 28 июня; октябрьским декретом 1918 г. было вновь подтверждено право о том, что, кроме Совнаркома, правом отчуждения промышленных предприятий в пользу государства пользуется только

ВСНХ «в качестве центрального органа, регулирующего и организующего все производство республики»⁷⁸. Отсюда можно предположить, что местные Советы и совнархозы все еще занимались национализацией по своему собственному усмотрению. Однако, за исключением довольно небольших промышленных предприятий, формальная национализация была завершена к концу 1918 г. независимо от того, состоялась она на деле или нет. В начале 1918 г. внимание было переключено на мелкую кустарную промышленность в деревне, разбросанную и неорганизованную, зависевшую в значительной мере от надомной работы или труда беднейших крестьян и членов их семей, занятых неполный рабочий день. Такие предприятия играли огромную роль в российском хозяйстве; именно они — почти в такой же мере, как и крупные механизированные фабрики, — удовлетворяли простые потребности крестьянина — в орудиях труда и утвари, в одежде, примитивной мебели и обустройстве его дома⁷⁹. В Программе партии (март 1919 г.), заинтересованной любыми путями в увеличении производства, подчеркивалась необходимость оказания поддержки мелкой и кустарной промышленности путем дачи государственных заказов и предоставления финансовых кредитов кустарям «при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производственных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы»⁸⁰. В декабре 1918 г. было решено создать в ВСНХ и местных совнархозах специальные отделы для организации кустарной промышленности⁸¹, а в январе 1920 г. III Всероссийский съезд Советов предложил объединить ее предприятия под руководством кооперативов⁸². Остается проблематичным вопрос о том, как много было сделано в этой области. Все сомнения юридического порядка были в конце концов развеяны декретом, принятым в конце ноября 1920 г., по которому подлежали национализации все предприятия с механической тягой, на которых работало более пяти человек, и немеханизированные предприятия с числом рабочих более десяти человек. Однако, подобно декрету от 28 июня 1918 г., этот декрет сменил только юридическую вывеску: прежние владельцы продолжали хозяйничать вплоть до того момента, покада ВСНХ или местные совнархозы не предпринимали соответствующих мер⁸³.

Окончательный баланс национализированных отраслей промышленности никогда не подводился при военном коммунизме. Перепись промышленных предприятий, проведенная в 1920 г. на всей территории, которая тогда находилась под Советской властью (включая фактически все районы, составившие впоследствии СССР, за исключением Восточной Сибири), показала, что общее число «промышленных учреждений» достигало 404 тыс., из которых действующих было 350 тыс. Из этих 350 тыс. примерно три четверти составляли единоличные или семейные предприятия, только 26% использовали хоть какой-то наемный труд. Общее

число наемных рабочих в промышленности равнялось 2200 тыс., или 89% всех рабочих, занятых в промышленном производстве, а из них 1410 тыс. работало в так называемых крупных предприятиях, имевших более 30 рабочих. Общее число промышленных предприятий, национализированных на основании ноябрьского декрета 1920 г., составляло 37 тыс., на которых работало 1615 тыс. человек; кроме того, 230 тыс. рабочих трудились на кооперативных промышленных предприятиях⁸⁴. Однако цифры, собранные ВСНХ до начала этого процесса массовой национализации, больше отражают реальное положение дел. Согласно им, общее число промышленных предприятий, подотчетных ВСНХ, достигало 6908, из которых, по мнению ВСНХ, 4547 предприятий были действительно национализированы, то есть взяты под контроль государства. В то же время Центральное статистическое управление низвело число национализированных предприятий до всего лишь 3833⁸⁵. Все авторитетные источники сходятся на том, что полнее всего национализация была проведена на транспорте, в машиностроении, электротехнической, химической, текстильной и бумажной отраслях промышленности.

В период военного коммунизма речь шла не о национализации промышленности (само по себе это не являлось, как неоднократно подчеркивал Ленин, социалистической мерой и предусматривалось в этот момент в некоторых законодательных актах в странах, где оставалась нетронутой структура буржуазного капитализма⁸⁶), а о попытке государства управлять промышленностью на социалистических началах. Наиболее многочисленные и значимые декреты, принятые в период с июля 1918 г. до конца 1919 г., предусматривали «переход в ведение республики» (это была обычная формулировка) промышленных предприятий; иногда в декретах назывался отдел ВСНХ, на который возлагалась ответственность за управление, иногда это оставлялось на усмотрение ВСНХ или его Президиума. Декреты относились к определенным предприятиям. Никогда одним декретом не национализировались сразу все фирмы или фабрики отдельной отрасли промышленности: потребовалось больше дюжины актов, чтобы национализировать обширную и разнообразную текстильную промышленность. Однако политика была направлена на то, чтобы завершить принудительное «трестирование» промышленности, которое Ленин с осени 1917 г. провозгласил последней стадией в капиталистической организации, а следовательно, и необходимым условием организации социализма⁸⁷. Каждая отрасль промышленности должна быть объединена в отдельный «трест» под своим главком или центром, подотчетными ВСНХ, выступавшего в качестве высшего политического арбитра. К концу 1919 г. было организовано около 90 таких «государственных трестов»⁸⁸.

Не всегда просто определить какую-либо точную и последовательную политическую линию в многочисленных законодательных актах того периода в области промышленной политики.

ВСНХ, как говорил в это время его председатель Рыков, не давали возможности заниматься «правильной организацией хозяйства», и «мы принуждены были прибегнуть к крайним мерам, чтобы предохранить от нападения с тыла»⁸⁹. Вне всяких сомнений, гражданская война, доминируя над всеми другими факторами, в первую очередь стимулировала национализацию промышленных предприятий, непосредственно или косвенно удовлетворявших ее потребности. Установление государственного контроля над металлургической промышленностью было фактически завершено до того, как 28 июля 1918 г. был объявлен декрет о национализации. Военные нужды диктовали те высокие темпы, которыми осенью 1918 г. национализировались такие базовые отрасли промышленности, как кожевенная, текстильная, химическая и электротехническая; и не требуется никакого объяснения, почему в декабре 1918 г. был создан главный топливный комитет (Главтоп) с диктаторскими полномочиями по производству и снабжению страны всеми видами топлива. Соображениями более общего плана, возможно, объяснялась столь быстрая национализация фабрик, производящих бумагу, табак и сигареты, огнеупорные и керамические изделия, или винокуренных и спиртоочистительных заводов, которые были по непонятным причинам не охвачены июньским декретом. Все они были национализированы в ноябре 1918 г. и взяты под управление государства в следующем месяце. Однако трудно понять, почему были предприняты в декабре 1918 г. шаги по национализации и переходу в ведение республики нотопечатания, типографии и литографии или предприятий кондитерской промышленности в Москве и Петрограде⁹⁰. Машина «национализации», приведенная в движение из хороших и разумных побуждений, набрала собственную инерцию или направлялась вперед за счет смеси беспорядочных и частично случайных мотивов и импульсов различного плана, свойственных любому крупномасштабному административному процессу.

Следствием всех этих мер было низведение ВСНХ с первоначально отведенной ему роли верховного директора и арбитра всего советского хозяйства на роль ведомства, ответственного за управление советскими национализированными промышленными предприятиями. Его эффективная роль из двух функций, предписанных декретом в августе 1918 г. (ВСНХ «регулирует и организует все производство и распределение» и «управляет всеми предприятиями Республики»), сводилась поэтому ко второй. Тем же декретом был назван состав ВСНХ. Из 69 его членов 10 назначались от ВЦИКа, 20 — от областных Советов народного хозяйства, 30 — от Центрального Совета профсоюзов; пленум ВСНХ должен был собираться не реже одного раза в месяц. Руководство работой ВСНХ возлагалось на Президиум в количестве 9 лиц, из коих 8 избирались пленумом ВСНХ и утверждались Совнаркомом, а председатель избирался ВЦИКом (в тексте ошибочно говорится о том, что председатель и его заместитель назнача-

лись Совнаркомом, а остальные члены президиума назначались ВЦИКом. — *Ред.*). Очень скоро Президиум превратился в руководящий и определяющий политический курс орган. После осени 1918 г. ВСНХ перестал собираться вообще как совет: он превратился в ведомство государственного ранга, подобно британской торговой палате (название отмершего органа) ⁹¹.

Механизм, при помощи которого ВСНХ пытался управлять своим новым промышленным королевством, развился из системы центральных органов — главков и центров (первые были созданы до начала национализации). Некоторые из менее значимых отраслей промышленности вышли из этой системы за счет непосредственного подчинения управлениям ВСНХ. Однако это различие не имело существенного значения, поскольку центры и главки постепенно потеряли всякую видимость независимого статуса и ассимилировались с отделами ВСНХ. Это прямое подчинение центров и главков стало неизбежным, когда все кредиты национализированным промышленным предприятиям начали поступать исключительно через ВСНХ — положение, официально одобренное резолюцией II Всероссийского съезда Советов в декабре 1918 г. ⁹² Более неопределенными и неустойчивыми вначале были взаимоотношения центров и главков с отраслями промышленности, находившимися под их контролем. В обязанности Главного нефтяного комитета (Главнефть) — одного из первых главков, созданных до национализации промышленности, входило «организовать и вести нефтяное дело за счет государства» и «закрывать, открывать и сливать» различные предприятия в пределах отрасли, а также «контролировать и регулировать частные нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия» ⁹³. Главному табачному комитету (Главтабак), также одному из первых образований такого рода, было предписано организовать «плановую доставку сырьевых материалов» и «плановое распределение продукции» ⁹⁴. Прямое управление предприятиями со стороны ВСНХ или главков не предусматривалось ни до, ни после национализации. В текстильной промышленности, по мере того как все большее число предприятий переходило под контроль государства, в декабре 1918 г. был создан новый орган под названием Национальтекань для управления всеми государственными текстильными предприятиями, находящимися в ведении Центротекстиля ⁹⁵. С другой стороны, Главному комитету кожевенной промышленности (Главкож) было указано, что он «организует управление» национализированными предприятиями; в задачу Главного комитета лакокрасочной промышленности (Центролак) (в тексте ошибочно называется Главлак. — *Ред.*) входило «общее управление» соответствующими предприятиями; а Главный бумажный комитет (Главбум) был «преобразован в Главное управление государственных предприятий бумажной промышленности» ⁹⁶. Без сомнения, эти изменения в терминологии соответствовали изменениям в практике. Лихорадочная атмосфера

гражданской войны была особенно неподходяща для роста какой-либо упорядоченной и единообразной системы.

Может быть, наиболее серьезным недостатком центров и главков, которых в 1920 г. насчитывалось 42 единицы⁹⁷, являлось то, что они не могли выполнять функцию, которую они не были призваны первоначально выполнять и к которой не были приспособлены: они скорее мешали, чем управляли. Среди писателей более позднего периода они стали синонимом любого проявления неэффективности и считались олицетворением сверхцентрализации, которая являлась одной из ошибок военного коммунизма. Однако в сложившихся условиях того времени аргумент в пользу централизации был неоспоримым. Реакция против административного хаоса первой зимы после революции была не только здоровой, но и неизбежной.

«Разруху, — говорил Ленин в январе 1919 г., — можно уничтожить только централизацией, при отказе от чисто местных интересов, которые, как видно, и вызывали оппозицию против централизма, являющегося, однако, единственным исходом из нашего положения.

...Наше положение плохо... потому, что у нас нет строгой централизации»⁹⁸.

Централизации способствовало воздействие гражданской войны, которая, как и всякая другая война, требовала концентрации усилий на решении важнейших вопросов — а иногда и концентрации производства — в какой-то единой точке. Не далее как в октябре 1918 г. нехватка сырья продиктовала решение о закрытии менее эффективных фабрик во многих отраслях промышленности и концентрации производства в более эффективных⁹⁹; такого рода решения могли приниматься только сильной центральной властью. Когда летом 1919 г. территория РСФСР сократилась до размеров древней Московии, централизованный контроль над промышленностью был гораздо более практичным делом, чем он мог показаться раньше или позже. Все обстоятельства говорили в пользу принятия декрета о централизации, которую в конечном счете невозможно было поддерживать и за которую пришлось заплатить дорогой ценой в виде бюрократической неэффективности.

Политика централизации вскоре столкнулась с рьяным сопротивлением со стороны губернских совнархозов. Ко времени созыва II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. было покончено с обременительной фикцией системы параллельного существования экономических Советов с политическими. Новым декретом были упразднены региональные Советы, а губернские совнархозы названы «исполнительными органами» ВСНХ, местные же совнархозы были превращены — трудно сказать, как много таких органов вообще было создано, — в «экономические отделы» при исполнительных комитетах соответствующих местных Советов. Правда, несмотря на то, что декрет был

нацелен на предоставление действительно широких полномочий губернским совнархозам, он еще больше подрезал им крылья, разрешив главкам и центрам иметь свои собственные подчиняемые только им органы в губернских штабах; и хотя эти органы были в какой-то степени привязаны к губернским совнархозам, эта мера ясно показывала, что был сделан очередной шаг к установлению централизованного контроля над каждой отраслью промышленности по всей стране со стороны соответствующего главка или центра в Москве под высшим руководством ВСНХ. Под руководством же губернских совнархозов оставалась лишь быстро сокращающаяся категория промышленных предприятий «местного значения»¹⁰⁰. Эти преобразования на административном уровне шли рука об руку с усилением влияния централизованной профсоюзной организации над местными фабричными комитетами и другими профсоюзными органами¹⁰¹ и даже явились причиной роста влияния профсоюзов в главках¹⁰². Специальное совещание с участием представителей главков и совнархозов в апреле 1919 г. не привело к достижению компромисса или к прекращению роста центральных органов¹⁰³. Однако не было другой такой сферы, где сверхцентрализация была бы столь очевидно неприемлемой и где ощущалась бы столь острая необходимость в децентрализации, как в повседневной работе промышленности.

То, что началось как откровенная борьба между централизацией и местной автономией в хозяйственном управлении, вскоре превратилось в борьбу между сторонниками передачи власти по функциональному и географическому признакам. Главки представляли «вертикальную» систему организации, при которой каждая отрасль промышленности должна функционировать как отдельная общность, ответственная перед единым руководством для этой отрасли. Губернские совнархозы оспаривали эту систему во имя «горизонтального» управления, при котором промышленные предприятия данной губернии должны координироваться и контролироваться высшей губернской властью. Этот вопрос стал составной частью общих дебатов на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. об ответственности местных органов народных комиссариатов перед местными Советами и их исполнительными комитетами. Сапронов, который на VIII съезде партии нападал на совнархозы за их поползновение на захват власти в местных Советах¹⁰⁴, теперь направил острие своих атак на непопулярные главки, утверждая, что они воплощают в себе попытку заменить «строительство по Советам» «ведомственным строительством» — демократическую систему бюрократической. Другой выступающий заявил, что, если народ спросить: «Что надо уничтожить на второй день после уничтожения Колчака и Деникина?» — 90% ответят: «Главки и центры». Калинин пришел на помощь, сказав в ответ, что «один из главков, который больше всего централизован и более всего давит местное население, — это главк, возглавляемый т. Троцким», то есть Красная Армия¹⁰⁵.

Дебаты не привели ни к какому результату и были возобновлены на III Всероссийском съезде Советов в январе 1920 г., на котором Президиум ВСНХ в альянсе с профсоюзами в поддержку главков подверглись резкой критике со стороны губернских совнархозов. Большинством в две трети голосов была поддержана резолюция об управлении промышленностью, по которой предприятия подразделялись на три категории: «трестированные» предприятия, или предприятия государственного значения, находящиеся под непосредственным управлением центральных органов ВСНХ, предприятия, управляемые губернскими совнархозами «при непосредственном руководстве центральных органов ВСНХ», и предприятия местного значения, состоящие в ведении и управляемые исключительно губернскими совнархозами¹⁰⁶. IX съезд партии в марте 1920 г. приложил к этому руку и принял резолюцию, в которой провозглашалось, что «организационная задача состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов»¹⁰⁷. Однако красивые слова ничего не решали. Круги, выступавшие за централизацию, черпали силы в гражданской войне, и их вряд ли можно было одолеть, покуда длилась война. Соответствующая реакция последовала только после введения НЭПа и в качестве составной части общей политики.

В связи с нападками на централизованную организацию ВСНХ имела место еще одна острая полемика (иногда в открытую, а чаще всего исподволь) — по вопросу об использовании специалистов. Здесь также часто ощущался конфликт между требованиями деловой эффективности и потребностями социалистического или даже демократического самоуправления. Однако вопрос о специалистах затрагивал более глубинные слои партийной доктрины и партийных предубеждений. Он вскрыл очевидное противоречие между верой в разрушение старого административного аппарата и отмирание государства, которую Ленин вновь столь красноречиво подтвердил осенью 1917 г. в своей работе «Государство и революция», и практической потребностью, о которой он с не меньшей энергией писал почти в то же время в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», в захвате и использовании технического аппарата хозяйственного и финансового контроля, созданного и оставленного после себя капитализмом¹⁰⁸. На начальном этапе революции на смену анархии рабочего контроля пришли попытки применить доктрину, которая черпала силу из определенных пассажей ленинской книги «Государство и революция» о том, что управление промышленностью является простым делом, которое вполне по силам любому гражданину со средним интеллектом. В марте 1918 г. одно из должностных лиц ВСНХ могло все еще писать о том, что использование любого буржуазного инженера на фабрике является «предательством

рабочих»¹⁰⁹. Однако задолго до этого начались радикальные изменения. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин осторожно предсказывал, что новому режиму будут нужны «в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода...», которым «на время перехода» оставят более высокую плату, чем другим работникам¹¹⁰. После Брест-Литовска, когда Троцкий уже начал привлекать старый офицерский состав для строительства Красной Армии, Ленин прямо заявил, что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен», и выразил сожаление по поводу того, что «мы... обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще* не создали»¹¹¹. Когда левая оппозиция говорила об этом как о «возрождении руководства капиталистов», он ответил, что это «руководство» капиталистам дается Советской властью «не как капиталистам, а как специалистам — техникам или организаторам»¹¹². На I Всероссийском съезде Советов в мае 1918 г. он откровенно говорил о задаче «использования буржуазных специалистов» и о необходимости, если социализм должен быть осуществлен, выработки «громадного кадра научно-образованных специалистов», полагаясь в этом даже на «враждебные элементы». И повторил: «Мы знаем, что без этого социализм невозможен»¹¹³. Число служащих ВСНХ увеличилось с примерно 300 в марте 1918 г. до 2500 человек в течение следующих шести месяцев, а включая штат главков и центров — до 6000 человек¹¹⁴. Эта цифра кажется скромной, если учесть огромную задачу, возложенную на ВСНХ по реорганизации русской промышленности перед лицом гражданской войны. Однако она вызывала традиционные стенания со стороны напыщенных бюрократов, усугубляемые знанием источников, откуда, следуя предписаниям Ленина, брались многие из новых служащих.

Вопрос о специалистах был постоянным яблоком раздора в течение двух следующих лет. На II Всероссийском съезде Советов в декабре 1918 г. Молотов провел анализ служащих 20 наиболее важных главков и центров. Всего их насчитывалось 400 человек, из которых свыше 10% были представителями бывших предпринимательских органов и организаций, 9 — различных технических сил, 38 — правительственных ведомств, включая ВСНХ, а остальные 43% — рабочих или их организаций, включая профсоюзы. Таким образом, большинство представляло собой лица, «с пролетарским элементом ничего общего не имеющие, т. е. большинство, не имеющее никакого отношения к пролетарским элементам в промышленности», а главк «являлся далеко не отвечающим пролетарской диктатуре органом»; те, кто вел там политику, «были представители предпринимателей, технических сил и специалисты»¹¹⁵. Меншевицкий делегат Далин, смело заявивший, что в «громадных европейских трестах» имеется «очень малый бюро-

кратизм», и повторивший старый меньшевистский аргумент о преждевременности попытки внедрить социализм там, «где социализм является не на подготовленной почве, при неподготовленном механизме», начал общее наступление:

«Пролетариата нет, осталась только диктатура, и то не пролетариата, а огромного бюрократического механизма, который держит в своих руках мертвые фабрики и заводы... Так и мы создаем новую буржуазию, которая не будет иметь предрассудков культуры, воспитания, которая заменит старую буржуазию только в деле притеснения рабочего класса. Вы создаете буржуазию, которая не знает преград перед угнетением и эксплуатацией».

Этот рост, по словам оратора, «американской буржуазии» явился причиной снижения производства мелкой буржуазии, типичным примером чего было новое отношение к среднему крестьянину¹¹⁶.

Такие наскоки мало что дали для прекращения последовательного внедрения буржуазных специалистов в советский аппарат; гражданская война, сделавшая их помощь еще более необходимой, в то же время упростила достижение национального примирения на основе защиты отечества от иностранного агрессора. «Что же, мы разве выкинем их?» — воскликнул Ленин, имея в виду бывшую буржуазию, занятую на советской военной и хозяйственной работе. «Сотни тысяч не выкинешь! А если бы мы выкинули, то себя подрезали бы»¹¹⁷. В новой Программе партии, принятой в марте 1919 г., в дружелюбных тонах было сказано о буржуазных специалистах, работающих «рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами»¹¹⁸. В эти суровые месяцы нельзя было позволить, чтобы какой-либо иной критерий взял верх над соображениями административной эффективности. «Белый» профессор, добравшийся осенью 1919 г. из Москвы до Омска, сообщил, что во главе многих центров и главков сидят бывшие предприниматели, ответственные государственные служащие и управляющие делами, и неподготовленный посетитель этих центров и главков, лично знакомый с бывшим коммерческим и промышленным миром, будет удивлен, увидев бывших владельцев крупных кожевенных фабрик, которые сидят в Главкоже, крупных мануфактурщиков — в центральной текстильной организации и т. п.¹¹⁹ На партийной конференции в декабре 1919 г., когда гражданская война казалась почти выигранной и стало возможным вновь заглянуть в будущее, Ленин щедро воздал должное буржуазным специалистам:

«Мы... признаем необходимость поставить эти группы в положение лучшее, потому что невозможен переход от капитализма к коммунизму без использования буржуазных специалистов, и все наши победы, все победы нашей Красной Армии, руководимой пролетариатом, привлечшим на свою сторону полутрудовое, полусобственническое крестьянство, мы одерживали отчасти благодаря умению использовать буржуазных специалистов. Эта наша

политика, выраженная в военном деле, должна стать политикой нашего внутреннего строительства»¹²⁰.

Однако на последовавшем затем VII Всероссийском съезде Советов он вновь занял оборонительную позицию. «Мы не можем перестроить государственный аппарат... без помощи старых специалистов», которые «не могут быть взяты ниоткуда иначе, как из общества капиталистического». Тем не менее «даже в тех случаях, когда они не являются прямыми изменниками (а это явление не случайное, а постоянное)... они не в состоянии понять новых условий, новых задач, новых требований». В главках и центрах, а также в совнархозах осталось «больше контрреволюционных элементов, больше бюрократизма, чем в области военной». Причина кроется в том, что на первые области обращалось меньше внимания, в них было направлено меньше рабочих и крестьян, а следовательно, там было меньше контроля над специалистами. Единственным средством является постоянное внимание¹²¹. На протяжении всего этого периода все свидетельствовало о тяжелой, но решительной борьбе Ленина и ряда других руководителей за сохранение привилегированного положения буржуазных специалистов вопреки подозрительности и негодованию со стороны рядовых членов партии¹²². Однако эта политика проводилась с прежней энергией, да и не могло быть иначе; а в марте 1920 г. IX съезд партии принял четкую резолюцию, которая вменяла партийным работникам в обязанность «стремиться к установлению атмосферы товарищеского сотрудничества рабочих и technicians-специалистов, унаследованных пролетарским режимом от буржуазного строя»¹²³. Любопытно отметить, что наиболее далеко идущие политические меры военного коммунизма в промышленности были в огромной степени осуществлены через посредничество и благодаря активному сотрудничеству бывших буржуазных технических специалистов и промышленников.

Тем не менее было бы ошибочным полагать, что Ленин когда-либо рассматривал использование буржуазных специалистов больше чем необходимое (и по своей природе временное) зло или отказался от своего конечного идеала, предусматривавшего управление государством самими рабочими. Только потому, что рабочие оказались не приспособленными к управленческой деятельности или не созрели для нее в достаточном количестве, эта зависимость от буржуазных специалистов была неизбежной.

«Один из главных недостатков этой работы тот, — говорил Ленин в 1920 г. на совещании по работе в деревне, — что мы не умеем ставить дело государственное, что у нас в кругах товарищей, даже здесь руководящих работой, слишком сильна привычка старого подполья, когда мы сидели в маленьких кружках здесь или за границей и даже не умели мыслить, думать о том, что как поставить работу государственно... У нас громадный государственный аппарат, который работает еще плохо, потому что мы не умеем, не можем им хорошо овладеть»¹²⁴.

Постоянной темой стала критика бюрократизма. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Зиновьев ринулся в наступление на «армию» советских служащих, которые «давят на наши учреждения»¹²⁵. Введение НЭПа повлекло за собой мощную тенденцию к сокращению излишнего штата. И Ленин в последний год жизни был сильно озабочен злом бюрократизма. Бесспорно, что советский бюрократ того начального периода был, как правило, представителем бывшей буржуазной интеллигенции или класса служащих, а значит, привнес с собой многие традиции старой русской бюрократии. В то же время эти группы обеспечивали толику знаний и технического искусства, без которых режим не смог бы выжить. Торжественные заявления Ленина в 1918 и 1919 гг. о том, что социализм не возможен без привлечения помощи этих «классовых врагов», являли собой выражение фундаментальной дилеммы революции.

Споры, которые велись вокруг централизации и использования специалистов, возобновились по вопросу о «единоначалии» и велись так же энергично и бескомпромиссно. Принцип так называемой «коллегияльности» не фигурировал ни в одной из партийных программ и не являлся официально признанным пунктом партийной доктрины. Тем не менее у него была почтенная родословная в практике Французской революции; кроме того, казалось, в соответствии с духом демократического социализма, что решения должны приниматься не единолично, а коллективно. Каждый народный комиссар работал в окружении коллегии в составе пяти своих коллег, с которыми он обязан был консультироваться по важнейшим вопросам и каждый из которых имел право обращаться в Совнарком, чтобы опротестовать его решения. Первый драматический отход от этого принципа случился в марте 1918 г., когда Совнарком в который раз столкнулся с хронической проблемой проволочек и дезорганизации на железнодорожном транспорте. Ленин категорически потребовал «назначения отдельных ответственных лиц — исполнителей в каждом местном центре по выбору железнодорожных организаций» и «беспрекословного исполнения их приказаний»¹²⁶. Опубликованный в результате декрет Совнаркома¹²⁷ подвергся резкой критике со стороны левых эсеров и большевистской левой оппозиции, которые увязывали его с таким злом, как централизация. С централизацией управления, едко замечал Осинский в органе левой оппозиции «Коммунист», увязывается здесь его автократический характер; причем слово «автократический» было выбрано намеренно, чтобы подчеркнуть один из титулов прежнего царя¹²⁸. Ленин ни в чем не раскаивался и был полностью готов обобщить этот принцип.

«Всякая крупная машинная индустрия, — писал он в работе «Текущие задачи Советской власти», — т. е. именно — материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства* воли, направляю-

щей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей... *Беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо»¹²⁹.

Это была тема, которая со всей очевидностью возбудила наиболее упорное предубеждение. И только в декабре 1918 г., когда в полном разгаре была гражданская война, Ленин осторожно вернулся к ней на II Всероссийском съезде Советов, причем относя ее исключительно к управлению национализированной промышленностью.

«Военное положение возлагает на нас особую ответственность и тяжелые задачи. Коллегиальное управление необходимо при участии профессиональных союзов. Коллегии необходимы, но коллегиальные управления не должны обращаться в помеху практическому делу...

От Совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и областничестве»¹³⁰.

Однако этот намек не повлиял на ход дискуссий и оставил лишь слабый след в резолюции, в которой подчеркивалась «личная ответственность членов руководящих коллегий за поручаемые им дела и за работу тех предприятий и органов, во главе которых они стоят»¹³¹. И почти год спустя, на VII Всероссийском съезде Советов, Ленин вновь обратился к его участникам с тем же призывом:

«...Нам необходима единоличная ответственность: как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распоряительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности. Нам нужны такие люди, которые во всяком случае учили бы самостоятельному управлению»¹³².

На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Ленин сделал этот вопрос центральной темой своего выступления, объединив его с вопросом о «трудовых армиях». Аргументация была вновь выдержана в примирительном и практическом духе:

«Коллегиальность, как основной тип организации советского управления, представляет из себя нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах переход к практической работе связан с единоначалием, как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы»¹³³.

Тем не менее резолюция съезда еще раз подтвердила, что «базой для управления национализированной промышленностью должно являться коллегиальное начало», и сделала уступку только в том, что «единоличное управление вместо коллегиального мо-

жет вводиться только с согласия соответствующего профсоюза в каждом отдельном случае»¹³⁴.

К тому времени стало ясно, что сопротивление принципу единоначалия кристаллизуется вокруг профсоюзов. Ленин дважды, в январе и марте 1920 г., выступал в поддержку своего проекта в большевистской фракции Всероссийского Совета профсоюзов и в обоих случаях встретил отпор; во втором случае фракция приняла тезисы, представленные Томским, «О задачах профсоюзов», которая откровенно высказалась в поддержку правила коллегиальности:

«Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно»¹³⁵.

Ленин тогда принял решение передать этот вопрос в высшие инстанции, и одной из них, где его собственный престиж имел наибольший вес, являлся IX съезд партии, состоявшийся в конце марта 1920 г. Именно этот вопрос вызвал наиболее острые дебаты на съезде. Против проекта резолюции Троцкого, который в осторожной форме высказался в поддержку принципа единоначалия, выступили Осинский и Сапронов, которые от имени возглавляемой ими так называемой группы «демократического централизма»¹³⁶ выдвинули свои собственные предложения, а также Томский, выступавший от имени профсоюзов. В то время как промежуточная группа готова была пойти на компромисс, признавая единоначалие на мелких предприятиях и на «отдельных милитаризованных предприятиях» по согласованию с профсоюзами, в тезисах Томского содержалось бескомпромиссное требование сохранения «существующего ныне принципа коллегиального управления промышленностью»¹³⁷. Рыков, которого вскоре после этого освободили от должности председателя ВСНХ, решительно защищал принцип коллегиальности; Смирнов дерзко спросил, почему единоначальное управление не применяется в Совнарком; а Томский, пытаясь приписать авторство ненавистой инновации менее влиятельному лицу, заявил, что «первым идеологом единоначалия, был не Троцкий, а Красин» и что «т. Ленин... целые полтора-два месяца колебался», прежде чем поддержать вопрос о единоначалии (в тексте ошибочно сказано, что Ленин в течение двух лет колебался... — *Ред.*)¹³⁸. Как обычно, выступление Ленина поколебало съезд¹³⁹. В резолюции съезда, которая завершила дебаты, содержалось недвусмысленное одобрение принципа единоначалия. Признав, что «нынешняя форма организации промышленности является формой переходной», она предложила применение четырех разных вариантов, которые могут быть использованы «на пути к полному единоначалию»:

— директор-администратор из рабочих-профессионалов и при нем, в качестве помощника по технической части, инженер;

— инженер-специалист, в качестве фактического руководителя, и при нем комиссар из рабочих-профессионалов;

— рабочие-профессионалы один или два, в качестве помощников директора-специалиста;

— тесно спевшиеся коллеги, где таковые имеются и члены которых уже на опыте доказали свою работоспособность, сохранить таковые, увеличив права председателя и повысив ответственность за работу коллегии в целом.

В то же время было решительно подчеркнуто, что «ни одна из союзных организаций не вмешивается непосредственно в ход предприятий»¹⁴⁰. Партийная дисциплина была достаточно сильна, чтобы прекратить споры, как только высший партийный орган высказал свое мнение. Лутовинов от имени группы, которая только начала формироваться как группа «рабочей оппозиции», заявил, что он сам и его коллеги будут преданно работать во имя осуществления решения, которое они не принимают¹⁴¹. На состоявшемся несколько дней спустя III Всероссийском съезде профсоюзов было принято молчаливое решение не поднимать этого вопроса; в своих выступлениях Ленин и Троцкий переместили акцент на новые спорные вопросы: о трудовой повинности и трудовой дисциплине¹⁴². В ноябре 1920 г. было отмечено, что коллегияльное управление сохранилось только в 12% национализированных предприятий¹⁴³. Это, вероятно, относилось к крупным предприятиям, контролировавшимся центральными органами ВСНХ; из общего числа таковых (2051 предприятия), по которым имелись подробные отчеты, 1783 предприятия находились к концу 1920 г. под единоначальным управлением¹⁴⁴.

Статистические данные о промышленном производстве при военном коммунизме были не более обильными, чем о сельскохозяйственном производстве, и столь же приблизительными. Производство в промышленности упало даже более резко, чем в сельском хозяйстве; снижение производительности труда отдельного рабочего было, по-видимому, еще более заметным (поскольку недоедание прибавлялось к другим причинам)¹⁴⁵ и сопровождалось резким сокращением численности рабочих, задействованных в промышленности, — явление, не имевшее своего аналога в земледелии. Это сокращение было систематическим и кумулятивным, так как прекращение производства в одной отрасли промышленности зачастую ставило в зависимость другие отрасли — вплоть до их полной остановки. И только в 1919 г. стало в полную силу ощущаться влияние промышленного кризиса. Имевшиеся запасы материалов в момент революции теперь уже были полностью израсходованы, а гражданская война или блокада союзников повсеместно препятствовала их возобновлению. Туркестан, единственный источник снабжения хлопком-сырцом, был полностью отрезан вплоть до осени 1919 г.; прибалтийские страны, один из основных

источников льна, отошли от России, и торговля с ними не возобновлялась вплоть до 1920 г. Снабжение нефтью с бакинских и кавказских промыслов было полностью прекращено с лета 1918 г. до конца 1919 г. Только в 1920 г. вновь стали доступны крупнейшие угольные и железорудные бассейны Украины. Основным фактором промышленного упадка был топливный кризис. Согласно подсчетам, произведенным в мае 1919 г., промышленность получала лишь 10% нормального уровня поставок топлива¹⁴⁶. Холод зимой 1918/19 и 1919/20 гг. был, вероятно, более серьезной причиной людского несчастья и неэффективности, чем голод. Другим важным фактором, который был одновременно и частью и дополнительной причиной упадка, являлся кризис на железнодорожном транспорте. Из 70 тыс. верст железных дорог в европейской части России только 15 тыс. оставались неразрушенными в результате мировой и гражданской войн. Подвижной состав пострадал в той же пропорции; в конце 1919 г., когда кризис достиг своей наиболее критической точки, более 60% из общего числа 16 тыс. локомотивов были выведены из строя¹⁴⁷. Все эти факторы способствовали созданию ситуации, при которой, как отмечалось на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г., «не могли быть полностью использованы производительные средства страны и значительная часть фабрично-заводских предприятий была приостановлена»¹⁴⁸.

Тем не менее наиболее разительным симптомом упадка в промышленности было, вероятно, распыление промышленного пролетариата. В России, где масса индустриальных рабочих представляла собой недавних крестьян, которые редко полностью порывали свои связи с деревней и в ряде случаев возвращались туда на период сбора урожая, кризис в городах или на фабриках — голод, прекращение производства, безработица — породил не проблему пролетарской безработицы в западном смысле этого слова, а массовое бегство промышленных рабочих из города и их обратное превращение в статус крестьянина и возврат к крестьянскому труду. Расстройство промышленности в первую зиму после революции уже дало начало такому процессу; Бухарин на VII съезде партии в марте 1918 г. говорил о распылении пролетариата¹⁴⁹. Этот процесс многократно усилился, когда гражданская война вовлекала сотни тысяч истощенных и изнуренных людей в вооруженные силы обоих лагерей. Индустрия больше всего страдала как от мобилизации, так и от сбоев в сложном механизме снабжения и производства. В конце 1918 г. Красин говорил о том, что «еще больший удар был нанесен эвакуацией Петрограда... под влиянием панического страха» во времена Брест-Литовска, что фактически свелось «к полному разрушению петроградской промышленности»¹⁵⁰. Даже те приблизительные данные, которые удалось собрать, подтверждают, что падение численности промышленных рабочих началось прежде всего и наиболее быстрыми темпами в Петроградской области, где

к концу 1918 г. число рабочих насчитывало не больше половины всех задействованных в промышленности два года назад. Признаки тревоги прозвучали в речи Рудзутака на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г.:

«Мы наблюдаем в целом ряде промышленных центров, что рабочие, благодаря сокращению производства на фабриках, расcасываются в крестьянской стихии и из рабочего населения получается полукрестьянское, а нередко и чисто крестьянское»¹⁵¹.

Подсчеты, основывающиеся на профсоюзной статистике для всей территории, находившейся в 1919 г. под властью Советов, показывают, что число рабочих на промышленных предприятиях в целом сократилось до 76% к уровню 1917 г., а в строительстве и на железных дорогах — до 66 и 63% соответственно¹⁵². Всеобъемлющая таблица, опубликованная несколько лет спустя, продемонстрировала, что число наемных рабочих в промышленности возросло с 2600 тыс. в 1913 г. до 3000 тыс. человек в 1917 г., а затем систематически снижалось — до 2500 тыс. человек в 1918 г., 1480 тыс. — в 1920—1921 гг. и 1240 тыс. — в 1921—1922 гг., причем к этому времени оно достигало меньше половины общего уровня 1913 г.¹⁵³ Согласно сообщению (май 1920 г.), на важном Брянском чугунолитейном заводе в январе 1919 г. насчитывалось 78% штатных рабочих, в июле 1919 г. — 63, в январе 1920 г. — 59 и в апреле 1920 г. — 58%. Весной 1920 г. ВСНХ обратился с призывом о создании «ударных групп» на 60 важнейших металлообрабатывающих предприятиях; по некоторым данным, на коломенских фабриках число недостающих рабочих сократилось с 41% в январе 1920 г. до 27% в мае 1920 г. Общий вывод сообщения, содержащего эти цифры, заключался в том, что «металлургическая и металлообрабатывающая промышленность России зашла в тупик»¹⁵⁴. Томский, анализируя в январе того же года удручающий комплекс проблем, возникших из-за «общего сокращения всего производства, чрезвычайно низкой продуктивности труда и ничтожного использования функционирующих предприятий», усматривал основную причину этого в «отливе здоровых, трудоспособных элементов: а) в деревню; б) в армию; в) в трудовые коммуны и советские хозяйства; г) в кустарную промышленность и производственные кооперативы; д) на государственную работу (продотряды, инспектирование, армия и т. п.)», а также в ничтожном приливе свежих рабочих сил из деревни в промышленность¹⁵⁵. Английская лейбористская делегация, побывавшая в России весной того же года, отмечала «нищенское и полуголодное существование» фабричных рабочих, а «крестьяне, использовавшие наемный труд, платили своим работникам более высокую заработную плату, чем на фабриках», «плюс обеспечение продовольствием, чего городской рабочий не получает»¹⁵⁶. Сколь тяжелыми ни были условия при военном коммунизме в деревне, они тем не менее были в любом случае лучше, чем в городах и на фабриках. Осенью 1920 г. население

40 губернских центров сократилось по сравнению с 1917 г. на 33%, составив 4300 тыс. против 6400 тыс. человек, а численность населения других 50 крупных городов снизилась на 16%, или с 1517 тыс. до 1271 тыс. человек. Чем больше был город, тем больше потери; Петроград за три года потерял 57,5% своего населения, а Москва — 44,5%¹⁵⁷.

Цифры кажутся достаточно катастрофическими. Однако, поскольку производительность труда падала даже более быстрыми темпами, чем численность рабочих, сокращение фактического производства было гораздо больше, чем можно было бы предположить, исходя из уменьшения числа рабочих. Опубликованные статистические данные показывают, что вплоть до 1920 г. производство во всех отраслях промышленности постоянно падало. Наиболее серьезным было сокращение производства железной руды и чугуна, которое в 1920 г. упало соответственно до 1,6 и 2,4% уровня 1913 г. Наилучшие результаты отмечались в производстве нефти, которое в 1920 г. составляло 41% уровня 1913 г. Следом шла текстильная промышленность, а затем производство угля, достигавшее 27%, однако общая картина производства к уровню 1913 г. варьировалась от 10 до 20%¹⁵⁸. Подсчеты стоимости произведенной продукции в довоенных рублях показывают, что стоимость готовых товаров достигала в 1920 г. всего лишь 12,9% уровня 1913 г., а полуфабрикатов — 13,6%¹⁵⁹. Парадокс заключался в том, что установление «диктатуры пролетариата» сопровождалось заметным сокращением как численности, так и определенного веса в экономике того класса, от имени которого осуществлялась эта диктатура¹⁶⁰. Побочным результатом этого было снижение авторитета ВСНХ, который после 1919 г. занимал место не больше чем равного среди нескольких комиссариатов, имевших дело с различными отраслями экономики, при этом уступая престижное место Наркомпроду, который, занимаясь реквизицией хлеба, превратился в ключевое ведомство при военном коммунизме, а в качестве высшего хозяйственного органа ВСНХ был отодвинут на второе место Советом Труда и Оборона (СТО)¹⁶¹.

Окончание гражданской войны, которое за счет освобождения имеющихся ресурсов должно было бы стимулировать промышленное возрождение, похоже, на первых порах привело к обратным результатам. Причины этого были частично психологического плана. Ликвидация побудительных моментов, вызванных войной, привела к спаду напряжения, а вместе с тем и к расслаблению, у уставшего населения не было больше воли к восстановлению хозяйства. Продолжавшийся упадок имел и свои практические причины: процесс развала промышленности, полнейшее истощение запасов и оборудования зашли так далеко, что обратить эти процессы вспять было нелегко. IX съезд партии в марте 1920 г. впервые смог сместить акцент с гражданской войны на то, что Ленин назвал «бескровным фронтом» восстано-

ния хозяйства ¹⁶². Однако в целом в 1920 г. преобладало настроение благодушия, стимулированное серией блестящих побед над белополяками и Врангелем. В декабре, на VIII Всероссийском съезде Советов, Рыков оправдывал снижение производительности труда советского промышленного производства и рабочих аналогичным снижением, которое якобы имело место в Германии, Великобритании и Соединенных Штатах, и предсказывал «начало общего экономического подъема» ¹⁶³. Книгой года в области экономической мысли стала работа Бухарина «Экономика переходного периода». Предрекая близкий крах капитализма (и, таким образом, отдавая дань оптимистическим настроениям, которые доминировали на II Конгрессе Коминтерна в июле 1920 г., Бухарин продолжал утверждать, что пролетарская революция должна сломать не только политический, но и экономический аппарат капиталистического общества. Это, естественно, означало переходный период сокращенного производства.

«Производственная «анархия» или, как ее обозначает проф. Гриневский, «революционное разложение промышленности» есть исторически неизбежный этап, от которого нельзя отделаться никакими ламентациями... Коммунистическая революция пролетариата, как и всякая революция, сопровождается *понижением* производительных сил» ¹⁶⁴.

Позднее другой автор сравнил разрушительный эффект революции в области экономики с деяниями военного командования, которое взрывает железнодорожный мост или «сбивает» леса, чтобы создать ровное поле для обстрела артиллерии: «экономически непосредственно нецелесообразные меры могут быть революционно целесообразны» ¹⁶⁵. Проявления экономического хаоса и развал промышленной машины могли приветствоваться как вехи на пути к социализму. Эти теории, подобно другим порождениям периода военного коммунизма, являлись оправданием задним числом того, чего не ожидали, но что невозможно было предотвратить; и атрибуты промышленного контроля, установленного в это время, усилили общее недоверие, которое вызывали методы военного коммунизма. Тем не менее справедливости ради нужно заметить, во-первых, что причины промышленного упадка крылись в условиях, гораздо более глубоких, чем какой-то дефект в организации, поэтому более поздняя тенденция объяснить его бюрократическими недостатками главков или ВСНХ не выдерживает серьезной критики; и, во-вторых, что окончательное банкротство военного коммунизма было вызвано не столько упадком в промышленности, сколько неумением выработать сельскохозяйственную политику, способную содействовать получению у крестьян продовольственных излишков, достаточных для того, чтобы прокормить города и фабрики. Переход от военного коммунизма к НЭПу сказан на промышленности в той же степени, как и на каждой области советского хозяйства, но его прямые побудительные мотивы лежали вне сферы промышленной политики.

в) Труд и профсоюзы

Под влиянием гражданской войны были отброшены всякие сомнения и неясности, которые осложняли трудовую политику в первые месяцы нового режима. Существование всеобъемлющей национальной цели не только упростило, но и сделало настоятельно необходимым ускорение осуществления политики по руководству трудовыми ресурсами и по трудовой дисциплине. Был ошибочно упрощен вопрос взаимоотношений между профсоюзами и государством, поскольку теперь существование как самого государства, так и союзов зависело от мобилизации каждого человека и каждой машины в интересах военной победы над белыми армиями. При военном коммунизме трудовая политика стала делом мобилизации рабочих на военные усилия и направления их туда, где в них больше всего была нужда; профсоюзы являлись тем инструментом, при помощи которого эту политику можно было проводить наиболее эффективно. До тех пор пока продолжалась гражданская война, каждый принципиальный вопрос казался ясным, безапелляционным и бесспорным.

Первый незаметный шаг в направлении создания нового аппарата контроля был предпринят в декрете от 2 июля 1918 г., которым устанавливался порядок утверждения коллективных договоров между профсоюзами, действующими от имени трудящихся, и предпринимателями или фабричной администрацией. Наиболее важным пунктом декрета была статья, которая уполномочивала Наркомтруд в случае получения от предпринимателя отрицательного ответа заставить последнего принять договор в приказном порядке¹⁶⁶ (в тексте декрета говорится, что от Наркомтруда «зависит утвердить, изменить или отклонить договор». — *Ред.*). Эта статья, хотя и подразумевавшая лишь применение мер принуждения против неблагоразумных предпринимателей, на деле наделила Наркомтруд совместно с профсоюзами неограниченным правом при определении условий найма; и это было единственным долговременным эффектом декрета. Юридическая база для организации труда при военном коммунизме содержалась в первом кодексе Закона о труде, принятом ВЦИКом 10 октября 1918 г. и обнародованном шесть недель спустя¹⁶⁷. Статьи кодекса подтвердили существовавшие юридические положения об охране труда и предусматривали, что шкала заработной платы должна разрабатываться профессиональными союзами при консультации с директорами и предпринимателями и утверждаться Наркомтрудом, хотя, учитывая, что персонал Наркомтруда фактически назначался профсоюзами, это утверждение являлось не больше чем простой формальностью; коллективный договор был в общем и целом положен в долгий ящик. Таково было логическое следствие доктрин и практики военного коммунизма. Теоретически после принятия декрета от 28 июня 1918 г., национализировавшего все ведущие отрасли промышленности, государство стало основным

нанимателем. Труд был одной из форм служения государству: капиталистическая концепция соглашения о продаже и купле труда устарела. При определении размера заработной платы необходимо было принимать во внимание трудоемкость и опасность работы, а также степень ответственности и требуемую квалификацию. Сдельная оплата, санкционированная профсоюзным распоряжением в апреле 1918 г.¹⁶⁸, рассматривалась теперь не просто как допустимая мера, а как норма и никогда больше не являлась предметом обсуждения в качестве неотъемлемой части советской политики в области заработной платы.

В кодексе законов о труде 1918 г. предусматривалась всеобщая трудовая обязанность, сбалансированная правом рабочего на получение работы, отвечавшей его квалификации, за соответствующую заработную плату; правда, это право было модифицировано в последней статье, предусматривавшей обязательное согласие на временную работу другого профиля, если не было подходящей работы. Однако в этом кодексе был обойден общий вопрос о мерах давления и принуждения. Кроме того, в более раннем декрете, принятом в сентябре 1918 г., безработному воспрещалось отказываться от предлагаемой ему работы под страхом лишения пособия по безработице (в декрете идет речь «о воспрещении безработному отказываться от предлагаемой ему по специальности работы, если условия этой работы не отклоняются от норм, установленных тарифом соответствующего профсоюза». — *Ред.*)¹⁶⁹. Правда, другого наказания не предусматривалось, а там, где естественной реакцией безработного была миграция в деревню, эта санкция была малоэффективна. По декрету от 29 октября 1918 г. биржи труда были преобразованы в местные органы Наркомтруда и стали единственным и обязательным каналом распределения рабочей силы как для рабочего, так и для нанимателя, однако без каких-либо дополнительных санкций за отказ рабочего от работы¹⁷⁰. В том же месяце вышел декрет, официально санкционировавший мобилизацию представителей буржуазии обоего пола и всех возрастов (от 16 до 50 лет) на общественно полезную работу. Все представители буржуазии в возрасте от 14 до 55 лет получили «трудовые книжки»; последние должны были предъявляться для получения продовольственных карточек или разрешения на проезд и были действительны для этих целей при условии, если в них содержалась отметка о том, что их владелец выполняет общественно полезную работу¹⁷¹.

Контуры трудовой организации достаточно четко проявились на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. Гражданская война была в полном разгаре; за месяц до этого, на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, был сделан крупный шаг в направлении централизованного контроля над промышленностью; а Ленин как раз говорил о «централизации» и об «отказе от чисто местнических интересов» как о единствен-

ном средстве ликвидации разрухи¹⁷². Именно в этих условиях профсоюзный съезд, из 600 с лишним делегатов которого 450 были большевиками, вновь столкнулся с вопросом об отношении профсоюзов к государству. И опять этот вопрос вызвал жаркие дебаты. Крошечная группа анархистов выступала за передачу всей власти в руки независимых профсоюзов; 30 меньшевистских делегатов проголосовали за резолюцию, которая подтверждала принцип независимости профсоюзов и в которой говорилось, что профсоюзы не могут и саму Советскую власть рассматривать как представительницу интересов рабочего класса; 37 социал-демократов-интернационалистов, возглавляемых Лозовским, осторожно потребовали разграничения функций профсоюзов от функций государственных органов и утверждали, что «на данном этапе революции» ни слияние с органами власти, ни подчинение им «недопустимо»¹⁷³. Подавляющее большинство делегатов съезда проголосовало за большевистскую резолюцию, в поддержку которой с пространной речью выступил Ленин и которая признавала принцип «огосударствления»¹⁷⁴. Правда, это должно было произойти не в результате акта слияния профсоюзов с органами государства, а «как совершенно неизбежный результат их совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профессиональными союзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами»¹⁷⁵. Резолюция оставляла место для некоторой неопределенности относительно того, поглотит ли государство со временем союзы или союзы поглотят государство. Однако народный комиссар труда Шмидт, бывший в свое время секретарем Всероссийского Центрального Совета профсоюзов и обязанный этой организации своим назначением на пост наркома, тактично поддержал принцип профсоюзной инициативы:

«Главная и основная подготовительная работа возлагается на профсоюзы, и за Наркомтрудом остается сила принуждения государственной властью, чтобы осуществить эти положения. Более того, Комиссариат не только не должен вмешиваться в права профсоюзов, но даже сами органы НКТ должны быть построены из союзных аппаратов. Здесь, в центре, мы строго придерживаемся этого принципа».

Всероссийский Центральный Совет без колебаний заявил, что работа Наркомтруда и профсоюзов — это в основном «одна и та же работа»:

«Ему (комиссариату) — приходится работать над тем, что выявляют профсоюзы своей повседневной работой и что они постановляют в определенных принимаемых на съездах положениях и резолюциях. Эти положения принимаются Комиссариатом труда, который, в качестве органа государственной власти, проводит их в жизнь».

Шмидт объяснил также, что сам народный комиссар труда является кандидатурой ВЦСПС и что саму организующую колле-

гию Наркомтруда составили из представителей ВЦСПС. Единственно, чего недоставало,— это установления такой же тесной координации между местными представителями Наркомтруда и профсоюзов¹⁷⁶. Намек, выражавший мнение другой стороны этой молчаливой сделки, был высказан тем не менее Томским в его случайном замечании:

«В то время, когда профсоюзы регулируют заработную плату и условия работы, когда назначение Комиссара труда также зависит от нашего съезда, в Советской России не могут иметь место забастовки. Давайте поставим все точки над „i”»¹⁷⁷.

Эта четкая формулировка политики по важнейшему практическому пункту имела большее значение, чем теоретическая неопределенность, все еще окутывавшая взаимоотношения профсоюзов с государством.

II Всероссийский съезд профсоюзов также попытался впервые разработать всеобъемлющую политику в области заработной платы. Меншевистский делегат высказал пожелание о возврате к практике коллективных договоров¹⁷⁸. Однако этот призыв был либо преждевременным, либо запоздалым. Кодекс законов о труде утвердил то, что фактически являлось односторонним установлением размеров заработной платы профсоюзами, принимаемым после консультаций с нанимателями и подлежащим формальному утверждению Наркомтрудом; основные декреты, определявшие уровень заработной платы в период военного коммунизма, издавались ВЦИКом и Совнаркомом. В резолюции съезда говорилось об ответственности рабочих перед союзами и союзов — перед всем пролетариатом за увеличение производительности в деле осуществления хозяйственного восстановления страны. Политика в области заработной платы должна была основываться на соревновании и материальном стимулировании, то есть на принципе сдельной работы и премиальной оплаты, или же там, где сдельная оплата труда была неприемлема, — на четко установленных нормах производства. Тарифы заработной платы классифицировались по группам, причем две высшие категории резервировались для «высшего технического, коммерческого и административного персонала» и для «среднего технического и административного персонала». Все группы как административных работников, так и рабочих подразделялись на 12 категорий для каждого из трех разрядов в зависимости от степени мастерства; причем в каждом из этих разрядов ставки между всеми категориями распределялись равномерно, а отношение высшей ставки к низшей должно было составлять 1: 1,75¹⁷⁹.

Хотя это было далеко от гипотетического идеала равной заработной платы для всех, все же данная мера представляла сокращение разрыва между ставками за квалифицированный и неквалифицированный труд, существовавшего до 1914 г.¹⁸⁰ Шмидт, выступая на съезде с докладом по данному вопросу, заявил, что «основным ядром предприятия всегда являлся средний квалифи-

цированный рабочий» и что главное внимание должно быть направлено на то, чтобы это среднее основное ядро было возможно более справедливо оплачено; однако один из выступавших возразил, что «такое нивелирование (зарботной платы) тяжело давит на квалифицированный слой пролетариата»¹⁸¹. Декретом ВЦИКа от 21 февраля 1919 г. новые тарифы заработной платы были санкционированы для Москвы и ее окрестностей, причем декрет имел обратную силу начиная с 1 февраля. По этому декрету минимальная ставка для взрослого рабочего устанавливалась в размере 600 руб. в месяц, максимальная ставка для высшего административного персонала — в 3000 руб. в месяц; более высокие ставки могли устанавливаться только по специальному решению Совнаркома в каждом конкретном случае. Через три недели очередным декретом московская шкала заработной платы была распространена на всю страну, причем ставки для других районов устанавливались в процентном отношении к ставкам по Москве, принятым за 100%¹⁸². В апреле 1919 г. декретом об оплате труда «ответственных политических работников» устанавливались оклады народным комиссарам, членам ВЦИКа и некоторым другим служащим высшей категории в размере 2000 руб. в месяц, или две трети ставки для высшего технического и административного персонала¹⁸³. В августе 1919 г. повышение цен привело к пересмотру заработной платы в сторону ее увеличения; низшая ставка была увеличена с 600 до 1200 руб., а высшая — с 3000 до 4800 руб.¹⁸⁴, причем тщательно соблюдалась тенденция к установлению большего равенства. Справедливости ради следует сказать, что на начальном этапе военного коммунизма, хотя и не принимались попытки осуществить идеал равной для всех заработной платы, принцип уравнивания служил эффективным тормозом на пути тенденций, продиктованных другими мотивами, в направлении большей дифференциации заработной платы. Этим тенденциям суждено было вскоре проявиться.

Важной составной частью работы II съезда профсоюзов явился прогресс, достигнутый в отношении сплочения профсоюзной организации. I съезд профсоюзов утвердил общий принцип о том, что профсоюзы должны создаваться «по производствам», а не на цеховых началах и что «узко-профессиональные» группировки должны быть поглощены, с тем чтобы все рабочие одного предприятия принадлежали к одному профессиональному союзу¹⁸⁵. Предпринимались попытки следовать этому правилу; в одном источнике описывалось, как мелкие независимые союзы осенью 1918 г. были вынуждены покинуть петроградский резиновый завод «Треугольник», а рабочие — члены этих союзов — встать на учет в профсоюз рабочих химической промышленности¹⁸⁶. Однако прогресс был медленным. II съезд, отметив, что осуществлению этого принципа мешали «политические и экономические предубеждения, которые отделяли рабочих от служащих и технического персонала», подчеркнул, что «за год диктатуры про-

летариата» настало время претворить это правило в жизнь. Профсоюзы должны были взять на себя ответственность «за правильную работу предприятия или учреждения, за трудовую дисциплину среди рабочих и за соблюдение правил, установленных союзом, по определению заработной платы и норм производительности»; они должны были попытаться сделать членство обязательным «за счет общих собраний рабочих». Решения Всероссийского съезда профсоюзов были обязательны для всех союзов и их членов, а Всероссийский Центральный Совет профсоюзов — уполномочен действовать от имени съезда и принимать обязывающие решения от его имени в промежутках между съездами¹⁸⁷. В результате организационного упорядочения численность членов профсоюзов начала быстро расти; согласно имеющимся данным, число членов увеличилось с 1500 тыс. на июльской профсоюзной конференции 1917 г. до 2600 тыс. к моменту созыва I съезда в январе 1918 г., составив 3500 тыс. человек на II съезде в январе 1919 г.¹⁸⁸

Когда в январе 1919 г. состоялся II профсоюзный съезд, гражданская война еще не достигла своего апогея и экономика в целом еще не была полностью поставлена на удовлетворение ее нужд. В течение следующих двух месяцев был предпринят в этом отношении примечательный шаг. VIII съезд партии собрался в марте 1919 г. в атмосфере приближающегося шторма. Основная официальная цель на съезде заключалась в принятии новой партийной Программы вместо давно устаревшей Программы 1903 г. До той поры у партии не было возможности после революции определить свое отношение к профсоюзам. Теперь она провозгласила, что «организационный аппарат обобщественной промышленности» должен опираться в первую голову на профессиональные союзы, и добавила, что они «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым» (лозунг, которому позднее суждено было доставить массу хлопот). Однако ключ к основной функции профсоюзов в чрезвычайных условиях гражданской войны можно найти в другом параграфе экономического раздела Программы:

«Максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор».

И Программа, добавив, что «социалистический способ произ-

водства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся», подчеркнула, что «в этой работе создания новой, социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов»¹⁸⁹. После партийного съезда в марте 1919 г. был выпущен декрет Совнаркома от 10 апреля «О всеобщей мобилизации»¹⁹⁰, а на следующий день Ленин представил Центральному Совету профсоюзов от имени Центрального Комитета партии «Тезисы в связи с положением Восточного фронта», в которых содержался призыв ко всем партийным и профсоюзным организациям страны об оказании всемерной помощи в деле мобилизации. В качестве примера для подражания приводился город Покровск, где профессиональные союзы сами постановили мобилизовать немедленно 50% всех своих членов, и профсоюзы призывались произвести проверочную регистрацию своих членов «для отправки всех, но безусловно необходимых на родине, для борьбы за Волгу и за Уральский край»¹⁹¹.

«Когда на фронтах было трудно, — воскликнул Троцкий риторически год спустя, — мы обращались в Ц. К. партии коммунистов, с одной стороны, и к президиуму В. Ц. С. П. С., с другой стороны. И из этих обоих источников на фронт отправлялись передовые пролетарии и строили там Красную Армию по образу и подобию своему»¹⁹².

Декрет и призывы Ленина официально касались прежде всего призыва на военную службу, и в это время не было принято ни одного декрета, устанавливавшего трудовую повинность. Однако вскоре различие между военной и трудовой повинностью стало числом умозрительным. Одновременно с мобилизационным декретом был издан декрет СТО о воспрещении служащим и рабочим каменноугольных предприятий самовольно оставлять работу и об объявлении тех из них, сверстники которых призваны на военную службу, военными служащими¹⁹³.

Принятие новой партийной Программы на VIII съезде, декрета Совнаркома о мобилизации и обращения Центрального Комитета партии к профсоюзам ознаменовали начало решающего года, в течение которого принципы военного коммунизма в полную силу и последовательно применялись для организации труда. Суть рабочей политики военного коммунизма заключалась в отказе от рынка рабочей силы и от общепризнанных капиталистических методов найма и управления рабочими, причем, похоже, подобно другим политическим мерам этого периода, это рассматривалось не только как простая уступка требованиям гражданской войны, но и как действенный шаг к достижению социалистического порядка. Было трудно противостоять аргументу в пользу того, что государство трудящихся, чье право мобилизовывать граждан на службу на фронте никем не оспаривалось, в равной степени имело право призывать всех, кто требовался, для работы на фабриках; и эта концепция труда как повинности, которую необходимо выполнять, а не как товара, подлежащего продаже, являлась теоретически

лакмусовой бумажкой всего, что отличало возвышенные идеалы социализма от основной механики капиталистической системы заработной платы. В эту концепцию также хорошо укладывался принцип постепенной замены денежной платы натуральной, хотя и вызванный главным образом девальвацией денег и нарушением нормального процесса обмена. *«При системе пролетарской диктатуры „рабочий“ получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату»*¹⁹⁴. Государство вместо того, чтобы покупать рабочую силу рабочего, содержит его так же, как оно содержит военнослужащих на период их пребывания в армии. Распределение продовольственных пайков среди фабрик через профсоюзы только подчеркивало это отношение, а в сентябре 1919 г. Центральный Совет профсоюзов издал приказ об обеспечении всех рабочих физического труда на фабриках и в мастерских спецовками, которые остаются собственностью предприятия, — гражданская разновидность военного обмундирования¹⁹⁵.

В таких условиях разработка новых стимулов взамен «экономического кнута» капиталистической системы являлась предметом постоянной заботы властей, поскольку возможность прекращения падения производства зависела от преодоления хронической болезни в виде неявки рабочих на работу и неэффективности их труда. Стимулом, наиболее совместимым с духом социализма, был естественный революционный энтузиазм, который, как считали, должен был охватывать рабочих на фабриках с не меньшей силой, чем их товарищей на фронте. В мае 1929 г., месяц спустя после декрета о мобилизации, состоялся первый коммунистический субботник, во время которого несколько сот рабочих — москвичей с Московско-Казанской железной дороги добровольно работали дополнительно после окончания рабочего дня в субботу еще шесть часов, с тем чтобы ускорить отправку войск и боеприпасов на фронт. Эта практика получила широкое распространение и приветствовалась Лениным в специальной брошюре (в статье «Великий почин». — *Ред.*) как выдающийся пример того, как проявляется «...новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина»¹⁹⁶. Однако это было партийным мероприятием ограниченного масштаба¹⁹⁷; причем никогда всерьез не предполагалось, что моральными стимулов, даже подкрепленными материальными вознаграждениями, будет достаточно без какой-либо специальной организации для правильного распределения рабочей силы и поддержания трудовой дисциплины. Создание такой организации становилось теперь насущной задачей.

Очень скоро пришлось отказаться от первоначальной гипотезы о том, что принудительный труд будет применяться только по отношению к представителям классов бывшей буржуазии и помещиков и что добровольной самодисциплины будет достаточно для сохранения усердия рабочих. Кодекс законов о труде, принятый в октябре 1918 г., лишь повторил записанный в Конституции РСФСР общий принцип о всеобщей трудовой обязанности, и не было

предпринято никаких шагов для его закрепления или для того, чтобы предусмотреть наказания за невыполнение этого принципа. Однако декретом о мобилизации от 10 апреля 1919 г. было фактически покончено с тем, что оставалось от системы добровольного труда. Осторожное введение рабочих книжек в Москве и Петрограде в июне 1919 г. явилось еще одной попыткой ужесточить систему контроля¹⁹⁸. Правда, слишком большие надежды возлагались — несомненно, из-за того, что не было другой альтернативы, — на аппарат профсоюзов. Даже в деле мобилизации квалифицированных рабочих профсоюзы оказались неэффективными. Зимой 1919/20 гг. Ленин остро сетовал Томскому на то, что до сих пор не выполняется его указание о направлении 10 тыс. квалифицированных рабочих-металлистов на ремонт железнодорожного транспорта¹⁹⁹. С конца 1919 г. мобилизация неквалифицированной рабочей силы была полностью изъята из ведения профсоюзов и передана в руки Наркомтруда и его местных органов. В ноябре в связи с топливным кризисом был издан декрет, предусматривавший трудовую повинность «для снабжения, погрузки и разгрузки всех видов топлива», равно как и так называемую «гужевую повинность», выполняемую крестьянами по требованию местных властей, то есть обязательное предоставление лошадей, телег или саней для перевозки дров, продовольствия или военных припасов к станциям или пристаням. Декрет был обязателен для всех крестьян, не призванных на военную службу, в возрасте до 50 лет для мужчин и до 40 лет — для женщин²⁰⁰.

В январе 1920 г. декретом Совнаркома были утверждены общие правила о всеобщей трудовой повинности. В его преамбуле торжественно провозглашался принцип, утвержденный в Конституции РСФСР и кодексе законов о труде, об обязанности граждан выполнять «общественно полезную работу в интересах социалистического общества» и о необходимости «обеспечивать промышленность, земледелие, транспорт и другие отрасли народного хозяйства рабочей силой на основе единого хозяйственного плана». Любой член «трудового населения» мог быть призван на разовой или периодической основе на различные виды трудовой повинности: топливная, сельскохозяйственная («в государственных хозяйствах или в определенных случаях в крестьянских хозяйствах»), строительная, дорожная, снабжение продовольствием, снегоочистительная, гужевая, а также устранение последствий стихийных бедствий — все эти виды повинности были перечислены в качестве примеров. При СТО был создан Главный комитет по проведению трудовой повинности (Главкомтруд) с подчиненными ему губернскими, сельскими и городскими комитетами труда, в задачи которых входила организация трудовой повинности²⁰¹. Эти комитеты вместе с местными органами Наркомтруда, пришедшими на смену биржам труда, стали теперь отвечать за всеобщую трудовую мобилизацию²⁰². Были даже основания сожалеть об уничтожении революцией «старого полицейского аппарата, который умел

регистрировать граждан не только в городах, но и в деревнях». Тем не менее была наспех построена соответствующая машина, и большое количество рабочей силы было мобилизовано для работы на лесозаготовках, на транспорте, в строительстве и в других областях, требовавших применения масс неквалифицированных рабочих²⁰³. «Мы обеспечивали работой, — заявил впоследствии представитель Наркомтруда, — согласно плану и в конечном счете не принимая во внимание индивидуальные особенности или квалификацию или желание рабочего заниматься той или иной работой»²⁰⁴. Согласно одному авторитетному источнику, примерно 6 млн. человек были мобилизованы на трудовую повинность на лесозаготовках в первой половине 1920 г.²⁰⁵

В это время появился новый источник рабочей силы, который, вероятно, имел вначале скорее символическое, чем количественное значение. В апреле 1919 г. были образованы исправительно-трудовые лагеря для нарушителей, приговоренных к этой форме наказания Чека, революционными трибуналами или обычными народными судами. Инициатива создания таких лагерей исходила от губернских Чека; управление лагерями находилось в руках специального отдела народного комиссариата внутренних дел (НКВД), а заключенные в таких лагерях направлялись на работу «по запросам советских учреждений». Отдельные лагеря были организованы для детей и подростков. Заключенные работали 8 часов в день, правда, разрешалась сверхурочная и ночная работа на условиях, предусмотренных в общем кодексе законов о труде. Им выдавалась заработная плата по ставкам, установленным профсоюзами, однако не больше трех четвертей заработка могло вычитаться на покрытие расходов по содержанию заключенных и поддержанию лагеря в порядке²⁰⁶. На начальном этапе эта система не имела того зловещего характера, который она приобрела впоследствии как вносящая основной хозяйственный вклад. В тот же период была внедрена более жесткая форма наказания в виде «концентрационных лагерей», цель которых заключалась в содержании лиц, виновных в контрреволюционной деятельности в гражданской войне²⁰⁷. Вскоре эти лагеря, похоже, стали использоваться для противников режима вообще. В обзоре, написанном по поводу приезда делегации английских лейбористов весной 1920 г., говорилось, что «Народный комиссариат внутренних дел представляет рабочие отряды, составленные из лиц, заключенных в концентрационные лагеря (преимущественно члены прежних господствующих классов) для исполнения разного рода трудных и неприятных работ»²⁰⁸.

Мобилизация рабочей силы достигла своей максимальной интенсивности в первые месяцы 1920 г. — в момент, когда благодаря разгрому Деникина и Колчака чрезвычайные обстоятельства, которые диктовали ее необходимость, становились достоянием прошлого. На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г. Троцкий посвятил большую часть своего вы-

ступления защите трудовой повинности и трудовой дисциплины²⁰⁹, и по предложению Томского, мрачный обзор которого об истощенной рабочей силе в промышленности уже цитировался²¹⁰, была принята далеко идущая резолюция, требовавшая, между прочим, выплаты премиальных, на индивидуальной или коллективной основе, в натуральном исчислении, образования рабочих дисциплинарных судов²¹¹, введения трудовых книжек для всех рабочих с целью помешать уклонению от трудовой повинности и применения армейской. мобилизационной машины для рекрутирования и распределения рабочей силы²¹². В то же время прекращение фактических боевых действий на фронте предполагало перевод частей под воинской дисциплиной на выполнение других насущных задач. 15 января 1920 г. вышел декрет, по которому 3-я армия на Урале преобразовывалась в «первую революционную трудовую армию», располагавшую военной властью над местными гражданскими органами власти²¹³. Прецедент был создан. Была подготовлена почва для прихода того, что стало известно как «мобилизация рабочей силы».

Это представляло собой новую проблему, которая встала перед IX съездом партии, когда он собрался в конце марта 1920 г. Трудовые армии возникали повсюду в виде отрядов Красной Армии, используемых теперь, когда бои закончились, на тяжелой работе любого вида, включая лесозаготовки и горнодобывающую промышленность. Равно как не возникало никаких сомнений в том, что это означало. Троцкий, который верил в то, что проблемы, стоящие перед промышленностью, могут быть решены только методами и энтузиазмом, благодаря которым была одержана победа в гражданской войне, говорил о необходимости милитаризации огромных масс крестьян, которые были мобилизованы на работу на началах трудовой повинности, и продолжал:

«Эта милитаризация немыслима без милитаризации профессиональных союзов как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить, если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают. Кто следит за этим? Профсоюз. Он создает новый режим. Это есть милитаризация рабочего класса»²¹⁴.

А Радек закончил свое выступление, посвященное в основном делам Коминтерна, призывом к организованному труду расстаться с буржуазным предрассудком «свободы труда», столь дорогим сердцу меньшевиков и соглашателям всех мастей²¹⁵. Хотя никто больше не говорил таким языком, за Троцким стоял авторитет Центрального Комитета и Политбюро, а делегаты съезда все еще находились под достаточно сильным впечатлением от военных опасностей, которые с трудом удалось преодолеть, и от почти непреодолимых экономических трудностей предстоящего периода, чтобы без каких-либо явных разногласий одобрить эту политику²¹⁶. В

пространной резолюции, которая носила отпечаток мастерского стиля Троцкого, съезд осторожно одобрил использование подразделений Красной Армии на трудовой повинности, которое «может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армию в целом для военных задач». Что касается мобилизации рабочей силы, то там не было ни тени сомнения. «Организации партии должны всеми мерами помочь профсоюзам и отделам труда взять на учет всех квалифицированных рабочих с целью их привлечения к производственной работе с такой же последовательностью и строгостью, с какой это проводилось и проводится в отношении лиц командного состава для нужд армии»²¹⁷. Относительно массовых мобилизаций по трудовой повинности было просто необходимо устанавливать точное соответствие между числом мобилизованных, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий, а также иметь технически компетентный инструкторский состав, то есть идти по тому же пути, «по которому мы шли в создании Красной Армии». Рабочий, покинувший свою работу, обвинялся в «трудовом дезертирстве», за что назначался целый ряд суровых наказаний, вплоть до «заклучения их в концентрационный лагерь»²¹⁸.

Дебаты о трудовой мобилизации возобновились три недели спустя на III Всероссийском съезде профсоюзов, где все еще сохранялось небольшое, не выступавшее во весь голос меньшевистское меньшинство²¹⁹ и где такая оппозиция этой политике, как имевшая место в большевистских рядах, была, похоже, наиболее ощутимой. Ленин, за неделю до этого провозгласивший на Учредительном съезде союза горняков, что «надо создать посредством профессионального союза такую товарищескую дисциплину, которая была у нас в Красной Армии»²²⁰, теперь выступил более аргументированно в поддержку этой политики. Он вновь упомянул о «передышке» после Брест-Литовска, когда в апреле 1918 г. в противовес «левой оппозиции» в своих тезисах во ВЦИКе был поставлен «ряд вопросов дисциплины труда». Он признал, что «... два года тому назад о трудовых армиях не было и речи». Однако «формы борьбы против капитала меняются». Теперь, когда возникла еще одна передышка, возродились те же самые проблемы: «Надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой дисциплине». Правда, он признал, что «... создать новые формы общественной дисциплины, это — дело десятилетий»²²¹. Ленин не конкретизировал этот вопрос, и в короткой резолюции, принятой съездом по окончании его выступления, было решено в общих выражениях «ввести немедленно во всех профессиональных организациях снизу доверху» суровую трудовую дисциплину²²². «Мы не можем жить в данное время без принуждения, — заявил без обиняков Рыков на заключительном заседании съезда. — Необходимо заставить лодыря и тунеядца под страхом кары работать на рабочих и крестьян, чтобы спасти их от голода и нищеты»²²³. Однако именно Троц-

кому выпало на долю теоретически обосновать позицию большевиков в противовес призыву меньшевиков о «свободе труда».

«Что значит свободный, не принудительный труд у меньшевиков? Пусть ораторы этой партии объяснят нам, что означает свободный, не принудительный труд. Мы знаем труд рабский, мы знаем труд крепостной, мы знаем принудительный, регламентированный труд цехов в средние века, мы знаем труд вольнонаемный, который буржуазия называла свободным. Мы идем к труду общественно-нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, т. е. принудительного для каждого работника. Это основа социализма... А раз мы это признали, мы тем самым признаем в основе, не по форме, а в основе, право рабочего государства отправлять каждого работника или работницу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач. Тем самым мы признаем право государства, рабочего государства, карать рабочего или работницу, которые отказываются исполнять наряды государства, которые не подчиняют свою волю воле рабочего класса и его хозяйственным задачам...»

Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил... Мы же знаем, что каждый труд является общественно вынужденным трудом. Человек вынужден работать, чтобы не умереть. Работать он не хочет, но общественная организация заставляет, вынуждает, подстегивает его в этом смысле» ²²⁴.

Аргумент в пользу постоянной и неограниченной мобилизации труда со стороны государства, подобно временному аргументу в пользу уничтожения денег, представляет собой попытку подвести теоретическое обоснование под жестокую необходимость, которой нельзя было избежать. Однако это откровенное высказывание, хотя и отражало признанную политику партии и было принято без возражений (за исключением критики со стороны меньшевиков) делегатами съезда, вряд ли было рассчитано на завоевание Троцким особого расположения со стороны рядовых членов профсоюзов. В конце года Бухарин в своей книге «Экономика переходного периода» утверждал, что «всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе пролетарской диктатуры она есть не что иное, как трудовая самоорганизация масс» ²²⁵.

На протяжении всего периода войны с белополяками и наступления Врангеля все труднее было поддерживать существование трудовой дисциплины при помощи энергичных усилий, направленных на объединение моральных призывов и показательного примера, материального стимулирования со страхом наказания в качестве побудительных импульсов к работе. Резолюция IX съезда партии, которая столь решительно одобрила меры по трудовой дисциплине, в равной степени выступила в поддержку «рабочего соревнования» как на коллективной, так и индивидуальной основе, рекомендовала систему натуральных премий и дала свое осо-

бое благословение практике коммунистических субботников, спонтанно начавшихся летом предыдущего года²²⁶. В апреле 1920 г. партийные типографские рабочие подали пример, выпустив специальную однодневную газету «Коммунистический субботник», чтобы придать этому движению новый импульс, а утром 1 мая, которое пришлось в этом году на субботу, Ленин самолично принял участие в коммунистическом субботнике в Кремле. Впоследствии партийный Устав превратил участие в неоплачиваемых субботниках в обязанность всех членов партии²²⁷. В том же году определенные группы особо активных рабочих, занятых в осуществлении плана Троцкого по восстановлению транспорта, были посвящены (используя метафору армейского лексикона) в ударники или в ударные войска; и термин «ударничество», или «ударная работа», возник, чтобы охарактеризовать службу, достойную особых похвал, на трудовом фронте, причем бригады ударников направлялись на особо трудные или особо срочные задания. Поначалу эта система служила ценным стимулом, однако впоследствии ею стали злоупотреблять, используя слишком широко и на постоянной основе, что привело к ее девальвации²²⁸.

Первые ударники работали исключительно для славы, поскольку побудительные мотивы дополнительных усилий были чисто моральными и психологическими. Это не означает полного игнорирования более материальных стимулов там, где они имелись. Нельзя определить, насколько широко были внедрены в практику тарифы заработной платы, одобренные II Всероссийским съездом профсоюзов в январе 1919 г.²²⁹ Однако III съезд, состоявшийся в апреле 1920 г., не концентрировал свое основное внимание на важнейшем вопросе мобилизации рабочей силы. Он также широко обсуждал политику в области заработной платы и одобрил новую тарифную сетку. Народный комиссар труда Шмидт, выдвинувший новый проект, откровенно заявил, что «изменение построения тарифной шкалы имеет целью привлечение в промышленность квалифицированной рабочей силы»; и, учитывая эту конечную цель, разрыв в заработной плате резко увеличился, составив соотношение между заработком низшей и высшей категорий «рабочих» 1:8²³⁰ (в тексте ошибочно дано соотношение 1:2. — *Ред.*). Таким образом, в разгар военного коммунизма и под влиянием побудительных мотивов, продиктованных необходимостью обеспечения более мощных стимулов для привлечения квалифицированных рабочих, начался отход от политики уравниловки, которая была провозглашена и в какой-то степени внедрялась в жизнь на начальном этапе революции. Однако новая политика сводилась на нет неминуемой полной заменой денежных выплат натуральным обеспечением, на котором делался акцент. Несмотря на то что имелось много вариантов определения категории пайков, отвечающих статусу и роду занятий потребителей²³¹, вплоть до начала 1920 г. не предпринималось никаких попыток установить соответствие между пайками и отдачей работника. В

январе 1920 г., когда денежная заработная плата почти потеряла свой смысл и пайки приобретали характер платы натурой, на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства было выдвинуто и принято предложение ввести натуральное премирование²³²; и эта рекомендация была повторена IX партийным съездом в марте 1920 г. и III Всероссийским съездом профсоюзов в следующем месяце²³³. В июне 1920 г. был издан декрет, устанавливавший введение системы премий, как денежных, так и натуральных, «чтобы поднять производительность труда». По общему признанию, жизнеспособность системы зависела «от установления общего фонда для натурального премирования»²³⁴; и в октябре 1920 г. для этих целей был создан фонд в 500 тыс. пудов хлеба и соответствующего количества других продуктов питания²³⁵. Однако система, которая должна была управляться профсоюзами, развалилась из-за нехватки продуктов снабжения, поскольку через органы Наркомпрода «натур-премия иногда выдавалась не как премия, а как добавочный паек к обыкновенному нормативному пайку»²³⁶. Теперь, когда деньги почти потеряли свою ценность, существенной частью заработной платы рабочих являлась та постоянно увеличивавшаяся часть, которая выплачивалась натурой. Однако, в то время как скудость запасов служила постоянным тормозом к увеличению распределения сверх самого минимального пайка, материальные стимулы производства, которые могли бы быть предложены за счет премий и дифференцированной заработной платы, были сведены на нет. Конечным результатом военного коммунизма в сфере трудовой политики был отказ от использования на практике других побудительных моментов, кроме революционного энтузиазма и неприкрытого принуждения.

Как раз к окончанию 1920 г., когда Врангель был разгромлен и гражданская война подошла наконец к своему завершению, начали проявляться признаки невыносимых стрессов на трудовом фронте, равно как и в других областях народного хозяйства. «Милитаризация труда» лишилась своего обоснования, которое она, вероятно, имела, покуда продолжалась борьба за существование. Профсоюзы вновь стали местом и носителем острых разногласий — внутри Центрального Совета между Центральным Советом и профсоюзами, а также между союзами и советскими органами. Предметом разногласий были вопросы, которые зачастую казались скорее вопросами качества, чем принципа: что входит в основные функции союзов (стимулирование производства или защита насущных и местных интересов своих членов); должны ли они мобилизовывать и организовывать рабочую силу методами принуждения или исключительно на добровольных началах, а также следует ли им принимать указания государства по вопросам политики или же сохранить некоторую степень независимости. Не существовало никакого связующего звена между вопросом «мобилизации труда» и вопросом взаимоотношений между профсоюзами и государством. Однако вполне естественно, что те, кто считал

трудовую мобилизацию составной частью социалистического хозяйства, пытались также объединить профсоюзы с государственной машиной, в то время как те, кто выступал за независимый статус профсоюзов, предполагали, что сила союзов заключается в добровольном характере дисциплины, которую они осуществляли. Яркая личность Троцкого, который настаивал безоговорочно на принудительной мобилизации труда и на полнейшем подчинении профсоюзов государству, внесла свою лепту в этот спор, заострив все возможные углы; Томский проявил себя как защитник традиционной «тред-юнионистской» точки зрения.

I Всероссийский съезд профсоюзов провозгласил в 1918 г., что профсоюзы должны стать «органами государственной власти»; VIII съезд партии в следующем году провозгласил в соответствующем разделе партийной Программы, что профсоюзы должны «прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым». В разгар гражданской войны две точки зрения могли объединиться друг с другом; но как только она закончилась, неизбежно должен был возникнуть вопрос о том, должны ли жизненно важные политические решения приниматься профсоюзами или государственными органами. Основанием для более срочного обсуждения этого вопроса послужило более или менее случайное обстоятельство. Зимой 1919/20 гг. положение на железнодорожном транспорте стало катастрофическим, угрожая развалом всей экономики из-за полнейшего хаоса на транспорте, и Ленин телеграфировал Троцкому, который в тот момент находился на Урале, прося его взять на себя решение этой проблемы²³⁷. В первую очередь подумали о методах принуждения. Декретом СТО от 30 января 1920 г. все железнодорожные рабочие объявлялись мобилизованными для выполнения трудовой повинности, а неделю спустя другим декретом железнодорожная администрация наделялась широкими дисциплинарными полномочиями, причем ни в одном из этих декретов не упоминалось о профсоюзах²³⁸. В начале марта 1920 г. Троцкий для осуществления своей политики добился создания нового органа при народном комиссариате путей сообщения (Наркомпуть), названного Главным политическим управлением путей сообщения (Главполитпуть), в функции которого входило вызывать к политическому самосознанию железнодорожников²³⁹.

Одной из целей, по крайней мере одним из результатов этой меры было подорвать влияние профсоюза железнодорожников, который, начиная с волнений первых недель революции, более упорно сохранял свои традиции, чем большинство союзов, проводивших независимый курс. Специальная резолюция IX съезда партии в марте 1920 г., обратив внимание на кардинальное значение транспорта, объяснила «основные трудности в вопросе улучшения транспорта слабостью профсоюза железнодорожников» и дала свое особое благословение Главполитпути. Его двойная функция заключалась в «срочном улучшении железнодорожного транспор-

та» за счет организованного влияния опытных коммунистов и одновременно в усилении железнодорожной профсоюзной организации за счет внедрения в нее лучших рабочих, которых Главполитпуть направлял на железную дорогу, в оказании помощи самому профсоюзу по установлению железной дисциплины в своей организации и, таким образом, превращению железнодорожного профсоюза в незаменимый инструмент для дальнейшего улучшения железнодорожного транспорта²⁴⁰. Вскоре стали проявляться зависть и подозрительность, а затем между Главполитпутем и железнодорожным профсоюзом разразилась настоящая война. Она достигла своего апогея в августе, когда Центральный Комитет партии принял решение упразднить комитет союза железнодорожников и заменить его новым комитетом, ставшим известным в последующих дебатах как Цектран²⁴¹. Похоже, неоконченная война с белополяками и новое наступление Врангеля на юге все еще служили оправданием для любых диктаторских чрезвычайных мер, которые могли поддерживать жизнедеятельность транспорта. Однако в конце сентября профсоюзы восстановили часть своего престижа в Центральном Комитете партии, который принял резолюцию, предостерегавшую против «какой бы то ни было мелочной опеки и мелочного вмешательства» в текущую работу профсоюзов, отметившую, что положение на транспорте «значительно улучшилось», и объявившую, что настало время преобразовать Главполитпуть (и соответствующий орган для речного транспорта — Главполитвод) в профсоюзные органы²⁴².

Поэтому, когда в первые дни ноября 1920 г. в Москве состоялась Всероссийская профсоюзная конференция, атмосфера на ней была напряженной. С Польшей было подписано перемирие, и гражданская война, равно как и худшие времена транспортного кризиса остались фактически позади. Большевистские делегаты, как обычно, собрались заблаговременно, чтобы определить свою линию поведения на конференции. Троцкий, воспользовавшись дискуссией о производстве, бросился в общее наступление на профсоюзы, которые, по его мнению, нуждались в «перетряхивании»; Томский резко спорил²⁴³. Перепалка не выносилась на пленарные заседания конференции, которая довольствовалась тезисами Рудзутака о «производственных задачах профсоюзов», носившими несколько уклончивый характер²⁴⁴. Однако положение в партии теперь настолько обострилось, что Центральному Комитету пришлось сказать свое веское слово. На совещании 6 ноября 1920 г. (это было на Пленуме ЦК, который состоялся 9 ноября. — *Ред.*) Ленин и Троцкий представляют альтернативные проекты, и на следующий день Центральный Комитет после довольно трудных дебатов 10 голосами против четырех (Троцкий, Крестинский, Андреев и Рыков) принимает текст резолюции, предложенный Лениным. В этой резолюции защищаются «здоровые формы милитаризации труда», осуждается «вырождение централизма и мили-

таризованных форм работы в бюрократизм», в «мелочную опеку над профсоюзами». Существенным моментом в ней было то, что Цектрану было указано принять участие в общей работе Центрального Совета профсоюзов на одинаковых с другими союзными объединениями правах. В ней также содержалось решение о назначении профессионалистской комиссии для выработки новых общих указаний профсоюзам²⁴⁵. Вслед за этим произошел раскол внутри Цектрана²⁴⁶, и 7 декабря 1920 г. Центральный Комитет возвращается к обсуждению в атмосфере усилившихся разногласий. На этот раз Ленин оставил Зиновьева, чтобы выступить против Троцкого. Однако ЦК настроен против обоих главных действующих лиц, и Бухарин создает так называемую «буферную группу», в которую входят Преображенский, Серебряков, Сокольников и Ларин, и проводит 8 голосами против семи компромиссную резолюцию, которая направлена на то, чтобы оставить открытыми все вопросы до партийного съезда весной следующего года. Главполитпуть и его смежная организация Главполитвод официально распускаются, а их штаты и имущество передаются профсоюзам. Цектран сохраняется, но при условии, что на предстоящем в феврале 1921 г. съезде транспортных рабочих состоятся новые выборы его руководства²⁴⁷.

Начиная с этого момента становится невозможным придерживаться первоначального решения (ноябрь 1920 г.) не выносить на широкое обсуждение разногласия, существующие в партии²⁴⁸. В течение трех месяцев, отделявших декабрьский Пленум Центрального Комитета от открытия X съезда партии 8 марта 1921 г., полные сарказма дебаты о роли профсоюзов бушевали на партийных собраниях и в партийной печати²⁴⁹. Согласно Троцкому и Цектрану, профсоюз железнодорожников стремился вести себя как капиталистический профсоюз, отводя вопросу организации производства второстепенное место; некоторые хотели, чтобы Томский «был Гомперсом рабочего государства». По мнению противников Троцкого, «аппарат НКПС поглощает союзный аппарат, оставляя от союза рожки да ножки»²⁵⁰. Имели хождение около полудюжины программ, или «платформ». Когда состоялся съезд, ситуация успела до некоторой степени проясниться. «Буферная группа» Бухарина, не сумев восстановить всеобщее согласие, пошла на соглашение с Троцким, и от имени восьми членов Центрального Комитета (Троцкого, Бухарина, Андреева, Дзержинского, Крестинского, Преображенского, Раковского и Серебрякова) съезду был представлен совместный проект²⁵¹. На другом крыле зимой 1920/21 гг. образовалась левая группа, получившая название «рабочей оппозиции». Ее неясная, но далеко идущая программа включала установление контроля профсоюзов над промышленным производством, и ее предложения, представленные X съездом партии, были выдержаны в том же духе. Лидерами этой группы были Шляпников и Коллонтай²⁵². Появление этого нового элемента в значительной степени способствовало выступлению группы

Ленина — Зиновьева в качестве центральной, выступающей в роли арбитра силы; ее точка зрения была представлена съезду в виде проекта резолюции, известной как «резолюция десяти» (Ленин, Зиновьев, Томский, Рудзутак, Калинин, Каменев, Лозовский, Петровский, Артем и Сталин)²⁵³. Более мелкие группировки распались до съезда или сразу же после его начала, оставив поле сражения трем основным соперничающим группам.

Открытая дискуссия на X съезде партии носила формальный характер. Она была ограничена одним заседанием, причем значительная часть его времени была занята мелкими и взаимными обвинениями, а поскольку собравшиеся на съезд делегаты были обработаны заблаговременно, результат обсуждения был известен наперед. Личного влияния Ленина и авторитета партийного аппарата было достаточно, чтобы перевесить чашу весов. Однако сочувствующих альтернативным программам было больше, чем показало голосование на съезде. В трех основных платформах были ясно показаны принципиальные вопросы, поставленные на карту. «Рабочая оппозиция», подобно прежним защитникам «рабочего контроля», придерживалась в основном синдикалистского взгляда на «рабочее государство», взывая к синдикалистскому уклону в партийной теории: Шляпников процитировал предсказание Энгельса об обществе, «которое вновь организует промышленность на основании свободной равноправной ассоциации всех производителей»²⁵⁴. Поскольку профсоюзы являлись организацией, представлявшей непосредственно и исключительно рабочих, было немыслимо, чтобы они подчинялись какой-либо политической власти. В центре руководство народным хозяйством должно быть передано в руки Всероссийского съезда производителей, на более низком уровне — профсоюзов. Политические функции косвенно оставались в руках Советов, которые как органы отправления политической власти были обречены на отмирание. В качестве насущных практических вопросов «рабочая оппозиция» выступала за выравнивание тарифов, свободное распределение продовольствия и других товаров первой необходимости среди всех рабочих и за постепенную замену денежной заработной платы натурализованной. Она представляла рабочих в ограниченном смысле слова и выступала, по крайней мере в теории, против каких-либо уступок крестьянству. «Рабочая оппозиция», хотя и отвергала все, что отдавало милитаризацией труда, поддерживала самые крайние проявления политики военного коммунизма, занимая таким образом позицию на левом крыле партии. Она не могла предложить никакого решения кризиса, перед которым оказался X съезд, и получила лишь 18 голосов.

Программа Троцкого — Бухарина, которая представляла первоначальную точку зрения Троцкого со слегка округленными острыми углами, характеризовалась ими как «производственная» в противовес «профсоюзной» платформе. Она призывала к пре-

вращению профсоюзов в производственные союзы не только номинально, но и по сути и методам работы. Партийная Программа 1919 г. предусматривала сосредоточение в руках профсоюзов «всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым». Однако это подразумевало «планомерное преобразование союзов в аппараты рабочего государства». Как естественное следствие этого процесса должна быть достигнута более тесная интеграция между ВСНХ и Центральным Советом профсоюзов, а народный комиссариат труда подлежал полнейшему упразднению. На практике процесс «огосударствления» профсоюзов зашел чрезвычайно далеко, и поэтому, казалось, не было причин, препятствовавших доведению его до логического завершения. Программа Троцкого — Бухарина отличалась высокой степенью логичности и последовательности. Однако подчеркнутое предположение о том, что у промышленного рабочего не может быть интересов, отличных от интересов всего Советского государства, а следовательно, и требующих защиты независимых профсоюзов, хотя и казалось оправданным расхожим применением термина «диктатура пролетариата», в действительности имело под собой мало оснований — хотя бы потому, что существовавшее государство покоилось на прочном компромиссе между промышленным рабочим и крестьянином. Отсюда программа Троцкого — Бухарина была подвержена тем же обвинениям, что и программа «рабочей оппозиции», правда, под другим углом: за игнорирование крестьянского компонента в Советской власти. Более осязаемым препятствием к ее популярности была ее известная связь с политической принудительной мобилизации труда, логически вытекавшая из ее вступительной части. Несмотря на ее блестящих и влиятельных «крестных отцов», программа Троцкого — Бухарина получила на съезде только 50 голосов.

Таким образом, почва была расчищена для «резолюции десяти», которая была принята 336 голосами, в то время как за резолюции двух ее соперников было подано соответственно 50 и 18 голосов. Основная критика в ее адрес заключалась в том, что она осталась незавершенной и оставила многие вещи в их прежнем состоянии. Она решительно отвергла предложение «рабочей оппозиции» о высшем Всероссийском съезде производителей, на котором, как откровенно признал Зиновьев, «в нынешней тяжелой момент большинство будет беспартийных, добрая часть меньшевиков и черносотенцев» (в тексте ошибочно сказано «эсеров» вместо «черносотенцев». — *Ред.*)²⁵⁵. В ней также провозглашается, в противовес Троцкому, что, хотя профсоюзы уже осуществляют некоторые государственные функции, «быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупной политической ошибкой». Задача состояла в том, чтобы «все больше и больше завоевывать на деле для Советского государства эти массовые беспартийные организации». Отличительной чертой профсоюзов «является не метод принуждения, а метод убеждения, что нисколько не исклю-

чает... пролетарского принуждения»; инкорпорирование их в государственные органы означало бы лишение их этого ценного качества ²⁵⁶. «Платформа десяти» покоилась скорее на практической целесообразности, чем на теоретических посылах. Однако в этом-то и заключался источник ее силы. Что касается частных вопросов, то «десятка», хотя и признавала, что уравнивание заработной платы является конечной целью, выступила против его провозглашения в качестве немедленной политической цели, на чем настаивала «рабочая оппозиция»; профсоюзы «используют денежную и натуральную оплату труда как средство дисциплинирования и повышения производительности труда (премиальная система и т. п.)». Профсоюзы должны также через институт «товарищеских дисциплинарных судов» бороться со всеми видами труд-дезертирства и нарушений трудовой дисциплины. Предложения «десятки», принятые X партийным съездом как средство преодоления разногласий по вопросу о профсоюзах, носили скорее отпечаток разумности, чем новизны или сенсационности. Однако они ничего не дали для решения основного вопроса: какие реальные функции возложить на профсоюзы, не превращая их в органы государства.

Троцкий предсказывал на съезде, что эта победоносная резолюция не доживет до XI съезда ²⁵⁷. Это предсказание действительно сбылось. Очередной кризис разразился буквально через два месяца; и линия партии в отношении профсоюзов еще раз существенно была изменена, на этот раз резолюцией Центрального Комитета в январе 1922 г. ²⁵⁸ И если дальнейшие изменения произошли без повторения острых моментов, которые отличали дискуссии зимы 1920/21 гг., то причиной тому два следующих фактора. Во-первых, ужесточение партийной дисциплины на X съезде сделало невозможным возобновление споров столь открытого и острого характера, которые предшествовали съезду. Во-вторых, все дебаты по вопросу о профсоюзах зимой 1920/21 гг. велись в период военного коммунизма и исходили из предпосылок этой системы. Отказ от военного коммунизма и введение НЭПа отразились на трудовой политике таким образом, что оказались устаревшими как троцкистская платформа, так и платформа «рабочей оппозиции», в то время как эти изменения очень хорошо укладывались в русло более гибкой Программы, принятой съездом, и могли быть весьма правдоподобно представлены как ее продолжение. Троцкистская политика мобилизации труда государством отражала исключительно напряженное положение в период военного коммунизма и подлежала смягчению, когда чрезвычайные обстоятельства были преодолены. Тем не менее она оказалась более живучей, чем другие атрибуты военного коммунизма; трудовая политика, принятая впоследствии в период пятилетних планов, унаследовала гораздо больше из концепций, выдвигаемых Троцким в это время, чем из резолюции, одобренной X съездом партии.

г) Торговля и распределение

Нарушение процесса торговли между городом и деревней уже весной 1918 г. заставило Советское правительство приступить к новому эксперименту: организации прямого обмена товарами и компромиссу с кооперативами. Начиная с лета 1918 г. и в последующий период гражданская война чрезвычайно обострила эту проблему, а в некотором смысле и упростила ее, вынудив правительство сконцентрировать свои усилия на наиболее насущных и элементарных нуждах. Период военного коммунизма характеризуется несколькими четко выраженными отличительными чертами в области торговли и распределения: неограниченное использование методов изъятия вместо обмена с целью получения продовольствия, в котором остро нуждалось государство; дальнейшее развитие натурального обмена; широкое использование твердых цен и распределение продуктов в виде пайков; приспособление кооперативов к советской системе в качестве основного инструмента сбора и распределения продуктов питания и рост «черного рынка», существовавшего бок о бок с официальными каналами торговли в конечном счете превзошедшего их как по своим масштабам, так и по значимости.

Изъятие товаров первой необходимости — это в то время означало продовольствие, обмундирование и вооружение для Красной Армии и продукты питания для городского населения — диктовалось насущными нуждами гражданской войны и могло быть оправдано военной необходимостью. Оно также могло рассматриваться в качестве предтечи будущего коммунистического общества, призванного упразднить методы обмена, при которых содержание кошелька являлось определяющим фактором, и на смену ему внедрить принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». В теории принцип распределения по потребностям, вероятно, вступает в противоречие с принципом распределения посредством обмена получаемыми товарами; оба принципа были признаны существующими бок о бок в первом декрете о торговой монополии, принятом 2 апреля 1918 г.²⁵⁹ Однако этот конфликт едва ли касался крестьянина, поскольку ни один из этих принципов не мог быть внедрен в практику из-за отсутствия продовольствия. В отчаянных попытках правительства получить от крестьян максимально возможное количество сельскохозяйственных продуктов, мало что давая ему взамен, метод изъятия продовольствия при помощи продотрядов, внедренный летом 1918 г. и получивший свое дальнейшее развитие в декретах августа 1918 г.²⁶⁰, продолжал доминировать в течение 1919 и 1920 гг. Так что в этот период главным инструментом получения продовольствия у крестьянства были не торговля и обмен, а насильственное их изъятие в процессе проведения продразверстки. Этот метод очень скоро был охарактеризован общественным мнением как отличительная

черта политики военного коммунизма и стал основной причиной недовольства среди крестьян, вызванного этой политикой.

Отношения государства с промышленностью при военном коммунизме также были далеки от процессов торговли. Начиная с середины 1918 г. ВСНХ быстрыми темпами устанавливал свой контроль над всякой важной отраслью российской индустрии, направляя все возможные производственные мощности на удовлетворение нужд гражданской войны. Как часто бывает во время войны, производство для ее нужд быстро вытеснило то, что оставалось от производства для рынка. При штабе ВСНХ был создан «Отдел военных заготовок», которому подчинялись соответствующие отделы в местных совнархозах²⁶¹, а венчала эту структуру межведомственная «Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снабжения», во главе которой по возвращении в Россию в сентябре 1918 г. стал Красин и которая два месяца спустя изменила свое название на «Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии»²⁶². Эта организация, усиленная летом 1919 г. Рыковым в качестве «чрезвычайного представителя» Совета рабочей и крестьянской обороны с целью придать ей наивысший политический авторитет²⁶³, взяла на себя снабжение Красной Армии всем необходимым, за исключением сельскохозяйственных продуктов, и превратилась тем самым в основного потребителя и контролера промышленного производства. Снабжение Красной Армии стало, выражаясь словами Красина, «во главу угла нашей хозяйственной политики»²⁶⁴. На протяжении 1919 и 1920 гг. огромная масса из числа действующих промышленных предприятий России была занята выполнением заказов для Красной Армии.

Та же часть индустрии, которая предназначалась для производства товаров потребления для гражданского населения, в не меньшей степени была связана с обеспечением военных нужд. Основная масса ее ограниченного производства предназначалась для того, чтобы за счет организованного обмена побудить крестьянина обеспечить поставки продовольствия, без которого Красная Армия не могла продолжать боевые действия, а городское население умерло бы с голода. Поэтому ВСНХ не в меньшей степени был заинтересован в установлении своего контроля над отраслями промышленности по производству потребительских товаров, чем над предприятиями, занятыми непосредственно обеспечением Красной Армии. О конечном назначении этих товаров можно судить по тому факту, что их распределение находилось в руках Наркомпрода. Волну национализации промышленности осенью 1918 г. увенчал декрет Совнаркома от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения», который был прежде всего предназначен для замены «частноторгового аппарата». Этим декретом была фактически установлена государственная монополия на торговлю. Он точно определил взаимоотношения между ВСНХ и Наркомпродом. Все товары, предназначенные «для личного потребления или домашнего

хозяйства» и производимые на национализированных или контролируемых ВСНХ предприятиях, должны были посредством соответствующих главков, центров или отделов переведены в распоряжение Наркомпрода для использования согласно троякому плану.

По этому плану в первую очередь определялось количество продуктов, предназначенных на экспорт, затем — часть для резерва и, наконец, масса продуктов для промышленного потребления и для распределения среди населения. Во-вторых, этим планом устанавливались фабричные, оптовые и розничные цены. В-третьих, определялся метод распределения продуктов, предназначенных для народного потребления. Первая и третья из названных функций были возложены на Комиссию использования, в которой были представлены ВСНХ, Наркомпрод и народный комиссариат торговли и промышленности²⁶⁵, а вторая — на Комитет цен ВСНХ. Для отправления функций распределения и для сбора товаров, не подпадающих под юрисдикцию ВСНХ (главным образом к ним относились предметы сельского кустарного производства), Наркомпрод создал специальный орган под названием Главпродукт, в котором ВСНХ имел своего представителя. Страну должна была покрыть достаточно густая для удобства населения «сеть розничных лавок», причем в процессе распределения предполагалось участие кооперативов. Розничная торговля подлежала «муниципализации», то есть должна была стать под контроль местных Советов²⁶⁶. На бумаге декрет представлял собой хорошо задуманный план, который полностью отвечал цели большевистской политики, определенной в Программе партии 1919 г. следующим образом: «Продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»²⁶⁷. Однако в основе этой системы должен был лежать принцип пайков, который предполагает наличие двух моментов: мощной административной машины и количества продуктов, достаточного для распределения. Ни того, ни другого в России 1919 и 1920 гг. не было, причем и надеяться на их появление нельзя было. В то же время, подобно другим элементам политики военного коммунизма, эта система была продиктована не столько теорией, сколько практическими нуждами, и трудно было найти какую-либо другую систему, которую можно было использовать в разгар гражданской войны.

Твердые цены на хлеб, равно как и монополия на хлеб, были унаследованы от Временного правительства, причем повышались они неоднократно. Логичным и неизбежным следствием установления государственной монополии на другие товары первой необходимости, которое началось весной и летом 1918 г., было установление твердых цен на эти товары. До конца 1918 г. такие цены были установлены на шкуры, кожу и кожаные изделия, шерсть и шерстяные изделия, на хлопчатобумажную ткань и изделия из нее, резиновые изделия, мыло, табак, чай и на многие другие продукты. В 1919 г. и первой половине 1920 г., по мере расшире-

ния и усиления контроля, рос список твердых цен, до тех пор пока не охватил практически все предметы потребления²⁶⁸. Твердые цены регулярно поднимались, причем делалось это таким образом, чтобы они опережали периодический рост цен на хлеб. Другими словами, условия торговли все больше и больше складывались не в пользу крестьянина, а в пользу промышленного рабочего²⁶⁹. Однако этот процесс не имел большого практического значения, поскольку цены не могли быть увеличены достаточно радикально, чтобы компенсировать быстро падающую покупательную способность денег. Таким образом, со временем твердые цены все больше и больше расходились со «свободными» ценами, по которым те же самые товары реализовывались или обменивались на незаконном, но терпимом «черном рынке». К 1920 г. твердые цены стали в значительной степени номинальными, а распределение по твердым ценам — практически равнозначным бесплатному распределению, что в конечном счете и произошло. Однако к тому времени запасы продовольствия, находящиеся в руках государства и предназначенные для распределения, также сократились до мизерного уровня.

Пайки были естественным сопутствующим обстоятельством твердых цен. Распределение основных продуктов питания по карточкам действовало в Петрограде и Москве еще при Временном правительстве, а на сахар и хлеб карточки были введены до Февральской революции. В эту систему не вносилось каких-либо изменений в течение первых девяти месяцев советского режима, продовольствие становилось все более недоступным, разрыв между твердыми ценами и ценами на те же продукты на свободном рынке — все более широким. Однако острая нехватка продовольствия летом 1918 г., сказавшаяся прежде всего и главным образом на рабочих в крупных городах, и введение политики изъятия зерна у крестьян — все это заставило правительство взять на себя ответственность за распределение продуктов питания. В августе 1918 г. система дифференцированных пайков была впервые введена в Москве и Петрограде. При этом население подразделялось на три категории. К первой из них относились рабочие тяжелого физического труда, ко второй — рабочие других категорий труда и семьи всех трудящихся, а к третьей — представители бывшей буржуазии. Принадлежавшие к первой категории получали пайки в четыре, а ко второй категории — в три раза больше, чем люди, составлявшие третью категорию²⁷⁰. Эта дифференцированная система быстро распространилась, причем в многочисленных вариациях. Рабочие физического труда всегда принадлежали к высшей категории, имея абсолютный приоритет над всеми другими категориями. При этом иногда даже утверждалось, что они получают паек — «броню». Обычно в высшую категорию включались и семьи красногвардейцев. Однако немного времени спустя внутри групп рабочих физического труда и групп служащих было проведено различие, основывавшееся якобы на ценности их услуг

обществу: пайки высшей категории предоставлялись ударникам труда, занятым особенно ценной или срочной работой. Процесс усовершенствования этой системы зашел так далеко, что осенью 1919 г. в некоторых местах насчитывалось до 20 категорий пайков.

Такое положение вело не только к невыносимым административным осложнениям, но и к широкому распространению аномалий, завистничеству и недовольству, которые широко обсуждались на Всероссийском совещании представительных продорганов в ноябре 1919 г. С докладом по этому вопросу на совещании выступил будущий генеральный прокурор и министр иностранных дел СССР Вышинский, бывший в то время служащим Наркомпрода. Он подверг критике «мещанский принцип уравниения», которым руководствовались при распределении продуктов в Германии времен Вильгельма и в габсбургской Австрии, равно как и при Временном правительстве в России. Однако если дискриминация в отношении буржуазии была справедливой и уместной, трудно было оправдать систему пайков, которая порождала массу «привилегированных групп, причем каждая из них конкурирует со своими соседями», и которая совершенно по-разному применялась в различных городах и регионах. Вышинский предложил вернуться к разделению на три категории: на рабочих физического труда, других трудящихся и нетрудовые элементы, причем пайки должны распределяться между ними в пропорции 3 : 2 : 1. Участники совещания единодушно приняли резолюцию, выдержанную в этом духе ²⁷¹. Месяц спустя, в декабре 1919 г., VII Всероссийский съезд Советов потребовал введения «единого рабочего пайка» ²⁷². В апреле 1920 г. наблюдался возврат к некоему подобию прежней системы трех категорий при условии, что специальные пайки могут быть предоставлены рабочим тяжелого физического труда, равно как и «для лиц особо квалифицированного умственного труда» ²⁷³. Однако эти изменения потеряли свое значение, поскольку в течение 1920 г. система пайков была постепенно заменена оплатой труда в натуральном исчислении. В этом было двойное преимущество: во-первых, отпала необходимость попытаться подсчитать зарплату и цены в условиях снижения покупательной способности денег, а во-вторых, это дало возможность вознаграждать за труд в соответствии с вкладом каждого, причем делать это с гораздо большей точностью, чем можно было мечтать во времена действия грубой системы пайков по категориям. К условиям текущего кризиса более приспособленной оказалась система оплаты для промышленных рабочих, теоретически основывавшаяся на распределении по способностям, чем система пайков, в основе которой лежала теория распределения по потребностям ²⁷⁴.

В принципе сельское население должно было снабжаться потребительскими товарами на основе декрета от 21 ноября 1918 г., который не предусматривал никакого иного критерия распределения, кроме как по потребностям. Но в практике основным мотивом распределения товаров среди крестьян было получение сель-

скохозяйственных продуктов. Распределение производилось на основе декрета от 5 августа 1918 г., предусматривавшего «обязательный товарообмен», то есть по принципу, чтобы 85% стоимости всех поставляемых товаров было оплачено продовольственными продуктами²⁷⁵, а, поскольку политика была направлена на сохранение цен на промышленные товары на пропорционально более высоком уровне, чем цены на сельскохозяйственную продукцию, это само по себе означало дополнительный налог на крестьянина²⁷⁶. Эта процедура стала еще более жесткой, когда после сбора урожая был принят еще один декрет — от 5 августа 1919 г. По этому декрету Наркомпроду поручалось «устанавливать для каждой губернии или района в отдельности количество продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих обязательной сдаче, и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения», причем последние не должны были отпускаться прежде, чем будут осуществлены поставки первых. По сравнению с декретом предыдущего года новый декрет имел преимущество по двум аспектам. Во-первых, похоже, денежный элемент исчез полностью: подсчет эквивалентов производился Наркомпродом вероятнее всего на основе данных о необходимом количестве хлеба и других продуктов и о массе имеющихся в наличии промышленных товаров. Во-вторых, был ясно провозглашен принцип коллективной ответственности, который был только обозначен в декрете от 5 августа 1918 г.; количество распределяемых промышленных товаров зависело от количества поставляемых продуктов; «потребительским обществам», которые занимались распределением, не разрешалось ставить в худшие условия «пролетарские или полупролетарские элементы... живущие заработной платой или пособиями, получаемыми от государства». Так что, если говорить о каждом человеке в отдельности, получаемые продукты не обязательно находились в прямой зависимости от поставляемых продуктов²⁷⁷. Официальная система обмена между городом и деревней, получившая свое развитие на последнем этапе военного коммунизма, больше походила, таким образом, на систему насильного изъятия сельскохозяйственных продуктов, компенсируемого свободным распределением промышленных товаров на карточной основе, чем на торговлю или обмен в обычном смысле этого слова. Элемент личной заинтересованности в производстве все еще отсутствовал и не мог быть восстановлен, покада предпринимались попытки, пусть и не очень эффективные, внедрить принцип: «От каждого по способностям — каждому по потребностям».

Результаты, достигнутые Советским правительством в его системе распределения в период военного коммунизма, объясняются почти полностью его успехом в превращении кооперативного движения в основной инструмент этой политики. Под влиянием гражданской войны ускорился процесс привязки кооперативов к советской административной машине и использования их для лик-

видации недостатков этой системы. Она заставила Советское правительство гораздо более непосредственно и энергичнее, чем до нее, вмешаться в процесс налаживания торговли между городом и деревней, причем эта функция целиком ложилась на Наркомпрод, а сфера деятельности ВСНХ была ограничена в конечном итоге промышленным производством. С другой стороны, дискредитация левых эсеров и их изгнание из Советов лишили кооперативы их политической поддержки. Эсерам ничего не оставалось другого, как согласиться на условия большевиков, которые в свою очередь не имели более никаких политических мотивов для снисхождения или компромисса. Таким образом, привязка потребительских кооперативов к советской административной машине в виде эксперимента, начатая после декрета от 11 апреля 1918 г., могла теперь продолжаться ускоренным темпом.

Первым явным симптомом этого процесса был декрет «Об обязательном обмене» от 5 августа 1918 г. Первоначальный декрет от 2 апреля 1918 г. об обмене с крестьянами был принят до соглашения с кооперативами и не содержал никакого упоминания о них. По новому декрету кооперативы должны были работать бок о бок с официальными советскими органами (в одной из его статей они даже были названы, помимо какого-либо официального органа, в качестве инструмента, при помощи которого будет осуществляться обмен). В нем также предусматривались наказания в случае нарушения установленных правил: члены правления провинившегося кооператива подлежали преданию суду, а сам кооператив мог быть оштрафован, причем новое правление назначалось непосредственно Советской властью или с ее одобрения²⁷⁸. Декрет от 21 ноября, по которому все торговые учреждения были национализированы, оставлял кооперативам определенные привилегии. Принадлежавшие им оптовые склады и розничные лавки продолжали оставаться «в их управлении, но под контролем Наркомпрода». В тех местах, где из-за излишнего усердия со стороны местных советских органов были национализированы или муниципализированы кооперативы, предписывалось восстановить прежнее положение. В качестве дублирующего органа Наркомпрод получил право назначать по одному представителю в правление Центросоюза и в правления областных и губернских кооперативных объединений²⁷⁹. Это представляло собой определенную уступку кооперативам в сочетании с оливковой ветвью, протянутой одновременно меньшевикам и левым эсерам, и совпало с их кратковременным возвращением в Советы²⁸⁰. В результате в партийных кругах возникло недовольство²⁸¹, причем в защиту этого шага выступил Ленин, мотивируя это тем, что мелкобуржуазные элементы, которые, по общему признанию, занимали в кооперативах доминирующее положение, «организовать лавочки... умеют» и поэтому должны обладать теми же привилегиями, что и руководители трестов²⁸². Эта уступка, однако, была больше кажущейся, чем реальной. В конечном счете благодаря декрету ко-

оперативы более основательно и открыто, чем прежде, превращались в аккредитованных проводников советской политики. Последовавшая через несколько дней национализация московского Народного банка покончила с остатками их финансовой автономии²⁸³.

Результатом последующих двух лет, когда военный коммунизм достиг своего апогея, стало простое завершение того, что было приведено в движение этими акциями. Большевики вначале надеялись захватить эту организацию, отколов от нее рабочие кооперативы и направив их против «общегражданской» кооперации. Съезд рабочих кооператоров, состоявшийся в Москве в декабре 1918 г., проголосовал незначительным большинством за требование внести изменение в структуру Центросоюза, с тем чтобы обеспечить постоянное большинство в его президиуме делегатам рабочих кооперативов²⁸⁴. На съезде всех кооперативов в Москве в январе 1919 г., где большевики все еще были в меньшинстве, большинство попыталось пойти на компромисс, предложив рабочей кооперации пять мест из тринадцати в правлении Центросоюза. Это предложение не было принято, и большевистские делегаты покинули съезд²⁸⁵. Тогда были применены более прямые методы воздействия. В Программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., провозглашалось, что политика партии состоит в том, чтобы неуклонно «продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». Целью является организация всего населения «в единую сеть потребительских коммун». Хотя при этом добавлялось, что «в основу потребительских коммун... должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения»²⁸⁶. Политика партии тотчас же стала государственной акцией. Декрет от 16 марта 1919 г., принятый еще до окончания работы съезда, явился ответом на требование о «едином аппарате распределения». В нем объявлялось о преобразовании всей рабочей и общегражданской кооперации, равно как и всех государственных органов, занятых распределением, в единый распределительный орган — Потребительскую коммуну, в которую «включается все население», причем традиционное различие между двумя видами кооперации упразднялось. Потребительские коммуны объединялись в губернские союзы, а их правления избирались собраниями уполномоченных. Каждый губернский союз избирал одного делегата в Центросоюз, который оставался руководящим органом всей системы. Таким образом, за основу, в слегка измененном виде, был принят пирамидальный характер Советов. Официальный характер системы подчеркивался в пункте, который приравнивал все должностные лица и служащих кооперативов к служащим государственных продовольственных органов. И наконец, советским местным продовольственным органам давалось право

вводить по одному своему представителю во все местные кооперативы, а «Совет народных комиссаров может пополнять состав Правления Центросоюза необходимым количеством своих представителей». Введение декрета в действие от имени Советского правительства поручалось Наркомпроду, в результате чего ВСНХ потерял последнюю из своих функций в этой области, закрыв свой кооперативный отдел. Применение по всему тексту термина «потребительские коммуны» свидетельствовало о желании предать прошлому даже само понятие «кооперация»²⁸⁷.

Этот декрет имел далеко идущие последствия. В состав существовавшего в то время правления Центросоюза входило четыре представителя от рабочей кооперации, которые были большевиками или из числа им сочувствовавших, и восемь представителей от общегражданской кооперации, которые не были большевиками. Совнарком пошел на любопытный компромисс: он использовал предоставленное ему декретом право, назначив в правление Центросоюза трех своих представителей и оставив большевиков в меньшинстве. Однако одному из этого меньшинства, Фрумкину, было предоставлено право вето. Вскоре этот план, который давал большевикам возможность опротестовать любое решение, но не принимать решения, оказался несостоятельным. В июле 1919 г. состоялось постановление Совнаркома о вводе в правление Центросоюза дополнительно трех членов²⁸⁸. В разгар гражданской войны диктовать свою волю кооперативам было исключительно деликатным делом, и даже при наличии отчетливого большинства в Центросоюзе процесс ассимиляции протекал медленно. Правда, в ноябре 1919 г. один из представителей Наркомпрода заметил, что «теперь принципиальное различие между органами советскими и кооперативными отпадает», так что «мы можем кооперацию считать чисто государственным аппаратом»²⁸⁹. В январе 1920 г., незадолго до того, как был преодолен кризис гражданской войны, фронт наступления был расширен, охватив менее значимые и влиятельные кредитные и производственные кооперативы. В результате фактического прекращения вкладов и займов, вызванного обесценением денег, кредитные кооперативы потеряли большую часть своих первоначальных функций и, похоже, выступали в некоторых случаях в качестве посредника, финансировавшего сделки по закупке и продаже товаров. Производственные кооперативы все еще выполняли полезную функцию, организуя выпуск сельскохозяйственной продукции и предметов сельского кустарного производства²⁹⁰. Однако в декрете, выпущенном в январе 1920 г., они были охарактеризованы как «лишенные всероссийского центра» и «весьма часто по своему составу и строению отражающие интересы не трудящихся, а их классовых врагов». Этим декретом их активы и имущество переводились в потребительские кооперативы, а сами они оказались под жестким контролем Центросоюза²⁹¹. Таким образом, кооперативы всех видов были сведены в единую сеть под начало общего центрального органа, который

уже превратился в составную часть советской административной машины.

При достижении столь большого прогресса настало время для доведения этого процесса до логического завершения и формального превращения кооперативов в государственные органы. Этот курс нашел широкую поддержку на IX съезде партии в марте 1920 г. В секции съезда, рассматривавшей этот вопрос, основным защитником так называемого огосударствления кооперативов выступал Милютин, который обеспечил большинство голосов в поддержку резолюции, требовавшей, чтобы они стали «техническим аппаратом Наркомпрода». Но Милютин своим успехом был частично обязан тому факту, что противники «огосударствления» не были едины и выдвинули не менее трех альтернативных предложений о будущем статусе кооперативов. Когда же этот вопрос был вынесен на пленарное заседание, Ленин решительно выступил против Милютина и убедил съезд принять резолюцию, выдвинутую Крестинским²⁹². Основным аргументом было все то же: необходимость умиротворения крестьянства, которое не было готово к такому шагу. «Мы имеем дело с классом, менее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации». В резолюции Крестинского, вновь подтвердившей два основных декрета — от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г., — откровенно говорилось о потребительских кооперативах как находившихся под управлением Наркомпрода, а о производственных, сельскохозяйственных и промышленных кооперативах — под управлением Наркомзема и ВСНХ соответственно; причем подчинение производственных кооперативов Центросоюзу должно было носить «чисто административно-политический характер». Таким образом, «огосударствление» кооперативов фактически имело место во всем, за исключением названия, и при режиме военного коммунизма не могло быть иначе. Но тот факт, что сохранилась их формальная независимость, в последующий период оказался имеющим определенное значение²⁹³. На IX съезде партии председатель Центросоюза, старый меньшевик Хинчук, был принят в партию. В следующем месяце были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения несколько руководителей кооперативов, выступавших против новой организации²⁹⁴.

Наиболее значимая часть истории внутренней торговли в период военного коммунизма не может быть, однако, написана языком официальных декретов и официальной политики. История этого периода располагает массой иллюстраций упорства и изобретательности людей в поисках путей и средств для обмена товарами, когда речь идет о выживании. Первоначальной и наиболее простой формой этих незаконных средств для достижения цели было мешочничество, которое являлось предметом всеобщих разговоров и большим вопросом для нового режима с самых первых дней революции²⁹⁵. Однако незаконная транспортировка продо-

вольствия в города продолжалась, несмотря на все преследования, включая декрет, предписывавший заградительным отрядам на железнодорожном и водном транспорте конфисковывать все продовольствие, перевозимое пассажирами сверх минимальной нормы²⁹⁶. В сентябре 1918 г. мешочничество получило молчаливое признание в приказах, разрешавших рабочим Москвы и Петрограда привозить продукты питания в город в количествах, не превышавших полтора пуда. Мешочники поспешно были переименованы в «полуторاپудовиков», и, хотя срок этой уступки истекал номинально 1-го или, согласно последующей поправке, 10 октября²⁹⁷, похоже, после этого разрешение на провоз такого количества продовольствия считалось само собой разумеющимся. В январе 1919 г. ВЦИК издал приказ, осуждавший железнодорожные заградительные отряды за грубое обращение с пассажирами и несправедливое изъятие продовольствия, предназначенного для личных нужд²⁹⁸. Начиная с зимы 1918/19 гг. этот контроль был несколько ослаблен за счет легализации методов коллективной взаимопомощи для фабрик, профсоюзов и других организаций²⁹⁹. Однако, если слова «мешочник» и «мешочничество» в основном исчезли из обращения, это объяснялось главным образом тем, что данное явление стало слишком обычным, чтобы о нем говорить, и власти относились к нему более или менее терпимо. Статистики того периода попытались подсчитать, в какой пропорции находились друг к другу продукты питания, потребляемые горожанами в 1919—1920 гг. за счет поставляемых по карточкам на основании твердых цен, с одной стороны, и добываемые по дополнительным каналам — с другой. Согласно одним подсчетам, лишь 20—25% приходилось на карточки³⁰⁰, по другим подсчетам, которые делают различие между городами в «потребляющих» и «производящих» губерниях, по карточкам поступало от 25 до 40% необходимых продуктов в первых и от 35 до 55% — во вторых³⁰¹. На IV съезде профсоюзов в апреле 1920 г. было заявлено, что необходимые расходы рабочего в два с половиной — три раза превышают его зарплату, получаемую либо в деньгах, либо в натуре³⁰². Какую бы гипотезу мы ни взяли, становится ясным, что в течение всего периода военного коммунизма городское население либо голодало, либо более половины своих потребностей в продуктах питания удовлетворяло за счет номинально незаконной торговли. К моменту введения НЭПа рабочие, получавшие пайки высшей категории, потребляли, согласно имевшимся данным, всего лишь 1200—1900 вместо 3000 калорий, которые считаются необходимым минимумом для рабочих физического труда³⁰³. Несколько недель спустя Пятаков утверждал, что «шахтер Донбасса... потребляет всего 50 процентов калорий, которые необходимы ему для полного восстановления сил»; а Рыков признавал, что «мало кто из рабочих не покупает продукты на свободном рынке» и что «в этом виде наша буржуазия произрастает в течение нескольких лет»³⁰⁴.

В какой же форме производилась оплата за эти незаконные поставки? Вначале мешочники брали плату деньгами, хотя и по чрезвычайно высоким ценам. Позднее, по мере того как падала покупательная способность денег, значительная часть торговли производилась на бартерной основе. Только зажиточная часть населения обладала собственностью, которую можно было продать, да и та была вскоре исчерпана. Таким образом, незаконная торговля продовольственными товарами привела к возникновению незаконной торговли другими товарами. Вскоре после революции фабрики начали выдавать часть заработной платы натурой — в виде доли того, что на них производилось; и то, что поначалу, несомненно, предназначалось для личного пользования рабочих и их семей, очень быстро превратилось в предмет меновой торговли и продавалось по инфляционным ценам свободного рынка. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. обратил внимание на эту практику, которая к тому времени получила название «кусочничество».

«Страшное зло — мешочничество, страшное зло — кусочничество, но еще большее зло, когда рабочим начинают выдавать плату натурой, продуктами... и когда они сами превращаются в кусочников»³⁰⁵. Однако эта практика продолжала существовать, и на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. была даже принята резолюция в пользу оплаты части заработка фабричным рабочим натурой³⁰⁶. Два года спустя эта порочная практика достигла скандальных масштабов, и IV съезд профсоюзов принял резолюцию, осуждающую торговлю приводными ремнями, инструментами и другим оборудованием фабрик, на которых работали эти рабочие-торговцы³⁰⁷. Государственные учреждения и национализированные промышленные предприятия часто удовлетворяли свои потребности, прибегая к услугам свободного рынка, хотя эта практика и была формально запрещена.

Таким образом, в Советской России времен военного коммунизма бок о бок существовали две различные системы распределения — распределение государственными органами по твердым ценам (или впоследствии бесплатно) и распределение через частную торговлю. Согласно декретам от 2 апреля и 21 ноября 1918 г.³⁰⁸, торговля продуктами питания, а фактически и всеми товарами широкого потребления стала государственной монополией. Имевшаяся в наличии масса таких товаров распределялась вначале правительственными органами (включая кооперативы) по твердым ценам. При этом предполагалось, что в основе такого распределения лежит пайковый принцип, хотя нормальные пайки так никогда и не были установлены, за исключением пайков на хлеб и некоторые фуражные изделия. Эти формы распределения были единственными, признанными законом³⁰⁹. Легальная внутренняя торговля, говорилось в авторитетном заявлении в апреле 1920 г., «почти не существует и заменена аппаратом государственного рас-

пределения»³¹⁰. Но наряду с этой официальной системой распределения процветала, хотя и запрещенная законом, частная торговля всеми предметами первой необходимости по ценам, в 40—50 раз превышавшим установленные правительством цены. В Москве центром этой торговли был рынок на Сухаревской площади, на которой толпились подпольные торговцы и их клиенты. Время от времени милиция проводила рейды, но в общем и целом, похоже, смотрела сквозь пальцы на этот огромный «черный рынок». «Сухаревка» же стала жаргонным названием для этого «свободного» сектора советского хозяйства. Ленин не переставал осуждать его, заявляя, что «капитализм до сих пор тормозит начинания Советской власти, путем мешочничества, Сухаревки и т. п.»³¹¹. Но не было сомнения в том, на чьей стороне победа. В начале 1920 г. официальный орган указывал на контраст между «зияющей пустотой советских магазинов и кипучей деятельностью ярмарочной торговли на Сухаревке, Смоленском рынке, Охотном ряду и других очагах спекулятивного рынка»³¹². На протяжении всего этого периода растущая часть внутреннего распределения товаров в Советской России проходила по неофициальным и в общей своей массе незаконным каналам; и власти, долгое время безрезультатно борющиеся, чтобы закрыть эти каналы, в конечном счете вынуждены были смириться с этим, сначала как с неизбежным злом, а затем как с позитивным вкладом в народное хозяйство. В некотором отношении НЭП сделал немногим более того, что санкционировал методы торговли, которые зародились спонтанно вопреки правительственным декретам и несмотря на правительственные репрессии в период военного коммунизма.

Во времена военного коммунизма внешняя торговля фактически не играла никакой роли в советской экономике. Кольцо блокады, установленной союзниками в начале 1918 г., окончательно сомкнулось, когда в результате капитуляции Германии в ноябре того же года прекратились всякие отношения с континентальной Европой, а гражданская война разрушила последнее звено, связывавшее Россию с азиатскими рынками и источниками снабжения. Импорт и экспорт, сократившиеся до незначительных размеров в 1918 г., достигли нулевой точки в 1919 г., и полнейшая экономическая изоляция Советской России в это время стала мощным побудительным фактором для экономических экспериментов, которые вряд ли были возможны и не проводились бы так настойчиво, если бы не закрытая экономическая система. Снятие блокады в январе 1920 г. и заключение мира с Эстонией две недели спустя открыли формальную возможность для международной торговли. Но отказ стран-союзниц принимать русское золото — так называемая золотая блокада — лишил Советскую власть одного средства платежа, которое она могла бы использовать для получения столь необходимого импорта. Первая советская торговая делегация под руководством Красина выехала в Копенгаген

в марте 1920 г., и заключенное в результате соглашение с группой шведских фирм обеспечило Советской России хотя и ограниченное, но ценное количество железнодорожного оборудования и сельскохозяйственных машин. И хотя Красин проследовал в Лондон, война с Польшей вновь свела на нет перспективы далеко идущих переговоров, и в результате мало что было достигнуто в 1920 г.³¹³ Декретом от 11 июля 1920 г. практически не функционировавший народный комиссариат торговли и промышленности был преобразован в народный комиссариат внешней торговли во главе с Красиным³¹⁴. Эта мера явилась скорее декларацией политики и подготовкой к будущему, чем ответом на потребности дня. Торговые статистические данные за 1920 г. показывают некоторый подъем по сравнению с нулевой отметкой 1919 г., но даже не достигают незначительной цифры, отмеченной в 1918 г. Оптимистические расчеты на увеличение экспорта древесины, зерна и льна не оправдались. Более реалистические оценки даются в статье «Наша внешняя торговля», опубликованной в официальной газете за сентябрь 1920 г.

«Придется вывозить то, в чем мы нуждается сами, просто для того, чтобы купить взамен то, в чем мы нуждаемся еще больше. За каждый локомотив, за каждый плуг мы будем вынуждены буквально вырывать куски из тела нашего народного хозяйства»³¹⁵.

Именно понимание этой жестокой необходимости заставило Совнарком осенью 1920 г. вновь обратиться к проекту, который обсуждался еще весной 1918 г., — к плану по привлечению иностранного капитала за счет концессий³¹⁶. Но эта вдохновляющая идея, не принесящая быстрого или моментального успеха, принадлежала не к теперь уже почти обанкротившейся концепции военного коммунизма, а к наступавшему периоду НЭПа.

д) Финансы

Когда летом 1918 г. была провозглашена политика военного коммунизма, первоначальный импульс финансовой программы большевиков уже потерял свою побудительную силу. Ее основной пункт — национализация банков — своевременно приобрел форму закона и в огромной мере претворен в жизнь; точно так же был осуществлен ее второй пункт — об аннулировании долгов предыдущего русского правительства. Однако национализация банков не оправдала смутных надежд социалистических теоретиков на то, что тем самым автоматически будет создан инструмент для контроля и финансирования промышленности. Равно как и аннулирование долгов не решило проблему финансирования государственных расходов; напротив, был закрыт один из каналов получения средств — за счет займов. Печатаение банкнот оставалось единственным имеющимся в наличии серьезным источником получения денежных средств для покрытия текущих государственных

расходов и для предоставления авансов промышленности. Непрестанное использование этого источника усиливало безудержное обесценение денег и в конечном счете отбило у торговцев всякое желание принимать теперь уже почти обесцененные банкноты в качестве платы за товары, а значит, привело к тому, что деньги потеряли свою функцию стимулирования нормального процесса торговли и обмена. Характерной чертой военного коммунизма с финансовой точки зрения явилось изъятие денег из экономики. Однако это ни в коей мере не является результатом доктрины или преднамеренного расчета. В августе 1918 г. на смену Гуковскому, который своим жестким, невообразимым финансовым пуризмом завоевал на посту народного комиссара финансов репутацию одного из представителей крайне правого крыла партии, пришел более гибкий и более интеллигентный Крестинский, занимавший с января того же года пост наркома Государственного банка, который по вопросу Брест-Литовска находился в рядах левой оппозиции, но отошел от нее во время последующих дебатов по экономическому вопросу. Но навряд ли целью этого изменения было возвестить начало новой финансовой политики. Не чем иным, как трудностями гражданской войны можно объяснить поведение народного комиссариата финансов, вынужденного пойти новым, совершенно неожиданным курсом.

Осенью 1918 г. иссякли обычные источники получения финансовых средств. 30 октября того же года ВЦИК издал два декрета, которые представляли собой скорее отчаянную, сиюминутную попытку использовать все возможные средства для выхода из безнадёжного положения, чем компромисс между двумя различными концепциями фискальной, или финансовой, политики. Первым декретом вводился «чрезвычайный революционный налог», рассчитанный на то, чтобы за счет прямого обложения получить общую сумму в 10 млрд. руб. Вторым — устанавливался «натуральный налог», в принципе представлявший собой обложение всех земледельцев, по которому они должны были сдавать государству все излишки своей продукции сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды³¹⁷. Первый декрет являлся последней серьезной попыткой, предпринятой в ранний период советского режима, чтобы покрыть государственные расходы за счет прямого денежного налогообложения, а второй — первым экспериментом по обложению натуральным налогом, ставшим естественным следствием отказа от денег при военном коммунизме. Именно в этом смысле они были сопоставлены друг с другом Крестинским: «Налог чрезвычайный связывает нас с прошлым, налог натуральный — с будущим»³¹⁸.

Чрезвычайным революционным налогом облагались в соответствующих пропорциях, установленных в самом декрете, все губернии, которые к настоящему моменту находились в руках Советов: это означало исключение Украины и юго-восточных районов России, азиатских губерний и территорий и Архангельска на

севере, то есть всех регионов, находившихся под иностранной или «белой» оккупацией. При этом на Москву и Петроград с их губерниями приходилось половина из 10 млрд. руб., а на остальные — в зависимости от количества населения и от их богатства — меньшие суммы. Например, беднейшая из них — Олонецкая губерния облагалась лишь 15 млн. руб. Распределение этих общих сумм на уезды и в конечном счете на индивидуальных налогоплательщиков возлагалось на губернские исполнительные комитеты. От налога освобождались лица, не имевшие собственности и зарабатывавшие не больше 1500 руб. в месяц, а также национализированные и муниципализированные предприятия. В отдельной статье декрета говорилось, что неимущие городские жители и крестьяне-бедняки налогом не облагаются, «средние слои» были обложены «небольшими ставками», а основная тяжесть налога должна падать на богатую часть городского населения и богатых крестьян.

Официально установленной датой уплаты налога было 15 декабря 1918 г. Однако на протяжении всей зимы в Наркомфин шел поток запросов и жалоб, ответы на которые в циркулярах и циркулярных телеграммах направлялись в адрес губернских властей. Большинство жалоб касалось несоблюдения положений декрета об освобождении от налога. Когда так много оставлялось на усмотрение местных властей, неизбежно возникала почва для различных интерпретаций. Пространный циркуляр от 15 января 1919 г. был посвящен тому, что закон преследовал не только финансовые, но и классовые цели.

«Если бы налог в фискальном отношении прошел блестяще, но в результате его неправильного проведения получилось сплочение беднейших и кулацких слоев деревенского и городского населения на почве общего недовольства налогом, то мы должны были бы констатировать неудачу»³¹⁹.

Объединить эти две цели и даже просто собрать этот налог оказалось исключительно трудным делом. Апрельским декретом 1919 г., начинавшимся проявлением заботы о среднем крестьянстве (это был момент, когда направление политики сильно изменилось в их пользу³²⁰), прекращались все невыплаченные суммы по низким ставкам и облегчались — по средним. В то же время в нем содержалась прежняя оговорка, что «более высокие оклады общему уменьшению не подлежат»³²¹. Как методы, так и результаты сбора налога чрезвычайно варьировались от губернии к губернии. В Москве и Петрограде, а также в их губерниях, на которые приходилась половина всего налога, сбор был незначительным. Некоторые губернии собрали всего 50%, а другие — 25% сумм, которыми они были обложены, а общий сбор в мае 1919 г. составил менее 10% обложения, то есть не достиг и миллиарда рублей³²², и, похоже, вряд ли было собрано что-либо еще после этой даты. Вероятно, результат был не хуже, чем от другого прямого налогообложения того времени, однако вывод, сделанный Милютиным, казался, был неизбежен:

«Лично я на прямые налоги не возлагаю надежды. Те опыты, которые мы проделывали, дали незначительные результаты. Налоги эти, конечно, будут проводиться и в дальнейшем, но не приходится возлагать на них серьезные упования. При небольших результатах они дают массу недовольства и требуют сложного аппарата для взимания»³²³.

Эта явная неудача с прямым денежным налогообложением больше, чем любая склонность к теории, заставила Советское правительство полагаться на альтернативные средства для достижения цели.

С другой стороны, первый эксперимент с натуральным налогом оказался еще менее результативным, чем последняя широкомасштабная попытка с прямым денежным налогом. Октябрьский декрет 1918 г., установивший натуральный налог, как и его двойник по чрезвычайному революционному налогу, подробно распространялся о классовом, равно как и о финансовом аспекте этой меры. Введение налога оправдывалось «крайней нуждой в продуктах сельского хозяйства», испытываемой воюющим государством перед лицом разрушенного хозяйства. Однако дополнительная цель заключалась в «полном освобождении бедноты от несения податного бремени путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно обеспеченные классы, с тем чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков-богатеев была возложена главная часть государственных сборов»³²⁴. Хотя централизованное распределение налога находилось в руках Наркомфина (единственное ясное свидетельство его финансового характера), сбор налога был поручен местным исполнительным комитетам, а в сельских районах и деревнях — специально назначенным комитетам, состоявшим главным образом из крестьян-бедняков³²⁵. Но, несмотря на все предусмотренные меры и тщательно разработанные таблицы, определяющие размер налога в зависимости от количества обрабатываемой земли, числа членов семьи владельца земель и губернии, в которой он проживает, этот налог обернулся полнейшей неудачей, и Ленин впоследствии вспоминал о нем: «Он был принят — этот закон... но в жизнь он не вошел»³²⁶. Суть натурального налога, как она понималась в это время, заключалась в том, что им облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства. Единственное, что бралось в расчет, — это нужды «налогоплательщика» и его семьи; все остальное, что превышало эту норму, изымалось. Таким образом, это ничем не отличалось от реквизиции. Эта отчаянная мера была основным, если не единственным, средством, при помощи которого Советское правительство на протяжении 1919 и 1920 гг. получало необходимые продукты для Красной Армии и для городского населения РСФСР. При создавшихся условиях государственный бюджет периода военного коммунизма мог быть не чем иным, как пустой формальностью. Например, на вторую половину 1918 г. разрабатывался такой же бюджет, как и на его первую полови-

ну³²⁷, и формально утверждался к концу периода³²⁸. Бюджет на первую половину 1919 г. был утвержден Совнаркомом 30 апреля 1919 г.³²⁹ После этого, похоже, никакие наметки бюджета не представлялись Наркомфином вплоть до введения НЭПа в 1921 г., когда они были формально утверждены за прошедшие годы. Растущая девальвация бумажных денег и отказ от них на протяжении 1919 и 1920 гг. делали бессмысленным любой бюджет³³⁰.

С началом гражданской войны так и осталась незавершенной борьба между Наркомфином и местными Советами о финансовых правах Советов. Конституция, хотя и признала окончательный финансовый контроль за центральной властью, оставила в руках местных Советов, которые проявили огромное упорство в сохранении своих прерогатив, полномочия по налогообложению. В течение всего 1918 г. местное налогообложение, главным образом в виде специальных сборов и контрибуций, было, по-видимому, более ощутимым и более эффективным для большей части страны, чем налоги, собираемые центральным правительством. Когда в октябре 1918 г. было принято решение по введению чрезвычайного революционного налога, Совнарком издал дополнительный декрет, уполномочивавший окружные, городские и губернские Советы прибегать к такому же налогообложению по своему усмотрению, а 3 декабря того же года — всеобщий и детально разработанный декрет, который упорядочил финансовые полномочия Советов на различных уровнях³³¹. Но в течение 1919 г. баланс сдвинулся решительно не в пользу местной инициативы. Декрет от 3 декабря 1918 г., определив источники доходов местных Советов, тем самым поставил перед ними ограничения; кроме того, он утвердил принцип, по которому местные потребности должны были удовлетворяться частично за счет местного налогообложения, а частично — за счет субсидий от государства. Со снижением покупательной способности денег, которое сводило на нет все налоговые сборы, и в результате постепенной национализации промышленности, которая перекрывала самый важный источник доходов (национализированные предприятия как в центре, так и на местах освобождались от налогов), доходы местных Советов быстро снизились, а значит, возросла зависимость от субсидий из центра³³². Съезд заведующих финотделами в мае 1919 г. предпринял фронтальное наступление на принцип местной финансовой автономии. Он принял резолюцию, призывавшую к отмене декрета от 3 декабря 1918 г. и провозгласившую намерение Наркомфина выступить на очередном Всероссийском съезде Советов с предложением о поправке бюджетной главы Конституции. В то же время в другой резолюции были изложены общие принципы «единого государственного бюджета»:

«Все доходы как общегосударственного, так и местного характера поступают в единую государственную кассу, равным образом и все расходы на удовлетворение нужд как общегосударствен-

ного, так и местного значения производятся из той же единой государственной кассы.

Все финансовые сметы, как доходные, так и расходные, составляются на основании общих бюджетных правил...»³³³

Это произошло более чем за полгода до того, как в декабре 1919 г. состоялся следующий Всероссийский съезд Советов, и поправка к Конституции так никогда и не ставилась на обсуждение, хотя бы формально. Однако декретом в сентябре 1919 г. было образовано Межведомственное совещание, куда должны были поступать все запросы от местных Советов о финансовой помощи и где Наркомфин, похоже, обеспечил за собой право решающего голоса³³⁴. По-видимому, это был тот самый момент, когда была наконец обеспечена централизация фискальной и финансовой власти. И только резолюция ВЦИКа от 18 июля 1920 г. отрегулировала это положение.

«Разделение бюджета на государственный и местный бюджеты упраздняется: в будущем местные расходы и доходы будут включаться в общий бюджет государства...

Наркомфину поручается разработать систему денежных налогов, определяемых указанными целями и собираемых для специфических местных нужд, но включаемых и расходующихся соответственно общему бюджету»³³⁵.

Однако к этому времени денежное налогообложение почти прекратилось, и не было предпринято ничего для осуществления этого указания. Формальная победа полнейшей централизации сопровождалась распадом всей бюджетной системы. Лишь с введением НЭПа и созданием стабильной валюты была изменена эта политика, а система местного финансирования, как предусматривалось в Конституции РСФСР, вновь получила право на существование.

Не менее острой, чем проблема обеспечения государственных расходов в госбюджете, была проблема финансирования промышленности. Партийная Программа 1919 г. отражала господствовавшее в партии убеждение, когда заявляла, что, поскольку источники прямого налогообложения сокращаются в силу экспроприации собственности, «покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства», другими словами — на прибылях от национализированных промышленных предприятий³³⁶. Однако в первый год после революции это было идеалом отдаленного будущего, и национализированные промышленные предприятия, истощенные войной, испытывали острую нехватку капиталовложений, равно как и кредитов для текущего производства. Когда зимой 1917/18 гг. были национализированы банки и ВСНХ начал осуществлять контроль над ведущими отраслями промышленности, как национализированными, так и ненационализированными, встал вопрос о том, из каких источников должны поступать эти кредиты. Декретом, принятым в

феврале 1918 г., был создан Центральный учетно-ссудный комитет Государственного банка, в котором были представлены ВЦИК, ВСНХ, Всероссийский совет профсоюзов и различные народные комиссариаты, с тем чтобы собирать и рассматривать представления о ссудах и авансах для промышленных предприятий³³⁷. Аналогичные комитеты были созданы при местных отделениях Государственного банка. Но в тот момент не было установлено единой практики, и авансы, похоже, выдавались без тщательного рассмотрения и без учета политики ВСНХ³³⁸. В литературе приводятся примеры того, как владельцы собственности, подлежащей национализации ВСНХ, с успехом закладывали ее в одном из отделений Государственного банка накануне акта национализации³³⁹. Совершенно очевидной была необходимость внести в этот хаотичный процесс порядок и систему. Первая конкретная программа, которая была разработана весной 1918 г. и получила поддержку со стороны Гуковского и в правых кругах, выступила за создание специальных банков для финансирования основных отраслей промышленности — зерновой банк, металлический банк, текстильный банк и т. п., — в которых половина акций должна принадлежать государству, а вторая половина — частным лицам, имеющим интересы в соответствующих отраслях промышленности. Эта программа, являвшаяся финансовым двойником проектов смешанных компаний, которые обсуждались с Мещерским и другими, и естественным придатком плана восстановления автономии частных банков³⁴⁰, была, подобно этим проектам, подвергнута резкой критике со стороны левой оппозиции, которая охарактеризовала ее в своем меморандуме от 4 апреля 1918 г. как «денационализацию банков в замаскированной форме»³⁴¹. Крушение проекта Мещерского привело также к отказу от этой программы. Однако с окончательной потерей банков и истощением всех источников кредита, кроме казны, открывалось широкое поле деятельности, и ВСНХ взял на себя финансирование российской промышленности. Согласно декрету, изданному накануне I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства в мае 1918 г., все ссуды национализированным промышленным предприятиям должны были предоставляться из казны по решению ВСНХ: ответственность за контроль и подтверждение представлений ложилась на главки и подобные им органы или на областные совнархозы³⁴². На съезде Сокольников, решительно осуждавший проект Гуковского за «диффузию банков», выступил с предложением о том, чтобы в распоряжение ВСНХ был выделен фонд в 2,5—3 млрд. руб. для финансирования промышленности в 1918 г.³⁴³ Это предложение не нашло поддержки, и ВСНХ в своих взаимоотношениях с казной продолжал владеть полуголодное существование. Но на практике его свобода действий, кажется, оставалась неограниченной, и в течение второй половины 1918 г. он стал, насколько позволяли декреты, абсолютным контролером российской промышленности. II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в декабре

1918 г. потребовал, чтобы Государственный банк был преобразован в «орган технического выполнения расчетов и учета по решениям ВСНХ и его органов»³⁴⁴. ВСНХ представлялись сводные ведомости и приходно-расходные отчеты промышленных предприятий, и он принимал по ним политические решения, и только балансы направлялись в государственный бюджет.

В то же время исключительный контроль над финансированием промышленности, установленный ВСНХ во второй половине 1918 г., был предметом настойчивой критики. Социалистические авторы вплоть до Ленина выступали за некий центральный банк в качестве бухгалтерии социалистического хозяйства. Государственный банк, однако, передал эту функцию ВСНХ, который пытался совместить две роли: административного и бухгалтерского органов. Эта комбинация имела фатальные недостатки. Единственной целью ВСНХ было стимулировать производство любыми методами и любой ценой. Это было оправданно в кризисные годы гражданской войны. Но некомпетентность, неотделимая от времен чрезвычайного положения, и неопытность новой бюрократии превратили ВСНХ в легкую цель для ревностных и сравнительно опытных финансистов Наркомфина и Государственного банка. Получалось, что в отчетах ВСНХ доходы не отличались от кредитов, используемых в производстве, — рабочего капитала³⁴⁵. Прибыли реинвестировались в промышленность, и, вообще говоря, только потери направлялись в бюджет. В начале 1919 г. состоялась дискуссия между ВСНХ и Наркомфином, и достигнутый между ними компромисс нашел свое отражение в декрете Совнаркома от 4 марта 1919 г. Майский декрет 1918 г., признававший безраздельную власть ВСНХ в финансировании промышленности, был упразднен. В будущем все решения ВСНХ и его органов по предоставлению кредитов государственным предприятиям должны были приниматься «с участием представителей Комиссариата финансов и Государственного контроля»: возникшие разногласия переносятся на разрешение Совнаркома. Все кредиты должны были предоставляться через Государственный банк, в который должны были поступать все сметы и отчеты по расходам³⁴⁶. Другое изменение еще больше ограничило власть ВСНХ и усилило влияние Наркомфина. По бюджету на первую половину 1919 г. было принято решение, что все приходы национализированных предприятий, а также приходы главков и контролирующих их центров, включая Наркомпрод, должны поступать на счет Наркомфина и фигурировать в доходной части государственного бюджета³⁴⁷.

Эти меры лишили ВСНХ его исключительных полномочий по финансированию промышленности и оставили последнее слово за Наркомфином. Вряд ли можно сомневаться в том, что это отделение финансов от технического управления было в принципе шагом вперед, к более эффективной организации промышленности. Однако за этими изменениями крылся еще один аспект, который не был оправдан практикой. Передача Наркомфину прямой от-

ветственности за финансирование индустрии и уподобление отдельных пунктов в промышленных сводных ведомостях (балансах) пунктам в государственном бюджете означали, что финансирование промышленности осуществлялось на бюджетных принципах, а не на принципах коммерческого кредита. В такой системе не было места банковскому делу как отдельному элементу, что явилось логическим следствием всего имевшего место до того, как в январе 1920 г. был упразднен Государственный банк. В декрете Совнаркома дается детальное объяснение причин этого шага:

«Национализация промышленности... подчинила общему сметному порядку всю государственную промышленность и торговлю, что исключает всякую необходимость дальнейшего пользования народным (государственным) банком как учреждением государственного кредита в прежнем значении этого слова.

Хотя система банковского кредита и сохранила еще силу для мелкой частной промышленной деятельности и потребностей отдельных граждан, помещающих свои сбережения в государственных кассах, но и эта операция в силу постепенной утраты ими значения в народно-хозяйственной жизни не требует уже существования обособленных банковских учреждений. Эти, теперь второстепенные, задачи с успехом могут быть выполнены новыми центральными и местными учреждениями Народного комиссариата финансов»³⁴⁸.

Таким образом, Наркомфин, воспользовавшись тенденциями к централизации, имевшими место при военном коммунизме, преуспел в достижении для себя не только неограниченных финансовых полномочий, но и фактической монополии за счет как местной администрации, так и банковской системы. В обеих этих сферах процесс концентрации подлежал пересмотру при НЭПе.

Успехи, достигнутые Наркомфином в начале 1919 г. в установлении своей власти как над местными государственными доходами, так и над финансированием промышленности, кажется, представляли собой важный шаг на пути к внедрению порядка и здравого смысла в управление народным хозяйством. Тем не менее они оказались пирровой победой частично из-за того, что ни политическая, ни экономическая структура не были еще достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть такого сильно сконцентрированного контроля, но главным образом из-за того, что финансовое оружие, которым завладел Наркомфин, оказалось непригодным из-за безудержного падения покупательной способности денег. Девальвация рубля начиная с 1919 г. и позже оказывала свое влияние на каждый аспект советской финансовой и экономической политики и придала политике военного коммунизма окончательный, характерный для нее вид. Не ранее как 26 октября 1918 г. Совнарком, отдавая некую дань законности, вдруг издал декрет, санкционировавший увеличение необеспеченной денежной массы не меньше чем на 33,5 млрд. руб.³⁴⁹, тем самым подняв ее предел с 16,5 млрд.,

установленных последним декретом Временного правительства, до санкционированной общей суммы в 50 млрд. руб. Здесь также видно точное следование прецеденту, установленному Временным правительством. Этот декрет ретроспективно санкционировал то, что уже имело место: к моменту его обнародования новый установленный законом лимит уже был достигнут и находился на грани превышения.

С этого момента растущие нужды гражданской войны начали давать о себе знать во все увеличивавшемся выпуске денежной массы и во все большем росте цен, который отражал уменьшение покупательной способности рубля. Поворотный пункт (это проявилось скорее в психологическом осознании фактов, чем в сколько-либо заметном изменении в самих фактах) наступил в первые месяцы 1919 г. Некоторый проблеск надежды на спасение за счет денежной реформы, похоже, засветился в умах оптимистически настроенных большевистских руководителей³⁵⁰. До того времени Советское правительство довольствовалось тем, что печатало без каких-либо изменений банкноты старого образца, которыми пользовались царское и Временное правительство. В феврале 1919 г. впервые появились денежные знаки РСФСР, но только малого достоинства — в один, два и три рубля — так называемого «упрощенного типа»³⁵¹. Затем 15 мая 1919 г. вышел декрет, установивший новые банкноты советского образца любого достоинства и в то же время дававший право Государственному банку выпускать банкноты «сверх установленной декретом от 26 октября 1918 г. нормы в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках»³⁵². В течение долгого времени эти знаки имели хождение как на «черном рынке» в России, так и на иностранных биржах по более низкому курсу, чем банкноты Временного правительства, которые в свою очередь имели меньшую ценность, чем царские деньги. По данным одного советского авторитетного лица, 1000-рублевая царская банкнота стоила в одно время от 50 тыс. до 600 тыс. советских рублей³⁵³.

Когда декретом от 15 мая 1919 г. было устранено последнее препятствие на пути к неограниченному выпуску денежной массы, общая сумма находившихся в обращении денег превысила 80 млрд. руб. Увеличившись более чем вдвое в объеме в 1918 г., она возросла в три раза в 1919 г. и в пять раз — 1920 г. Катастрофический и необратимый характер падения уже нельзя было больше скрывать, и он впервые начал проявляться в полную силу. Девальвация рубля по отношению к золоту и иностранной валюте не имела большого значения. Внешняя торговля в 1919 г. практически прекратилась, и когда она в следующем году начала медленно возрождаться, существование монополии на внешнюю торговлю служило гарантией того, что операции осуществлялись в твердой иностранной валюте³⁵⁴. Однако падение покупательной способности рубля на внутреннем рынке было значительным и катастрофическим. На первом этапе инфляционного процесса цены растут менее

быстро, чем денежная масса, так что покупательная способность общей массы денег в обращении увеличивается и выпуск банкнот является эффективным, хотя и временным, средством финансирования государственных расходов. На втором этапе, когда основная масса населения осознает факт инфляции и когда падает вера в деньги, цены начинают расти гораздо быстрее, чем денежная масса, так что их рост не может быть компенсирован новым выпуском денег, а покупательная способность общей массы денег в обращении падает. Эта вторая стадия была достигнута в России ко времени Февральской революции. За восемь месяцев, отделявших Февральскую революцию от Октябрьской, несмотря на то, что масса денежных знаков почти удвоилась, цены возросли втрое. Когда Советское правительство пришло к власти, инфляция уже давно находилась на этом этапе, а цены росли гораздо быстрее, чем денежная масса. Темпы падения в первые годы революции проиллюстрированы опубликованными оценками покупательной способности общей денежной массы, находящейся в обращении на указанные даты. Эти оценки рассчитаны, исходя из официального индекса стоимости жизни, основывающегося на ценах 1914 г.

1 ноября 1917 г.	2200 млн. руб.		
1 июля 1918 г.	448	»	»
1 июля 1919 г.	152	»	»
1 июля 1920 г.	62	»	»
1 июля 1921 г.	29 ³⁵⁵	»	»

Вот еще один подсчет, отражающий тот же процесс, но в другой форме. Государственный доход от выпуска денег, достигавший в 1918—1919 г. 523 млн. золотых руб., упал до 390 млн. в 1919—1920 гг. и до 186 млн. — в 1920—1921 гг.³⁵⁶ К середине 1919 г. в результате быстрого увеличения денежной массы золотое содержание рубля уже находилось на грани нулевой отметки. Однако сила привычки и насущная необходимость какого-то общепринятого средства обмена сохраняли жизнеспособность рубля еще в течение трех лет. Печатные станки работали на полную мощность. В конце 1919 г. «потребность в обмене была так велика, что выпускаемые на клочках простой бумаги заводские марки с визой какого-нибудь ответственного лица, или местного учреждения, или председателя какого-нибудь комитета, почитались за деньги»³⁵⁷. В 1920 г. печатанием банкнот занимались четыре различных учреждения (в Москве, Пензе, Перми и Ростове), которые давали работу более чем 10 тыс. человек³⁵⁸.

Практические последствия падения курса рубля имели постепенный и кумулятивный характер. Поскольку официально устанавливаемые цены не поднимались столь часто и достаточно высоко, чтобы поспевать за падением покупательной способности денег, разрыв между твердыми ценами и ценами свободного рынка дос-

тигал фантастических размеров; и в тех частях экономики, где официально установленные цены все еще имели силу, быстро возникли различные формы меновой торговли или натурального обмена, которые дополняли или заменяли бессмысленные денежные сделки. Таким образом, поставщики сырьевых материалов национализированным фабрикам, которые были в состоянии хотя бы установить официальную цену на свои материалы, получали плату натурой в виде продукции этих фабрик³⁵⁹. Рабочим частично платили продукцией фабрики, на которой они работали (или какой-либо другой фабрики, с которой она имела соглашение об обмене), так что вместо почти обесцененной валюты они получали товары для своего собственного пользования или для обмена³⁶⁰. Обесценение валюты породило другие примеры возврата к натуральному хозяйству, которое, кажется, было особенно созвучно духу социализма. В результате все возрастающего разрыва между твердыми и рыночными ценами распределение пайковых товаров по твердым ценам все больше соответствовало бесплатному распределению, а отсюда оставался всего лишь небольшой шаг до ликвидации всех платежей за основные товары и услуги, и этот шаг был в значительной степени сделан в 1920 г. С мая 1919 г. продуктовые пайки для детей до 14 лет включительно предоставлялись бесплатно³⁶¹. В январе 1920 г. было решено создать «бесплатные общественные столовые», в первую очередь для обслуживания рабочих и служащих Москвы и Петрограда³⁶². Декретом Совнаркома от 11 октября 1920 г. комиссариату финансов предписывалось разработать инструкции для освобождения советских учреждений или их рабочих и служащих от платы за такие коммунальные услуги, как почта, телеграф и телефон, а также за водопровод, канализацию, электричество, жилые помещения³⁶³. 4 декабря 1920 г. была полностью упразднена плата за продовольственные пайки, 23 декабря — за топливо, поставляемое государственным учреждениям и предприятиям и всем рабочим и служащим, занятым на них, а 27 января 1921 г. — квартирная плата «в национализированных или муниципализированных помещениях»³⁶⁴. Сбор налогов в денежном исчислении потерял всякий смысл. Почтовый и таможенный тарифы были отменены в октябре 1920 г.³⁶⁵ 3 февраля 1921 г. на рассмотрении ВЦИКа находился проект декрета, предусматривавшего отмену всех денежных налогов; и только своевременное введение НЭПа помешало проведению этой вполне логичной меры³⁶⁶.

Происходившее помимо воли и желания большевиков падение покупательной способности валюты поначалу расценивалось каждым ответственным советским руководителем как первостепенное зло, с которым нужно бороться всеми возможными средствами. Но коль скоро практика не давала какого-либо средства и поскольку на последних этапах военного коммунизма деньги были почти упразднены в качестве эффективного элемента советского хозяй-

ства, пришлось сделать хорошую мину при плохой игре, и стало широко распространяться мнение о том, что уничтожение денег было преднамеренным актом политики. Это мнение опиралось на два различных аргумента. Первый нашел свое обобщенное выражение в знаменитом афоризме Преображенского, назвавшего печатный станок пулеметом «Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима»³⁶⁷. Действительно, неограниченный выпуск бумажных денег стал своеобразным методом экспроприации капитала у буржуазии в интересах государства. Однако метод этот был грубым и результаты его применения не продуманы заранее. Ситуация не была аналогичной положению в Германии после 1919 г., где инфляция служила интересам небольшой, но влиятельной группы промышленников и предоставила прекрасный предлог для невыполнения зарубежных обязательств. Тезис о том, что обесценение рубля было задумано самим Советским правительством или проводилось с его молчаливого согласия, чтобы нанести поражение буржуазии за счет уничтожения буржуазной денежной системы, представлял собой попытку задним числом оправдать курс, которым следовали только потому, что нельзя было найти средства, чтобы избежать его.

Вторым, и более популярным, аргументом, выдвинутым впоследствии, чтобы объяснить и оправдать инфляцию, был довод, почерпнутый из знакомой доктрины о конечном исчезновении денег в будущем коммунистическом обществе. Здесь также, по мнению ярых большевиков, определенное пятно, лежащее на репутацию денег, могло снизить традиционное уважение, питаемое к ним, и сделать их более уязвимыми при нападках на них. Но ни один серьезный коммунист не относился вначале к исчезновению денег как к непосредственной цели. Не далее как в марте 1919 г. новая партийная Программа, принятая на VIII съезде партии, откровенно провозгласила, что «в первое время перехода от капитализма к коммунизму... уничтожение денег представляется невозможным»³⁶⁸, а два месяца спустя Крестинский, отчаявшись изыскать какую-либо радикальную реформу для спасения валюты, все еще надеялся на «паллиативы», которые «отдаляют момент окончательного краха нашей денежной системы и помогут нам продержаться до социалистического переворота на Западе»³⁶⁹. Чрезвычайная необходимость сохранения жизнеспособности рубля прослеживается в призыве Ленина того времени к крестьянину поставлять зерно в обмен на бумажные деньги, «за которые он сейчас получить товара не может», но которые будут служить «свидетельством того, что ты оказал ссуду государству»³⁷⁰.

В своей знаменитой брошюре «Азбука коммунизма», опубликованной осенью 1919 г., Преображенский настаивал на сохранении денег «при социалистическом строе, который должен быть переходным строем от капитализма к коммунизму»³⁷¹. Деньги

будут уничтожены, когда общество перейдет от социализма (или «низшей ступени коммунизма») к собственно коммунизму; и ни один большевик в 1919 г. не верил, что окончательный переход может быть осуществлен без поддержки пролетарской революции в Европе. Определенные реверансы делались, конечно, в сторону все еще отдаленного будущего с экономикой без денег. Хотя в партийной Программе сама идея уничтожения денег отбрасывалась как неосуществимая, тем не менее в ней предлагались меры, «подготавливающие уничтожение денег»; а в «Азбуке коммунизма» эта тема нашла свое дальнейшее развитие. По мере того как военный коммунизм приближался к своей последней стадии, все чаще делались попытки оправдать безудержное падение рубля тем, что это, мол, составная часть пути, ведущего к будущему коммунистическому обществу без денег. В конце 1919 г. один из советских финансовых экспертов заметил с удовлетворением, что «роль денег в области материального оборота народного хозяйства в значительной части кончена» и что в результате будет экономлено огромное количество «ненужной работы»³⁷². Зиновьев использовал этот аргумент, чтобы парировать презрительное замечание немецкого социал-демократа о том, что русская валюта не имеет ценности.

«Если у нас в России падает цена рубля, то это очень тяжело для нас — нечего скрывать. Но у нас есть выход, у нас есть просвет. Мы говорим: мы идем навстречу тому, что *уничтожим всякие деньги*. Мы натурализуем заработную плату, мы вводим бесплатный трамвай, у нас бесплатная школа, бесплатный (хотя пока еще худой) обед, у нас бесплатное жилье, освещение и т. д.»³⁷³.

Но ни одно из этих выражений веры в военный коммунизм как в предтечу высшей и конечной ступени коммунизма не может послужить законным обоснованием политики безудержной инфляции.

Кампания за упразднение денег, постепенно набиравшая силу в течение 1919 и 1920 гг., получила ложную поддержку в виде еще более законного требования, которое повсеместно дебатировалось в это время, о «безденежных расчетах» между советскими учреждениями и национализированными промышленными предприятиями. Этот аргумент, однако, был сведен на нет скрытой двусмысленностью, содержащейся в использовании слова «денежные». Тезисы левой оппозиции в апреле 1918 г. включали требование об «организации централизованного социального бухгалтерского учета и уничтожении капиталистических форм финансирования»³⁷⁴, и, когда в мае 1918 г. все государственные учреждения, включая национализированные предприятия, получили указание вести свои счета и класть свои наличные сбережения в Государственный банк, а все сделки заключать с помощью чеков или за счет внесения в книги³⁷⁵, эти меры, совершенно не противоречащие обычной капиталистической практике³⁷⁶, приветствовались многими как шаг к упразднению денег из советского хозяйства. На II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Ларин доказывал, что дело ВСНХ —

размещать заказы среди национализированных промышленных предприятий на требуемые товары и смотреть за тем, чтобы соответствующее предприятие получало сырье, топливо и другие предметы, необходимые для выполнения заказа. Было бессмысленно говорить о том, что предприятие должно платить за эти материалы и получать плату за свою продукцию, или о том, что государственные железные дороги должны взимать плату за их транспортировку. Деньги должны были авансировать предприятиям для выдачи заработной платы рабочим, однако им не отводилось никакой другой роли в таких сделках. Тем не менее во всей этой аргументации скрывалась одна фундаментальная двусмысленность. Ларин, похоже, деликатно обошел вопрос о том, означали ли его предложения, что просто не нужны денежные расчеты или же что эти сделки вообще не должны были фиксироваться в денежном выражении. В силу этого когда представитель Наркомфина настаивал на сохранении за Государственным банком функции по осуществлению бухгалтерского контроля за передвижением товаров с одного завода на другой, «хотя бы они выражались в прежних денежных единицах», то он исходил или делал вид, что исходит из того, что в действительности спор между ними и Лариным идет об уточнении взаимоотношений Государственного банка с расчетным отделом ВСНХ. Представитель металлистов утверждал, что «не нужно этих бухгалтерских счетов и той подотчетности в расчетах, которая до сих пор наблюдается...» и что если осуществится формула, которая предлагается Государственным банком, «мы будем рабами излишней подотчетности»; другой делегат полагал, что в ближайшее время профсоюзы производят натурализацию заработной платы и окончательно отделаются от денег, а значит, «в конце концов мы придем к тому, чтобы обходиться без рублевой оценки, определяя затраченную энергию количеством дней и часов». Однако никто из облеченных властью людей еще не был готов взяться за решение этой фундаментальной проблемы³⁷⁷.

В результате этой полемики съезд принял пространную и двусмысленную резолюцию о финансировании промышленности, которая, как было ясно заявлено, представляла собой соглашение с Наркомфином³⁷⁸. Она начиналась пышной декларацией принципа:

«Развитие социалистического переустройства экономической жизни необходимо требует отрешения от прежних частно-капиталистических взаимоотношений в производстве и устранения, в конечном итоге, всякого влияния денег на соотношения хозяйственных элементов.

Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов являются достаточным основанием для последовательного устранения в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор».

В резолюции, следовавшей за этой прелюдией, утверждалось, помимо всего прочего, что грузы, принадлежащие государственным предприятиям, должны перевозиться бесплатно по государственным железным дорогам и на принадлежащих государству судах; что неоплаченные долги между государственными предприятиями должны быть отменены, а документы для их ликвидации — переданы Наркомфину; что государственные предприятия не должны платить или получать плату за товары, полученные или изготовленные ими по заказам ВСНХ, и что государственные предприятия должны прибегать к денежным расчетам только в таких целях, как выплата жалованья, которая может быть произведена натурой³⁷⁹.

Эта резолюция была принята съездом единогласно. Некоторые из наиболее восторженных делегатов, возможно, даже полагали, что в будущем, при поставках продукции или оказании услуг одним государственным предприятием другому, сделки не будут регистрироваться в денежном выражении или, поскольку не было предложено альтернативного стандарта, в любом другом выражении, отражающем стоимость. Повсюду поощрялось мнение о том, что наступает конец денежной системы. Принятая в марте 1919 г. новая Программа партии, которая считала невозможным упразднение денег в ближайшем будущем, тем не менее рекомендовала «ряд мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек; замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.»³⁸⁰; и, хотя вопрос о денежных расчетах все еще не ставился со всей определенностью, их сторонники были вынуждены все больше переходить к обороне. Это было заметно на съезде заведующих финансов делами, который состоялся в мае 1919 г. Открыв съезд на сдержанной ноте, Крестинский признал, что при коммунизме не может быть «особого ведомства финансов и особой финансовой политики» и что «это — понятие, чуждое развитому коммунистическому обществу». Даже теперь не может быть «чисто финансовой политики»; финансы — это слуга экономики³⁸¹. Но здравомыслящий Милютин, приветствовав «переход к безденежным расчетам, чем ставится наша денежная система на здоровую почву», в весьма категорических выражениях обрисовал отношение финансов к национализированной промышленности.

«Безденежная система не есть безвозмездная система. Наоборот. Доходы предприятия, как и его расходы, должны вестись и учитываться в денежных знаках, но деньги при этом не должны переходить из рук в руки, а должны быть только записаны в определенном количестве миллионов рублей, должно быть учтено, что данное предприятие расходует столько-то миллионов, выпустило на столько-то миллионов продуктов... Благодаря этому бухгалтерскому расчету мы будем иметь возможность судить о том, развивается ли предприятие или отстаёт, по каким причинам, где

болезнь, что нужно лечить. Но, повторяю, при таких расчетах между отдельными предприятиями по закупкам и по выпуску продуктов обращение денежных знаков совершенно необязательно»³⁸².

На заключительном заседании съезда сам Крестинский осторожно признал, что «счетной единицей рубль может остаться и тогда, когда денег в их материальном виде совсем не будет»³⁸³. Однако никто не объяснял, как валюта, находящаяся в процессе безудержной девальвации, сможет удовлетворительно выполнять функцию обеспечения «денежных символов» для системы бухгалтерского учета, которая сделает возможным определение стоимости. Неспособность рубля выполнять свою функцию не только средства обмена, но и стабильной единицы учета дала мощный толчок теоретической мысли в поисках замены денег как одного из условий развития социалистического хозяйства.

Поэтому рано или поздно независимо от неспособности нестабильного рубля служить в качестве эффективного средства обмена его непригодность в качестве единицы учета должна была побудить людей к поиску альтернативы; и марксисты мало сомневались в том, где вести поиск:

«Учет нуждается в другой постоянной единице; вероятно, это будет единица труда во времени, т. е. трудчас, которая может быть приведена в дальнейшем к универсальной единице учета живой энергии — к калории»³⁸⁴.

В январе 1920 г. III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства принял наконец тезис, который провозглашал, что «ввиду исключительной нестабильности денежной единицы и единицы учета (рубля)» целесообразно установить новую единицу бухгалтерского учета, «приняв в качестве основной системы мер трудовую единицу»³⁸⁵. Это предложение было передано на рассмотрение комиссии и на протяжении многих месяцев занимало лучшие экономические силы страны, а термин «трудовая единица» получил довольно широкую известность в качестве сокращения «тред», составленного из первых двух букв соответствующих слов. Роберт Оуэн выпустил в свое время «трудовые деньги» для своих образцовых колоний, и принятие труда в качестве источника стоимости казалось вкладом в ортодоксальный марксизм. Казалось также, что оно основывается на простом здравом смысле. Не далее как в декабре 1918 г. указанный принцип выдвигался Лариным:

«Теперь, когда все народное хозяйство должно являться одним целым, понятие о сравнительной доходности или бездоходности делается бессмысленным. Теперь речь может идти только о том, на сколько предметов сколько дней нам нужно будет затратить в известном производстве»³⁸⁶.

В резолюции ВЦИКа, принятой в июне 1920 г., говорилось о важности распространения безналичных расчетов «с целью полной отмены денежной системы, — решение, которое находится в полной гармонии с фундаментальными проблемами хозяйственного и промышленного развития РСФСР»³⁸⁷. Однако это ничего не давало

для решения практической проблемы поиска альтернативной единицы учета, и бухгалтеры продолжали работать в условиях падения рубля, сколь бы неудобными и вводящими в заблуждение ни казались их расчеты. И вновь декретом Совнаркома от 15 июля 1920 г. предусматривалось, что все расчеты между государственными учреждениями или предприятиями и кооперативами должны производиться через Государственный банк посредством занесения в книги, причем не должно быть места передаче валюты, тратт или чеков от одного учреждения другому³⁸⁸. Однако это было простым повторением того, что было предписано в предыдущих декретах и принимало как должное сохранение рубля в качестве единицы расчета. Ни один из нескольких планов замены денег тредом или какой-либо другой единицей не завоевал признания вплоть до того момента, когда введение НЭПа заставило предать забвению весь этот проект, в очередной раз отнеся его в область академических рассуждений³⁸⁹.

ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НЭПу

Первые восемь месяцев революции не привели к переходу от буржуазного к социалистическому экономическому порядку. До сих пор ее основным достижением было свержение экономической власти феодальных землевладельцев и буржуазии, а не закладка основ экономики будущего. Ни одна из мер того периода не носила подлинного отпечатка социализма — или еще в меньшей степени коммунизма — в марксистском смысле этого понятия. Национализация земли произведена была формально — мера, за осуществление которой выступали многие передовые буржуазные радикалы; в действительности же она была разделена в целях обработки на множество мелких крестьянских участков земли — программа социал-революционеров, которых марксисты всегда считали, по существу, мелкобуржуазными. В промышленности медленно и с некоторым сопротивлением начали предприниматься шаги по осуществлению политики национализации; однако это проводилось как часть программы государственного капитализма и все еще проповедывалась необходимость «учиться у капиталистов». В торговле и системе распределения не было сделано ничего, за исключением расширения и более организованного проведения монополии на хлеб, установленной Временным правительством. В области финансов были национализированы банки — еще одна из мер, идеально совместимая с буржуазным радикализмом; однако во всех других аспектах ее трудно было обвинить в отходе от ортодоксальной капиталистической практики. Ленин неоднократно всячески подчеркивал умеренность намерений Советов в это время. И там, где применялись более решительные меры, виноват был кто-то другой. «Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали»¹. Главнейшая заповедь Апрельских тезисов 1917 г. в своей основе соблюдалась: «Не „введение“ социализма в качестве *немедленной* задачи, а *немедленное* осуществление *контроля* Советов рабочих депутатов над общественным производством и распределением продуктов».

Ленин суммировал это положение в мае 1918 г., говоря о будущем названии РСФСР: «...выражение социалистическая советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»².

Таким образом, окунуться в экономическую политику социализма предстояло в последующий период, причем сделать это под воздействием отчаянной гражданской войны. То, что называлось «военным коммунизмом», было, как об этом писал его главный историк того времени, «опытом первых шагов перехода к социализму»³. Период 1918—1920 гг. был во всех отношениях проверкой на прочность нового режима; и, хотя он с поразительной легкостью разгромил врагов, единственной программой которых было восстановление старого порядка, крайности гражданской войны еще более выпукло высветили стоявшую перед ним дилемму. Экономическая отсталость России облегчила путь для политического триумфа революционеров, поскольку им противостояли лишь остатки пережитков феодализма и неразвитый и еще неэффективный капитализм. Но это же обстоятельство сделало последующую работу социалистического строительства во много раз более трудной, так как они были призваны строить новое социалистическое общество без прочного демократического и капиталистического фундамента, наличие которого марксистская теория считала неременным условием. Эти специфические условия диктовали, как Ленин признавал в полной мере, определенную постепенность и осторожность в достижении позитивных задач социализма. Говоря теоретически, необходимо было завершить буржуазную революцию прежде, чем продвигаться к социалистической революции; и неуверенность в умах партийных руководителей, включая Ленина, относительно точного момента этого перехода отражала это внутреннее замешательство. Гражданская война покончила со всеми сомнениями, вынудив новый режим волей-неволей мчаться сломя голову по дороге к социализму. Но военный коммунизм в России во многом напоминал искусственный и нестабильный характер того, что иногда называли «военным социализмом» в Германии⁴. Это был продукт чрезвычайных обстоятельств, не имевший достаточно солидной социальной и экономической базы, чтобы обеспечить свое полное выживание (даже если что-то из его наследия и могло остаться) после того, как эти чрезвычайные обстоятельства перестали иметь место.

Победоносное окончание гражданской войны после разгрома Врангеля в ноябре 1920 г. и последующее ослабление напряженности решили судьбу военного коммунизма. Покуда длилась война, была неизбежной политика сиюминутных мер, рассчитанных на выживание; окончание войны диктовало пересмотр этой политики в свете более долгосрочных соображений. В первую очередь это касалось продразверстки — политики, смысл которой заключался в постоянной и неумолимой необходимости противостоять

сегодняшним чрезвычайным обстоятельствам даже за счет завтрашних перспектив. Решающим фактором было отношение крестьян, чья лояльность по отношению к большевистскому режиму и неохотное подчинение продразверстке были вызваны главным образом страхом «белой» реставрации и потери своих земельных участков. Как только эта угроза была ликвидирована, появилась почва для возрождения естественного недовольства угнетающе чрезмерным налогом, единственное оправдание которого исчезло. Вспышки крестьянских мятежей, начавшихся с демобилизацией в сентябре 1920 г.⁵, усилились в зимние месяцы как по интенсивности, так и по широте охвата территорий, так что Ленин в марте 1921 г. признал, что «... демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи... людей», порождающих бандитизм⁶. Эти широко распространенные беспорядки послужили основой и стали прелюдией кронштадтского мятежа — первого согласованного внутреннего восстания против советского режима с лета 1918 г. Требования крестьян занимали важное место в первой резолюции собрания представителей мятежной эскадры: «Дать полное право действия крестьянам над всей землей... а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом», и «разрешить свободное кустарное производство собственным трудом»⁷.

Экономические последствия военного коммунизма, чье банкротство было продемонстрировано этими событиями, создали порочный круг, в котором нельзя было найти исходной точки для проведения анализа. Вслед за катастрофическим падением промышленного производства (частично из-за разрушения заводов, частично из-за дезорганизации труда и частично из-за громоздкой системы централизованного управления, представленной главками) последовал фактический распад государственной или контролируемой государством системы распределения товаров по твердым ценам, приведшей к быстрому росту незаконной частной торговли по неудержимо растущим ценам и к бешеной валютной инфляции. Все это в свою очередь повлекло за собой отказ крестьянства (перед лицом продовольственного голода и падения валюты) поставлять необходимое количество хлеба в города, в результате чего население постепенно покидало индустриальные центры, а промышленное производство все сильнее приближалось к мертвой точке. Противоядие, широко известное в истории как НЭП⁸, также представляло собой серию мер, не ощутимых сначала, но выраставших одна из другой. НЭП начался с удара по точке наибольшей опасности, как сельскохозяйственная политика, нацеленная на получение большего количества продуктов питания за счет предоставления новых стимулов крестьянину; затем он развился в коммерческую политику поощрения торговли и обмена, включая финансовую политику, направленную на стабилизацию валюты, и, наконец, добравшись до самого злейшего из всех зол, он стал промышленной политикой, чтобы достичь такого увеличения производительности в

промышленности, какое необходимо для строительства социалистического порядка. Существенной чертой НЭПа было отрицание или отмена политики военного коммунизма. После того как прошел первый шок удивления, НЭП был воспринят всеми как необходимость. Однако одними он был принят охотно, другими — с беспокойной совестью; и подтверждение целесообразности НЭПа явилось темой продолжительной дискуссии, уходившей своими истоками к началу режима и указывавшей на экономические противоречия в будущем.

Военный коммунизм состоял из двух основных элементов: с одной стороны, концентрация экономической власти и мощи, включая централизованный контроль и управление, замена мелких производственных единиц большими и принятие некоторых мер по единому планированию; с другой стороны — бегство от коммерческих и денежных форм распределения, включая пайки и предоставление основных товаров и услуг бесплатно или по номинальным ценам, оплата труда натурой и производство для непосредственного потребления, а не для гипотетического рынка. Однако между двумя этими элементами можно провести достаточно четкое различие. Процессы концентрации и централизации, сколь бы быстрыми темпами они ни развивались в механизме военного коммунизма, являлись продолжением процессов, уже начатых в первый период революции. Ленин еще задолго до того настаивал на том, что социализм является следующим логическим шагом вперед от государственного капитализма⁹ и что формы организации, присущие одному, столь же обязательны для другого. Здесь военный коммунизм строил на фундаменте того, что было до него, и многие его достижения выдержали испытание; и только впоследствии были подвергнуты критике и пересмотрены некоторые из аспектов этой политики, и то в их конкретном применении и после рассмотрения под сильным увеличительным стеклом. Под вторым элементом военного коммунизма (замена рыночной экономики натуральным хозяйством) не было такого фундамента. Он не только не был логическим развитием политики начального этапа революции, но и, более того, стал результатом прямого отказа от этой политики — неподготовленным прыжком в неведомое. Эти элементы военного коммунизма были решительно отвергнуты НЭПом, и именно они больше всего дискредитировали военный коммунизм в глазах его критиков.

Между этими двумя аспектами военного коммунизма было еще одно различие. Политика концентрации и централизации применялась почти исключительно в промышленности (попытки приложить ее к сельскому хозяйству оказались безуспешными), и именно здесь находилась основная социальная база сторонников революции, а российская экономика проявляла некоторые черты развитого капитализма. Политика отказа от денег и применения «натурального» хозяйства возникла из неумения решить проблемы отсталого крестьянского сельского хозяйства, в котором было за-

нято около 80% всего населения. Эта политика была выражением фундаментальной трудности, заключавшейся в попытке удержать в одной упряжке антифеодальную революцию крестьянства с его мелкобуржуазными устремлениями и антибуржуазную, антикапиталистическую революцию фабричного пролетариата, а также в конфликте между городом и деревней, заложенном в самой этой попытке. Именно эти несовместимости в конце концов подняли многих против военного коммунизма и привели к его уничтожению.

Эти различия внутри конгломерата политических аспектов, известных в своей совокупности как военный коммунизм, дают возможность также объяснить расхождения в его интерпретации, которые имеют место в партии. Согласно одной школе, он явился логическим развитием политики предыдущего периода, серий шагов, правильно задуманных, хотя и слишком поспешно выполненных в результате гражданской войны; ошибка же, свойственная военному коммунизму, относится скорее к степени и времени его осуществления, а не к его сущности. Эта точка зрения принадлежит тем, кто прославлял даже наиболее крайние проявления военного коммунизма в качестве побед социалистических принципов.

Согласно другой школе, военный коммунизм представлял собой опрометчивый и драматический пересмотр политики первого периода режима, бросок в непроверенные и утопические эксперименты, ни в коей мере не оправданные объективными условиями. По этому мнению, военный коммунизм состоял не в продвижении вперед по дороге к социализму, а явился вынужденным ответом на чрезвычайные обстоятельства гражданской войны. Различие между двумя школами не было ни жестким, ни постоянным. Первая точка зрения имела тенденцию к отождествлению с мнением бывшей левой оппозиции и незадолго до этого возникшей рабочей оппозиции, которые осуждали возрастающее давление на пролетариат и подчеркивали преимущественное значение промышленности в революционном хозяйстве; она получила некоторую поддержку со стороны Бухарина, который в своей работе «Экономика переходного периода» рассматривал военный коммунизм как соответствующий специфическим русским условиям процесс перехода от капитализма к социализму. Второй точки зрения придерживались другие ведущие руководители партии, включая Ленина и Троцкого, которые были убеждены в необходимости придания большего веса желаниям и интересам крестьянства. Однако Ленин не был до конца последователен в своем диагнозе движущих сил военного коммунизма. В одной из двух своих речей, в которых он знакомил участников X съезда партии с НЭПом, Ленин приписал военный коммунизм «фантазерам», которые мечтали, что в три года можно переделать «экономическую базу» Советской страны; в другой речи он охарактеризовал военный коммунизм как систему, которая «диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а

не экономическими»¹⁰. Когда в критической атмосфере марта 1921 г. за смену наиболее крайних аспектов военного коммунизма НЭПом единогласно проголосовали как за желанную и необходимую перемену, эти подспудные расхождения были положены на полку, но не улажены полностью. Коль скоро военный коммунизм рассматривался как отклонение от правильного пути, продиктованное военной, а не хозяйственной необходимостью, потребностями гражданской войны, а не социализма, НЭП явился цепочкой шагов, компенсирующих прискорбное, хотя и вынужденное отклонение от цели, возвратом на надежную дорогу, по которой шли до июня 1918 г. Если же к военному коммунизму относиться как к сверхстремительному, с чрезмерным энтузиазмом совершаемому броску вперед, в заоблачные выси социализма, несомненно, преждевременному, но тем не менее похвальному, то в этом случае НЭП был временным отступлением от позиций, которые военный коммунизм был не в состоянии удержать в тот момент, но которые должны быть возвращены — и возвращены скорее рано, чем поздно. Невысказанной посылкой первой точки зрения являлась практическая необходимость принимать в расчет отсталое крестьянское хозяйство и крестьянский склад ума; невысказанной посылкой второй была необходимость создать индустрию и не ущемлять более положение промышленных рабочих, составлявших главный оплот революции.

Обе точки зрения оставили свои следы в выступлениях в статьях Ленина, равно как и на политике НЭПа. Первая получила мощную поддержку в брошюре «О продовольственном налоге», которую Ленин опубликовал в начале апреля 1921 г. Здесь, отбросив несколько защитительный тон, который иногда слышался в его изложении НЭПа на X съезде, он смело охарактеризовал НЭП как возобновление правильной линии, указанной им весной 1918 г. и нарушенной лишь чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны. Он начал с пространной цитаты из работы «О „левом” ребячестве и о мелкобуржуазности» — своего мощного залпа по «левым коммунистам» в мае 1918 г. Он вновь подчеркнул, что в отсталой экономике России государственный капитализм (а в НЭПе, сформулированном в марте 1921 г., содержалось признание мелкого капитализма в деревне под государственным контролем) является продвижением по прямой дороге к социализму.

«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму»¹¹.

Восстановление свободы торговли было возвратом к капитализму. Но то, что Ленин сказал в 1918 г., он повторил теперь курсивом: «...многому можно и должно поучиться у капиталистов»¹². Это предполагало сравнительно длительный промежуток времени

до того, как может быть надежно и успешно завершен переход к социализму. На партийной конференции, созванной в мае 1921 г. для разъяснения рабочим-партийцам нового курса партии, Ленин настаивал на том, что НЭП принят «всерьез и надолго», а в резолюции конференции новая политика признавалась «установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени»¹³. С другой стороны, на той же конференции Ленин охарактеризовал НЭП как «отступление», а несколько месяцев спустя — «поражение и отступление — для нового наступления»¹⁴. Такие характеристики, похоже, поощрили мнение о НЭПе как о временном зле, которое нужно преодолеть как можно скорее, как о пятне на партийном знамени. В конце 1921 г. Ленин все еще говорил о необходимости дальнейшего отступления¹⁵. В марте 1922 г. он неожиданно объявил, что *«это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено»*; это же заявление было повторено в более официальной форме месяц спустя, на XI съезде партии, когда было сказано, что оно получило одобрение Центрального Комитета¹⁶. Однако эта декларация не оказала немедленного воздействия на политику и в лучшем случае, вероятно, могла быть понята либо как попытка поднять пошатнувшийся моральный дух партии, либо как намек мировому сообществу, что Россия не будет вести себя униженно на предстоящей международной конференции в Генуе.

Эти проявления неуверенности и непоследовательности в отношении партии и самого Ленина к НЭПу отражают постоянную двойственность лежавших перед этой политикой целей: необходимость любой ценой создать работоспособную экономику за счет соглашения с крестьянством и страстное желание начать давно откладываемый переход к социалистическому порядку, которое могло быть осуществлено только в результате радикальной трансформации крестьянской экономики. Сюда же подключалась фундаментальная проблема, которая преследовала большевистскую резолюцию с самого начала, — проблема построения социалистического общества в стране, которая миновала стадию буржуазной демократии и буржуазного капитализма. Когда Ленин представлял НЭП X съезду, он вернулся к двум условиям, необходимым для перехода к социализму, которые он впервые выдвинул еще в 1905 г.¹⁷ Только «в странах развитого капитализма» было возможно совершить «непосредственный переход... к социализму». В России же промышленные рабочие все еще составляли меньшинство, а мелкие земледельцы — громадное большинство. Ленин продолжал:

«Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех только при двух условиях. Во-первых, при поддержке ее социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, — это — соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения»¹⁸.

Ни здесь, ни позднее Ленин не обсуждал взаимоотношения между этими условиями и даже ни разу не намекнул на то, можно ли обойтись без того или другого из них. Но провозглашение НЭПа в такой момент, когда разлетелись в прах радужные надежды лета 1920 г. и когда вера в близкую международную социалистическую революцию была как никогда слабой в период с 1917 г., кажется, предвещало определенный сдвиг акцента с первого условия на второе. Это объяснялось тем, что международная революция все еще запаздывала, что пролетариат Западной Европы не пришел на помощь, что русская революция все еще зависела от крестьянина и что НЭП стал необходимостью. «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» — заявил Ленин на X съезде; и Рязанов искусно напомнил съезду о более раннем содержании того же самого аргумента, когда назвал НЭП «крестьянским Брестом»¹⁹. Сущностью НЭПа было поддерживать существование «смычки» между крестьянством и пролетариатом, с помощью которой была одержана победа в гражданской войне.

«Пролетариат руководит крестьянством, — заявил Ленин на партийной конференции в мае 1921 г., — но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его перестраивать»²⁰.

Два месяца спустя он изложил эту же точку зрения на одном из заседаний III конгресса Коминтерна. Помимо класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах имелись свои мелкие производители и мелкие земледельцы; в России они составляли большинство. «Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов»²¹. С ними нельзя было разделаться простыми мерами экспроприации и вытеснения, которые применялись к эксплуататорам; необходимы были другие методы. Они нашли воплощение в НЭПе, чьим принципом было «поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть». Двусмысленное положение крестьянства, которое в одно и то же время было главным союзником и объектом борьбы, направленной на то, чтобы одержать над ним победу, лежало в основе многих будущих проблем. «В любом случае, — добавил Ленин, подумав, — проводимый нами эксперимент будет полезен для будущих пролетарских революций»²². На XI съезде партии в марте 1922 г. Ленин вновь подтвердил ту же аксиому: «...прежде всего важна нам новая экономическая политика как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой»²³. Но у НЭПа в этом отношении был определенный скрытый

и еще непонятный, но очень важный подтекст. Ему присуща была тенденция отодвинуть на задний план первое из двух условий перехода к социализму — условие международной социалистической революции, которое Советская власть оказалась неспособной выполнить, — и сконцентрировать усилия на втором условии — завоевании на свою сторону крестьянства, — выполнение которого, казалось, зависело исключительно от искусства и силы советской политики. Три года спустя, когда неосуществимость первого условия стала еще более ясной, настойчивое утверждение Ленина о том, что НЭП — это правильная дорога к социализму, проявилось в качестве не признаваемого открытого предвестника учения о «социализме в одной стране».

НЭП: ПЕРВЫЕ ШАГИ

а) Сельское хозяйство

Первостепенная и кардинальная мера Новой экономической политики — замена продразверстки продовольственным налогом — не являлась отражением новой концепции. Продналог впервые был введен осенью 1918 г., однако продолжались реквизиции, и о налоге забыли¹. В феврале 1920 г., перед открытием IX съезда партии, Троцкий выступил в Политбюро с предложением о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, рассчитанным на определенный процент продукции, и о том, чтобы поставить обмен товарами с крестьянством скорее на индивидуальную, чем на коллективную основу. Но против него выступил Ленин, и Троцкий получил всего 4 из 15 голосов². Аналогичные проекты вновь стали носиться в воздухе после окончательного разгрома Врангеля и выдвигались эсеровскими и меньшевистскими делегатами на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г.³ И вплоть до последнего момента их отбрасывали как неприемлемый и нереалистичный отход от большевистских принципов, означавший возврат к «фритрэдерству» и мелкобуржуазному капитализму. Однако через год после первой инициативы Троцкого, 8 февраля 1921 г., дискуссия об аграрной политике в Политбюро натолкнула самого Ленина на мысль выдвинуть до узнаваемости похожий проект. Предварительный, черновой набросок, сделанный Лениным и переданный им в созданную решением Политбюро комиссию, характеризовал его в следующих выражениях:

1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размеры этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте при условии быстрого и полного внесения налога.

17 и 26 февраля в «Правде» появились инспирированные

статьи, защищающие и объясняющие предлагаемую перемену. 24 февраля детальный проект, разработанный комиссией на основе ленинских заметок, был представлен на рассмотрение Центрального Комитета партии. После дальнейших обсуждений и назначения еще одной комиссии по составлению документа Центральный Комитет 7 марта 1921 г. одобрил переработанный проект. На следующий день он был представлен Лениным — хотя и в очень осторожной форме и не в качестве основной темы — в его Политическом докладе на X съезде партии. 15 марта Ленин в другом своем выступлении официально выдвинул это предложение на рассмотрение съезда, который единогласно его одобрил и назначил еще одну комиссию для подготовки текста законопроекта; и этот текст был вновь направлен в Политбюро, которое внесло дальнейшие изменения. 20 марта этот вопрос был впервые передан из партийных в правительственные круги. На следующий день ВЦИК официально принял декрет в той форме, в которой он был окончательно утвержден Политбюро⁴.

Сдержанная фразеология декрета не скрывала революционного характера этой перемены. Натуральный налог, взимаемый в виде процентного отчисления от собранного урожая, имел прогрессивный характер в том смысле, что крестьяне — середняки и бедняки, а также хозяйства «городских рабочих» получали большие льготы. До сих пор сохранялся принцип обложения, приспособленный к принципу «по способностям и по потребностям». Однако первоначальный план Ленина был дополнен предоставлением налоговых скидок крестьянам, расширявшим посевные площади или увеличивавшим урожайность на своих полях в целом; и в других отношениях изменения, внесенные Политбюро после партийного съезда и нашедшие отражение в окончательном тексте декрета, были направлены на то, чтобы акцентировать внимание на коммерческом характере новой политики. Коллективная порука, которая все еще признавалась в проекте, одобренном съездом, была ясно и недвусмысленно отменена, и вводилась ответственность каждого крестьянина за выполнение налога, падающего на него; государственный фонд служил теперь, чтобы обеспечивать потребительскими товарами и сельскохозяйственным оборудованием не «беднейшую часть населения», а исключительно в обмен на излишки продуктов, добровольно поставляемые помимо выполненного налога; свобода продавать излишки «в пределах местного хозяйственного оборота» стала более конкретной за счет добавления слов «как через кооперативные организации, так и на базарах и рынках». Через несколько дней декрет Совнаркома отменил все возможные ограничения, подразумеваемые под термином «местный оборот», разрешив «свободный обмен, продажу и покупку» и сняв ограничения на подвоз продовольствия гужевым, железнодорожным и водным транспортом⁵. В мае 1921 г. на партийной конференции было торжественно заявлено, что «новая экономическая политика» устанавливается «на долгий, рядом лет

измеряемый период» и что ее «основным рычагом» является товарообмен⁶.

Введение НЭПа требовало не столько создания новых учреждений, сколько трансформации существовавших учреждений из инструментов принуждения в инструменты новой политики, поощрявших личную инициативу крестьянства. Первая попытка была предпринята с «посевными комитетами», созданными по решению VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г.⁷ В совместном декрете ВЦИКа и Совнаркома от 26 мая 1921 г. провозглашалось, что рамки, установленные для этих комитетов, «слишком узки» и что «в целях дальнейшего развития самостоятельности крестьянства» сфера их деятельности должна быть расширена; помимо увеличения посевных площадей, они должны заниматься улучшением методов обработки земли, содействовать развитию кустарных промыслов и поощрять местный товарооборот и развитие кооперативов⁸. Месяц спустя еще один пространственный декрет, составленный по проекту самого Ленина, поставил систему деревенских комитетов посредством промежуточных ступеней уездных и губернских «экономических совещаний» (возврат к старым весьма аморфным «экономическим Советам») под контроль Совета труда и обороны⁹. Но эта тщательно разработанная структура так никогда и не была создана, не оказав никакого воздействия на последующие события. Централизованный контроль слишком отдавал военным коммунизмом, чтобы быть совместимым с духом НЭПа, который ставил своей целью свести роль государства в отношениях с крестьянином к роли сборщика налогов.

Первоначальная концепция НЭПа — что сельскохозяйственное производство может быть увеличено путем предоставления крестьянину свободы распоряжаться по своему усмотрению излишками своих продуктов, а также свободы и безопасности владения своей землей — была правильной. Но требовалось время для того, чтобы применить и развить ее: решение же, поспешно принятое в марте 1921 г. в ответ на угрожающие чрезвычайные обстоятельства, пришло слишком поздно, чтобы предотвратить или смягчить огромное стихийное бедствие. Первые наброски были сделаны весьма осторожно, на основе достижений предыдущего года. Декретом Совнаркома от 28 марта 1921 г. был установлен хлебный налог в размере 240 млн. пудов («при среднем урожае») вместо 423 млн. пудов задания по разверстке 1920 г., из которых фактически было собрано около 300 млн. пудов¹⁰. За счет торговли и обмена предполагалось дополнительно получить еще 160 млн., доведя тем самым планируемый минимум, необходимый для потребления, до 400 млн. пудов¹¹. Сообщение об изменении политики пришло в самый последний момент, чтобы сказаться на посевной программе. Может быть, частично благодаря побудительным мотивам, содержащимся в НЭПе, посевные площади в северных и центральных губерниях увеличивались в 1921 г. на 10—15%. Правда, это были «потребляющие» губернии, которые даже не полностью удовлетво-

ряли свои собственные потребности; а в гораздо более значимых губерниях юга и юго-востока посевные площади фактически сократились примерно на тот же процент¹². Но все расчеты были развеяны в прах катастрофической засухой, второй год подряд наиболее сильно поразившей «производящие» губернии Поволжья. Первая тревожная нота прозвучала в конце апреля 1921 г. в постановлении Совета труда и обороны «О борьбе с засухой»¹³. В июле 1921 г. о масштабах катастрофы свидетельствовало сенсационное назначение беспартийного Всероссийского комитета помощи голодающим и последовавшее месяц спустя едва ли менее сенсационное соглашение с гуверновской Американской администрацией помощи (АРА) для получения из-за границы помощи голодающим¹⁴. В июле были изданы декреты об эвакуации в Сибирь 100 тыс. жителей наиболее пораженных засухой районов¹⁵. Через несколько дней было принято решение правительства освободить от натурального налога крестьян голодающих губерний¹⁶. В конце года было официально объявлено, что из 38 млн. десятин земли, засеянных в европейских губерниях РСФСР, урожай полностью был уничтожен на более чем 14 млн. десятин¹⁷. Вместо запланированных 240 млн. пудов продовольственного налога на 1921—1922 гг. было собрано только 150 млн., или половина от общего сбора 1920—1921 гг.¹⁸

Ужасы голода 1921 г., который опустошил все Поволжье, ярко описаны многими очевидцами, особенно членами иностранных миссий помощи, которые оказывали содействие пострадавшим. Число людей, погибших от голода, трудно подсчитать, в первую очередь потому, что чаще всего голод являлся не прямой, а побочной причиной смерти; так же трудно было, хотя бы приблизительно, подсчитать потери домашнего скота. В декрете, по которому был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим, число нуждающихся в помощи оценивалось в 10 млн. человек. Пять месяцев спустя, на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., официально названная цифра составляла 22 млн., а Калинин дал повод полагать, что эта цифра занижена по крайней мере на 5 млн. В это время, как полагают, примерно 1250 тыс. человек покинули пострадавшие районы и двинулись в направлении Украины или Сибири, причем некоторые из них находились в пути недели, а то и месяцы. Голод по своим масштабам, остроте и серьезности последствий для измученного и ослабленного населения превзошел великий голод 1891—1892 гг. На декабрь 1921 г., по подсчетам Калинина, было собрано в качестве помощи 180 тыс. пудов зерна и 600 тыс. пудов другого продовольствия внутри страны, и 2380 тыс. пудов, включая примерно 1600 тыс. пудов зерна, было предоставлено из-за границы¹⁹. Огромная доля благодарности за сбор и распределение этого продовольствия должна быть адресована АРА — единственной официально субсидируемой иностранной организации в этой области. Согласно написанной в то время статье Каменева, благодаря помощи аме-

риканского правительства АРА смогла проводить систематическую работу по оказанию помощи в широких масштабах и превзойти все, что было сделано другими организациями ²⁰.

Неурожай и голод сконцентрировали все внимание на будущем урожае, и в декабре 1921 г. партийная конференция и IX Всероссийский съезд Советов объявили об открытии «сельскохозяйственной кампании 1922 года», в которой «вся партийная организация сверху донизу» призывалась принять энергичное участие ²¹. Впервые, помимо обычных мер убеждения и организации, включая предоставление посевного материала и другой материальной помощи, повсеместно приветствовался принцип личной и коллективной заинтересованности. Всероссийский агрономический съезд в начале декабря — именно съезд служащих-агров, а не крестьян, как было в первые дни революции, — настаивал на том, чтобы «каждое достижение в повышении уровня хозяйства награждалось, в частности, орденом Трудового Красного Знамени и денежными премиями» ²². А в конце того же месяца IX Всероссийский съезд Советов принял решение «в целях подведения итогов успехам и недочетам сельскохозяйственной кампании 1922 года и всенародного поощрения губерний, уездов, волостей» устроить осенью 1922 г. Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству «с назначением хозяйственно-полезных наград наиболее достойным (например, оборудование электрической станции или отряда тракторов — награда губернского масштаба)» ²³. К тому времени начали действовать стимулы НЭПа, хотя трудно понять, чем объяснялась (НЭПом или последствиями голода) новая тяга к земле, «настоящая борьба за землю», говоря словами одного служащего Наркомзема в конце 1921 г. ²⁴ К марту 1922 г. власти были настолько уверены в будущем, что объявили о сокращении продналога до уровня 10% общего производства и запретили конфискацию домашнего скота у крестьян за неуплату налога ²⁵. Весна 1922 г., когда несчастье, вызванное голодом, почти прошло и была в разгаре новая посевная, стала переломным моментом для НЭПа в деревне: нужен был только хороший урожай, чтобы увенчать победу.

Распределение земельных владений бывших помещиков среди крестьян фактически было завершено в 1918 г., и после этого в период военного коммунизма не произошло никаких существенных изменений в системе землепользования. Официальная поддержка новых форм коллективного сельского хозяйства имела больше чисто теоретическое, чем практическое значение. Даже в разгар военного коммунизма не предпринималось попыток навязать крестьянину меры по коллективизации. Мир, с его периодическим перераспределением земли среди своих членов, и единоличные крестьянские хозяйства продолжали существовать бок о бок без какой-либо официальной дискриминации между ними. Но позиция властей была двусмысленной ²⁶. Запрещение законом сдачи и взятия земли в аренду (не говоря уже о купле-продаже земли, совер-

шенно исключенной теорией общественного землепользования), а также запрет на наемный труд мешали единоличному крестьянину приспособляться к меняющимся семейным условиям — функция, автоматически осуществляемая путем перераспределения в системе общинного землепользования, — а значит, были направлены против единоличного хозяйствования. Надо сказать, что и во времена продразверстки предприимчивый крестьянин был мало заинтересован в ведении своего собственного хозяйства. Попросту говоря, военный коммунизм оказал двойственное влияние на такой жгучий вопрос, как землепользование. С одной стороны, он имел тенденцию увековечить существовавшие формы владения, не создавая никаких импульсов или возможностей для их изменения. С другой стороны, помимо деморализующих последствий неоднократных разверсток, он порождает чувство полнейшей неуверенности, поскольку будущее землепользования, вполне очевидно, зависело от исхода гражданской войны, и даже победа большевиков не давала никакой гарантии от дальнейших революционных изменений.

В силу этого одна из важнейших функций НЭПа заключалась в том, что крестьянин получил две вещи, которые ценил больше всего: свободу выбирать форму обработки земли и гарантию землепользования. Но здесь сразу же возникал спорный момент: запрещение аренды земли и использования наемного труда в случае его вступления в силу превращало свободу выбора в огромной степени в иллюзию. Если этот запрет не нарушался поголовно во времена военного коммунизма, то только потому, что для этого не было достаточного стимула. Теперь же, когда при НЭПе вновь заработали коммерческие стимулы, нарушения стали неизбежными. В октябре 1921 г. Наркомзем сообщил, что «аренда подпольно существует»²⁷; то же самое относилось и к наемному труду. Вопрос землепользования занимал центральное место в работе Всероссийского агрономического съезда в декабре 1921 г., который, «чтобы покончить с неясностью в существующем законодательстве», перечислил различные действующие системы пользования землей и подтвердил право выбора между ними²⁸. Две недели спустя на IX Всероссийском съезде Советов состоялись продолжительные и противоречивые дебаты по данному вопросу. Осинский жаловался, что по этому вопросу «в законе» сказано «очень неопределенно и глухо» и что «наше крестьянство не имеет никаких правовых гарантий в своем пользовании землей». Он признал ненормальным разрешать крестьянину сдавать в аренду землю, данную ему не в частную собственность, а для пользования, и предложил в качестве компромисса ограничить срок сдачи в аренду шестью годами — эквивалент двух севооборотов при трехпольной системе²⁹. Съезд, отдавая отчет в существующих трудностях, но не имея единства или уверенности относительно способов и методов их преодоления, поручил ВЦИКу воплотить эти принципы в декрете и, кроме того, уполномочил Наркомзем пересмотреть суще-

ствующее земельное законодательство «в целях полного согласования его с основами новой экономической политики» и «превращая его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле»³⁰.

В мае 1922 г. появилось постановление ВЦИКа в виде «Основного закона о трудовом землепользовании», состоявшего из 37 статей³¹. Одинаково законным признавались артель, община, мир, изолированные владения в виде отрубов или хуторов, а также комбинации этих форм землепользования: свобода выбора оставалась за конкретным крестьянином, ограниченная лишь не вполне ясно определенным правом местных властей устанавливать правила в спорных случаях. Сохранение мира с его периодическим перераспределением земли не запрещалось, но и не поощрялось. В то же время крестьянин, по крайней мере теоретически, был свободен покинуть его и взять с собой свою землю, причем декрет способствовал реализации такой возможности, разрешая как сдачу земли в наем, так и использование наемного труда, хотя открыто оговаривая, что такое возможно в качестве исключения для удовлетворения специфических потребностей. Семьи, «временно ослабленные» стихийными бедствиями или потерей рабочих рук, могли сдать в аренду часть своей земли максимум на два севооборота. Работников можно было нанимать при условии, если члены семьи также работают «наравне с наемными рабочими». Таким образом, целью НЭПа было покончить с остатками уравнилельных тенденций революционного периода. Он признавал — покуда это отвечало теории государственной собственности на землю — право крестьянина относиться к своему земельному наделу как к своей собственности, расширять его, обрабатывать с помощью наемного труда или сдавать в аренду другим. Что касается обязанностей перед государством, то он выполнял их в качестве налогоплательщика. В свою очередь государство предлагало ему — впервые после революции — гарантию пользования с целью обработки своего участка земли и сбора урожая для своего собственного и всеобщего благосостояния.

Введение НЭПа теоретически не повлияло на официальную поддержку, оказываемую для развития современных добровольных форм коллективной обработки земли, таких, как совхозы (включая хозяйства, «приданные» заводам, советским учреждениям или профсоюзам), сельскохозяйственные коммуны или артели. В одной из первых своих речей в поддержку НЭПа Ленин повторил, что будущее развитие сельского хозяйства зависит от перспективы того, «чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так, — добавил он многозначительно, — представляли себе все это социалисты всегда»³². Единственным принципиальным изменением было то, что коммерческие принципы, применяемые при НЭПе к государственной промышленности³³, были распро-

странены на совхозы, которые теперь были призваны давать прибыль от своих операций. Все советские хозяйства переходили под контроль народного комиссариата земледелия, а «приданные» хозяйства на основании юридически оформленного контракта сдавались в аренду использующим их учреждениям, которые платили Наркомзему натуральную ренту³⁴. Позднее были изданы директивы, разрешающие сдачу совхозов в аренду определенной категории частных лиц, пользующихся особыми привилегиями³⁵. По аналогии с тем, что происходило в промышленности, совхозы каждой губернии объединялись в губернский «трест», а на верху этого сооружения возвышался «государственный сельскохозяйственный синдикат» (Госсельсиндикат), находившийся в подчинении Наркомзема. Активная поддержка все еще оказывалась производственным кооперативам, существовавшим в форме либо сельскохозяйственных коммун, либо артелей³⁶. Но по мере того, как НЭП постепенно приоткрывал нормальные каналы обмена между деревней и городом, импульс, благодаря которому была создана система «приданных» хозяйств, потерял свою первоначальную силу, а другие совхозы владели бесславным и ненадежным существованием. Новый акцент на индивидуальное предпринимательство был откровенно чужд организованным государством формам коллективной обработки земли³⁷.

Чувство молчаливого согласия и облегчения, с которым НЭП был встречен партией в марте 1921 г., не могло длиться долго. Вместо него должно было зародиться чувство опасения и возмущения, вызванное переменой, столь радикальной и столь противоречившей надеждам и ожиданиям вступления в социализм, которые полностью разделялись всей партией, переменой, которая на первый взгляд была похожа на капитуляцию не только перед капитализмом, но и перед пессимистическими взглядами эсеров и меньшевиков, переменой, которая перемещала акцент политики с промышленного пролетариата — опоры и передового отряда революции — на отсталое и в основе своей мелкобуржуазное крестьянство³⁸. Коль скоро новое отношение к крестьянину лежало в основе НЭПа, главный удар первых наступлений пришелся как раз по новой политике в сельском хозяйстве. Партийные круги оказались проникнутыми новым, критическим духом, который проявился в двух направлениях.

Первая волна критики в адрес НЭПа в сельском хозяйстве была связана с его воздействием на социальную структуру крестьянства. В течение трех лет советская аграрная политика состояла в том, чтобы оказывать уравнивающее действие; она с определенным успехом стремилась к тому, чтобы повышать или понижать с целью уравнивания³⁹. Ее ненависть к кулаку была обратной стороной медали, отражающей стремление расширить земельные участки и улучшить положение бедного крестьянина. Сейчас же казалось, что целью НЭПа было реابي-

литировать и поощрить кулака за счет беднейших крестьян. Ленин, представляя НЭП, признал этот факт, но не мог ничего ответить критикам, кроме как обратиться с призывом о его необходимости:

«Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло»⁴⁰.

Свободная игра рынка должна была увеличить дифференциацию между преуспевающими и зажиточными, с одной стороны, и неудачниками и бедняками — с другой, а также открыть возможность для эксплуатации последних первыми. Такова должна была быть плата (будь то при столыпинской реформе или при НЭПе) за развитие капитализма в деревне. В условиях ужасного голода 1921 г. появление кулака замедлилось: в охваченных голодом районах единственно значимым различием было различие между выживанием и голодной смертью. Но в других районах симптомы были более очевидными. На партийной конференции в декабре 1921 г. Преображенский обратил внимание на опасность развития хозяйств кулацко-фермерского типа⁴¹. В марте 1922 г., в порядке подготовки к XI съезду партии, он представил в Центральный Комитет тщательно разработанные тезисы, которые представляли собой первую серьезную попытку проанализировать этот вопрос. Слой крестьянства, который сохранил свою хозяйственную стабильность в годы гражданской войны и окреп в период наибольшей зависимости города от деревни, начал устанавливать свое господство при НЭПе в форме мелкого сельского хозяйства с регулярным или временным наемным трудом либо в форме растущего крупного земледелия общего характера в Сибири и других приграничных землях с регулярным наемным трудом. На другом полюсе вследствие сокращения численности скота в засуху, призыва рабочих на империалистическую и гражданскую войны и повторяющихся плохих урожаев увеличился слой безлошадных крестьян, обрабатывавших землю без плуга. Таким образом, начала вырисовываться общая картина движения вспять наметившихся ранее тенденций.

«Прекратился процесс сглаживания классовых противоречий в деревне. С новой силой возобновился процесс дифференциации, причем сильнее всего он проявляется там, где восстановление сельского хозяйства идет наиболее успешно и где увеличивается площадь, обрабатываемая плугом... В условиях чрезвычайного упадка крестьянского хозяйства в целом и общего обнищания деревни продолжается рост сельской буржуазии».

Свой пространственный анализ существующих зол Преображенский завершил возвратом к старым идеалам большевистской теории: «развивать совхозы, поддерживать и расширять пролетарское земледелие на участках, приданных фабрикам, поощрять развитие сельскохозяйственных коллективов и вовлекать их в орбиту пла-

нового хозяйства в качестве основной формы преобразования крестьянского хозяйства в социалистическое». Отдав дань популярному в то время, но не приобретшему конкретной формы лозунгу, он предложил привлечь иностранный капитал и иностранных рабочих для создания «крупных сельскохозяйственных фабрик» и внедрения современной технологии крупного земледелия⁴².

Ленин читал тезисы Преображенского с неприкрытым раздражением как одно из тех теоретических упражнений в долгосрочном планировании, которые, казалось, не имели ничего общего с практическими возможностями момента. Он передал их в Политбюро, сопроводив запиской исключительно критического содержания и назвав их «неподходящими». Он предложил, чтобы предстоящий съезд ограничился по этому вопросу созданием комиссии, которой было бы поручено «отнюдь не впадать в повторение общих мест, а исключительно изучать детально местный... *практический опыт*»⁴³. Центральный Комитет партии согласился с точкой зрения Ленина⁴⁴. Работа съезда была организована по этим направлениям, а предложение Рождественского о проведении общего обсуждения экономической политики было отклонено, причем короткая резолюция, принятая съездом по рекомендации комиссии, означала топтание на месте: в ней не содержалось никакого упоминания зла, от которого нельзя было найти лекарства, покуда оставались в силе предпосылки НЭПа⁴⁵. Время для начала кампании против кулака было неподходящим, поскольку судьба урожая висела на волоске.

Вторая волна критики основывалась на более широкой базе и содержала непосредственную угрозу. Когда НЭП вводился как необходимая уступка *крестьянину*, никто не торопился поставить вопрос о том, *от кого* требуется эта уступка; можно было утверждать (и это было бы правдоподобно и даже правдиво), что любая мера, рассчитанная на увеличение сельскохозяйственного производства и на обеспечение городов продуктами питания, по крайней мере в равной степени отвечала насущным интересам промышленного рабочего, как и любого другого человека. Но в течение 1921 г. уступки крестьянину множились, а положение промышленного рабочего, оказавшегося перед угрозой потери гарантированного пайка и самой работы вообще, постоянно ухудшалось. Партийная конференция и IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. по-прежнему фокусировали внимание на крестьянине, не обращая внимания на растущее недовольство в промышленности. Первоначальная «рабочая оппозиция», осужденная на X съезде партии, выступала в дни, предшествовавшие НЭПу, и, когда она жаловалась на преобладание в партии «непролетарских» элементов, это относилось не к крестьянству. Теперь, когда стали слышны жалобы о том, что НЭП означает принесение промышленного рабочего в жертву крестьянину, вполне естественно, они брались на вооружение теми кругами, где активную роль играли

бывшие члены «рабочей оппозиции». К ним относился Шляпников, который выпал на XI съезде партии в марте 1922 г., что цель НЭПа заключалась в том, «что мы должны быть для мужика наиболее дешевым правительством» и что это делается за счет рабочих⁴⁶. Ленин предпочел не отвечать прямо на критику Шляпникова, как он это сделал в отношении критики Преображенского. Он повторил аргумент о необходимости «смычки» с крестьянством и многозначительно добавил, что «этому соображению надо подчинить все». Он кратко и в беспорядочной форме остановился на промышленности и извинился за то, что «по ряду причин, в значительной степени по болезни», не смог более тщательно готовить этот раздел своего доклада. Он объявил об окончании отступления⁴⁷, но в его речи не было и намека на существенное изменение политики. Фундаментальные вопросы, лежавшие в подвальной части НЭПа, еще не созрели.

Выжидательная политика, которой Ленин довольствовался на XI съезде партии, с избытком себя оправдала последующим ходом событий. Благодаря отчасти импульсам, которые НЭП придал крестьянскому производству, а отчасти — благоприятным погодным условиям урожай 1922 г. был намного богаче, чем за все годы после революции⁴⁸, что полностью оправдало новое отношение Советской власти к крестьянину. Впервые за годы после революции у крестьянина не только появились излишки для продажи и законное право и даже стимулы к их продаже, но и сами условия торговли были исключительно благоприятными для него. Города после нескольких лет полуголодного существования жаждали продовольствия, и, кроме того, промышленность в силу разных причин⁴⁹ обязали одновременно ликвидировать значительную часть своих запасов готовой продукции. В результате летом и осенью 1922 г. цены в беспрецедентной степени склонялись в пользу сельского хозяйства, в ущерб промышленности. Как открыто признаваемые цели, так и скрытый подтекст НЭПа проявили себя с такой силой, какой трудно было ожидать: частично преднамеренно, частично случайно крестьянин превратился в избалованное дитя пролетарской диктатуры. Вполне оправданной была гордость успехами НЭПа, высказанная Лениным на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г.:

«Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. ...Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком плохи, чтобы это предотвратить, но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года»⁵⁰.

Несомненно, то, что произошло летом 1922 г., усилило как критику Преображенского, так и критику Шляпникова. Поток товаров из городов и с фабрик в сельскую местность — каким бы ограниченным он ни был, — возобновившийся после полного прекращения в течение шести или семи лет, в первую очередь направлялся наиболее предприимчивым и наиболее процветающим крестьянам, которые владели крупнейшими и самыми плодородными землями и в наибольшей степени способствовали успеху урожая. Возрождение благосостояния, которое нес деревне НЭП, сопровождалось несравненным прогрессом в тяжелой индустрии и достигалось в некоторой степени за счет промышленного рабочего. Однако, хотя с точки зрения теории эти аргументы были правильными, толчок, данный НЭПом всему хозяйству, был в настоящий момент достаточно мощным, чтобы перевесить эти аргументы. Если основная выгода от возрождения сельского хозяйства оседала в сундуках кулаков и подкулачников, то беднейшие крестьяне по крайней мере сняли с себя часть невыносимого бремени последних нескольких лет. Если деревня наживалась за счет города, то последний также получал ощутимые выгоды — сколь бы неадекватным ни было распределение и сколь бы высокой ни была конечная плата — от растущего изобилия продуктов. Реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства, и, хотя в перспективе это неминуемо должно было породить новые стрессы и неудовлетворенность, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния.

Осенью 1922 г., когда НЭП, кажется, достиг вершины в своих достижениях и до того, как на горизонте начали собираться новые тучи, Советское правительство решило стабилизировать положение в форме серии законодательных актов. В Земельном кодексе, который был официально одобрен ВЦИКом 30 октября, а вступил в силу 1 декабря 1922 г.⁵¹, не содержалось никаких нововведений. Действительно, его цель заключалась в том, чтобы придать крестьянину чувство уверенности в создавшейся ситуации. Был торжественно подтвержден принцип национализации земли: частная собственность на землю, недра земли, водные и лесные богатства на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменены навсегда. Вся земля, которая обрабатывалась или могла обрабатываться в сельскохозяйственных целях, представляла собой «единый государственный фонд». Право «использования рабочими» могло быть воплощено в любой из известных форм — в рамках сельской общины мира, с чересполосицей и периодическим перераспределением земли и без них, в виде единоличного крестьянского хозяйства, добровольного объединения в виде сельскохозяйственной коммуны, артели или совхоза. Было признано право инакомыслящих индивидуумов или группы крестьян покидать общину с соответствующим отчуждением земли, правда, при одном условии (которое было более тщательно продумано по сравнению с законом в мае 1922 г.), чтобы это не вело

к излишнему измелчанию земельных владений⁵². За исключением этого ограничения, остальные серьезные оговорки, ограничивавшие права сельских землевладельцев, были почти полностью устранены. Основопологающие права на сдачу и взятие земли в аренду и на наемный труд признавались на началах, фактически аналогичных тем, что были в законе мая 1922 г. Право на эксплуатацию земли в сельскохозяйственных целях предоставлялось в равной степени «всем гражданам (независимо от пола, вероисповедания или национальности), желающим обрабатывать ее своим собственным трудом». Кодекс не признавал права на пожизненное владение, однако подразумевал, что данные им права имеют неограниченный срок. В борьбе за сохранение принципа мелкого крестьянского хозяйства и традиционного характера обработки земли сельской общиной, против угрожающего вторжения широкомасштабного современного, коллективного ведения хозяйства крестьянин, кажется, одержал столь же убедительную и полнейшую победу, как и в борьбе за право использовать излишки своих продуктов на свободном рынке. Осенью 1922 г. НЭП все еще безраздельно господствовал в деревне и казалось маловероятным, что, по крайней мере в этом отношении, его можно было серьезно изменить. Но Земельный кодекс декабря 1922 г. определял характер сельской России в течение менее десяти лет, причем это были годы почти непрекращающегося противоборства по фундаментальному вопросу о взаимоотношениях между крестьянским сельским хозяйством и крупномасштабной промышленностью в советской экономике. «Кризис ножиц» 1923 г. озаменовал начало этого противоборства.

б) Промышленность

Новая экономическая политика по своему внутреннему содержанию была рассчитана на сельское хозяйство, по своему замыслу — на внутреннюю торговлю, а не на промышленность. Проблемы промышленного развития не обсуждались на партийном съезде, который принимал НЭП, а в резолюции «О замене разверстки натуральным налогом» ссылка на промышленность касалась только того, что «восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т. е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты»⁵³. Два месяца спустя Ленин в статье, в которой подробнейшим образом излагался НЭП, впервые повернулся лицом к этому практическому вопросу:

«Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем... Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности⁵⁴, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья,

топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы»⁵⁵.

Но то, что крупной промышленности отводилась второстепенная роль, имело свои трудности. В проекте, написанном несколько недель спустя, в середине мая 1921 г., и впоследствии появившемся в виде резолюции ВЦИКа, этот вопрос по более здравом рассуждении был оставлен открытым:

«Пусть опыт покажет, насколько удастся двинуть этот обмен посредством увеличения производства и доставки государственных продуктов крупных социалистических предприятий, — насколько удастся поощрить и развить мелкую местную промышленность»⁵⁶.

Однако как только этот проект был представлен IV Всероссийскому съезду Советов народного хозяйства и IV Всероссийскому съезду профсоюзов (организациям, отражающим интересы крупномасштабной национализированной промышленности), сомнения тотчас же всплыли на поверхность. Один оратор высказал мысль о том, что крестьянин будет удовлетворять свои потребности за счет кустарной промышленности, в результате чего будет нарушена «смычка между городом и деревней», а Милютин сообщил в конце дискуссии, что в десятках записок, присланных в президиум, выражалось беспокойство о том, как бы этот новый поворот в направлении к свободной конкуренции, поощрению мелкой промышленности не разрушил первооснову нашей крупной промышленности⁵⁷. На IV Всероссийском съезде профсоюзов Лозовский настаивал на том, что профсоюзы должны принимать участие в «регулировании» мелкой промышленности, а Шмидт усматривал в новых условиях опасность того, что «рабочий класс... будет склонен отходить от основного своего дела в сторону мелкой промышленности»⁵⁸.

Партийная конференция в конце мая 1921 г. дала Ленину возможность с присущим ему искусством повернуть острие критики в другую сторону. Если о господствующем положении крупной промышленности в любом социалистическом обществе не говорилось с должным акцентом, то только потому, что это повсеместно принятый постулат. Он вновь обратился к плану электрификации, ставшему его любимым «*deus ex machina*»:

«Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи».

Однако крупная промышленность не могла быть восстановле-

на без более обильного обеспечения продовольствием и сырьем, чего нельзя было получить иначе, как в процессе обмена, а значит, только стимулируя развитие мелкой промышленности, можно было начать этот процесс. «А для того чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности»⁵⁹. Резолюция конференции поставила desiderata промышленной политики в порядок, сообразный с этой точкой зрения. Вначале шла «поддержка мелких и средних (частных и кооперативных) предприятий»; затем — «допущение сдачи в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий»; потом — «пересмотр (в известной части) производственных программ крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода» и, наконец, «расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами»⁶⁰. Таков был порядок, которому, согласно советским законам, необходимо было следовать.

Первоначальными шагами НЭПа в промышленности стали два декрета, изданные Совнаркомом 17 мая 1921 г. В первом провозглашалось намерение правительства «принять необходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме» и «избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения»⁶¹; второй отменил несколько предыдущих декретов, ограничивавших свободу действий и полномочия производственных кооперативов, и прекратил действие закона от 29 ноября 1920 г., по которому подлежали национализации все промышленные предприятия; в то же время в нем оговаривалось, что акты национализации, осуществленные до 17 мая 1921 г., не аннулируются⁶². В течение лета 1921 г. была издана целая серия декретов, отмеченных почти нарочитым стимулированием развития промышленных кооперативов. Последние получили права юридических лиц, могли использовать наемный труд, не превышающий 20% числа работающих на них людей, и не подлежали контролю со стороны народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, избегая, таким образом, неэффективности государственных учреждений. С другой стороны, они получали право долго- и краткосрочных кредитов в кооперативном отделе Наркомфина⁶³. Сельские промыслы и мелкие промышленные предприятия, относящиеся к разряду таких, где работало не больше 10—20 наемных рабочих, включая работающих на дому, получили значительные, хотя и менее выдающиеся знаки внимания, а именно обещание свободы от национализации или муниципализации и сотрудничество органов ВСНХ⁶⁴. Общим результатом этих мер было предоставление мелким ремесленникам и кустарной промышленности в деревне тех же юридических гарантий

и такой же возможности торговать, какие НЭП предлагал крестьянству.

Вторым шагом, предусматриваемым резолюцией партийной конференции в мае 1921 г., был возврат под частное управление и контроль (путем сдачи в аренду) тех промышленных предприятий, которые уже были национализированы и отобраны у их владельцев, но которые государство в новых условиях не могло поддерживать в рентабельном состоянии. Слухи о предстоявшем возврате таких предприятий их прежним владельцам были столь упорными, что в Москве имел место оживленный бизнес в виде продажи титулов этих владельцев или их наследников⁶⁵. Резолюция партийной конференции признавала право «местных хозяйственных органов» сдавать в аренду находящиеся в их ведении предприятия «без разрешения высших». Местные власти поспешили воспользоваться этой рекомендацией, не дожидаясь официального обнародования советского декрета. Губернские Советы народного хозяйства начали освобождаться от ненужной ответственности за управление национализированными предприятиями третьей категории⁶⁶ (которые находились под их неограниченным контролем), сдавая их в аренду любому претенденту на всевозможных условиях⁶⁷. В защиту этого можно было лишь сказать, что, сколь бы сделанной кое-как, наспех ни была эта процедура, она тем не менее была средством вдохнуть жизнь во многие предприятия, которые находились в состоянии застоя.

Но, оказавшись перед таким вызовом, Совнарком 6 июля 1921 г. издал декрет, устанавливающий условия, на которых было желательно проводить сдачу в аренду национализированных предприятий. Предпочтение отдавалось кооперативам, хотя и не исключалась сдача в аренду и частным лицам. Арендаторы несли ответственность по Гражданскому и Уголовному кодексам за содержание в исправности арендуемых предприятий, а также полностью отвечали за снабжение предприятий и работающих на них⁶⁸. Срок аренды обычно составлял от двух до пяти лет, а арендная плата взималась натурой в виде определенного процента выпускаемой продукции. Тот факт, что декрет явился результатом инициативы с мест, наводит на мысль, что он относился главным образом к местным мелким предприятиям. Это подтверждается статистическими данными на 1 сентября 1922 г., когда эта система уже просуществовала целый год. Отраслями промышленности, в которых было наибольшее число сданных в аренду предприятий, были пищевая и кожевенная. Из 7100 предприятий, предназначенных к этому времени для сдачи в аренду, было сдано 3800 предприятий, на которых работало в общей сложности 680 тыс. рабочих, в среднем менее 20 человек на каждом. Цифры, относящиеся лишь к половине сданных в аренду предприятий, показывают, что гораздо меньше 50% из них были арендованы частными лицами, большинство из которых были прежними владельцами; остальные были сданы кооперативам, рабочим артелям и государственным

учреждениям. Ясно, что это были в основной своей массе мелкие предприятия, работавшие с небольшим капиталом для ограниченного и главным образом местного рынка сбыта ⁶⁹.

Эта процедура по-прежнему вызывала возмущение в ортодоксальных партийных кругах, где возвращение ряда промышленных предприятий в частную собственность и сдача в аренду других рассматривались как предательство основ социализма. О том, насколько сильны были эти настроения даже в среде партийных функционеров, можно судить по инструкции, направленной в ноябре 1921 г. в губернские партийные комитеты за подписью Молотова, бывшего в то время секретарем Центрального Комитета партии. Члены партии предупреждались, что для коммуниста недопустимо становиться владельцем или арендатором какой-либо хозяйственной организации, использующей наемный труд, или участвовать в какой-либо экономической организации, работающей ради получения прибыли. Коммунисты могли участвовать в работе артели или другой коллективной хозяйственной организации, но только в том случае, если она работала для государства или кооперативов, а не преследовала особые цели обогащения ⁷⁰.

Дело принципа было важнее, чем сама суть вопроса. Каменев объявил на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г., что в государственной индустрии, включая транспорт, было задействовано 3000 тыс. рабочих против 70 тыс., работавших на частных и арендованных промышленных предприятиях ⁷¹. Перепись 1650 тыс. так называемых промышленных предприятий, проведенная в марте 1923 г., показала, что 88,5% из них находились в частной собственности или сданы в аренду частным лицам, на долю государственных предприятий приходилось лишь 8,5%, а на кооперативные предприятия — 3%. В то же время 84,5% всех промышленных рабочих работали на государственных предприятиях, на каждом из которых в среднем было задействовано по 155 рабочих, каждое кооперативное предприятие в среднем имело по 15 наемных рабочих, а каждое находящееся в частном управлении — только по 2 рабочих. Более того, поскольку самая высокая производительность труда была на государственных предприятиях, на них приходилось 92,4% продукции в стоимостном выражении, оставляя на долю частных предприятий только 4,9% и на долю кооперативов — 2,7% ⁷². Много месяцев спустя Ленин, защищая НЭП на IV конгрессе Коминтерна, с гордостью говорил, что «все командные высоты» сохранились в руках государства ⁷³. Аргумент в защиту был убедительным и хорошо обоснованным. Основное значение Новой экономической политики заключалось не в признании частной собственности или частного управления над массой мелких предприятий, которые в основе своей не были и не могли быть эффективно национализированы в то время, а в изменении отношения к управлению крупной национализированной промышленностью. Это изменение отвечало третьей и четвертой промышленным директивам партийной конференции в мае 1921 г.: усиле-

ние производства предметов широкого потребления и расширение «самостоятельности и инициативы» промышленных предприятий.

Так называемый «наказ» Совнаркома от 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начала новой экономической политики» явился первым крупным декретом периода НЭПа, посвященным главным образом крупной промышленности. Он рассматривал «кустарную и мелкую промышленность как подсобную к крупной государственной промышленности» и попытался провести систематическую классификацию предприятий.

«Государство в лице ВСНХ и его местных органов сосредоточивает в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга».

Предприятия, которые не попадали ни под одну из этих категорий, подлежали сдаче в аренду кооперативам и другим товариществам, а также частным лицам; те же предприятия, для которых нельзя было найти арендатора, подлежали закрытию. Но предприятия, поставленные под прямое управление государственных органов, «ведутся на началах точного хозяйственного расчета (хозрасчета)»⁷⁴. Одновременно признавались два принципа: централизации и децентрализации. Предприятия, принадлежащие к одной отрасли производства, должны были «концентрироваться» в объединения, известные в то время под названием «союзов», а позднее «трестов»; с другой стороны, как эти «союзы», так и промышленные предприятия — достаточно крупные или важные, чтобы избежать объединения, — должны были действовать раздельно, то есть быть независимыми и освобождаться от прямого административного контроля ВСНХ и его органов. Таковы были две взаимосвязанные между собой темы постановления СТО от 12 августа 1921 г.:

«Наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия в данной отрасли промышленности могут быть соединены... в особое объединение, организуемое на началах хозяйственного расчета. На тех же началах могут быть выделены и отдельные предприятия»⁷⁵.

«Выделение» крупной промышленности из-под прямого государственного управления и ее независимые операции на коммерческих началах хорошо дополняли тактику стимулирования в отношении всех форм мелкой промышленности (ненационализированной или сданной в аренду) и служили краеугольным камнем промышленной политики нового экономического порядка. «Выделение» имело важное значение для трудовой политики, когда промышленные предприятия несли прямую ответственность за содержание рабочих, занятых на них, и когда все формы содержания (в натуральном или денежном исчислении) стали считать-

ся с этого времени заработной платой⁷⁶. Столь же важное значение имело оно в области торговли и распределения, когда ведущая часть промышленности, вместо того чтобы полагаться на государственные органы как на своих поставщиков и потребителей, превратилась в покупателя и продавца на свободном рынке⁷⁷, а также в области финансовой политики, когда промышленность начала получать кредиты не как прежде — от казначейства на основе бюджетных расчетов, — а в Государственном банке, позднее — в других банковских учреждениях на основе прибыльности⁷⁸. Введение хозрасчета, который Ленин характеризовал как «переход на коммерческие начала», было неизбежным следствием НЭПа: невозможно стало сочетать частное капиталистическое сельское хозяйство с государственной промышленностью в пределах одной экономики без принятия государственным сектором условий рынка⁷⁹. Основная функция хозрасчета заключалась в том, чтобы покончить с таким состоянием, когда государственные предприятия бременем ложатся на плечи государства, и, во-вторых, помочь властям определить, какие предприятия заслуживают привилегии оставаться государственной собственностью и под государственным управлением. Однако осенью 1921 г. имевшиеся в распоряжении инструменты едва ли были достаточно точными, чтобы осуществить эту операцию. В своем докладе на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. ВСНХ напомнил его участникам, что еще предстоит принять самые элементарные решения по определению, что такое прибыль.

«К сожалению, доныне нет никаких руководящих инструкций, разъясняющих вопросы о том, какая прибыль имеется в виду и поступает ли она полностью, или из нее должны быть произведены какие-либо отчисления для образования капиталов предприятий; как быть с прибылью, выраженной в нереализованных и остающихся у предприятий изделиях, и проч.»⁸⁰.

Вряд ли эти вопросы были простыми и носили чисто формальный характер. Примерно два года спустя компетентный автор в одной из публикаций СТО подчеркивал, что различные тресты подсчитывают свои затраты на производство, а следовательно, и свои прибыли самыми различными путями⁸¹.

Создание трестов явилось средством осуществления перехода промышленности на хозрасчет, а также было направлено на то, чтобы дать промышленности возможность пережить стрессы, которые несло с собой это изменение. Промышленность, и особенно тяжелая индустрия, чьи потребности имели первостепенное значение, когда шла гражданская война, сегодня должна была нести основную тяжесть уступок крестьянину и возврата к рыночной экономике. Перестав быть любимым ребенком пролетарского государства, промышленность тем не менее должна была организовываться, чтобы встретить новые и более непривычные стрессы открытой конкуренции. В другом и более прямом смысле тресты явились ответом на проблему рационализации. Давно было оче-

видно, что огромных потерь материальных и людских ресурсов можно было избежать за счет закрытия нерентабельных предприятий и сосредоточения производства в более рентабельных. Мало что было достигнуто при системе главков, управляющих каждым предприятием в отдельности и подверженных мощному влиянию профсоюзов, которые ничего не делали в этом отношении, чтобы как-то уменьшить управленческий консерватизм. Малоуспешными оказались попытки сгруппировать вместе мелкие предприятия в одной сфере производства в виде, как их иногда называли, трестов и кустов. В мае 1921 г., во время первого этапа НЭПа, Центральный Комитет партии рекомендовал IV Всероссийскому съезду профсоюзов «достигнуть необычайно быстрого сокращения числа предприятий и рабочих путем сосредоточения последних в минимуме лучших и крупнейших предприятий» и повторил эту рекомендацию в тех же выражениях IV Всероссийскому съезду Советов народного хозяйства⁸². Но прогресс был медленным. Только в одном жизненно важном секторе топливный кризис диктовал принятие экстренных мер. Летом 1920 г. техническая комиссия проинспектировала угольные шахты Донецкого бассейна, только недавно освободившегося от разрушительного действия непрерывных военных кампаний, и обнаружила, что 959 действующих шахт, включая 338 так называемых «крестьянских», работало без применения машинной техники. На шахтах Донбасса широко применялись трудовые армии последнего периода военного коммунизма, и это, несомненно, сделало концентрацию сравнительно более простой. К 1 июля 1921 г. число работающих шахт сократилось до 687⁸³.

Новая промышленная политика, повсюду приветствуя создание трестов, способствовала более широкому внедрению этого принципа. В результате декретов СТО в августе 1921 г. появились на свет первые два треста (в то время все еще называемые «союзами»): один — объединявший текстильные фабрики, другой — деревообрабатывающие предприятия беломорского региона. По своему статусу они были обязаны вести расчеты доходов и расходов, в то же время им разрешалось (хотя явно в качестве исключения) покупать предметы снабжения и продавать свою продукцию на открытом рынке⁸⁴. Они считались примером для подражания; и с октября 1921 г. процесс формирования трестов пошел быстрее. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. новый председатель ВСНХ Богданов объявил, что на настоящий момент было создано 15 крупнейших трестов (теперь это слово использовалось свободно)⁸⁵. В сентябре 1921 г. еще одна комиссия была направлена по распоряжению СТО на Дон. В результате ее работы только 288 шахт остались под управлением государства (267 из них — действующие) и были объединены в новый трест — Донуголь; остальные 400 были сданы в аренду или закрыты⁸⁶. Летом 1922 г. другие угольные бассейны и нефтяные промыслы были объединены в тресты по аналогичному

образцу. Эти отрасли промышленности подвергались наиболее тщательному процессу концентрации и объединения в тресты. Однако те же процессы рационализации применялись в отношении легкой промышленности. Из 1000 предприятий в кожевенной промышленности, ранее находившихся под управлением Главкожа, 124 предприятия были изъяты и объединены в группу кожевенных «трестов», а остальные сданы в аренду или закрыты; однако эти 124 единицы в своих соответствующих областях давали от 70 до 88% всей продукции⁸⁷. К концу августа 1922 г., когда процесс создания трестов был практически завершен, их число достигло 421, включая по 50 трестов в текстильной, металлургической и пищевой отраслях промышленности, свыше 40 — в кожевенной, 35 — в химической и 20 — в электротехнической отраслях промышленности. В среднем каждый трест объединял около 10 предприятий. В 380 трестах, по которым имеются подробные статистические данные, работало 840 тыс. рабочих, из них 525 тыс. — в текстильных и металлургических трестах. Эти цифры не охватывают крупные угольные и нефтяные тресты⁸⁸. Крупнейшими были Иваново-Вознесенский текстильный трест, на котором работало 540 тыс. рабочих⁸⁹, а также ГОМЗ (Государственное объединение машиностроительных заводов. — *Ред.*) и металлургический трест Югосталь, на которых было задействовано 48 тыс. и 41 тыс. рабочих соответственно. Общее число трестов, на каждом из которых работало свыше 10 тыс. человек, составляло 21⁹⁰. Государственные тресты стали основной формой организации фабричной промышленности в советских республиках.

Поначалу переход на хозрасчет отставал от процесса формирования треста. Декретом от 27 октября 1921 г. было проведено различие между двумя категориями государственных предприятий — теми, которые перестали в какой-либо форме получать от государства субсидии или припасы, и теми, которые все еще зависели от государственной помощи, наиболее распространенной и важнейшей формой которой было прямое обеспечение рабочих продовольственными пайками из Наркомпрода. Первой категории, к которой вскоре стало принадлежать большинство государственных предприятий, было дано право свободно, без каких-либо ограничений реализовывать свою продукцию на рынке; вторая категория, к которой принадлежали главным образом ведущие секторы тяжелой индустрии, могла на основании специальных соглашений получить разрешение реализовать до 50% своей продукции на рынке, хотя в любом случае она должна была отдавать предпочтение государственным учреждениям, а затем кооперативам по сравнению с частными потребителями⁹¹. Разрешение реализовывать часть продукции на рынке предоставлялось с готовностью, и эта практика получила особое благословение партийной конференции в декабре 1921 г.⁹² 21 марта 1921 г. был предпринят далеко идущий шаг: на коммерческую основу была поставлена топливная промышленность. Это означало, что промышленные

предприятия больше не получали топливо от государства, а должны были покупать его у Главного топливного управления; с другой стороны, рабочие топливной промышленности больше не получали продовольствие от государственных органов⁹³. Вполне очевидно, что этот решительный приказ был подвержен определенным исключениям. В самом декрете оговаривалось продолжение бесплатных поставок топлива железнодорожной администрации, а позднее была сделана оговорка о продолжении поставок продовольствия шахтерам Донецкого бассейна⁹⁴. Но для большей части промышленной сферы переход на «коммерческие начала» был в основном завершен до окончания 1922 г.

Осенью 1922 г. при подготовке нового Гражданского кодекса были предприняты первые серьезные попытки определить юридический статус новых трестов. Они отличались от государственных промышленных предприятий или групп таких предприятий времен военного коммунизма тем, что не зависели от прямого управления со стороны правительственного органа (ВСНХ или его главков и центров) и отвечали за свои отдельные прибыльно-расходные счета. С другой стороны, у них не было в то время фиксированного капитала, и они не являлись юридическими лицами. В 19-й статье Гражданского кодекса специально предусматривалось, что «государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица», а следовательно, такие объединения подлежали обычному действию закона; за их долги отвечает лишь имущество, состоящее в их свободном распоряжении, включая рабочий капитал, но не постоянный капитал, который остается национальным достоянием. Наконец, декретом от 10 апреля 1923 г. был определен и урегулирован на этих началах статус трестов.

«Государственные тресты, — говорилось в 1-й статье декрета, — являются государственными промышленными предприятиями, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для каждого треста уставу и которое действует на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли».

Государство не брало на себя ответственности за долги этих трестов, за исключением случаев, когда трест находился под непосредственным контролем государства, и оно не было обязано покрывать какие-либо возможные потери. Прибыль начислялась государству после определенных уставных вычетов. Каждому тресту назначалась теперь сумма в качестве его постоянного капитала, и из прибыли ежегодно вычитался определенный процент за его амортизацию; четвертая часть получаемой прибыли шла тресту, 22% — в культурно-бытовой фонд для улучшения условий жизни рабочих, 3% — для распределения в виде премий среди администрации, служащих и рабочих. Тресты располагали полной

свободой покупать и продавать на открытом рынке, однако им вменялось в обязанность отдавать предпочтение государственным органам в качестве потребителей или поставщиков, правда, при условии, если предлагаемые или запрашиваемые цены были одинаково приемлемыми⁹⁵. Повсеместно акцент делался на элемент прибыльности, подразумеваемый хозрасчетом: то, что поначалу рассматривалось как инструмент рационализации и критерий ценности, развился в новый материальный стимул промышленного производства.

В сельском хозяйстве НЭП очень скоро создал необходимые стимулы производства, которые подтолкнули Советскую Россию на путь экономического возрождения. В промышленности достижения были не такими быстрыми, менее выраженными и опасно односторонними. Его первоначальной целью было предложить крестьянину быструю и достаточную отдачу за его продукты, и процесс его реализации протекал в русле партийной резолюции, принятой в мае 1921 г. Сообразно этой точке зрения, он прежде всего стимулировал ту мелкую сельскую и местную промышленность, которая производила непосредственно для крестьянина и требовала небольших или вообще не требовала капиталовложений для обеспечения или восстановления предприятия и чью продукцию можно было быстро обменять на сельскохозяйственные продукты. В области фабричной индустрии он поощрял потребительские отрасли промышленности, продукцию которых можно было быстро мобилизовать для обмена по сравнению с отраслями производства средств производства, чьи выгоды для хозяйства реализовывались в более отдаленном будущем.

Все эти цели удовлетворялись за счет возврата к частному предпринимательству и свободному рынку, который в примитивных условиях российской экономики мог удовлетворять лишь непосредственный и элементарный потребительский спрос, за исключением некоторых долгосрочных капитальных потребностей. Почти повсеместно промышленное производство в 1920 г. достигло самого низкого уровня, составив всего 16% уровня 1912 г.⁹⁶ Однако подъем с этого уровня был очень неравномерным. Выпуск продукции мелкой промышленности (сельской и кустарной), достигавший в 1920 г. немногим более четверти объема 1912 г., поднялся в 1921 г. до 35, а в 1922 г. — до 54%. С другой стороны, производство крупной промышленности, которое в 1920 г. упало до 15% уровня 1912 г., поднялось в 1921 г. всего до 17, а в 1922 г. — до 20%. Внутри крупной промышленности наилучшие результаты были показаны отраслями легкой промышленности, производящими товары широкого потребления, рассчитанными непосредственно на крестьянина. Кожевенная была единственной отраслью промышленности, которая за эти годы достигла в про-

изводстве показателей 1912 г.⁹⁷ Хороших результатов, однако, достигла и текстильная промышленность: производство шерстяных изделий поднялось с 36% в 1920 г. к уровню 1912 г. до 55% в 1922 г., хлопчатобумажных (основной источник сырья для которых — Туркестан был недосыгаем в течение более двух лет) — с 6,5% в 1920 г. до 15,5% в 1922 г. и льняных тканей — с 35% в 1920 г. до 72% в 1922 г. Среди отраслей тяжелой индустрии горнодобывающая промышленность, достигавшая в 1920 г. 33% выпуска 1912 г., снизила объем производства в 1921 г. до менее чем 30% и повысила его до всего лишь 36% в 1922 г. Только нефтяная промышленность пережила поразительный подъем — с 16% в 1920 г. до 39% в 1922 г., причем здесь низкие цифры 1920 г. были результатом прежде всего военных событий двух предшествовавших лет. Но наиболее показательными были результаты в металлургической промышленности — крупнейшей отрасли промышленности дореволюционной России, служившей фундаментом для всей крупной индустрии. Здесь выпуск в 1920 г. не превышал 6% объема 1912 г., поднявшись в 1921 г. до 9% и вновь упав до 7% в 1922 г. Согласно сообщению, сделанному на XII съезде партии в апреле 1923 г., промышленность в целом, несмотря на меры по рационализации, все еще работала на 30% своих производственных мощностей⁹⁸.

Советская промышленность в начальный период НЭПа была подвержена влиянию двух противоречивых факторов. Во-первых, НЭП с самого начала означал политический курс не только уступок крестьянству, но и уступок за счет пролетариата или по крайней мере уступок, не оставлявших места для соответствующего внимания промышленности; в силу этого его первое воздействие⁹⁹ на индустрию в целом должно было оказаться обескураживающим. Во-вторых, стимулируя спрос на потребительские товары, он нарушил баланс внутри самой промышленности.

Первый из этих факторов почти тотчас же проявился в кризисе цен на промышленные товары. В течение всего периода военного коммунизма официально устанавливаемые цены постоянно регулировались таким образом, чтобы благоприятствовать производителю промышленных товаров. С другой стороны, огромный спрос на продовольственные товары на «черном рынке» сдвигал чашу весов в противоположном направлении таким образом, что, скажем, пуд ржи обменивался на гораздо большее количество кожи или хлопчатобумажных тканей, чем до войны. Поэтому, когда контроль был снят, вполне естественной была тенденция цен в пользу сельскохозяйственного производителя. И то, что эта тенденция не только имела место, но и проявилась в более интенсивной и радикальной форме, чем можно было предвидеть, объяснялось специфическими условиями, сложившимися как в деревне, так и в городе. В деревне чрезмерные налоги военного коммунизма лишили крестьянина всех резервов, и катастрофически низкий урожай 1921 г. помешал многим районам страны восполь-

зоваться преимуществами НЭПа, а отсюда спрос на промышленные товары оказался неожиданно низким, причем спрос в городах на и без того истощенные запасы продовольствия был еще более высоким, чем прежде. Впервые за многие годы крестьянин был поставлен в положение, когда благодаря НЭПу он мог после удовлетворения потребностей своей семьи и сборщика налогов продавать излишки продукции по своей собственной цене. Те крестьяне, у кого зимой 1921/22 гг. появились излишки на продажу, почувствовали свою силу и были полны желания вознаградить себя за все страдания, причиненные им городом во время военного коммунизма.

Положение промышленности было более сложным. Свобода торговли и ослабление государственного контроля при НЭПе, который стимулировал и поощрял крестьянина, означали нечто совершенно различное для крупной промышленности, вдруг оказавшейся вынужденной полагаться на свои собственные ресурсы и на капризные милости хозрасчета: начиная с осени 1921 г. все большее число предприятий лишались государственных кредитов и государственных поставок сырья и продовольствия и были вынуждены обходиться без посторонней помощи. Даже для самых мощных из них перспективы были мрачными. После семи лет заброшенности состояние оборудования достигло самого низкого уровня, и вряд ли можно было дальше откладывать процесс восстановления. Финансовые ресурсы были на нуле, а кредиты почти недоступны¹⁰⁰. Необходимо было изыскивать ресурсы для покрытия текущих расходов и для выдачи зарплаты рабочим (наличными или натурой), большинство из которых оказались теперь лишенными прямых государственных поставок. Активы оказались в тесной зависимости от запасов сырья, которые можно было пополнить только по рыночным ценам и из запасов готовой продукции; для большинства предприятий последняя была фактически единственным ликвидным средством¹⁰¹. Следовательно, острая потребность в рабочем капитале, возникшая в результате прекращения государственной поддержки, могла быть удовлетворена лишь за счет продажи запасов готовой продукции в экстенсивных масштабах. Процесс ликвидации стал к концу 1921 г. настолько заметным явлением, что приобрел название в виде жаргонного словечка «разбазаривание»¹⁰².

Эта вынужденная попытка ликвидировать запасы на жестком и негибком рынке привела к естественному результату: резкому падению цен на промышленные товары. Как следствие НЭПа, государственная промышленность больше не функционировала под единым управлением; она распалась «на отдельные, почти ничем друг с другом не связанные единицы»; причем «безудержная конкуренция» между этими единицами, которые, подчиняясь новому коммерческому духу, вели себя по отношению друг к другу как на аукционе (лишь бы реализовать свои товары), усугубляла это падение¹⁰³. Его масштабы частично и на короткое мгновение

скрадывались продолжавшейся инфляцией, однако становились очевидными при сравнении цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, когда нехватка последних автоматически вела к повышению цен на них. Например, на 1 января 1921 г. аршин хлопчатобумажной ткани стоил 4 фунта ржаной муки, коробка спичек — 0,23 фунта, а фунт сахара — 11,55 фунта; в течение первых четырех месяцев 1921 г. стоимость этих товаров в пересчете на муку упала больше чем на 50%, составив на 1 мая соответственно 1,68, 0,09 и 5,07 фунта¹⁰⁴. Индекс цен на 12 сельскохозяйственных и 12 промышленных товаров показывал, что стоимость первых поднялась со 104 единиц на 1 января 1922 г. (принимая уровень 1913 г. за 100) до 113 единиц на 1 мая 1922 г., в то время как ценность промышленных товаров за тот же период упала с 92 до 65 единиц¹⁰⁵. Таким образом, разрыв между стоимостью сельскохозяйственных и промышленных товаров, достигший своей крайней точки в мае 1922 г., был вызван главным образом не столько увеличением стоимости сельскохозяйственных продуктов, сколько падением стоимости промышленных товаров. О положении в промышленности заявил во весь голос Шляпников, выступая на XI съезде партии в марте 1922 г.:

«Конъюнктура рынка такова, что она бьет нас, мы не можем выдержать. Нам сейчас необходимы деньги, и в погоне за ними мы создаем такую анархию даже на голодном металлическом рынке, что продажная цена не окупает себестоимости годовой заработной платы, — так низко падают цены на изделия»¹⁰⁶.

По некоторым расчетам того времени, в мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза меньше стоимости ее производства¹⁰⁷, а текстильная промышленность в финансовом отношении занимала более прочные позиции, чем многие другие отрасли промышленности. Это был период, как писал впоследствии один из советских экономистов, «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала»¹⁰⁸.

Эти результаты, возможно, отвечали насущным задачам НЭПа, который был призван предложить крестьянину приемлемое возмещение за его труд. Но они были катастрофическими для советской промышленности, руководители и директора которой были вынуждены остро реагировать на них. Реакция была удивительно схожей с той, которая возникала в аналогичных ситуациях при более нормальных формах капитализма. В марте 1922 г., когда падение зашло далеко и Ленин объявил о том, что «отступление» близится к концу, началось формирование «синдикатов», в задачу которых входило объединить и монополизировать весь торговый аппарат отдельно взятой отрасли промышленности. В течение трех месяцев тресты во всех ведущих отраслях индустрии объединились, чтобы по такому образцу создать синдикаты, на долю которых приходилось от 70 до 100%

производства соответствующих отраслей¹⁰⁹. Возросшая торговая мощь, приобретенная благодаря этим организациям, явилась главным фактором, который остановил упорное падение цен на промышленную продукцию и после мая 1922 г. повернул этот процесс вспять. Председатель ВСНХ откровенно охарактеризовал синдикаты «как органы, которые строились нами для защиты коммерческих интересов, в первую очередь интересов наших трестов», и заявил, что они «сыграли свою роль в отдельных случаях и уничтожили конкуренцию, позволив поднять цены на целый ряд продуктов»¹¹⁰. К августу 1922 г. положение было восстановлено так, что соотношение между промышленными и сельскохозяйственными ценами было примерно таким же, как в 1913 г. С того времени под совместным воздействием лучшей организации промышленности и богатого урожая цены вновь начали двигаться в разных направлениях, только на этот раз в противоположном смысле, то есть в пользу промышленных и против сельскохозяйственных товаров. Стрессы, вызванные этим новым расхождением, получили в советской истории известность как «кризис ножиц» 1923 г.

Вторым фактором НЭПа, оказавшим неблагоприятное влияние на промышленную сферу, был импульс, приданный рынком легкой потребительской промышленности за счет тяжелой индустрии, и это явление, чей негативный эффект не был столь непосредственным, повлекло за собой серьезные долгосрочные последствия. Результатом НЭПа явилось не только расширение тех форм мелкой или кустарной промышленности, которые оставались в частных руках и ближе всего подходили к мелкобуржуазному хозяйству крестьянина и дальше всех отстояли от крупномасштабной фабричной индустрии, но и стимулирование в сфере крупномасштабной индустрии тех отраслей легкой промышленности, чья продукция находила немедленный спрос в ущерб отраслям тяжелой промышленности, которые традиционно являлись оплотом промышленного пролетариата и основным ключом к индустриализации страны и к социалистической реконструкции. К концу 1922 г. тревожные нотки о будущем тяжелой индустрии раздавались со всех сторон. V Всероссийский съезд профсоюзов в сентябре 1922 г., отметив оживление в ряде отраслей производства, которые полагались на свободный торговый рынок, зафиксировал, что базовые отрасли промышленности, которые сами по себе определяют курс развития народного хозяйства в целом (были названы транспорт, горнодобывающая и металлургическая, машиностроительная и электротехническая отрасли промышленности), продолжают переживать самый тяжелый кризис, и провозгласил восстановление крупной промышленности и транспорта безотлагательной задачей республики¹¹¹. Два месяца спустя Ленин, посвятив свою речь на IV конгрессе Коминтерна защите НЭПа, обратил внимание на тот же контраст между «общим подъемом» легкой промышленности и тем, что «положение все

еще остается тяжелым» в тяжелой промышленности, и сделал вывод:

«Спасением России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянину предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия...

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли»¹¹².

Ленин в своем последнем публичном выступлении по экономическим вопросам изложил в самой простой и наиболее ясной форме фундаментальную проблему, созданную двумя годами НЭПа.

Последствия этих опасений были настолько тревожными и слишком далеко идущими, чтобы с ними легко было согласиться. Осенью 1922 г. плохое состояние тяжелой индустрии проявилось в серии жалоб на скудную кредитную политику Государственного банка. Председатель ВСНХ Богданов в пылу атаки на Наркомфин во ВЦИКе утверждал, что шахты Донецкого бассейна настолько сильно нуждаются в кредитах, что были вынуждены увольнять шахтеров за неимением наличных для выдачи им заработной платы¹¹³. Более того, нехватка кредитов была главной темой его доклада о промышленности на X Всероссийском съезде Советов в декабре того же года¹¹⁴. Официальный же оратор все еще придерживался довольно оптимистической точки зрения. Каменев твердо заявил, что «время принципиальных политических споров прошло. К счастью для нас, вопрос о новой экономической политике перестал быть вопросом принципиальным, перестал быть спорным, перестал нуждаться в объяснении»; и, хотя немного погодя он признал, что «нэп борется против... государственной промышленности», он выразил уверенность, что Советская власть достаточно сильна, чтобы «держать нэп под своим контролем»¹¹⁵.

Сокольников, народный комиссар финансов, вновь выразил непоколебимую веру в хозрасчет. Промышленность не может больше функционировать за счет бюджета; государство не может больше отвечать за выплату содержания промышленным рабочим или за обеспечение их пайками; отношение государства к промышленности может быть только отношением потребителя, выплачивающего полную цену за то, что он покупает. Таким образом, был доведен до логического завершения разрыв между государством и промышленностью, которая, «продает ли она на рынок, или государству, должна продавать на таких условиях, которые позволяли бы ей восстанавливать элементы своего производства». Сокольников даже изложил аргумент в пользу того, что, поскольку индустрия зависит от покупательной способности крестьянина, лучшим способом поддержки индустрии является поддержка крестьянину¹¹⁶. Ларин возразил Сокольникову от име-

ни промышленности, а еще один делегат назвал индустрию «пасынком Наркомфина»¹¹⁷. Но никакое изменение к лучшему не было возможным при существовавшем толковании НЭПа. Восстановив рыночную экономику, НЭП восстановил взаимозависимость различных элементов хозяйства на известных началах капиталистического порядка. Прямое вмешательство государства с целью оказания помощи тяжелой индустрии противоречило новым принципам. Полемика, которая должна была определить судьбу промышленности и направление промышленного производства, должна была вестись в области коммерческой и финансовой политики.

в) Труд и профсоюзы

Воздействие НЭПа на политику в области трудовых отношений, как и на промышленность в целом, проявилось не сразу, а постепенно становилось очевидным в течение лета и осени 1921 г. и приобрело свои окончательные очертания весной 1922 г. Труд, равно как и другие факторы производства, при военном коммунизме рассматривался как обязательная государственная служба, исполнение которой и вознаграждение за которую не были подвержены коммерческим соображениям. Это отношение пришлось радикальнейшим образом пересмотреть при системе, когда некоторые промышленные предприятия, использующие наемный труд, вновь оказались под частной собственностью и управлением, а тем, которые остались в государственной собственности и под государственным контролем, было предписано вести дело на коммерческих началах. Если продукция, произведенная либо частной, либо государственной промышленностью, считалась рыночным товаром, то логично было бы заключить, что рабочая сила вновь стала рыночным товаром. Возврат при НЭПе к свободному рынку означал также возврат к свободному трудовому рынку, и, хотя этот вывод был сделан не сразу, похоже, именно он лежал в основе измененного отношения к труду.

Оплотом военного коммунизма, который пал весьма быстро, служила принудительная мобилизация трудовых ресурсов. Реакция против нее стала устойчивой в конце гражданской войны, когда началась демобилизация армий, и уже нашла свое отражение в резолюции X партийного съезда о профсоюзах (март 1921 г.)¹¹⁸. Эта реакция возникла независимо от основных соображений, приведших к введению НЭПа, хотя и была важной составной частью общего недуга, который продиктовал необходимость изменения фронта. Первый декрет, принятый после съезда, упразднил Главкомтруд и его местные органы, передав его функции Наркомтруду. Однако эта мера, хотя и демонтировала машину принуждения, сохранила существование силы принуждения и была подготовлена еще до съезда¹¹⁹. Через несколько дней появился тщательно отработанный декрет, регулирующий функции «товарищеских дисциплинарных судов»¹²⁰. 6 апреля 1921 г. оче-

редным декретом были устранены основные ограничения для перехода рабочих с одной работы на другую, таким образом проложив путь для возврата к рынку рабочей силы ¹²¹. Однако эта негативная мера медленно внедрялась в жизнь, и поначалу казалось, что она не оказывает широкого воздействия на условия применения труда на государственных предприятиях. Даже трудовые армии, теперь переведенные под начало Наркомтруда ¹²², в течение некоторого времени не распускались. В июне 1921 г. была предусмотрена трудовая повинность для сбора урожая свеклы, в случае если не будет хватать добровольной рабочей силы ¹²³. В июле 1921 г. детально разработанный декрет регулировал призыв крестьян на лесоводческие работы ¹²⁴. Поворотным пунктом стал декрет от 3 ноября 1921 г., строго ограничивающий категорию людей, к которым могла применяться трудовая повинность (к таковым теперь относились лица, не работающие ни в каком государственном органе, учреждении или на предприятии), и цели, для осуществления которых могла быть использована такая повинность (к таковым относились главным образом большие стихийные бедствия) ¹²⁵. И тем не менее потребовался еще один декрет (от 9 февраля 1922 г.), прежде чем выветрился окончательно дух трудовой повинности, практиковавшейся во времена военного коммунизма, и на смену ей пришла процедура найма и увольнения в качестве нормальных методов получения рабочей силы и переход рабочих с места на место ¹²⁶.

Более трудным был вопрос вознаграждения за труд. При военном коммунизме, когда труд был государственной повинностью, заработная плата могла начисляться в двух видах: либо это были необходимые издержки из общественных фондов для поддержания рабочего в трудоспособном состоянии (подобно пайкам для солдат), или это было социальным правом рабочего, уравнивающим его социальную обязанность работать для общества («кто не работает, тот не ест»), но не связанным непосредственно с той конкретной работой, которой он занят. Обе эти концепции хорошо уживались с растущей практикой оплаты труда натурой, — практикой, продиктованной скорее падением валюты, чем теоретическими соображениями, от которой не так легко было отказаться. Когда в мае 1921 г. состоялся IV Всероссийский съезд профсоюзов, Шмидт все еще допускал, что «нельзя рабочих заставить отказаться от мысли о том обеспечении снабжения, с которым рабочий класс свыкся». Съезд подавляющим большинством голосов принял резолюцию, доказывающую, что с введением НЭПа политика помощи тяжелой индустрии становится еще более настоятельной необходимостью и что это требует дальнейшей «замены денежной формы снабжения рабочего класса материально-вещественным государственным снабжением» ¹²⁷. Более того, эта форма оплаты труда, оформившаяся в последние дни военного коммунизма в систему бесплатных пайков, также соответствовала широко распространенной концепции равенства в

распределении — идеалу, к которому нужно стремиться. Резолюция X партийного съезда о профсоюзах все еще воздавала должное (что было довольно удивительно) сохраняющим свою силу чувствам эгалитарности, заметив, что, хотя «в силу ряда причин должна быть временно сохранена и разность оплаты труда в зависимости от квалификации, тарифная политика, тем не менее, должна строиться на возможно большей уравнительности между ставками»¹²⁸. Съезд профсоюзов в мае 1921 г., хотя и высказался формально в поддержку своей рекомендации относительно премий натурой, был вынужден вновь отметить непрактичность любой такой системы в условиях хронической нехватки продуктов¹²⁹.

Это было незадолго до того, как внедрение НЭПа в промышленность дало свои логические результаты. Применение хозрасчета требовало возврата к денежной экономике и было несовместимо с любой концепцией оплаты труда как системы бесплатных пайков или социальных услуг, предоставляемых государством своим гражданам. Трудовая философия военного коммунизма себя изжила. Партийная конференция в мае 1921 г. (в декабре. — *Ред.*) выдвинула принцип апеллирования к «заинтересованности рабочего в производстве» и настаивала на том, чтобы «учет натуральной части заработной платы действительно соответствовал существующим денежным ценам на продукты»¹³⁰. Однако осуществление этого сложного преобразования задержалось на несколько месяцев. Новым шагом в этом направлении стал декрет от 10 сентября 1921 г., в котором система заработной платы называлась «основным фактором в развитии промышленности». Заработная плата теперь являлась прежде всего предметом взаимоотношений между рабочим и предприятием, на котором он работал. В декрете содержалось требование «отделения от предприятия всего, что не связано с производством и что носит характер социального обеспечения»: отныне это становилось делом государства, выступающего от имени народной власти. При этом подчеркивалось, что данное изменение позволит вознаграждать за любые формы труда соответственно его ценности: «Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена». Заработная плата была связана с производительностью труда; инженеры и квалифицированные рабочие не должны были впредь использоваться в качестве чернорабочих, поскольку система заработной платы не признавала дифференциации¹³¹. После ноября 1921 г. распределение пайков бесплатно или по номинальным ценам было заменено распределением продовольствия среди рабочих как части заработной платы, исходя из их рыночной стоимости¹³². Это продолжалось больше года¹³³. Таким образом, начиная с осени 1921 г., когда постепенно восстанавливалась система заработной платы и под дисциплинирующим воздействием принципа хозрасчета отменялся прибавочный труд, типичной формой трудоустройства была признана система найма на основе добровольного трудового соглашения между рабочим или профсоюзом, с одной стороны, и пред-

принимателем — с другой. Причем единственным атрибутом старой системы было установление государством обязательного минимума заработной платы. С ростом промышленных трестов осенью 1921 г.¹³⁴ стал наблюдаться возврат к коллективным трудовым соглашениям, заключаемым профсоюзами от имени своих членов. Первый значительный коллективный трудовой договор периода НЭПа был подписан между первым крупным государственным трестом Северолес и профсоюзом работников лесного хозяйства в ноябре 1921 г.¹³⁵

Переход от натурального вознаграждения к денежной системе оплаты за труд был слишком непопулярен, чтобы внедряться иначе, как медленно и поэтапно. Рабочий, равнодушный к теории, ясно понимал последствия получения вместо гарантированного пайка заработной платы деньгами, имеющими неопределенную и постоянно падающую покупательную способность. Освобождение от тяжестей принудительной трудовой мобилизации, которое могло показаться компенсацией за эту материальную потерю¹³⁶, оказалось в значительной степени иллюзорным, поскольку эта грубая форма трудовой дисциплины была быстро заменена старым «экономическим кнутом» капитализма. Окончание гражданской войны и введение НЭПа открыли период серьезной и широко распространенной безработицы, порожденной огромными сокращениями рабочих как государственными службами, так и промышленными предприятиями, которые перестраивались в ответ на требования хозрасчета. Это было знамение времени, когда осенью 1921 г. был выпущен декрет, поднимавший до уровня современных требований законодательство 1918 г. о пособии по безработице, а дальнейшим декретом предусматривалась выплата полумесячного содержания (в качестве компенсации) рабочим, уволенным «не по своей вине» государственными предприятиями и учреждениями¹³⁷. Процесс увольнения излишнего персонала продолжался набирающими силу темпами. Численность железнодорожных рабочих сократилась с 1240 тыс. летом 1921 г. до 720 тыс. летом 1922 г.¹³⁸; число рабочих и служащих на ведущей текстильной фабрике в расчете на 1000 веретен уменьшилось с 30 человек в 1920—1921 гг. до 14 год спустя (по сравнению с 10,5 накануне 1914 г.)¹³⁹. В первой половине 1918 г. безработные промышленные рабочие хлынули назад, в деревню, которая их легко поглотила, а, следовательно, безработица приняла просто форму сокращения численности пролетариата. В 1921 г. голод поразил сельскую местность, и избыточное число промышленных рабочих скапливалось в городах, впервые породив проблему безработицы в форме, подобной безработице в западных индустриальных странах. Создание таким образом «резервной армии труда» классической политэкономии создало давление, достаточно сильное, чтобы направить рабочие руки труда, где они требовались, и сделало дальнейшее правовое регулирование излишним. Труд как узаконенная обязанность (что было одной из центральных концепций Декларации прав тру-

дящегося и эксплуатируемого народа и Конституции РСФСР) был заменен трудом как экономической необходимостью, на смену страху юридического наказания в качестве санкции пришел страх голодной смерти. Когда декретом от 9 февраля 1922 г. трудовая повинность была наконец заменена системой «найма и увольнений»¹⁴⁰, это означало отказ от уже устаревшего оружия. XI съезд партии в марте 1922 г. даже услышал от Шляпникова давно знакомую в капиталистических странах жалобу на то, что рабочие лишаются работы дома из-за импорта из-за границы¹⁴¹. Меньше чем через год НЭП вновь возродил основные характерные черты капиталистической экономики¹⁴².

На статусе профсоюзов вполне закономерно сказался отказ от военного коммунизма и трудовой повинности, что проявилось двояким образом. В условиях патентованных частных предприятий и хозрасчета на государственных предприятиях вполне естественной казалась обязанность профсоюзов охранять интересы рабочего против нанимателя, и сторонники движения за слияние профсоюзов с государством потеряли свой самый убедительный аргумент. Когда в мае 1921 г. состоялся IV Всероссийский съезд профсоюзов, первый из этих двух вопросов еще не созрел для обсуждения. Организация промышленности при НЭПе едва началась, и резолюция съезда была лишена смысла из-за предположения (не подтвержденного последующими событиями) о том, что существует острое различие в отношении профсоюзов к государственным предприятиям и к предприятиям, возвращенным под частное управление¹⁴³. Второй вопрос (отношение профсоюзов к государству) был закрыт для членов партии в результате решения X партийного съезда за два месяца до того. Однако это решение автоматически придало новое значение старому, но имевшему до сих пор второстепенное значение вопросу — об отношении партии к профсоюзам. Логическим следствием НЭПа была независимость профсоюзов от государства. Однако в результате стало еще более необходимым не оставить и тени сомнения в партийном контроле над профсоюзами. Об этом было твердо, хотя и в осторожной форме, заявлено в резолюции съезда партии:

«Российская коммунистическая партия в лице ее центральных и местных организаций безусловно направляет по-прежнему всю идейную сторону работы профсоюзов... Подбор руководящего персонала профессионального движения, разумеется, должен протекать при направляющем контроле партии. Но партийные организации должны особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными массами»¹⁴⁴.

IV Всероссийский съезд профсоюзов открылся 17 мая 1921 г., причем, как обычно, Центральным Комитетом партии были подготовлены тезисы «О роли и задачах союзов», которые делегаты

съезда должны были обсудить и принять. В этих тезисах, однако, не повторялся акцент на применение «нормальных методов пролетарской демократии именно в профсоюзах», который был сделан в резолюции партийного съезда; и, когда они были за несколько часов до начала съезда вручены большевистской фракции, Рязанов, памятуя о формулировке в резолюции, предложил внести поправку. Томский, захваченный врасплох этой поправкой или не придавший ей значения, не выступил против нее достаточно решительно, и в результате она была принята подавляющим большинством членов фракции. Вечером того же дня в назначенное время Томский открыл съезд, выступив с официальной речью. Однако как только Центральный Комитет узнал, что произошло, Томскому было вынесено серьезное партийное взыскание за его неумение провести эти тезисы во фракции, и сам он был отстранен от дальнейшего участия в работе съезда. Официальный доклад о работе Всероссийского Центрального Совета профсоюзов за период после предыдущего съезда был сделан Шмидтом, а тезисы «О роли и задачах союзов» в их прежнем виде, восстановленном после дополнительного заседания фракции с участием самого Ленина, были представлены Лозовским¹⁴⁵. Ни Томский, ни Рудзутак, который был вынужден разделить ответственность за ошибку своего коллеги, не были избраны в президиум съезда при открытии второго заседания, а во время выборов в Центральный Совет, состоявшихся в конце съезда, если Рудзутак был вновь избран членом Совета, то Томский получил всего лишь статус кандидата¹⁴⁶. Через несколько недель Томский и Рудзутак узнали о своем назначении в состав специальной комиссии, направляющейся в Ташкент для наблюдения за делами вновь созданной Туркестанской АССР¹⁴⁷.

Одним из удивительных следствий этих изменений было восстановление Андреева, который поддерживал платформу Троцкого на X съезде партии и не был переизбран в Центральный Комитет. Андрееву было поручено выступить с официальным докладом «К вопросу об организации», который оказался наиболее дискуссионным вопросом на IV съезде профсоюзов. Теперь, когда независимость профсоюзов стала признанной частью НЭПа, было необходимо, чтобы не только партия контролировала полностью центральную профсоюзную организацию, но и чтобы центральная организация была в состоянии контролировать отдельные союзы. Эта цель была искусно достигнута резолюцией, выдвинутой Андреевым. Под прикрытием принятия необходимых мер по децентрализации в профсоюзной организации был достигнут совершенно противоположный результат. Под предлогом передачи полномочий местные межсоюзные органы, которые непосредственно подчинялись Всероссийскому Центральному Совету профсоюзов, должны были руководить местными органами соответствующих союзов: резолюция, использовав идею, выдвинутую еще на III съезде, предвкусывала тот день, когда союзы и их органы объединятся в «единый союз с промышленными секциями».

Вокруг этих предложений развернулась острая дискуссия. Один из делегатов заявил, что решается вопрос о том, «существовать ли дальше промышленным профсоюзам», а другой указал, что результатом этой резолюции будет «образование профсоюзного комиссариата с местными отделениями». На конгрессе, среди участников которого была только небольшая горстка меньшевистских делегатов, поправка по существу резолюции Андреева получила тем не менее 453 голоса против 593¹⁴⁸. Большинство, хотя и сравнительно небольшое, оказалось решающим. Контроль партии над Всероссийским Центральным Советом профсоюзов как над органами Советского государства был абсолютным. Как только был установлен твердый контроль Центрального Совета над союзами (процесс, в котором резолюция IV съезда профсоюзов стала выдающейся вехой), процесс слияния партии, государства и союзов в единый комплекс власти начал проходить успешнее. Вопрос «огосударствления» профсоюзов себя изжил. Однако каждый новый шаг в экономической политике способствовал постепенной потере профсоюзами их бывлой значимости и независимости. При военном коммунизме они по крайней мере были необходимыми и частично автономными органами государственной власти. При НЭПе они не могли больше занимать такое положение, и, поскольку было необходимо обуздать любую потенциальную тенденцию, направленную в новых условиях против власти государства, были приняты меры предосторожности, чтобы усилить и без того строгий контроль партии над профсоюзным аппаратом. После IV съезда профсоюзов Андреев сменил Томского на посту председателя Центрального Совета.

К концу 1921 г., когда постепенно проявились промышленные аспекты НЭПа, в профсоюзах вновь появились симптомы своеволия. К тому времени Томский и Рудзутак были отозваны из Туркестана, и между ними и Андреевым было достигнуто соглашение (очевидно, не без вмешательства высших партийных властей). 28 декабря 1921 г. Центральный Комитет партии заслушал доклад о роли профсоюзов, представленный Рудзутаком, Андреевым и другими¹⁴⁹. 12 января 1922 г. Политбюро приняло подробную резолюцию, подготовленную Лениным на основании тезисов, представленных Рудзутаком и Андреевым, которая через пять дней была опубликована в «Правде». В резолюции содержался вывод о ряде «противоречий между различными задачами профсоюзов». Эти противоречия «не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий» — до тех пор «пока есть остатки капитализма и мелкого производства». Таким образом, существует противоречие между обычными способами действия профсоюзов — убеждением и воспитанием, с одной стороны, и отдельными актами принуждения, к которым они вынуждены прибегать как «участники госвласти», — с другой; противоречие между защитой «интересов трудящихся» и давлением, которое они должны оказывать как «участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом»; между строгими

мерами войны классов и мерами примирения, свойственными профсоюзам. Эти противоречия отражали противоречия переходного периода к социализму. Но еще большее значение имели параграфы, касавшиеся практической деятельности. Поскольку перевод государственных предприятий на хозрасчет неминуемо порождал «известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат», советские профсоюзы при НЭПе выполняют функцию и пользуются их статусом прототипов при капитализме. На них возложена обязанность — «безусловно» защищать интересы рабочих. С другой стороны, членство в профсоюзах должно быть добровольным — хотя государство «должно поощрять профобъединение рабочих в отношении как правовом, так и материальном»; и профсоюзы не должны вмешиваться в управление предприятиями. Оба этих момента явились уступками тому, что может быть названо исключительно капиталистической точкой зрения о профсоюзах. Даже забастовки на государственных предприятиях — не говоря уже о частных предприятиях — не защищались, хотя профсоюзы должны были доводить до сознания рабочих, что «применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями старины в его учреждениях» и остатками капитализма. Нормальным способом решения конфликтов были переговоры между профсоюзами и хозяйственной администрацией соответствующего предприятия, причем для этих целей было рекомендовано создавать конфликтные комиссии¹⁵⁰.

Естественно, резолюция Политбюро была обязательной для членов Всероссийского Центрального Совета профсоюзов, бывших в подавляющей своей массе большевиками, и в феврале 1922 г. состоялось заседание Совета для ее проведения в жизнь. Томский впоследствии, на V съезде профсоюзов, охарактеризовал этот случай как «наша профсоюзная революция» и начало «нового курса в профсоюзном движении»¹⁵¹. В действительности это было первым последовательным применением принципов НЭПа в трудовой политике. Была подтверждена зависимость заработной платы от производительности труда, а коллективный договор признан нормальной основой для трудоустройства; восемь месяцев спустя было зарегистрировано, что «огромное большинство рабочих на государственных и частных предприятиях подпадают под режим коллективных договоров». Задача профсоюзов заключалась в том, чтобы обеспечить рабочим заработную плату на возможно более высоком уровне, чем государственный минимум, и таким образом добиться того, чтобы плодами объединения в профсоюзы воспользовались тысячи неорганизованных рабочих на мелких, преимущественно сельских промышленных предприятиях. Вновь, в осторожной форме, была подтверждена допустимость забастовок и приняты меры для создания так называемых конфликтных комис-

сий. Членство в профсоюзах становилось добровольным и индивидуальным; это было следствием отмены субсидий периода военного коммунизма, в результате чего профсоюзы вновь стали зависеть от членских взносов¹⁵². Месяц спустя XI съезд партии официально одобрил резолюцию Политбюро и с тем, чтобы сделать партийный контроль более надежным, постановил в следующей резолюции, что только члены партии, имеющие партийный стаж в несколько лет, могут быть избраны на руководящие посты в профсоюзных организациях, причем величина требуемого стажа зависела от важности поста¹⁵³. Судьба профсоюзов явилась прекрасной иллюстрацией того, как НЭП, признав меру экономической свободы, спровоцировал усиление прямого политического контроля партии над индивидуальными лицами и органами, у которых мог появиться соблазн злоупотребить этой обусловленной свободой. Через месяц после партийного съезда процесс изъятия государственных функций из компетенции профсоюзов (подразумеваемый в НЭПе и партийной резолюции) получил дальнейшее распространение в декрете, передавшем функцию социального обеспечения по болезням и безработице из ведения профсоюзов Наркомтруду¹⁵⁴.

Примечательно, что на V Всероссийском съезде профсоюзов, состоявшемся в сентябре 1922 г., произошла полная общественная реабилитация Томского. Андреев сделал доклад о работе Центрального Совета за период после предыдущего съезда, а Томский произнес основную речь, озаглавленную «Результаты новой профсоюзной политики и текущие задачи профсоюзного движения», причем Томский и Рудзутак возглавили список избранных съездом в Центральный Совет¹⁵⁵. Развитие НЭПа приближалось к своему пику, и не требовалось ничего большего, как повторить и подчеркнуть то, что было сказано Политбюро в январе, Центральным Советом союзов в феврале и партийным съездом в марте. Только на двух вопросах считалось целесообразным заострить внимание. При всей своей настойчивости в обеспечении лучших условий для рабочих профсоюзы не могли, говоря словами резолюции, предложенной Томским, «отказаться от установления гарантированного уровня производства» и должны были постоянно заботиться о повышении производительности труда. Другим трудным вопросом был вопрос о забастовках. По словам Андреева, за прошедший год было 102 забастовки, в которых участвовало 430 тыс. рабочих: число было мизерным по сравнению с количеством забастовок, прошедших в капиталистических странах, но и оно должно было быть снижено. Резолюция съезда заявляла, что каждая потенциальная забастовка должна «рассматриваться как строго индивидуальный случай в отношении значения соответствующего сектора хозяйства и зависимости от него всей экономической жизни»; Томский, в частности, сказал, что забастовка железнодорожников, например, будет нетерпимой «с точки зрения общих задач рабочего класса». В резолюции далее подчеркивалось, что обязанностью профсоюза является предпринять меры для скорейшей ликвидации

любой забастовки, которая начнется «стихийно или против желания органов союза»¹⁵⁶.

Еще во время работы съезда началась подготовка проекта нового Кодекса законов о труде, который должен был прийти на смену устаревшему Трудовому кодексу 1918 г.¹⁵⁷ и придать силу закона принципам, установленным НЭПом. Общая характеристика этого кодекса была дана Шмидтом, который в качестве народного комиссара труда проводил его через ВЦИК в конце октября 1922 г. Кодекс 1918 г. «строился главным образом на основе всеобщей трудовой повинности»; кодекс 1922 г. (в соответствии с духом НЭПа) основывался на добровольных соглашениях. В 1918 г. государство стремилось к тому, чтобы установить и лимитировать размер заработной платы и условия трудоустройства; теперь в функцию государства входило лишь установление минимума заработной платы, который мог превышать и обычно превышался, и требование соблюдать определенный минимум условий (восьмичасовой рабочий день, оплаченные отпуска, ограничения на применение детского труда и т. п.). Коллективный договор, заключенный профсоюзом, становился обычной, хотя и не обязательной, формой трудоустройства. В принципе трудоустройство должно было осуществляться через биржи труда, хотя довольно большое число исключений из этого правила касалось ответственных постов, требовавших специальной или «политической» квалификации. За профсоюзами сохранялась монополия на охрану труда и защиту интересов рабочих; выборы фабричных комитетов должны были проводиться в соответствии с уставом соответствующего профсоюза, и результаты выборов должны были утверждаться им. Томский приветствовал кодекс от имени профсоюзов. «Государственное регулирование заработной платы, — заявил он, — как видно, не срабатывает и абсолютно не отвечает условиям новой экономической политики»; при этом профсоюзами воздавалось должное как «общественным организациям, защищающим интересы рабочих».

Однако в духе НЭПа было и то, что не должны были игнорироваться права нанимателей, государственных или частных. В функции союзов входило и стимулирование производства: обязательства, возложенные на фабричные комитеты, включали «сотрудничество в нормальном процессе производства на государственных предприятиях и участие через посредничество соответствующих профсоюзов в регулировании и организации народного хозяйства». Невыполнение рабочим требуемой нормы производства могло быть наказано в виде удержаний из заработной платы, которая не должна была, однако, падать ниже двух третей стандартного уровня. Длинный перечень оснований, позволяющих уволить рабочего без компенсации в случае невыполнения им своего договора, был одним из пунктов кодекса, который вызвал серьезную критику во ВЦИКе: один из ораторов охарактеризовал его (и не без основания) как «лишний козырь в руках частных предпринимателей»¹⁵⁸. Ленин в своей речи на сессии ВЦИКа, на которой был принят

кодекс (одно из последних его выступлений и последнее появление во ВЦИКе), был далек от того, чтобы разделять официальный оптимизм Шмидта и Томского.

«Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых — миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс, — в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрываем благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямоком, именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»¹⁵⁹.

Трудовая и профсоюзная политика была неотъемлемой частью всей проблемы эффективности народного хозяйства. Какие бы формы, казалось, ни диктовала логика НЭПа, основной потребностью советской экономики все еще оставалось развитие промышленного производства — потребностью тем более важной, что промышленность была поставлена в невыгодное положение из-за тех привилегий, которые НЭП предоставил сельскохозяйственному сектору; а трудовая политика должна была так или иначе и любой ценой помочь удовлетворить эту потребность.

г) Торговля и распределение

Естественным следствием замены продразверстки продналогом как метода получения от производителя избытков сельскохозяйственных продуктов был возврат к частной торговле. Сокращение количества зерна, собираемое теперь государством, сделало невозможным сохранение системы государственных пайков¹⁶⁰; и данное крестьянину право продавать остатки своего урожая по любой цене, которую он мог получить на свободном рынке, вместо того чтобы быть вынужденным продавать их государству по твердым ценам, стало для него новым побудительным мотивом. Этого вывода, сколь бы потрясающим на первый взгляд он ни казался стойким членам партии, нельзя было избежать¹⁶¹. Ленин, внося Новую экономическую политику на рассмотрение партийного съезда, признал, что «лозунг свободной торговли будет неизбежным», поскольку он «отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя»¹⁶². Однако декрет, в котором нашла отражение новая политика, был, скорее, выдержан в духе бартерного обмена, чем в чисто так называемом торговом духе.

«Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства.

Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах»¹⁶³.

Более того, стимулирование таким образом крестьянина подразумевало предоставление аналогичных возможностей промышленному рабочему, который должен быть его партнером по обмену; процессом бартерного обмена необходимо было охватить все, что крестьянин хотел купить, равно как и то, что он должен был продавать. Две недели спустя очередным декретом рабочему было дано право откладывать часть продукции для «обменного фонда», резервируя таким образом товары, подлежащие обмену на сельскохозяйственные продукты крестьянина; для организации этого обмена должны были создаваться рабочие кооперативы. Промышленным рабочим было разрешено также откладывать часть своей продукции для своего собственного потребления, тратя на эти цели часть своего рабочего времени, а на иных предприятиях определенная часть рабочих отдавала этому весь свой рабочий день¹⁶⁴. В действительности это, скорее, была попытка легализовать и поставить под контроль незаконную торговлю, которая при военном коммунизме приобрела внушающие тревогу масштабы¹⁶⁵. На IV Всероссийском съезде профсоюзов она была охарактеризована как «эксперимент»¹⁶⁶, а Ленин назвал ее «поблажкой», вызванной психологическими причинами: «...крестьянам подачку дали, нужно на этой же почве такими же приемами дать и рабочим. Нам пришлось известную дань этому отдать»¹⁶⁷.

Этот обмен товарами был не только «основным методом получения продуктов питания», но и «проверкой правильных взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством»¹⁶⁸. X партийная конференция в мае 1921 г. назвала его «основным рычагом новой экономической политики»¹⁶⁹.

То, о чем часто говорили как о возврате к частной торговле, было на самом деле не столько нововведением, сколько официальным признанием и поощрением того, что никогда не прекращало существовать: легализацией распространенной, хотя и незаконной, практики. Главная функция правительства на начальном этапе НЭПа заключалась не только в стимулировании требуемого объема внутреннего обмена, но и в регулировании, а в случае необходимости — в направлении его потока таким образом, чтобы не дать ему захлестнуть все социалистическое сооружение и избежать восстановления доминирующего влияния частного капитала над всей экономикой. Ленин откровенно признавал, что «свобода торговли означает в определенной мере развитие капитализ-

ма», добавляя при этом, что «этот капитализм будет под контролем, под надзором государства»¹⁷⁰. Однако первые попытки регулирования оказались безуспешными. Было неясно, что же на самом деле подразумевалось под разрешением торговать «в пределах местного хозяйственного оборота», данным в первоначальном декрете о НЭПе от 21 марта 1921 г. Но каковы бы ни были намерения этого декрета, он был вскоре аннулирован. В декрете Совнаркома от 28 марта 1921 г. о торговле зерном, фуражом и картофелем была предпринята попытка сохранить принцип регулирования самими губерниями. Но поскольку декрет отменил все ограничения на транспорт, в результате он действовал как средство устранения всех местных барьеров¹⁷¹. Как только был принят принцип частного обмена, любая попытка ограничить его местными рынками или натуральным обменом была обречена на неудачу. Декретом от 24 мая 1921 г. отдельным гражданам и кооперативам было предоставлено право «обменивать, закупать и продавать» сельскохозяйственные продукты, остающиеся после выплаты натурального налога¹⁷².

Осенью 1921 г. Ленин откровенно признал поражение в этом вопросе:

«Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю — продажу. И мы теперь вынуждены это осознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны осознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли — продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля — продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли — продажи, денежного обращения захлестнет вас!»¹⁷³

Конференция коммунистов Московской губернии (имеется в виду VII Московская губпартконференция. — *Ред.*), к которой Ленин обращался с этим предупреждением, приняла резолюцию, провозгласившую настоятельно необходимым, «исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»¹⁷⁴.

Два месяца спустя, на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин вновь объяснил, что «торговля является оселком нашей экономической жизни» и что сутью Новой экономической политики является возможность учиться, — учиться у купца, частного предпринимателя, который достаточно умен, чтобы за сотню процентов прибыли сделать дело так, как сплошь и рядом не сумеют этого сделать никакие коммунисты и профсоюзники¹⁷⁵. Каменев еще раз сослался на непреодолимое препятствие:

«Создав, благодаря продналогу, рынок, дав возможность торговать хлебом, мы создали обстановку, которая все время будет меняться. Рынок не есть явление логическое, которое можно схватить в сегодняшнем его состоянии. Это явление — развивающееся и порождающее все новые и новые явления»¹⁷⁶.

И в резолюции, указавшей, что «образование внутреннего рынка» и «развитие денежного обмена» являются характерными чертами экономического ландшафта, содержался первый из тех парадоксальных панегириков свободной конкуренции, которые стали присущи периоду НЭПа:

«Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать себе решительное господство»¹⁷⁷.

Институционально при НЭПе существовало три вида торговли: торговля велась частниками, кооперативами и государственными органами. Хотя все они открыто конкурировали друг с другом на равных условиях, все же установилось некоторое разделение труда между ними. Частный торговец был наиболее активен в розничной торговле, хотя со временем он начал появляться и в оптовой торговле в качестве агента государственных трестов или других государственных органов. Государственные органы ограничивали свою основную коммерческую деятельность оптовой торговлей, хотя одновременно открывались и государственные розничные лавки. Кооперативы следовали своей старой традиции, сочетая функции оптовых и розничных торговцев.

Поощрение розничной торговли частников явилось заметным изменением предыдущей политики на 180 градусов. Декрет, принятый в июле 1921 г., дал возможность любому гражданину, достигшему 16 лет, получить лицензию на торговлю в лавках, общественных местах, на рынках или базарах любыми продуктами или предметами, кроме товаров, изготовленных из сырья, поставляемого государством: цель этого ограничения заключалась, вероятно, в том, чтобы исключить продукцию национализированной промышленности из частной торговли¹⁷⁸. Здесь также первым результатом была легализация и расширение того, что уже существовало, а не создание чего-либо нового. Частная торговля никогда не прекращалась подпольно или на полулегальных рынках, из которых Сухаревка в Москве была просто наиболее известным рын-

ком. Теперь мелкая частная торговля вышла из подполья. Бродячий корабейник, или мелкий разносчик товаров, торгующий на более или менее организованных рынках и базарах, был характерным явлением частной торговли в первый год НЭПа, но это далеко не означало, что он был порождением НЭПа: он был преемником мешочника военного коммунизма, едва отличимым от него, если не считать официального признания. Однако, как только частная торговля стала официально терпимым и поощряемым явлением, эта примитивная ее разновидность не могла существовать. Ей суждено было быть изгнанной, как только был накоплен достаточный капитал и появилась необходимая предприимчивость, чтобы организовать более развитые и эффективные формы торговли. К середине 1922 г. этот процесс был уже в самом разгаре, и вскоре Государственный универсальный магазин (ГУМ) — это детище ВСНХ со своими отделениями во всех столичных городах — превратился лишь в крупнейший среди растущего числа розничных магазинчиков. В 1922 г., впервые после 1917 г., состоялись две знаменитые русские ярмарки — Ирбитская в Сибири (весной) и Нижегородская (в конце лета)¹⁷⁹. Огромная масса мелкой розничной торговли почти полностью оставались в частных руках, и только на крупнейших торговых предприятиях государственные органы завоевали прочное положение¹⁸⁰.

Введение НЭПа было направлено на то, чтобы еще больше стимулировать кооперативы, чем частных торговцев, поскольку организация кооперативов в любом случае основывалась на коллективных началах, которые, похоже, вызывали меньшую антипатию у большевистских ортодоксов, чем частная конкуренция¹⁸¹. Ленин, внося НЭП на рассмотрение X съезда партии в марте 1921 г., без лишнего слов предложил отменить резолюцию предыдущего съезда, которая настаивала на строгом подчинении кооперативов Наркомпроду¹⁸²: теперь, когда сельскохозяйственные излишки (после сбора продналога) подлежали извлечению у крестьянина в процессе бартерного обмена и торговли, потребительская кооперация должна была играть важную роль. Декретом от 7 апреля 1921 г. им была возвращена часть формальной независимости, которую они потеряли за два года до этого и которая теперь ограничивалась лишь правом Наркомпрода управлять процессом осуществления ими своих «обязательных государственных заданий и правом ВЦИКа назначать членов правления, обладающих равными правами с избранными членами»¹⁸³. В следующем месяце была заключена серия соглашений между правительством и кооперативами, включая соглашение от 17 мая 1921 г., которое называлось «генеральным договором» с потребительской кооперацией и по которому Центросоюз становился единственным агентом правительства по оптовому распределению потребительских товаров по всей стране¹⁸⁴. Концепция, превалировавшая в первые месяцы НЭПа, с особой ясностью проявилась в этих соглашениях. Существовало два основных метода получения продовольствия у крестьянина — на-

туральный налог и товарообмен. Первый из них использовался непосредственно советскими властями, второй — кооперативами, выступавшими в качестве агентов Наркомпрода.

Однако эта концепция не сработала. Она не сработала частично потому, что Наркомпрод¹⁸⁵ оказался не в состоянии обеспечить обещанное снабжение товарами широкого потребления с целью обмена, в результате чего вскоре начались взаимные обвинения между Наркомпродом и Центросоюзом. Но главная причина этой неудачи крылась в том, что при отсутствии высокоорганизованного машинного производства весь громоздкий процесс товарообмена, выражаясь словами Ленина, «сорвался», то есть «вылился в куплю — продажу». Силы НЭПа, подавляя его основателей и не оставляя камня на камне от плана создания упорядоченной государственной системы натурального обмена, вынудили их пересмотреть статус и функции кооперативов; и этот пересмотр — очередная дань влиянию кооперативных учреждений на массы — был принят в декрете Совнаркома от 26 октября 1921 г. Вся собственность кооперативов, которая была национализирована или муниципализирована, подлежала возврату (это был старый повод для недовольства, восходящий еще к 1919 г.); было признано право покупать и продавать без вмешательства каких-либо правительственных органов советским промышленным органам, включая тресты, главки и секции ВСНХ, было указано предлагать свои товары в первую очередь Центросоюзу или соответствующим местным кооперативным учреждениям, и только в случае отказа они были свободны предлагать эти товары на тех же условиях на свободном рынке¹⁸⁶. Одновременно в директиве Центрального Комитета подчеркивалась новая независимая роль кооперативов при НЭПе и содержалось указание коммунистам принимать в этом активное участие, «чтобы овладеть этими организациями»¹⁸⁷.

Теоретически этот декрет продолжал определять статус потребительской кооперации и взаимоотношения между Центросоюзом и Советским правительством в течение всего последующего периода. На деле же постоянно имели место споры и жалобы. Бесконечно тянулись переговоры с ВСНХ по поводу возврата национализированной собственности, на которую претендовали кооперативы; правительственные управления и тресты (равно как и синдикаты, которые начали создаваться в апреле 1922 г.) постоянно обходили кооперативы, предпочитая вести торговлю с частными лицами. Тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в первой половине 1922 г. снабжение кооперативов товарами на три четверти приходилось на долю государственных органов, включая тресты¹⁸⁸. В равной степени ни партия, ни правительство (сколько бы обструкционистскую позицию ни занимали отдельные управления или учреждения) не могли обойтись без кооперативов. Партийная конференция в августе 1922 г. приняла пространную резолюцию «О задачах партии в кооперации». В ней указывалось, что принцип обязательного членства не должен «превращать потре-

бительскую кооперацию лишь в технический аппарат государственного товарообмена и распределения». Вмешательство частного торговца в качестве посредника между контролируемой государством промышленностью и крестьянином считалось «противоречием»; в задачу кооперации входило «изгнать частный капитал из торговли и такой мерой создать прочную смычку между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью»¹⁸⁹. Эта оптимистическая оценка роли кооперации себя не оправдала. Отношения между государством и кооперацией по-прежнему оставались сложными и нестабильными. Советское правительство или некоторые из его органов относились к кооперативам слишком подозрительно и недоверчиво, чтобы работать с ними без оглядки. В оптовой торговле кооперативы сами зачастую испытывали трудности в открытой конкурентной борьбе с частным торговцем — даже в борьбе за благосклонность трестов и официальных торговых органов. В розничной торговле их давняя традиционная популярность среди потребителей помогла им сохранить свои позиции. Ленин в одной из своих самых последних статей, написанных в начале 1923 г., подчеркивал «исключительное значение» кооперации при НЭПе¹⁹⁰. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Хинчук докладывал о существовании примерно 250 тыс. потребительских кооперативных обществ и 300 тыс. кооперативных лавок¹⁹¹.

С введением НЭПа создался вакуум в органах государства, поскольку до этого не было официально признано, что ведение или управление внутренней торговлей входит в функции Советского правительства. Внешняя торговля с капиталистическими государствами занимала особое место и управлялась специальной организацией. Первоначальный народный комиссариат торговли и промышленности никогда не занимался внутренней торговлей, а органы Наркомпрода и ВСНХ, которые контролировали снабжение населения, были органами не торговли, а распределения. Когда начался НЭП, представление — если таковое существовало — о том, что торговля должна оставаться исключительно в руках кооперативов и частных, быстро рассеялось. При ВСНХ, который, помимо вторжения в розничную торговлю через ГУМ, имел под своим контролем оптовые «торговые учреждения» (госторги или просто торги), подчиненные губернским совнархозам, была создана центральная торговая секция. Наркомпрод и ряд других комиссариатов также создали торговые секции для реализации товаров, которые находились в их ведении¹⁹². Наиболее важную роль среди них играли тресты, которые являлись основными производителями промышленных товаров. Получив указание действовать на коммерческих началах, они пытались организовать реализацию своей продукции иногда через кооперативы, а порой (в нарушение гарантий, предоставленных кооперации декретом от 26 октября 1921 г.) через частных торговцев. Поначалу не предполагалось,

лось, что государственные органы будут закупать необходимые им товары на рынке. Однако по мере того, как постепенно рушилась система централизованного снабжения сырьем и товарами, им разрешалось покупать на частном рынке, сначала в качестве исключения, а позднее, декретом от 4 октября 1921 г., на регулярной основе, хотя им было указано в качестве поставщиков товаров отдавать предпочтение кооперативам¹⁹³. Но ни один из этих институтов не был достаточно подготовлен (ни традиционно, ни практически) к тому, чтобы вступить в сложный процесс торговли. Как только политика натурального «товарообмена» и снабжения отошла на задний план и всерьез начал действовать принцип «купли — продажи», возникла насущная потребность в людях, чувствующих себя как рыба в воде на рынке с его обычаями, образом действий и приемами, в людях, готовых в нужный момент найти покупателей и продавцов, дать совет относительно цен и вообще выступать в качестве маклеров и посредников для начальников, которые чувствовали себя не в своей тарелке в этом незнакомом для них мире.

Этот пробел был восполнен прослойкой более честолюбивых и более удачливых нэпманов (некоторые из них принадлежали к некогда почтенным — или не очень почтенным — бизнесменам, вышедшим из подполья, где они находились со времени революции; другие представляли собой новичков, которые быстро усвоили премудрости торгового дела). Сила нэпмана зависела от того, насколько он преуспеет в том, чтобы стать необходимым государственным торговым учреждением и крупным промышленным трестам. По словам полуофициального отчета, «характерная черта современной частной оптовой торговли и состоит именно в этом сильном внедрении частного капитала в государственные торговые органы и в их взаимном переплетении». Нэпманы разъезжали с мандатами государственных учреждений и требовали и получали предпочтительное к себе отношение; их прибыли, несомненно, были достаточно велики, чтобы давать им возможность прибегать к прямым или завуалированным формам коррупции. Они проложили себе путь в кооперативы, часть из которых со всей очевидностью служила простым прикрытием для частных торговых предприятий. Таким образом, «частный капитал охватывает государственные органы со всех сторон, питаясь ими и наживаясь за их счет»¹⁹⁴. Сравнительно безобидное явление, отмеченное одним из ораторов на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., в виде «мелкого спекулянтского мешочнического и ростовщического капитала, который сейчас празднует свое возрождение в виде кафе-шантанов, кондитерских, пирожных и т. д.»¹⁹⁵, вскоре преобразилось в картину Москвы при НЭПе как города роскоши для нового государственного капитализма, в адрес которого раздавалась критика со стороны многих иностранных гостей в течение 1922 и 1923 гг.¹⁹⁶ Такова была цена за следование указанию Ленина «учиться торговать».

Именно осенью 1922 г., когда была завершена первая фаза НЭПа, Советское правительство приняло решение о введении одновременно с Земельным и Трудовым кодексами¹⁹⁷ Гражданского кодекса. Ленин охарактеризовал его как воплощение той политики, «которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний», и как попытку «соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление НЭПом»¹⁹⁸. Докладчик, представлявший кодекс на одобрение во ВЦИК, пояснил, что его цель заключается в том, чтобы «дать гарантии ему (т. е. государству) в том смысле, что те завоевания, те командные высоты, которые оно за собой сохраняет даже при уступках новой экономической политике, будут оставлены неприкосновенными в руках рабоче-крестьянского государства, и наряду с этим дать возможность развиваться частной инициативе в тех пределах, которые допускаются интересами рабоче-крестьянского государства»¹⁹⁹. Но теперь, когда по прошествии времени начал забываться тот тяжелейший кризис, который диктовал введение НЭПа, а некоторые из наименее приемлемых его проявлений приобрели печальную известность, отовсюду стали поступать жалобы на него — правда, редко — из высоких инстанций. Представитель Наркомфина во ВЦИКе с возмущением ссылаясь на разговоры в сельских округах о том, что «центр слишком поправел», что «спекулянтов» и «мародеров» щадить нечего, что «они находятся вне Советского закона», в то время как в действительности эти «спекулянты» и были как раз теми мелкими капиталистами, кого «НЭП пытается защищать». Тот же делегат продолжал:

«Те слухи, которые сейчас имеются в Москве, о том, что положение НЭПа непрочно, имеют кое-какие обоснования в том, что у нас сейчас еще много разговоров о «революционной законности», но недостаточно еще посеяно уважение к законам»²⁰⁰.

Гражданский кодекс поставил штамп на новый культ законности, основной целью которого было защитить и приумножить достижения НЭПа.

Как уже отмечалось, РСФСР вступила в период НЭПа без какой-либо официальной машины для ведения или регулирования внутренней торговли. Философия НЭПа, хотя и поощряла государственные учреждения заниматься торговлей, тем не менее настаивала на том, что торговлю нужно вести на принципах рынка, без вмешательства государства; поэтому она так же враждебно была настроена к любому контролирующему органу, как и практика военного коммунизма, хотя и по другой причине. В действительности же нельзя было сохранять полную официальную независимость. Как только неуклюжие попытки установить прямой товарообмен повсеместно уступили дорогу денежным сделкам, неизбежно должно было раздаться требование попытаться контролировать цены. 5 августа 1921 г. Наркомфином был создан комитет

цен для того, чтобы устанавливать цены на все товары, с которыми имеют дело государственные органы или государственные предприятия²⁰¹. Однако эта мера потерпела полнейшее фиаско, и цены повсюду вели себя в соответствии с условиями на рынке²⁰². Начиная с осени 1921 г. политика Наркомфина была направлена на то, чтобы восстановить стабильную валюту и сбалансированный бюджет, и выступала против любой формы вмешательства в неповскую экономику свободного рынка²⁰³. В равной степени никакой другой департамент не был подготовлен к взятию на себя этой роли. Была предпринята попытка преобразовать центральный торговый отдел ВСНХ в «управление регулирования торговли»²⁰⁴. Однако это расширение функций органа, который справедливо считался органом, представляющим промышленный сектор экономики, вряд ли приемлемо для других органов, заинтересованных в торговой политике. В мае 1922 г. Совнарком создал комиссию по внутренней торговле, действовавшую под контролем СТО и наделенную полномочиями готовить декреты по торговле для утверждения Совнаркомом или СТО и составлять инструкции по собственному усмотрению в пределах существующих декретов²⁰⁵. Однако похоже на то, что полномочия этой комиссии не использовались достаточно широко и эффективно. Несмотря на предупреждение, данное кризисом *разбазаривания*, о последствиях разлаженной коммерции, развитие внутренней торговли (во всяком случае, до осени 1923 г.) определялось почти полностью конкурирующими силами рынка. И только в мае 1924 г. комиссия по внутренней торговле была объединена с тем, что оставалось от Наркомпрода, в результате чего был создан народный комиссариат торговли²⁰⁶.

д) Финансы

К Новой экономической политике приступили, не продумав связанные с ней финансовые аспекты. Первоначальный проект товарообмена на местных рынках, казалось, не предлагал ничего несовместимого с движением к безденежной экономике или с застарелым процессом валютной инфляции. Только Преображенский, который так часто воспевал достоинства инфляции, имел, хотя и слабое, представление о том, что может случиться. Его речь на X партийном съезде, который принял НЭП, представляла собой смесь пронизательного здравого смысла с далеко идущей фантазией. Он предупреждал съезд о том, что «невозможно торговать, имея такой курс рубля, который колеблется на рынке не только на протяжении нескольких дней, но и на протяжении нескольких часов; однако единственное конкретное предложение, которое он выдвинул, было введение новой валюты, основывающейся на серебре. Но съезд остался равнодушен как к его доводам, так и к разумному предложению, которым он завершил свое выступление, о создании комитета для рассмотрения всего аспекта финансовой

политики «применительно к тем новым экономическим условиям, в которые мы вступаем»²⁰⁷. Урок должен быть усвоен не теоретически, а практически, однако для этого время еще не настало. Никому в голову не приходило предусмотреть возврат к ортодоксальному банковскому делу для финансирования промышленности или к ортодоксальной фискальной политике сбалансированного бюджета, достигаемого за счет радикального сокращения правительственных расходов. К этим выводам приходили постепенно, окольными путями, исходя из начальной предпосылки о том, что крестьянин должен свободно торговать своими излишками сельскохозяйственных продуктов, чтобы покупать необходимые ему товары. Осуществление финансовой политики при НЭПе представляет собой прекрасную иллюстрацию неизбежного взаимоотношения частей в единой экономической структуре.

Когда же первоначальная концепция местного товарообмена переродилась в куплю-продажу на общенациональном рынке, тогда денежная политика стала неотъемлемой частью НЭПа. Возврат к капитализму (даже к «государственному» капитализму) сделал неизбежным возврат к денежной экономике. Однако предубеждение в партийных кругах было достаточно сильным, чтобы замедлить и приостановить начальные шаги. Декретом Совнаркома от 30 июня 1921 г., в преамбуле которого выражалось стремление «устранить стесняющие хозяйственный оборот ограничения и оздоровить денежное обращение развития вкладной и переводной операций», были отменены все ограничения на суммы, которые могут храниться у частных лиц или организаций. Вклады в сберегательных кассах Наркомфина и в кооперативах не подлежали конфискации и должны были выплачиваться держателям по их требованию; причем об этих вкладах не должна была выдаваться никакая информация никому, за исключением их держателей или представителей юридических властей²⁰⁸. Эта мера — первый шаг на долгом пути назад к финансовой ортодоксальности — была, очевидно, предназначена для реабилитации денег в сознании народа. Однако тем самым на первый план резко выдвинулся вопрос, неуклюже поднятый на съезде Преображенским, о том, как создать стабильную валюту, которая пользовалась бы доверием и выполняла элементарные функции средства обмена. Этого нельзя было достичь, пока печатные станки продолжали выпускать неограниченное количество рублей; работу печатных станков нельзя было ограничить до тех пор, пока правительство не могло найти какого-либо другого средства, чтобы свести концы с концами; равно как нельзя было и помышлять о том, чтобы ограничить правительственные расходы рамками тех доходов, которые оно реально могло получить, коль скоро государство продолжало нести огромные затраты на содержание государственной промышленности и занятых в ней рабочих. Потребность в стабильной единице расчета была тем более острой в экономике национализированной промышленности, которой было приказано вести дела на принципах хозрасчета.

Декретом от 8 августа 1921 г., создавшим трест льнопрядильных фабрик, предписывалось при оценке требуемых вкладов исходить «из цен 1913—1914 года»²⁰⁹; а несколько дней спустя в декрете о развитии крупной промышленности оговаривалось, что «...материалы и сырье расцениваются применительно к средним ценам западноевропейского рынка (в частности Лондонского)»²¹⁰. Но выдвижение этих вызывающих удивление условий скорее можно рассматривать как сигналы бедствия, чем как взвешенные решения проблемы.

Летом 1921 г. все эти вопросы постепенно доходили до сознания руководителей, которые все еще не хотели сделать финансовых выводов из НЭПа, и предпринимались лишь отдельные шаги в ответ на определенные чрезвычайные обстоятельства без какого-либо согласованного плана. Подходы к бюджетному вопросу предпринимались с двух сторон. При военном коммунизме они были разработаны на вторую половину 1919 г. и на 1920 г., однако так и не получили официального одобрения. Включение балансов промышленных предприятий в государственный бюджет положило конец концепции сугубо правительственных доходов и расходов; а проект декрета от 3 февраля 1921 г., по которому отменялось все денежное налогообложение²¹¹, стал бы (если только вступил бы в силу) составной частью движения по направлению к натуральному хозяйству. Теперь, при НЭПе, все это было пересмотрено. Отсоединение промышленности от государственного бюджета началось в июле и августе 1921 г., когда приступили к сдаче в аренду предприятий, а тем из них, которые оставались за государством, было приказано перейти на хозрасчет. В июле 1921 г. был введен налог на промышленность, включающий плату за патент и менявшийся в зависимости от числа рабочих на предприятиях, равно как и налог на оборотный капитал²¹². Несколько недель спустя декретом Совнаркома был утвержден радикальный принцип, по которому все товары или услуги, предоставленные государством или государственными органами, должны были оплачиваться наличными²¹³. Затем 21 августа 1921 г. Совнарком восстановил принцип государственного бюджета. Он даже пошел на формальное принятие практически бесполезных цифр бюджета на вторую половину 1919 г. (28 млрд. руб. доходов и 164 млрд. — расходов) и на 1920 г. (159 млрд. — доходов и 1215 млрд. руб. расходов). Более того, он даже направил ведомствам указания не позднее октября подготовить свои сметы на 1921 г., на 1922 г. — не позднее марта будущего года, а на 1923 г. — не позднее 31 декабря 1922 г.²¹⁴ На следующий день он предпринял первый шаг к восстановлению автономии местных властей — еще одна мера, направленная на то, чтобы облегчить груз центрального бюджета; он санкционировал удержание части налога на промышленность для удовлетворения финансовых потребностей губернских исполнительных комитетов²¹⁵. Поэтому, когда в начале октября 1921 г. ВЦИК произвел первый после принятия НЭПа систематизирован-

ный обзор финансовой политики, уже была проделана значительная часть подготовительной работы. В резолюции от 10 октября ВЦИК указал Наркомфину принять меры для «увеличения государственных доходов», проводить политику «ограничений и строгой экономии при расходовании средств» и «совершенствовать систему банковских операций, необходимую для улучшения народного хозяйства», а также принял решение упразднить объединение государственных и местных бюджетов. Эти дезидераты, решенные в принципе, требовалось (это было масштабное требование) осуществить. Однако в резолюции содержалось новое и очень важное указание Наркомфину «сократить выпуск знаков»²¹⁶. Был указан путь к принятию меры, которая должна была увенчать все здание финансовой реформы, но которая все еще не была названа во всеуслышание: введение стабильной валюты.

Тем не менее первоначальный толчок к принятию самой впечатляющей финансовой реформы октября 1921 г. был получен из другого источника. Отмена государственных кредитов поставила промышленность в тяжелое положение отрезав ее от источника, к которому она привыкла обращаться в поисках рабочего капитала. Изначально советская индустрия получала кредиты в Народном банке. Затем на смену коммерческому кредиту пришли авансы из государственного бюджета, и Народный банк вполне естественно прекратил свое существование в январе 1920 г. Когда был введен НЭП, в Советской России не существовало никаких кредитных учреждений, кроме кооперативной секции Наркомфина, которая продолжала оказывать более или менее формальную помощь тому, что осталось от кредитной кооперации. Теперь, когда торговля подлежала восстановлению и промышленность больше не финансировалась за счет авансов из государственной казны, необходимо было возродить какой-либо кредитный институт. 12 октября 1921 г. ВЦИК, следуя духу своей общей финансовой резолюции, одобрил проект резолюции Совнаркома о создании Государственного банка и на следующий день официально утвердил его статус. Банк был создан «в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота за счет кредита и прочих банковских операций» и сам должен был функционировать на принципе хозрасчета. Его первоначальный капитал в сумме 2000 млрд. руб. был предоставлен государством, а члены правления были назначены Наркомфином, причем назначение председателя было утверждено Совнаркомом²¹⁷. Новый Государственный банк РСФСР (Госбанк)²¹⁸ открыл свои двери 16 ноября 1921 г. Начало его деятельности не было обнадеживающим. Его ресурсы, определяемые с самого начала основным капиталом, были ограниченными, а ставки чрезмерными: помимо процентов, он, чтобы обезопасить себя против обесценения валюты, брал за свои ссуды «страховой процент» из расчета 8% в месяц с правительственных учреждений, 10 — с кооперативов и 12% с частных предприятий²¹⁹. Неудивительно, что его помощь не была ни скорой,

ни достаточной в количественном отношении, чтобы утолить кредитный голод крупной индустрии²²⁰ или преодолеть кризис разбазаривания приближающейся зимы. Сам банк испытывал трудности, функционируя в условиях быстро падающей валюты, что прогрессивно обесценивало его капитал и делало бессмысленной любую кредитную политику. Как стабилизация валюты была немыслима без прояснения бюджетной ситуации, так и нельзя было заставить работать необходимую кредитную систему, покуда не стабилизировалась валюта. Финансовые реформы, задуманные в октябре 1921 г. и увенчавшиеся созданием Государственного банка, представляли собой взаимосвязанные части единой политики.

К осени 1921 г. стало совершенно ясно, что стабильная валюта и сбалансированный бюджет являются основой для любой финансовой реформы и необходимым условием существования самого НЭПа. За его введением летом 1921 г. последовала временная пауза в ставшем теперь хроническим повышении цен, так что начиная с июля 1921 г. они впервые после Октябрьской революции повышались с меньшей скоростью, чем рос объем денежной массы в обращении, и в работе печатного станка наметилось некоторое сокращение темпов²²¹. Для проведения консультаций по валютной политике была создана специальная комиссия. 3 ноября 1921 г. было решено в следующем году начать выпуск новой валюты, причем один рубль должен был равняться 100 тыс. старых рублей; а новые банкноты не назывались больше «расчетными знаками», получив название «денежные знаки» — возврат к использованию дореволюционного термина и, вероятно, попытка вернуть престиж и уважение к слову «деньги»²²². 5 ноября 1921 г. Совнарком принял два важных решения о бюджете на предстоящий 1922 г. Он должен был быть составлен только на 9 месяцев, с тем чтобы в будущем бюджетный год начинался с 1 октября и исчислялся в довоенных рублях²²³. Согласно инструкции, выпущенной в тот же день Наркомфином, перевод современного рубля в довоенный производился в соотношении 60 тыс. к одному²²⁴. После этого данное соотношение менялось ежемесячно, чтобы учитывать повышение цен, и достигло к марту 1922 г. 200 тыс.²²⁵ В действительности это была валюта индекса цен, и ее иногда называли «товарным рублем». Однако очень скоро экономисты указали на неудобства и логическую абсурдность использования колеблющегося соотношения между уровнями цен текущими и 1913 г. в качестве постоянного стандарта измерения; и в результате полемики, возникшей по этому поводу, «товарный рубль» был постепенно оттеснен со своих позиций и ему на смену пришел «золотой рубль». Декретом от 14 ноября 1921 г. было установлено, что рента, выплачиваемая за арендуемые предприятия, должна подсчитываться в переводе на золотые рубли²²⁶. Любопытный документ этой фазы в эволюции политики представляет собой традиционная статья Ленина в «Правде», посвященная годовщине Октябрьской револю-

ции. В эту, четвертую, годовщину статья вышла под необычным заголовком «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Она скорее посвящалась НЭПу вообще, чем, в частности, вопросу о золоте. В ней содержится знаменитое предсказание о том, что, «когда мы победим в мировом масштабе, мы... сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»; и далее в ней дается указание о том, что в нынешних условиях в РСФСР «беречь надо... золото» и «овладеть торговлей»²²⁷.

Финансовые решения октября и ноября 1921 г. концентрировали внимание советских руководителей на финансовой политике и на некоторое время превратили Наркомфин и Госбанк в наиболее чувствительные нервные центры НЭПа. Это был любопытный отход от позиций эпохи военного коммунизма, когда было громко заявлено, что финансы впредь будут играть роль не больше чем служанки экономической политики, и представитель Наркомфина апологетически выражал надежду на их скорое упразднение. Эта перемена символизировалась серией новых назначений. На X съезде партии в марте 1921 г. Крестинский, входивший в свое время в состав «левой оппозиции», а с марта 1919 г. сочетавший не столь теперь обременительные обязанности народного комиссара финансов с обязанностями секретаря Центрального Комитета партии, подвергся немилости за упущения во второй своей ипостаси²²⁸. Вскоре после этого он был направлен с миссией в Германию, где получил назначение на пост советского посла, а вместо него во главе Наркомфина стал Сокольников. Старый член партии, возвратившийся с Лениным в Петроград в опечатанном вагоне, Сокольников был также человеком дела, который авторитетно и эффективно участвовал в ранних обсуждениях финансовой политики²²⁹. Теперь он энергично принялся за разработку финансовых аспектов НЭПа и прежде всего за создание стабильной валюты, превратив в течение нескольких лет Наркомфин в важный пункт консервативных или правых тенденций в советской политике. До того малоизвестный член партии, некто Шейман (бывший, как говорят, сыном банкира) стал директором Госбанка. Еще более сенсационное назначение было сделано в начале 1922 г., когда бывший финансист и промышленник Кутлер, занимавший министерские посты в кабинете Витте и после 1905 г. вошедший в партию кадетов, был назначен в правление Госбанка. С этого момента и вплоть до своей смерти в 1924 г. Кутлер, несомненно, представлял собой влиятельную закулисную силу в Госбанке (а возможно, и в Наркомфине) и сыграл важную роль в стабилизации валюты²³⁰.

Создание Госбанка стало началом кампании, которая, объявив достижение стабильной валюты своей основной, не терпящей отлагательств целью, была направлена на восстановление главнейших принципов «ортодоксального» капиталистического финансирования с Государственным банком в качестве центрального ре-

гулятора народного хозяйства. 20 ноября 1921 г. в Госбанке состоялось совещание, на котором был осужден доклад комиссии по валютному вопросу и был принят ряд тезисов, которые еще полгода назад вызвали бы целую сенсацию. Они высказывались за свободные рынки, в поддержку легкой, а не тяжелой промышленности в качестве более реального источника скорейшего развития внутренней торговли, в поддержку модификации монополии внешней торговли, возобновления попыток получить иностранные займы и возможный возврат к золотой валюте²³¹. Таковы были взгляды финансистов, и, хотя они получили поддержку Наркомфина, они были слишком далеко идущими, чтобы завоевать всеобщее признание в партии. В то же время партийная конференция в декабре 1921 г. провозгласила, что «восстановление денежного обращения на металлической основе (золото), первым шагом к которому является неуклонное проведение плана ограничения выпуска бумажных денег (эмиссии), должно стать руководящим принципом Советской власти в области финансов»²³²; причем эта программа была повторена в конце месяца на IX Всероссийском съезде Советов, где Каменев подчеркнул, что нельзя эффективно разрабатывать как хозяйственный план, так и государственный бюджет, до тех пор покуда деньги представляют собой просто «цветные бумажки»²³³. На XI съезде партии, состоявшемся в марте 1922 г., Сокольников детально обосновал необходимость новой финансовой политики, многозначительно указав на то, что это был первый случай, когда партийный съезд занимался вопросами финансов²³⁴; а Ленин в своем единственном выступлении посвятил довольно непоследовательный, но примечательный пассаж надвигающемуся «финансовому кризису» и его воздействию на промышленность.

«Если он (т. е. кризис) будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на одно. Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких гострестов. Только надо будет не забыть это сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистят ЦКК или Центропроверком²³⁵, а прочистить, как следует, всех ответственных коммунистов в хозучреждениях»²³⁶.

Несомненно, в его панегирике был элемент преднамеренной гиперболы, выраженной языком ортодоксального капиталистического финансирования, в поддержку целительного эффекта финансового кризиса, равно как и в защиту специалистов в противовес коммунистам. Но отрывок, взятый из этого же выступления, где Ленин провозглашает конец «отступления», служит симптомом настрое-

ния партии в тот момент по финансовому вопросу. Съезд принял окончательное решение по данному вопросу, одоблив пространную резолюцию о финансовой политике, в которой выражалось стремление к «расширению сферы денежного обращения за счет сокращения натуральной части государственного хозяйства», говорилось о «сокращении и затем уничтожении бюджетного дефицита» и высказывалась необходимость «твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег»²³⁷.

Лето 1922 г. стало свидетелем созревания этой политики. Бюджетные наметки на первые девять месяцев 1922 г., одобренные в декабре 1921 г. (впервые разработанные в довоенных рублях), предусматривали дефицит, равнявшийся лишь 40% планируемых расходов. Для сравнения: соответствующий процент для проблематических бюджетов 1920 и 1921 гг. составлял соответственно 86 и 84²³⁸. Предпринимались решительные усилия для сокращения расходов за счет уменьшения численности персонала в государственных учреждениях и снятия с бюджета все большего числа промышленных предприятий и их рабочих. Логическим следствием возврата к денежной экономике был переход от натурального к денежному налогообложению. Однако это изменение в примитивном крестьянском хозяйстве происходило очень медленно. Первый шаг был сделан в марте 1922 г., когда серия натуральных налогов, пришедших год назад на смену продразверстке, была сведена к единому натуральному налогу, исчисляемому в расчете на рожь²³⁹. Но натуральное налогообложение на сельскохозяйственные продукты продолжало существовать в течение всего 1922 г.: в конце года больше одной трети налогов было получено в этой форме²⁴⁰. В то же время начали разрабатываться новые источники получения денежного налога: в период между августом 1921 г. и февралем 1922 г. налогом были обложены вина, табак, спиртные напитки, пиво, спички, мед и минеральные воды. В январе 1922 г. в дополнение к решению рассчитывать бюджет в довоенных рублях был издан декрет, предписывавший исчислять все налоги в довоенных рублях, а взимать в советских рублях, исходя из текущего валютного курса²⁴¹. В феврале 1922 г. вышел подушный налог (так называемый «общегражданский налог»), предназначенный для районов, охваченных голодом²⁴², а осенью 1922 г. был проведен гораздо более значимый эксперимент в области подоходного налога с целью охвата заработков людей, принадлежавших к так называемым «свободным» профессиям (врачей, адвокатов, писателей и т. п.), а также нэпманов и высокооплачиваемых служащих государственных учреждений и промышленных трестов — всех тех, кого Сокольников назвал «элементами городской буржуазии и городской буржуазной и технической интеллигенции, которая составляет верхушку наших трестовских аппаратов»²⁴³. Благодаря всем этим средствам поступления от денежного налогообложения впервые образовали серьезную статью доходов в

бюджете. Из всех правительственных доходов в первые девять месяцев 1922 г. только 10% было получено путем денежного налогообложения, а 60% — за счет выпуска банкнот. Несколько вдохновляющими, однако, могут быть цифры по месяцам, которые показывают, что в пропорциональном отношении доля поступлений от денежного налогообложения поднялась в период с января по сентябрь с 1,8 до 14%, в то время как доля поступлений от выпуска банкнот сократилась с 90 до 56% ²⁴⁴. К последнему кварталу 1922 г. Сокольников смог уже заявить, что треть всех поступлений была получена за счет денежного налогообложения, меньше трети — за счет выпуска банкнот и остальная часть — за счет натурального налога ²⁴⁵.

Летом 1922 г. был предпринят еще один экспериментальный шаг к восстановлению ортодоксального государственного финансирования. Советское правительство открыло подписку на свой Первый государственный заем на общую сумму в 10 млн. пудов ржи. Были выпущены беспроцентные облигации достоинством 100 пудов, которые, однако, на рынке оценивались в 95 пудов и подлежали оплате по номиналу в период между 1 декабря 1922 г. и 31 января 1923 г. Взнос и выплата должны были производиться деньгами по рыночной стоимости ржи: заем обеспечивался вкладом в государственную казну на сумму 10 млн. золотых руб. ²⁴⁶ Живучесть предубеждения против государственных займов и скептицизм по поводу способности Советского правительства с успехом разместить таковое нашли свое отражение на сессии ВЦИКа, которая одобрила заем: Сокольников привел пример из истории Французской революции, чтобы доказать, что невыполнение обязательств в прошлом не исключает возможности проведения займов ²⁴⁷. В октябре 1922 г. Сокольников уже мог объявить об успехе займа: было приобретено 85% общего числа облигаций, выпущенных с этой целью, хотя побудительным моментом было право вносить за них плату по номиналу в счет выплаты натурального налога ²⁴⁸. Вслед за этим был выпущен 6%-ный заем на 100 млн. золотых руб., целью которого было подготовить почву для стабилизации валюты ²⁴⁹. Вероятно, этот заем был реализован главным образом за счет государственных учреждений и государственных промышленных трестов. Однако его целью было также выкачать частные капиталы, накопленные при НЭПе, и поэтому власти при проведении подписки широко прибегали к оказанию морального давления ²⁵⁰. Возврат к политике государственных займов и поощрение частных сбережений нашли свое дальнейшее проявление в возрождении государственных сберегательных касс, которое было одобрено Совнаркомом 26 декабря 1922 г. ²⁵¹ Первые две сберегательные кассы открылись в феврале 1923 г. в Москве и Петрограде. Вклады рассчитывались согласно эквиваленту в золотых рублях и подлежали выплате по текущему курсу. По-видимому, вначале сберегательные кассы использовались скорее как средство гарантии против девальвации, чем как форма капиталовложения,

однако они оказались эффективными для возрождения привычки и традиции. Согласно имеющимся данным, к октябрю 1923 г. уже насчитывалось 300 сберкасс с 60 тыс. вкладчиков, причем через полгода эти цифры увеличились более чем в 10 раз²⁵². Объявление о проведении в феврале 1923 г. государственной лотереи стало еще одним свидетельством возврата к финансовым методам прошлого²⁵³.

За восстановлением Государственного банка вполне естественно последовала попытка возродить всю банковскую систему. Подобно тому как первый шаг к созданию Государственного банка был продиктован необходимостью обеспечить источник кредитов для промышленности после прекращения прямого финансирования из государственной казны, так и первый важный шаг к возрождению этой системы последовал в начале 1922 г. со стороны ВСНХ как представителя промышленности и был решительно поддержан как Госпланом, так и новыми промышленными трестами. 1 сентября 1922 г. СТО одобрил проект банка для промышленности (Промбанка), имеющего полномочия выдавать промышленности как краткосрочные коммерческие кредиты, так и займы сроком на три года. Его вкладчиками были государственные учреждения, включая ВСНХ и заинтересованные народные комиссариаты, и государственные промышленные предприятия²⁵⁴. Первоначальным импульсом было, несомненно, обеспечить промышленности независимость от Государственного банка и от того, что считалось политикой «голодного пайка», проводимой финансовыми властями в отношении промышленности. Но Промбанк никогда не был достаточно мощным, чтобы освободиться от помочей Государственного банка и Наркомфина, и занял свое место в качестве одного из учреждений в прочно увязанной банковской системе. Тем временем в феврале 1922 г. кооперативы восстановили Банк потребительской кооперации (Покобанк), который в январе 1923 г. был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк)²⁵⁵. В течение 1922 г. также увидели свет муниципальные банки для финансирования местных отраслей промышленности и местных правительственных проектов²⁵⁶ и ассоциации взаимной помощи, предназначенные для удовлетворения потребностей мелких частных торговцев при НЭПе²⁵⁷.

Финансовый прогресс НЭПа продолжал проявляться в быстром росте влияния Госбанка — храма новой финансовой ортодоксальности. Индекс цен, по которому Наркомфин рассчитывал обменный курс текущего в довоенный рубль, был подвергнут критическому анализу финансистов. В марте 1922 г. эта система была заменена в следующем месяце системой рубля, основывающейся на курсе, по которому Госбанк покупал золото, причем обменный курс теперь объявлялся ежемесячно не Наркомфином, а Госбанком: впредь все доходы и расходы должны были подсчитываться не в довоенных, а в золотых рублях²⁵⁸. Соответственно возрастал престиж золота как основы денег и Госбанка как его хранителя,

при этом был сделан еще один шаг на пути к валютной реформе. После непродолжительного замедления инфляционного процесса летом 1921 г. все еще необузданные силы экономической нестабильности вновь взяли верх, и все попытки снизить темпы выпуска денежной массы были прекращены как бесполезные. Общая сумма денег в обращении возросла с 3500 млрд. на 1 сентября 1921 г. до 17 500 млрд. руб. на 1 января 1922 г. (если продолжать считать по курсу 1921 г.), на 1 мая она уже достигала 130 000 млрд., а к концу 1922 г. — немногим менее 2 квадриллионов руб.²⁵⁹ Похоже, что решение валютной проблемы на основе золота и под контролем Государственного банка прокладывало себе путь с непреодолимой силой, причем делалось это по моделям, сильно напоминающим западные. Раздавались аргументы (которые, правда, по прошествии времени оказались сомнительного и ограничительного достоинства) в пользу того, что развитие внешней торговли требует стабильной денежной единицы²⁶⁰. 25 июля 1922 г. Совнарком дал указание Госбанку начать выпуск банкнот в виде денежных единиц, называемых «червонцы», причем каждый червонец равнялся десяти золотым рублям; эта эмиссия обеспечивалась на 25% ценными металлами, а на 75% — краткосрочными облигациями и другими ликвидными активами²⁶¹. После того как в очередном декрете от 11 октября 1922 г.²⁶² были даны более исчерпывающие инструкции, первый червонец появился на свет только в конце ноября того же года. После стольких лет финансовой анархии и неустойчивой валюты казалась непреодолимой притягательная сила стабильности. Оппозиция этому была незначительной и представляла собой, по меткой характеристике представителя Наркомфина во ВЦИКе, «детскую болезнь левизны»²⁶³. Первоначальный выпуск был очень небольшим, и в течение долгого времени новый червонец служил не средством обмена, а скорее источником накопления ценностей или единицей расчета. На протяжении 15 месяцев стабильный, но в ограниченных количествах червонец циркулировал наравне с неограниченной и постоянно девальвировавшейся рублевой массой. Основные сделки все более регулярно проводились на базе червонца; однако платежи продолжали осуществляться в рублях по текущему курсу.

Таким образом, в конце 1922 г. было достигнуто краткосрочное и в какой-то степени иллюзорное равновесие в финансовой, равно как и в хозяйственной политике. Импульс, приданный НЭПом и поддержанный хорошим урожаем 1922 г., открыл перспективу, правда, все еще отдаленную, достижения сбалансированного государственного бюджета и замены, если не возрождения, почти мертвого рубля. Однако эти амбиции, столь сильно противоречащие амбициям первых революционных лет, могли осуществляться только за счет жестоких ударов, наносимых по другим секторам экономики. Прежде чем они были осуществлены, пришлось преодолевать новый кризис 1923 г.

НАЧАЛО ПЛАНИРОВАНИЯ

Марксистский анализ, противопоставляющий неплановую, иррациональную капиталистическую экономику плановой, рациональной экономике будущего социалистического общества, мало что может, если вообще может что-либо сказать о процессе перехода одного к другому. Только Энгельс на склоне своих лет, комментируя один пассаж в Эрфуртской программе Социал-демократической партии Германии, в котором говорилось о «коренящемся в самом существе частного капиталистического производства отсутствии планомерности», многозначительно обронил фразу о том, что *акционерные общества* положили конец частному производству и что «если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизуют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»¹. Таким образом, рост планомерности заложен в самом капитализме и в постоянно увеличивающемся размере единицы капиталистического производства. Гильфердинг в своей книге «Финансовый капитал», опубликованной в 1909 г., продолжил этот анализ, показав, как в первые годы XX столетия основная часть промышленного капитала в ведущих капиталистических странах перешла в руки крупнейших банков, в результате чего промышленный капитал получил еще большую концентрацию в форме финансового капитала. Это удивительнейшим образом подтвердило традиционную социалистическую концепцию о том, что банковская система выступает основным рычагом контроля в организации промышленности, и, по-видимому, продемонстрировало, что капитализм сделал еще один шаг на пути, который, согласно марксистскому анализу, ведет к его конечному падению под воздействием социалистической революции. Ленинская работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» является дальнейшим развитием этой темы².

Война 1914 г. послужила катализатором всех этих процессов. Подвергнув капиталистическую экономику основных воюющих государств интенсивной концентрации и централизованному планированию, она должна была, по мнению марксистов, ускорить дезинтеграцию частного капитала и проложить путь к плановой экономике. Эти процессы были наиболее заметны в Германии, не

столько потому, что страна оказалась подверженной наиболее сильнодействующим стрессам (в этом плане как Австро-Венгрия, так и Россия прошли одинаково серьезную проверку), сколько потому, что Германия до войны дальше продвинулась в этом направлении. В течение 1915 г. Ларин (бывший тогда еще известным меньшевиком) в Стокгольме написал примечательную серию статей для петроградского журнала «Вестник Европы» о германской военной экономике. Первая статья, опубликованная в апреле 1915 г., заканчивалась словами:

«Современная Германия дала миру образец централизованного руководства народным хозяйством как единой планомерно работающей машиной. Ключи от этой машины находятся в современной Германии в руках Сименса, Борзига, Гвиннера, Блейхредера, — представителей крупнейших банков и крупнейших накоплений индустриального капитала в стране. Кто держит ключи от машины, тот и управляет ею по своему усмотрению; но принципиальный интерес доказательства на опыте громадной страны возможности построения такой единой машины в сложной обстановке современной культурной жизни остается и сохраняет все свое общественно-научное значение».

А четыре месяца спустя, после назначения Гильфердинга министром финансов, Ларин подытожил:

«Германское хозяйство идет к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками»³.

Какие бы источники ни были в распоряжении Ленина, он наверняка должен был прочесть статьи Ларина; и, когда он после Февральской революции возвратился в Россию, контролируемая экономикой Германии военного периода все больше и больше оказывала влияние на его экономическое мышление. Это была экономическая система, которую Ленин охарактеризовал как «государственно-монополистический капитализм» или просто «государственный капитализм» — эквивалент того, что в Германии называют «Planwirtschaft», по-французски «une économie dirigée» и по-английски «planning» («планирование»).

«Принудительное синдицирование, — писал он, — т. е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществлено для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что даст нам *«государственный аппарат»* и универсальный, и новейший, и небюрократический»⁴.

Ленин подчеркнул, что не является социализмом то, «...что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле это есть военно-государственный монополистический капитализм...». Но достижение под воздействием войны этой стадии капитализма означало, что приближается социалистическая революция.

«Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка *социализма*, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»⁵.

Таким образом, планирование, под именем государственного капитализма, занимает главенствующее место в процессе перехода от капитализма к социализму. «Социализму, — как однажды парадоксально заметил Сорель, — нет больше нужды утруждать себя организацией промышленности, поскольку это делает капитализм»⁶. Внутри самого капитализма развивается элемент планирования в виде необходимого антидота его собственных анархических склонностей. Последняя стадия в эволюции капитализма становится первой ступенью в создании социализма. Исторически Фридрих Лист предшествовал Марксу как отец теории планирования; Ратенау, организовавший первое современное плановое хозяйство в Германии времен первой мировой войны, предшествовал Ленину, чей подход к проблеме планирования в Советской России сознательно основывался на немецких прецедентах. Но когда один меньшевистский писатель осенью 1917 г. предложил внедрить планирование в России, подразумевая, что «дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его...», Ленин, хотя и поддерживая концепцию «плана» (слово это было еще не так знакомо, чтобы употреблять его без кавычек), прояснил разницу между планированием, которое было последней линией обороны капиталистического порядка, и планированием, которому предстояло стать инструментом перехода к социализму.

«Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией. . .

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского государства*, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров»⁷.

В этих различиях содержался зародыш идеи, высказанной Лениным через несколько месяцев после революции, о том, что история уже родила две половинки социализма: в Германии осуществлены материальные, хозяйственные условия социализма в виде

монополистического капитализма, а в России — политические его условия в виде диктатуры пролетариата⁸.

Фундаментальная дилемма большевистской революции (попытка построить социалистическое общество в экономически отсталой стране) двумя различными путями отразилась на вопросе планирования. С одной стороны, нищета России, скудность капитальных ресурсов, низкая производительность промышленности с самого начала благоприятствовали росту государственного капитализма за счет частного капитализма. Промышленность в России строилась главным образом при посредстве правительственных акций в интересах государства и усиления его мощи; находясь в зависимости от государства как непосредственно (в качестве клиента), так и косвенно (через крупные банки), она никогда не теряла в конечном счете своего государственного и полувоенного характера. Крупные частные предприниматели, представлявшие внушительный источник оппозиции планированию в западных странах, практически не существовали в России⁹, и более высокая степень концентрации, превалирующая в ведущих отраслях промышленности, упрощала с тактической точки зрения вмешательство государства. Если во время первой мировой войны планирование не достигло большого прогресса в России, то это скорее объясняется отсутствием способности и инициативы, столь блистательно продемонстрированным русскими государственными службами, чем неготовностью хозяйства к централизованному управлению.

С другой стороны, отсутствие сколько-нибудь широко развитого частного капитализма в России (хотя это и способствовало как-то подходу к планированию) столкнуло советских планировщиков с несколькими серьезными препятствиями. Оно вынудило их действовать в условиях острого материального дефицита, что сопровождало режим планирования серьезными трудностями. Они были лишены источников поступления квалифицированного персонала и организации, которые требовались для эффективного планирования. Даже то ограниченное число русских буржуазных специалистов всех видов, экономистов и технологов в первые годы Советской власти бойкотировало ее, а она в свою очередь бойкотировала их; и только после того, как в 1920—1921 гг. было достигнуто относительное примирение, стало возможным всерьез говорить о планировании. Наиболее важным проявлением отсталости российской экономики было засилье примитивного крестьянского сельского хозяйства — форма хозяйствования, меньше, чем любые другие формы, подвластная плановым началам. Следовательно, планирование в России неизбежно началось с попытки внедрить в экономику новый баланс за счет развития промышленности и стало одним из инцидентов в вековой борьбе между городом и деревней. В конце последней своей опубликованной в марте 1923 г. статьи Ленин писал о необходимости «...пересестъ, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лоша-

ди крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь крупной машинной индустрии», он охарактеризовал это как «...общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии...»¹⁰. Существовавшие в России условия превратили это с самого начала и на многие годы вперед в основу основ советского планирования.

Принцип планирования, заложенный в марксистской концепции социалистической экономики, получил осторожное благословение Ленина накануне Октябрьской революции. Первая экспериментальная попытка на деле осуществить этот принцип была принята после достижения Брест-Литовского мирного договора, когда в течение какого-то времени казалось, что открылся путь для восстановления хозяйства. Именно в этот период Ленин начал понимать значимость и новизну этой задачи.

«Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д.,— этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас... В большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано»¹¹.

Несколько недель спустя он добавил более пространное объяснение:

«Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по какой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспропрированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...»¹²

Узнав о том, что Академия наук начала систематическое изучение и обследование естественных производительных сил страны¹³, он предложил, чтобы ВСНХ образовал комиссию из специалистов для составления «плана реорганизации промышленности и экономического подъема России», включая размещение промышленности, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях и электрификацию транспорта и применение электричества к земледелию¹⁴. Примерно в это же время он стремился к «положительной или созидательной работе наложения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организаци-

онных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹⁵.

Тем временем вновь созданный ВСНХ предпринял первую экспериментальную попытку подхода к проблемам «планирования», правда, не под этим названием, а в виде «общественных работ». На одном из совещаний в марте 1918 г. Ларин перечислил три наиболее горящих объекта общественных работ, которые подлежат осуществлению: развитие Кузнецкого угольного бассейна, электрификация промышленности Петрограда и ирригационные работы в Туркестане для полива земель под хлопковые плантации¹⁶. Примерно в то же самое время ВСНХ образовал Комитет государственных сооружений, председатель которого — Павлович выступил с пространным докладом на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. Его целью было ни много ни мало, как полное использование природных ресурсов России. Было предложено разработать проекты для строительства железных дорог, каналов и автомагистралей, электростанций, элеваторов и холодильников, для регулирования и использования гидроэнергии, для ирригации и мелиорации земель. Павлович был готов с одинаковой точностью рассказать о масштабах деятельности и функциях своей организации:

«При своем образовании Комитет государственных сооружений поставил прежде всего перед собой две задачи: во-первых, разработку общего плана строительных работ для всей России, и, во-вторых, — достижение объединения всех строительных операций государственного значения в одном ведомстве...

Задачи строительства должны быть отняты у комиссариатов и должны быть переданы особому органу, который бы строил, руководясь общими заданиями и целями, считаясь и с международной политикой и с внутренней политикой страны».

Вероятно, можно объяснить наличием здравого смысла у большинства делегатов тот факт, что съезд проголосовал за то, чтобы воздержаться от дебатов по этому докладу, и явно не принял никакой резолюции в этой связи¹⁷. В сентябре 1918 г. ВСНХ объявил о том, что перешел от «организации управления к организации производства», и указал всем главам и центрам «приступить к составлению производственных программ на предстоящий операционный год»¹⁸. В том же месяце он образовал при Комитете общественных работ секцию по электротехническому строительству¹⁹. Но по мере того, как реальности гражданской войны²⁰ становились все более угрожающими, такие грандиозные проекты могли оставаться лишь на бумаге. Комитет общественных работ отошел на задний план, и было что-то из области нереального, когда Ларин на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. жаловался на то, что президиум не решает «общих вопросов хозяйства» и уделяет свое время и внимание исключительно «текущим делам»²¹. Съезд все еще выражал

надежду на возможность «построения единого хозяйственного плана в 1919 году»²². Новая Программа партии, принятая на ее VIII съезде в марте 1919 г., содержала требование о «максимальном объединении всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану»²³. Но это оставалось пока что благим пожеланием. После того как ВСНХ без лишних слов отказался от попыток контролировать все поле деятельности хозяйственной политики, ни один орган не взял на себя эти функции. А те плановые начала, которые находили себе применение, фактически сводились к довольно примитивным попыткам организовать национализированные промышленные предприятия. Хозяйственная деятельность направлялась исключительно на то, чтобы любыми путями добыть и в повседневных почти безнадежных потугах выполнить задачу по снабжению Красной Армии в гражданской войне.

Лишь в начале 1920 г., когда были отбиты наступления Колчака и Деникина и война казалась почти законченной, можно было вновь подумать о работе по хозяйственному восстановлению. Тогда начали формироваться две различных концепции планирования, и планирование медленно развивалось по двум параллельным, а иногда и противоположным направлениям. Согласно первой концепции, план являлся в общих чертах определенной долгосрочной хозяйственной политикой, а главной составляющей планирования выступал некий центральный орган, отвечавший за формулирование общей хозяйственной политики («плана») и за руководство комиссариатами, занятыми повседневным осуществлением хозяйственной политики. Согласно второй концепции, план — это проект или серия проектов, хотя и разработанных в общем для обеспечения повышения производительности и восстановления народного хозяйства в целом, но содержащих специфические и подробные предложения о проведении определенного объема работ в определенный период. Первая концепция носила общий, а вторая — специфический характер, но ни одна из них даже отдаленно не напоминала возникшую точку зрения о том, что план — это всеобъемлющий и детально разработанный бюджет всего национального хозяйства.

Первая точка зрения подразумевала в качестве основы основ создание единого центрального хозяйственного органа. Опыт гражданской войны показал практическую необходимость существования центрального ведомства, достаточно мощного, чтобы диктовать свою волю существующим хозяйственным органам правительства и направлять хозяйственную политику в свете кампании о едином плане. Осенью 1918 г. центр хозяйственной сцены занимали отдел по военным заготовкам ВСНХ с подотделами при губернских и местных совнархозах и чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии во главе с Красиным²⁴. Однако эти находящиеся в подчинении органы были явно не в состоянии осуществлять функции управления и контроля. Решением долгосроч-

ного значения оказалось постановление ВЦИКа от 30 ноября 1918 г. о создании Совета рабочей и крестьянской обороны, облеченного всей полнотой власти для «мобилизации сил и средств страны в интересах обороны». Его председателем был Ленин, а среди его членов — Троцкий в качестве народного комиссара по военным делам и председателя Революционного военного совета, Красин — как председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и Сталин — как представитель ВЦИКа²⁵. В результате вновь созданный Совет очень скоро стал высшим авторитетом во всех вопросах, кроме военных. До тех пор пока продолжалась гражданская война, он сохранял статус специального органа, занятого преодолением чрезвычайного положения, не посягал на постоянные прерогативы ВСНХ и не вмешивался в вопросы планирования, если не говорить о повседневном значении этого термина. Такое положение дел сохранялось в течение всего 1919 г. III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в январе 1920 г. принял обычную, шаблонную резолюцию в пользу «единого хозяйственного плана» и «согласования производительных программ всех отраслей промышленности в соответствии с материальными ресурсами республики» и даже принял решение создать при ВСНХ «постоянную центральную производственную комиссию»²⁶. Но когда весной 1920 г. стало казаться, что гражданская война заканчивается, вопрос о планировании впервые приобрел острую форму в виде открытого соперничества между ВСНХ и Советом рабочей и крестьянской обороны.

Именно на IX съезде партии в марте 1920 г. Троцкий впервые выступил в роли поборника планирования. Как человеку, вплотную занимавшемуся в то время мобилизацией для промышленности трудовых ресурсов, высвободившихся в результате окончания гражданской войны, ему было поручено выступить с докладом «О текущих задачах хозяйственного строительства». В представленной им резолюции содержалась одна фраза, которой не было в его проекте, но которая была вставлена в результате его обсуждения в Центральном Комитете. В ней подчеркивалась необходимость проведения *«единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху»*²⁷. Этот проект отличался от предыдущих расплывчатых пожеланий тем, что подразумевал ряд последовательных, друг друга обуславливающих коренных задач, на которые распадается план. Троцкий в своем докладе доказывал, что мобилизация трудовых ресурсов «может иметь смысл только в том случае, если у нас есть аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну, все отрасли хозяйства хозяйственного плана», и что основная цель плана должна быть не в том, чтобы дать немедленные блага, а в том, чтобы «подготовить условия для производства средств производства». Он продолжал:

«Но в то же время нет еще и того единого хозяйственного

плана, который заменяет стихийную работу законов конкуренции. Отсюда затруднение В.С.Н.Х. Он дает определенный хозяйственный план. Этот план продиктован централистическими взглядами на хозяйственные задачи. Но план на самом деле осуществляется на месте в размере 5—10%»²⁸.

В силу своих военных обязанностей Троцкий был тесно связан с Советом рабочей и крестьянской обороны, и Рыков с Милутиным вполне справедливо усмотрели в этих новых и радикальных предложениях угрозу амбициям ВСНХ. Рыков нападал на «план» Троцкого за то, что он составлен «слишком абстрактно и оторванно от жизни», и добавил, что «если нам создавать машиностроение для обеспечения всей нашей промышленности, то для этого понадобятся десятки лет». Однако Рыкова в свою очередь резко одернул Ленин, заявивший, что «...попытка ВСНХ устроиться в каком-то отдельном блоке экономических комиссариатов... вызвала отрицательное отношение...» ЦК²⁹. В резолюции, принятой съездом, поручалось Центральному Комитету в ближайшее время разработать систему «организационной связи между ВСНХ и другими, непосредственно связанными с хозяйством комиссариатами... с целью обеспечения полного единства в проведении хозяйственного плана, утвержденного съездом партии»³⁰. Резолюция развеяла претензии ВСНХ, твердо поставив его в один ряд с «другими комиссариатами», и подчеркнула, что «организационная связь» будет найдена где-то в другом месте. Сразу же после съезда Совет рабочей и крестьянской обороны воспрял духом. Демобилизация и применение рабочей силы, являясь решающим хозяйственным вопросом создавшегося момента, продиктовали необходимость переименовать его в Совет труда и обороны (СТО)³¹; и в этом новом обличье он постепенно превратился в постоянную центральную фигуру в хозяйственном ландшафте, в арбитра экономической политики и будущего авторитета в вопросах планирования. Однако возобновление войны летом 1920 г. вновь отодвинуло «единый хозяйственный план» на задний план и отложило решение вопроса о полномочиях.

Тем временем альтернативный подход к планированию через решение специфических проблем начал выдвигаться на передний план, и на свет появился еще один орган, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории советского планирования. В апреле 1918 г. Ленин между делом написал об электрификации транспорта и земледелия как о дезидератах в долгосрочном плане для экономики России³². В феврале 1920 г., когда планирование вновь стало актуальным вопросом, Ленин в своем выступлении перед членами ВЦИКа вновь «остановился на вопросе об электрификации деревни, связывая ее таким путем с городом»³³. В конце сессии ВЦИК принял решение, что настал момент «приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства».

Принимая во внимание «первенствующее значение» электрификации для промышленности, земледелия и транспорта, он поручил ВСНХ разработать проект постройки «сети электрических станций» и создать Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО)³⁴. В состав комиссии входило свыше 100 человек, среди которых было много буржуазных специалистов. Председателем комиссии был назначен старый большевик Кржижановский³⁵.

Проект начал приобретать особую привлекательность для самого Ленина, который, снедаемый нетерпением, писал Кржижановскому о том, что необходимо как можно шире рассказать о работе комиссии³⁶.

IX съезд партии, на котором Ленин резко осадил Рыкова и сделал язвительное замечание по поводу претензий ВСНХ, полностью одобрил специфический подход к планированию: вновь подтвердив требование о проведении *«единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху»*, он добавил, что план «естественно распадается на ряд последовательных, друг друга обуславливающих коренных задач». Среди них были улучшение состояния транспорта и машиностроение. Технической основой всего плана была «разработка плана электрификации народного хозяйства», включающего «электрификацию промышленности, транспорта и земледелия»³⁷. Ленин по-прежнему связывал электрификацию с решающей проблемой земледелия. В тезисах по аграрному вопросу, подготовленных для II конгресса Коминтерна летом 1920 г. и одобренных им, Ленин подчеркивал необходимость реорганизовать «всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы»: только это даст возможность такой помощи, оказываемой городом «...отсталой и распыленной деревне» для повышения производительности сельскохозяйственного труда³⁸. Возрождение промышленности и земледелия, заявил он на Всероссийском съезде коммунистической молодежи, возможно лишь на основе электричества, на «последнем слове» современной науки³⁹. В 1919 г. один немецкий профессор-социалист опубликовал работу, в которой подсчитал, что все хозяйство Германии может быть электрифицировано в три-четыре года. Эта книжка была в спешном порядке переведена на русский язык⁴⁰, и Ленин имел в виду эти расчеты, когда заявил на Московской партийной конференции в ноябре 1920 г., что потребуется не менее 10 лет для осуществления плана электрификации России. Именно на этой конференции Ленин создал афоризм: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны...»⁴¹. Это была перефразированная версия старого софизма о том, что одна половинка социализма осуществляется в России, а вторая — в Германии; электрификации суждено было создать условия, которые до сих пор отсутствовали в России, для перехода к социализму⁴².

1920 г. стал также свидетелем еще одного специфического «плана», который, хотя и не столь далеко идущий, как ленинский план электрификации, дал более скорые результаты. В резолюции IX съезда партии говорилось об улучшении состояния транспорта как одной из коренных задач планирования⁴³. Сразу же после съезда была создана транспортная комиссия во главе с Троцким, состоявшая из представителей народного комиссариата путей сообщения (Наркомпути) и ВСНХ (как отвечавшего за железнодорожное строительство и ремонтные мастерские), которая в мае 1920 г. издала свой знаменитый «Приказ № 1042». Приказ представлял собой подробный план восстановления паровозного парка до нормального состояния к концу 1924 г. Благодаря импульсу, приданному нуждами войны с Польшей и организацией «ударного» труда, работа продвигалась столь успешно, что, когда Троцкий в конечном счете докладывал об этом на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. (к тому времени к этому плану добавился план по восстановлению и строительству вагонов), он с полным основанием смог объявить, что первоначальный пятилетний план может быть выполнен за три с половиной года⁴⁴. Этот успех сразу же способствовал росту популярности планирования. Там, где прокладывали путь Ленин и Троцкий, тотчас же находились подражатели. Это был период, когда, выражаясь словами Милютина, было множество «широких хозяйственных планов».

«Вопросы электрификации, вопросы нового строительства, вопросы увеличения добычи топлива, заготовки сырья, установления повышенных норм выработки и пр. явились наиболее серьезными и важными захватывающими вопросами, на разрешении которых были сконцентрированы лучшие силы Советской России»⁴⁵.

Даже осторожный Рыков⁴⁶ обнародовал несколько оптимистических оценок, скорее всего подготовленных в ВСНХ, согласно которым производство древесины в 1921 г. должно возрасти с 10 до 19 млн. куб. саженей, угля — с 431 до 718 млн. пудов, нефти — с 71 до 298 млн. пудов, сахара — с 7,5 до 25 млн. пудов, хлопчатобумажного текстиля — от 135 до 780 млн. аршин и т. д. Наиболее скромным в этом списке был пункт о расчетном увеличении производства электроэнергии со 180 до 244 млн. киловатт. Возможно, на расчеты статистиков ВСНХ оказало свое влияние завистливое отношение к плану Кржижановского⁴⁷.

Следовательно, когда VIII Всероссийский съезд Советов (единственный важный форум, состоявшийся в период между окончанием гражданской войны и введением НЭПа) открылся в декабре 1920 г., идея планирования носилась в воздухе. Правда, этому термину придавались различные и до некоторой степени даже противоречивые значения. Делегаты съезда были настроены дать благословение всем им. Съезд оценил план электрификации «как первый шаг великого хозяйственного начинания» и поручил всем связанным с этим органам «завершить разработку этого плана» в

кратчайший срок. Он одобрил доклад Троцкого и придал «большое значение выработке единого эксплуатационного транспортного плана». Он подтвердил статус и функции СТО, который действует на правах Комиссии Совнаркома, состоящей из ведущих народных комиссаров, представителя ВЦСПС и управляющего Центральным статистическим управлением (с совещательным голосом). Среди прочих своих функций СТО «устанавливает единый хозяйственный план Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... направляет работу экономических Народных Комиссариатов сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана»⁴⁸. Впервые в РСФСР появился общий плановый орган с четко обозначенными функциями.

Ленин, будучи глубоко привязан к плану электрификации, без особого энтузиазма воспринял концепцию всеобщего плана. На съезде он повторил афоризм, что «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация...», и добавил еще один: «план электрификации...» «это — наша вторая программа партии»⁴⁹. С другой стороны, он сделал все возможное, чтобы раскритиковать брошюру хорошо известного старого большевика Гусева, который предложил на обсуждение «размашистый план образования Совета Труда и Оборона с переходом туда многих видных работников, в том числе мы находим тут имена Троцкого и Рыкова»⁵⁰. Хотя Ленин, казалось, полагал, что он подрезал крылья СТО, настаивая на его статусе в качестве простой комиссии при Совнаркоме, тот факт, что Ленин как председатель Совнаркома был его председателем, а Троцкий, Рыков и другие ведущие народные комиссары — его членами, поставил его, без всякого сомнения, в положение высшего хозяйственного органа; существование же такого органа открыло гораздо более широкие возможности всеобъемлющего планирования, чем существовавшие при ВСНХ. Ленин, однако, по-прежнему относился к этому недоверчиво. В своей статье «Об едином хозяйственном плане» в «Правде» за 22 февраля 1921 г. он в несвойственном ему раздражительном тоне напал на Крицмана, Милютина и Ларина, назвав всех поименно, за их статьи по планированию, которые он охарактеризовал как «пустейшее говорение» и «скуднейшую схоластику... то литераторскую, то бюрократическую». «Единственная серьезная работа по вопросу об едином хозяйственном плане» — это план электрификации (ГОЭЛРО), и любая идея плановой комиссии, кроме ГОЭЛРО, является «самоуверчением невежества»⁵¹. Правда, несмотря на эту решительную статью, Ленину было нанесено нечто подобное поражение в Совнаркоме, который в тот же день, когда появилась статья, принял решение о создании Государственной общеплановой комиссии при СТО⁵². В качестве компенсации Ленин убедил Центральный Комитет партии назначить Кржижановского председателем этой комиссии, таким образом добившись преемственности в работе ГОЭЛРО, которая должна была работать как

подкомиссия нового органа. Однако ему не удалось исключить Ларина, которого он теперь считал главным противником практического и точного планирования, как Ленин это понимал, и в письме Кржижановскому он высказал озабоченность тем, какими путями и методами нейтрализовать его вредоносное влияние⁵³. При таких довольно неблагоприятных обстоятельствах рождалась Государственная общеплановая комиссия, известная с тех пор как Госплан.

Жестокие споры X съезда партии и введение НЭПа отодвинули дебаты о планировании на задний план. В апреле 1921 г. Госплан приступил к работе. Штат состоял из 34 служащих, большинство из которых были «учеными специалистами и профессорами, чьи имена пользовались заслуженной репутацией в результате их специализированной работы»; только семеро из них были членами партии. Специалисты, работавшие в Госплане, получали ежемесячную заработную плату в один миллион рублей, пайки наивысшей категории и одежду для себя и членов своих семей наряду с бесплатным проездом и преимуществами пользования железнодорожным транспортом на тех же условиях, что и члены ВЦИКа⁵⁴. Плановые комиссии были также открыты при ВСНХ и ведущих народных комиссариатах, с тем чтобы Госплан мог действовать через них при решении определенных вопросов⁵⁵. Теперь Ленин успокоился. Он говорил Кржижановскому: «Когда я имел перед собой коммунистических „умников“, кои... болтали... „о плане вообще“... я должен был носом тыкать в книгу „План электрификации“. Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал носом тыкать их не в эту книгу, а от нее — в вопросы текущих хозяйственных планов»⁵⁶. В мае 1921 г. он вновь написал Кржижановскому о деталях работы Госплана и выразил надежду, что он сможет «выработать, хотя бы ко времени сбора урожая, основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период, год или два», несмотря на то что все еще слышны жалобы на «бюрократические утопии»⁵⁷. Однако не кто иной, как Троцкий, выступил в это время в качестве одного из самых влиятельных адвокатов планирования. 7 августа 1921 г., когда НЭП впервые начал внедряться в промышленности, Троцкий направил в Центральный Комитет партии памятную записку, протестуя против «противоречивых zigzagов» недавней политики и требуя создания «центрального хозяйственного органа» и автономного Госплана, реорганизованного на основе крупной промышленности⁵⁸. В результате два дня спустя появился декрет, который, хотя и не представив Госплану формальной автономии, наделил его полномочиями (под контролем СТО. — *Ред.*) устанавливать «единый хозяйственный план, охватывающий всю Россию», равно как и согласовывать «планы экономических Комиссариатов», а также наблюдать «за выполнением хозяйственного плана как в целом, так и в его частях»⁵⁹. Тем временем ГОЭЛРО удобно устроилась в качестве подкомиссии Госплана. В октябре

1921 г. в Москве с участием 1000 делегатов состоялся Всероссийский электротехнический съезд⁶⁰, который одобрил работу ГОЭЛРО⁶¹. Два месяца спустя Ленин сообщил IX Всероссийскому съезду Советов, что за два последних года была открыта 221 электростанция мощностью 12 тыс. киловатт и что в начале 1922 г. откроются еще две крупные электростанции: одна в Подмоскowie и другая под Петроградом⁶².

Сколь впечатляющими ни были эти достижения, логическим последствием НЭПа было то, что планирование было отодвинуто на второе место. Хотя IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. одобрил прогресс, достигнутый и обещанный в области электрификации, и обсудил «топливный план», за который ответственным был назван Смилга⁶³, он ни словом тем не менее не обмолвился о «едином хозяйственном плане»⁶⁴, причем это упущение не было восполнено на XI партийном съезде в марте следующего года. Однако именно на этом съезде Ленин объявил об окончании «отступления», начатого НЭПом. Существенным было то, что советское планирование должно было направляться на усиление роли промышленности в народном хозяйстве; в этом смысле оно служило инструментом в борьбе промышленного пролетариата против засилья крестьянства, социализма — против мелкого капитализма⁶⁵. Поскольку НЭП представлял собой отступление к капитализму и уступку крестьянству, любая реакция против него или мнение о том, что он зашел достаточно далеко, должны были вероятнее всего найти свое выражение в предании особого значения планированию. Это новое противопоставление противоположностей начало проявляться в 1922 г., с развитием промышленного кризиса. Выражаясь языком советской бюрократии, это нашло выражение в остром соперничестве между Госпланом, выступавшим теперь главным защитником промышленности, и Наркомфином, наиболее влиятельным из всех органов, заинтересованных в доведении НЭПа до своего логического завершения. Среди руководителей второго эшелона Преображенский, Ларин и Крицман (самые ярые защитники военного коммунизма) подняли голос против «ослабления планового хозяйства» при НЭПе; не далее как в марте 1922 г. Ларин объяснял промышленный кризис этим фактором⁶⁶. В тесном кругу партийного руководства существовало острое нежелание занять четкую позицию по этому вопросу. Однако Троцкий продолжал все энергичнее настаивать на том, что центральный план и развитие промышленности являются жизненно необходимыми. Кампания по усилению Госплана продолжалась с небольшими перерывами в течение всего 1922 г., и 8 июня очередной декрет уточнил его функции и полномочия: в его функции входила подготовка как долгосрочного плана (перспективного плана), так и текущего плана производства (эксплуатационного плана), кроме того, соответствующие комиссары при подготовке проектов важных хозяйственных и финансовых декретов, представляемых ими в Совнарком или СТО, должны

были консультироваться с Госпланом⁶⁷. Но, вообще говоря, Ленин как до своего первого паралича в мае того же года, так и после возвращения к своим обязанностям осенью выступал против любого существенного увеличения полномочий Госплана, и эта идея не имела других сторонников в Политбюро. Осенью наступление Троцкого вылилось в два конкретных предложения: о предании законодательных функций Госплану и о том, чтобы председателем Госплана был назначен заместитель председателя Совнаркома. 27 декабря 1922 г. Ленин, будучи прикованным к постели, продиктовал записку в Политбюро, в которой он объявил о том, что, пересмотрев свое отношение к первому предложению, поддерживает его, но против второго предложения. Он согласился в принципе с мнением Троцкого о необходимости всестороннего планирования, но по-прежнему считал, что во главе Госплана должен стоять человек «научно-образованный... по технической... линии», и выступил в поддержку объединения Кржижановского в качестве председателя Госплана с Пятаковым в качестве его заместителя⁶⁸. Но после того, как Ленин окончательно сошел со сцены, Троцкий оказался в полном одиночестве в верхнем эшелоне партийной иерархии. Его требование опубликовать записку Ленина было отвергнуто Политбюро, и вопрос о реформе Госплана вновь попал в долгий ящик⁶⁹.

В посвященном планированию разделе резолюции о промышленности, принятой XII съездом партии в апреле 1923 г., резюмируется создавшееся к тому моменту положение и ясно прослеживаются свидетельства непростого перемирия между соперничающими лидерами по фундаментальным вопросам хозяйственной политики⁷⁰. Любая формулировка, которая принималась в позитивном изложении позиции Троцкого, сопровождалась соответствующим выражением предосторожности и скептицизма со стороны его коллег в Политбюро. Хотя целью был «действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством», достижение этой цели было возможно «только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта», а посему на ближайший период программа имела «общедирективный и в значительной мере подготовительный характер». Точка зрения Троцкого о Госплане нашла свое отражение в следующем параграфе резолюции, проект которого мог быть подготовлен только им:

«Совершенно очевидно, что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промышленности, т. е. одними лишь усилиями ее руководящего административного органа — ВСНХ, а должно составлять задачу особого планового органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и пр. Таким органом является по положению своему Госплан».

Но за этим следовал отказ наделить «теми или другими административными правами» Госплан, который в тех случаях, когда требуется принудительная сила, должен действовать через комиссариаты или через СТО или Совнарком⁷¹. Троцкому все еще не удавалось осуществить свои амбиции в создании независимого и авторитетного планового органа.

Еще более характерным, чем эта компромиссная резолюция, было подтверждение на съезде позиций соответственно Троцкого и Зиновьева, хотя их заявления были сделаны независимо, на различных этапах работы съезда, и при этом старательно избегались любые прямые столкновения точек зрения. Зиновьев в своем первом докладе о работе Центрального Комитета, игнорируя существенное изменение в позиции Ленина в отношении планирования, произошедшее за последние два года, и взгляды, изложенные в его неопубликованной записке в декабре 1922 г., процитировал ленинскую статью за февраль 1921 г. «Об едином хозяйственном плане», в которой, критикуя фантазии Крицмана, Милютина и Ларина в области планирования, Ленин назвал план электрификации единственной серьезной работой по вопросу планирования, а ГОЭЛРО — единственным эффективным плановым органом. Мораль, которую Зиновьев вынес из этого, была очевидна: всячески превозносить отдельные «планы» и умерить пыл Троцкого, выступавшего за всеобъемлющее планирование и верховенство Госплана⁷². Троцкий пошел дальше. При капиталистическом хозяйстве план есть, но в рамках отдельного предприятия, треста, однако не существует единого хозяйственного плана: он заменяется «рынком, свободной игрой сил, конкуренцией, спросом, предложением, кризисами и пр., и пр.». Именно потому, что социализм означает преодоление рынка и рыночных явлений, планирование является сущностью социализма. Текущий кризис в промышленности настоятельно диктует внедрение планирования: «Если бы мы обрекли тяжелую промышленность свободной игре рынка, она села бы на мель...» Он попытался (это был наиболее сложный момент в его выступлении) определить свое отношение к НЭПу. Он также использовал лозунг, выдвинутый Лениным два года назад, но не для того, чтобы возвеличить его, а как-то квалифицировать этот лозунг. «Новая экономическая политика, — повторил теперь Троцкий, — нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда»; она принята для того, «чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее». «Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию...»⁷³ В заключение своего пространного выступления он охарактеризовал предстоящий период как стадию «*первоначального социалистического накопления*» — своего рода дополнение выражения Маркса «первоначальное капиталистическое накопление»⁷⁴; достижение этого накопления (подразумевалось, но не было сказано Троцким) и должен главным образом служить план. Не первый раз Троцкий думал на много ходов вперед по

сравнению со своими коллегами и поднимал вопросы, для решения которых еще не пришло время. И не впервые, поступая таким образом, он, похоже, примеривался в качестве лидера партии. Весной 1923 г. никто не собирался выступать против необходимости планирования; возможно, мало кто понимал это. Те разделы из выступления Троцкого, которые затрагивали планирование, меньше всего подвергались критике во время последующих дискуссий; в комиссии раздел о планировании в резолюции, принятой съездом, был единственным, прошедшим без единой поправки⁷⁵. Никто не оспаривал (да и действительно, кто из марксистов мог оспаривать?) принцип плановости. Однако абстрактным калькуляциям и абстрактным проектам, которые занимали в это время внимание экспертов из Госплана, не разрешалось вторгаться в политику. Госплан продолжал действовать и экспериментировать в вакууме. Потребовалось еще два или три года подготовительной работы, прежде чем он стал эффективным инструментом в руках плановиков, а еще позднее вопрос планирования вышел наконец на сцену жестокой борьбы за власть.

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И КРЕСТЬЯНИН

Отношение Маркса и марксистов к крестьянству является предметом огромного числа дискуссий и недоразумений. Сутью марксизма являлся анализ перехода от капитализма к социализму. Капитализм был созданием буржуазии — правящего класса капиталистического общества; социалистическая революция, которая первоначально должна была стать работой пролетариата, должна возвестить приход нового общества, в котором все классы сольются воедино и в конечном счете отомрут. Крестьянство как класс выступало, с одной стороны, как характерная социальная форма феодального общества и не принадлежало ни к миру буржуазного капитализма, ни к миру пролетарского социализма. Когда Маркс в первом томе «Капитала» приступил к анализу капиталистического порядка, используя то, что принято называть абстрактной моделью, а не картину какого-либо существующего общества, он не нашел места для крестьянина или мелкого ремесленника: эти слои не были типичны для капитализма, а представляли собой случайные остатки устаревшего или устаревающего общественного порядка.

Именно благодаря в значительной мере этой точке зрения крестьянство, носящее клеймо феодального происхождения, представлялось в качестве отсталого элемента в современном обществе — отсталого не только по отношению к капиталистической буржуазии, но и тем более в отношении пролетариата. Отсюда следовало, что там, где капитализм был более всего развит, — там крестьянство как класс находилось в упадке. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс, мысля главным образом категориями Западной Европы, считал, что крестьянство, подобно другим мелкобуржуазным группам (он смешал в одну кучу «мелкого промышленника, мелкого торговца, ремесленника и крестьянина»), обречено на уничтожение с развитием крупной промышленности. Следовательно, все эти группы консервативны, даже реакционны: они стремятся «повернуть назад колесо истории».

«Если они революционеры, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покида-

ют свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».

Флокон предупреждал Энгельса о том, что во Франции 11 млн. мелких крестьян, которые являются «самыми ярыми собственниками» и заклятыми врагами всего, что отдает коммунизмом¹. Похоже, диагноз о консервативности и реакционности крестьянства подтвердился повсюду в Западной Европе, и особенно во Франции во время событий 1848 г., когда крестьяне либо оставались пассивными наблюдателями революции, либо активно помогали властям подавлять восстание пролетариата.

В Восточной Европе (Германия занимала промежуточное положение между Востоком и Западом) крестьянство находилось на еще менее развитом этапе исторического процесса. Вплоть до 1848 г. его феодальный статус оставался почти нетронутым; и буржуазная революция, которой было суждено смести с лица земли последний оплот феодализма, все еще находилась в будущем. Но здесь возникла серьезная дилемма. Нельзя было надеяться на успех этой революции, если ее основная тяжесть упадет на плечи главным образом буржуазии и пролетариата, которые занимали все более слабые позиции, чем дальше к востоку они проживали; на ее успех можно было надеяться только в том случае, если она была бы также и аграрной революцией и проходила при активной поддержке крестьян. В «Манифесте Коммунистической партии» взгляд Маркса был обращен главным образом на Западную Европу; однако в последнем коротком разделе, посвященном отношению коммунистов к «различным оппозиционным партиям», поддержка коммунистов предлагалась как «сторонникам аграрной реформы» в Северной Америке, так и польской партии, которая «ставит аграрную революцию условием национального освобождения...». Несколько месяцев спустя Маркс высказался об этом принципе еще более четко:

«Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями крестьян в свободных земледельцев, — революции, вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне»².

Таким образом, там, где буржуазия и пролетариат, порознь или совместно, были слишком слабы, чтобы совершить буржуазную революцию и свергнуть феодализм, коммунисты были вправе оказать поддержку крестьянским партиям, осуществляющим революцию во имя частной крестьянской собственности, даже если последняя выступала в «аграрной форме, на первый взгляд, противоречащей всякому коммунизму»³. Было вполне логичным различие между политикой, которую следует проводить в странах, где буржуазная революция уже свершилась, и в странах, где еще предстоит осуществить. Однако вызывал определенное смещение в умах тот факт, что подобная позиция допускала возможность

предоставления крестьянам Восточной Европы привилегий крестьянской собственности, за защиту которых крестьяне Западной Европы были названы «варварами». Вот на каком сложном фоне впервые начала вырисовываться идея революционного союза между пролетариатом и крестьянством. Свою статью 1850 г. «О крестьянской войне в Германии в 1525 году», полную явных и подразумевающихся аналогий, Энгельс закончил описанием судьбы немецкой мелкой буржуазии в 1848 г.:

«Масса нации — мелкая буржуазия, ремесленники и крестьяне — была оставлена на произвол судьбы своей еще естественной союзницей, буржуазией, как слишком революционная, а местами и пролетариатом, как еще недостаточно передовая; раздробившись, в свою очередь, на части, она свелась на нет и заняла оппозиционное положение к своим соседям и справа и слева»⁴.

В этом отрывке прямо говорится о том, что крестьянство, покинутое буржуазией, должно пойти на союз с пролетариатом; в нем также содержится зародыш идеи (впоследствии давшей свои плоды) о расколе между теми крестьянами, которые будут придерживаться союза с буржуазией, и теми, кто присоединится к пролетариату. Маркс и Энгельс никогда не прекращали верить в то, что организация крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве является основным условием социализма, а отсюда следовало, что крестьяне могут стать союзником пролетариата в социалистической революции только в том случае, если они перестанут верить в крестьянскую собственность. В Германии этот этап к тому времени еще не наступил. Часто цитируемый отрывок из письма Энгельсу в 1856 г., в котором Маркс писал, что в Германии все идет к тому, чтобы быть в состоянии «поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны»⁵, свидетельствует о том, что он все еще причислял Германию к преимущественно крестьянским странам Восточной Европы, где еще не завершилась буржуазная революция против феодального строя и где пролетарское меньшинство, таким образом, оказывает временную тактическую поддержку программе крестьянской собственности⁶.

Маркс и Энгельс провели оставшуюся часть своей жизни после 1850 г. в стране, где крестьянский вопрос потерял свою остроту в результате процесса массовой индустриализации и превращения того, что осталось от крестьянства, в сельский пролетариат. Да и практические возможности возникновения революции в Европе не давали им повода для пересмотра этого тактического вопроса. В течение двух десятилетий, отделявших этап, когда окончательно был погашен «большой пожар» 1848 г., от Парижской коммуны, не было отмечено какого-либо изменения в их отношении к крестьянству; кроме того, героизм участников Парижской коммуны не вдохновил крестьян на восстание, которое только и могло спасти ее от поражения. Однако импульс к пересмотру крестьянского вопроса в последнее десятилетие жизни Маркса пришел

из более отдаленного и неожиданного источника — из России.

Как раз в конце 60-х годов XVIII столетия Маркс и Энгельс начали интересоваться событиями в России и для того, чтобы читать русскую экономическую литературу, выучили русский язык. Этот момент оказался важным поворотным пунктом в русской истории. В 50-х годах в России зародилось новое течение мысли (поскольку народники представляли собой группу интеллектуалов, а не организованную партию), объединяющее в себе веру славянофилов в исключительную роль России, которой самой судьбой предназначено принести свет в Европу с ее социалистическими доктринами, в основной своей массе утопического толка. В основе учения народников лежала убежденность в том, что крестьянская община в России с ее системой общественной собственности является по сути своей социалистической и способна послужить базой для будущего социалистического порядка, а следовательно, Россия могла бы на деле повести за собой остальную Европу по пути к социализму. Отмена крепостного права в 1861 г. не поколебала этой убежденности. Эта мера была вызвана побуждением к модернизации российского хозяйства после бедствий Крымской войны, а также (подобно огораживанию общинных земель в Англии) необходимостью создать резервную армию труда для индустриализации страны. В результате была разорвана феодальная связь между помещиком и крепостным крестьянином и, более того, открылся путь для проникновения капитализма в деревню. Но поскольку реформа не разрушила крестьянскую общину (которая продолжала оставаться преобладающей формой организации земледелия), ее значение не было полностью понято и она оказала слабое воздействие на доктрину народничества. Деятельность народников, усиленная террористическими группами, проповедовавшими доктрину народничества, достигла своего апогея в 70-х годах XIX столетия. Первый русский перевод первого тома «Капитала», увидевший свет уже в 1872 г., был делом рук народника по имени Даниельсон.

Борьба против Бакунина вовлекла Маркса и Энгельса глубоко в сферу русских разногласий. В 1875 г. Энгельс, отвечая на наскоки русского народника Ткачева, опубликовал статью «Социальные отношения в России», в которой он достаточно остро отмечал, что выкуп барщины нанес «сильнейший удар общинной собственности» и что «общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению». Однако он добавил еще ряд соображений, которые открывали продолжительную полемику:

«Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход

к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия»⁷.

Эти оговорки были важны. Не мыслилось, что Россия может своими собственными усилиями миновать этап буржуазного капитализма и достичь социализма прямым путем, преобразуя общинные институты своего феодального прошлого в общинные институты своего социалистического будущего. Предполагалось же, что пролетариат развитых государств, осуществив победоносную революцию в своих странах, будет в состоянии взять с собой отсталую Россию в социалистическое общество, а самой России не придется идти капиталистическим путем; причем в этой концепции не было ничего нелогичного, коль скоро Европа рассматривалась как единое целое. Сам Маркс в это время не сделал по этому вопросу ни единого публичного официального заявления. Но то, что он поддерживал точку зрения Энгельса, стало ясно два года спустя из письма Маркса в адрес одного русского журнала в ответ на статью, обвинявшую его в антирусских настроениях. В статье отрицалось, что он когда-либо поддерживал теорию «всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы», и заканчивалась она негативным, но показательным в этом отношении суждением:

«Если Россия будет продолжать... идти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁸.

Вопросу этому вскоре предстояло приобрести более сложную окраску в результате возникновения в России энергичной группы молодых марксистов, которые, порвав с народниками и действуя в диаметрально противоположном направлении, осудили сельскую общину как простой феодальный пережиток и проповедовали необходимость развития капитализма в России в качестве прелюдии к пролетарской революции. Руководители этого движения — Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич, в конце 70-х годов XIX столетия покинули Россию и в 1883 г. основали в Швейцарии союз «Освобождение труда»⁹. Члены этой группы предполагали и продолжали предполагать, что правильная схема революции, изложенная в «Манифесте Коммунистической партии», применима ко всем странам и что социализм может быть достигнут в России только через промежуточный этап буржуазного капитализма. И то, что эта схема была со всей очевидностью опровергнута

одним из ее авторов, вызвало определенное замешательство. В феврале 1881 г. Вера Засулич написала Марксу, прося уточнить свою точку зрения на русскую крестьянскую общину. Из того факта, что в его бумагах найдено три варианта черновика пространного ответа, можно предположить, в какое замешательство привел этот вопрос стареющего Маркса. В конце концов он отбросил их все и ограничился коротким письмом, в котором объясняя, что анализ в «Капитале», основывавшийся на западных условиях, где общинная собственность давно исчезла, неприменим для России, где такая собственность все еще существует в форме крестьянской общины. Он выразил убеждение в том, что «...эта община является точкой опоры социального возрождения России», но добавил загадочно, что «...для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹⁰. Ни в 1877-м, ни в 1881 г. Маркс не упоминал об основной оговорке, содержащейся в признании Энгельса в 1875 г., — гипотезе о победоносной пролетарской революции в Западной Европе. Однако это упущение было исправлено на следующий год, когда Маркс и Энгельс вместе подписали предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» и включили в него свое последнее совместное высказывание по русским делам:

«Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹¹.

Изучение этих текстов наводит на мысль о том, что Маркс и Энгельс в последние годы своей жизни (и Маркс, по-видимому, больше, чем Энгельс), побуждаемые чисто человеческим желанием, были склонны убедить полных энтузиазма сторонников народников вкладывать больше веры в потенциальные возможности русской общины, чем для этого были основания, исходя из сложившихся в России условий и любого разумного толкования «Манифеста Коммунистической партии» или «Капитала». Маркс умер в 1883 г. Капитализм продолжал развиваться в России, а с ним росло влияние марксистской группы. Народники, оказавшись в тупике терроризма, начали терять влияние. Плеханов в серии блестящих статей и брошюр всячески обыгрывал аргумент о том,

что крестьянская община может развиваться только в буржуазную, а не в коммунистическую форму общественной организации и что «буржуазно-крестьянский социализм» не может быть дорогой в коммунизм; а на учредительном конгрессе II Интернационала в Париже в 1889 г. он бросил вызов, заявив, что «русская революция победит как пролетарская революция или не победит совсем».

Беликий голод в России в 1891 г. с новой силой высветил всю сложность аграрной проблемы. Это бедствие можно было с одинаковым успехом отнести как за счет разлагающего влияния капитализма на сельскую общину, так и за счет врожденной отсталости и неэффективности общинной системы. Однако каким бы ни был диагноз, было ясно, что в движение вступили такие процессы, которые невозможно повернуть вспять. Энгельс без лишних слов отказался от уступки, которую он и Маркс сделали народниками 10 и 15 лет назад. Это отступление нашло свое отражение в письме старому народнику Даниельсону (февраль 1893 г.), который в своем письме в качестве причины голода называл наступление капитализма. Энгельс не собирался отрицать пороки капитализма. Но дело уже было не в этом. Возможность избежать их, если таковая когда-либо существовала, была упущена. Крестьянская община стала частью «невозвратного прошлого», и Россия не могла избежать своей капиталистической участи.

«...История, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития»¹².

Это выдержанное в мрачных тонах высказывание вновь поставило Россию на должное место в революционной схеме «Коммунистического Манифеста». Погас луч надежды, который Маркс и Энгельс, казалось, зажгли на привилегированном пути к спасению; и когда Энгельс на следующий год, в связи с повторной публикацией своей статьи 1875 г., вновь без особого желания вернулся к этому вопросу, он повторил, формально не изменив своего отношения, но заметно сместив акцент, что «...инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада» и что «...нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождает из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения»¹³. Когда Ленин в 90-х годах прошлого столетия начал выступать с публикациями, он искренне следовал за Плехановым в его полемике против народников и основной темой своих выступлений взял развитие капитализма в России. Однако некоторым из старых аргументов суждено было появиться вновь многие годы спустя, причем в совершенно другом окружении, в спорах о «социализме в одной стране» и о коллективизации сельского хозяйства.

Какие бы разногласия ни возникали относительно пути к достижению цели, Маркс и Энгельс никогда не колебались в одном кардинальном моменте: коллективное крупное земледелие было непременным условием социализма. Именно потому, что народники, казалось, были готовы выдвинуть это условие, их теории немедленно привлекли к себе внимание. В последний год своей жизни Энгельс в пространной работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» вновь обратился к Западу и попытался ответить на этот каверзный вопрос. Он доказывал, что буржуазная революция, освободив западноевропейское крестьянство от феодальных поборов и повинностей, тем не менее ухудшила его материальное положение, так как «крестьянин лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был». Он подвергался со всей силой безжалостной капиталистической эксплуатации, становясь «будущим пролетарием». Почему крестьянин обычно считал социал-демократов, партию городского пролетариата, своим злейшим врагом? Потому что социал-демократы вписали в свои программы политику национализации земли, которая, по мнению крестьянина, угрожала ему потерей даже того малого надела, которым он владел.

Энгельс проводил резкое различие между мелкими и крупными землевладельцами, причем первые господствовали во Франции и на западе Германии, а последние — в ост-эльбской Пруссии и в Мекленбурге, другие же части Германии занимали промежуточное положение. Что касается мелких крестьян, то он откровенно высказал дилемму: «Мы можем с сегодня на завтра привлечь на свою сторону массу мелких крестьян, только давая им такие обещания, которых мы заведомо сдержать не сможем». В числе этих обещаний должно быть обещание освободить их от платы аренды от ипотек и гарантировать им навечно право собственности на землю. Социал-демократы не могут последовательно защищать политику, имевшую тенденцию к увековечению системы мелких владений, что противоречит принципам как социализма, так и эффективности производства. Однако им нет нужды вести наступление против мелкого крестьянина.

«Во-первых, ...мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством.

А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприровать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это вы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»¹⁴.

Что касается крупных и средних крестьян, использующих батраков и батрачек, то социалисты, вполне естественно, более заинтересованы в наемных рабочих, то есть в батраках и батрачках, чем в собственниках. Но даже и в отношении собственников речь идет не столько об их уничтожении, сколько о том, чтобы «предоставить их собственной судьбе», поскольку они должны неминуемо погибнуть от конкуренции более развитого капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна. Во всяком случае, целью социалистов не является разрушение крупных землевладений: крупный собственник являлся в силу своих возможностей более эффективным производителем, чем мелкий крестьянин. Еще в 1850 г. Маркс, выступая в поддержку национализации земли как части даже программы буржуазной революции, настаивал на предложении, чтобы «конфискованное имущество осталось собственностью государства и было превращено в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциациями сельского пролетариата, который притом пользуется преимуществами крупного земледелия»¹⁵. Теперь Энгельс утверждал, что подобно тому, как крупная капиталистическая промышленность созрела для перехода в социалистическую, так и крупное капиталистическое земледелие может стать социалистическим коллективным хозяйством.

«...Превращение капиталистического хозяйства в общественное здесь уже вполне подготовлено и может быть произведено сразу, совершенно так же, как, например, на заводе г-на Круппа или г-на фон Штумма».

Более того, эти крупные земледельческие товарищества «будут служить для мелких крестьян убедительным примером преимуществ кооперативного крупного хозяйства»¹⁶.

Таким образом, в своем последнем слове по крестьянскому вопросу Энгельс вновь настаивал на принципе крупного земледелия как неотъемлемой части социализма, указывая на то, что крупные капиталистические имения созрели для прямого превращения в социалистические государственные хозяйства, и предпринял попытку повести мелкого сельского собственника по неизбежному пути к коллективной собственности, используя при этом скорее методы убеждения, чем принуждения. Эти идеи в последующие 20 лет лежали в основе аграрной политики всех социал-демократических партий, хотя они мало что делали для того, чтобы как-то скрасить недостаток сочувствия среди большинства крестьян к этой политике.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Вопрос о «рабочем контроле», как он проявился на железных дорогах, является аномальным в двух отношениях. Во-первых, до революции все крупнейшие железные дороги в России принадлежали государству, а посему к ним не подходила концепция осуществляемого рабочими контроля над предприятиями, которые все еще находились под управлением их капиталистических владельцев и подлежали такому контролю. Во-вторых, профсоюз железнодорожников, крупнейший и наиболее тесно организованный из всех русских профессиональных союзов, был уникальным в своем роде, включая конторских и технических служащих, равно как и рабочих физического труда, а следовательно, в нем не наблюдались практические трудности, которые возникают где бы то ни было, когда «трудящиеся» попытаются овладеть фабриками. Вооруженные такими преимуществами железнодорожники с первых дней существования Советской власти представляли для нее сложную формальную проблему, которую нельзя было ни обойти, ни отложить. Союз железнодорожников поручил заниматься своими делами исполнительному комитету в составе около 40 человек (Всероссийскому исполкому железнодорожного профсоюза, или Викжелю), из которых, согласно некоторым данным, к моменту Октябрьской революции двое были большевиками, двое — межрайонцами и один — беспартийным сочувствующим большевикам, а остальные принадлежали к правым и левым эсерам, меньшевикам и независимым¹. Подобно большинству профсоюзов, в которых квалифицированные рабочие играют доминирующую роль, железнодорожный союз был скорее радикальным, нежели революционным. С момента Октябрьской революции Викжель взял на себя управление железными дорогами и выступил как независимый орган власти. Короче говоря, он играл роль гигантского фабричного комитета, осуществлявшего «рабочий контроль». Он не признавал никакой политической власти и никаких интересов, кроме профессиональных интересов железнодорожников.

Эта проблема в наиболее открытой и драматической форме проявилась на следующий день после Октябрьской революции, на II Всероссийском съезде Советов. На втором, и последнем, заседании съезда, 26 октября/8 ноября 1917 г., Каменев огласил спи-

сок состоявшего полностью из большевиков Совнаркома, в котором пост народного комиссара по делам железнодорожным оставался «временно незамещенным». В конце заседания делегат Викжеля потребовал слова, на что последовал отказ со стороны Каменева, который председательствовал на заседании. «В зале поднялся шум», и «после продолжительных переговоров» представителю железнодорожников было предоставлено слово по мотивам голосования. Затем он зачитал декларацию, подготовленную ранее в тот же день Викжелем. В ней говорилось, что Викжель относится «отрицательно к захвату власти одной какой-либо политической партией» и что «власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии»; Викжель берет на себя управление железными дорогами и заявляет, что все распоряжения по ведомству путей сообщения подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от него, и пригрозил, что если по отношению к железнодорожникам будут приняты репрессивные меры, то союз лишит Петроград продовольствия. В ответ на этот «бортовой залп» Каменев мог только формально заявить о полномочности Всероссийского съезда Советов. Другой представитель железнодорожных рабочих заявил прямо из зала, что Викжель является «политическим трупом» и что «массы железнодорожных рабочих давно отвернулись» от него. Однако это заявление все еще далеко не соответствовало фактам, чтобы произвести большое впечатление².

По общему признанию, позиция Викжеля выходит далеко за пределы вопроса о рабочем контроле: это был синдикализм в его наиболее экстремистском проявлении. Тем не менее Совнарком оказался бессильным. Железнодорожники оставались в руках Викжеля; и два дня спустя большевики были вынуждены перед угрозой всеобщей забастовки железнодорожников³ вступить в переговоры с другими социалистическими партиями о создании коалиционного правительства. Переговоры проходили трудно и привели к выходу из правительства группы большевиков, которые считали, что Ленин и Троцкий проводят слишком жесткую линию⁴. Однако после того, как выход из тупика, казалось, был найден, переговоры возобновились, на этот раз на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, который состоялся в Петрограде 10/23 ноября 1917 г. Здесь через пять дней было достигнуто соглашение, по которому три представителя эсеров вошли в Совнарком: это соглашение было одобрено Викжелем, и бывший член Исполкома занял вакантный пост народного комиссара по делам железнодорожным.

Компромисс с Викжелем был неустойчивым и оказался менее продолжительным, чем правительственная коалиция. Всероссийский съезд железнодорожного профсоюза, проходивший во время заседания Учредительного собрания, по настоянию Викжеля незначительным большинством проголосовал за вотум доверия соб-

ранию. Это предназначалось и было расценено как вызов большевикам и правительству. Однако на этот раз большевики решили проверить свои силы и были готовы ответить на этот выпад действиями. Рядовые железнодорожники были настроены более сочувственно по отношению к большевикам, чем умеренные, контролировавшие Викжель. Потерпевшее поражение меньшинство покинуло съезд и провело свой собственный съезд, который, заслушав пространное политическое обращение Ленина⁵, сформировал свой собственный Исполнительный комитет (названный для отличия Викжедор), который состоял из 25 большевиков, 12 левых эсеров и 4 независимых. Новый съезд и его Исполнительный комитет тотчас же получили признание Совнаркома, и член Викжедора Рогов стал народным комиссаром по делам железнодорожным. В результате новый режим сохранил свою эффективность. С этой целью Советское правительство теперь начало выступать в поддержку принципа рабочего контроля, чтобы подорвать влияние Викжеля среди железнодорожных служащих. Согласно положению от 10/23 января 1918 г. (по всей вероятности, одного из наиболее откровенных синдикалистских документов, когда-либо принятых в советском законодательстве), управление каждой железной дорогой возлагалось на избранный ее рабочими и служащими Совет, а общий контроль над всеми железными дорогами России — на Всероссийский съезд железнодорожных депутатов⁶. Целью этой новой созданной снизу организации было низвести действенный и враждебно настроенный Викжель и заменить находившийся в тени, но дружественный Викжедор. Однако она не стала, да и не могла стать, эффективным инструментом управления железными дорогами России. Когда был преодолен брестско-литовский кризис и вновь появилась возможность заняться вопросами внутренней организации, Советское правительство наконец занялось вплотную этим делом. В докладе народного комиссара труда на заседании ВЦИКа пространно говорилось о «дезорганизации и демонстрации», царивших на железных дорогах страны⁷. Это была прелюдия к декрету Совнаркома от 26 марта 1918 г., наделившего народный комиссариат путей сообщения «диктаторскими полномочиями в области транспорта». Функции же Всероссийского железнодорожного съезда были, очевидно, сведены до избрания членов коллегии комиссариата, причем результаты выборов подлежали одобрению Совнаркома и ВЦИКа, а полномочия коллегии ограничивались лишь тем, что она могла апеллировать к тем же двум органам в случае несогласия с наркомом⁸. Этот декрет, сколь бы радикальным он ни казался, нетрудно было защитить и оправдать. «Когда слышу сотни тысяч жалоб, — говорил Ленин на заседании ВЦИКа, — когда в стране голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильные, что у нас есть хлеб, а мы не можем его подвезти, тогда мы встречаем насмешки и возмущения со стороны левых коммунистов на такие меры, как наш железнодорожный декрет...» — и оратор прервал свою речь жес-

том презрения⁹. Железные дороги были микрокосмом русской промышленности. Они были, по более позднему определению Ленина, «ключом» экономического положения. Проводимая по отношению к ним политика была прототипом промышленной политики в целом. Рабочий контроль последовательно выполнил две задачи. Он сломал старый порядок, враждебный революции и, будучи доведенным до своего логического завершения, продемонстрировал, помимо возможности противоречия, необходимость новых форм контроля, более жесткого и централизованного.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 15. Теории и программы

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 111.
2. Цит. по: *C. Sorel*. *Reflections on Violence* (Engl. transl., 1916), p. 150.
3. *C. Sorel*. *Décomposition du Marxisme* (3rd ed., 1925), p. 37.
4. С другой стороны, по определению Энгельса, «политическая экономия» в широком смысле слова есть «наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, с. 150). Эта фраза часто использовалась в XIX в. в полемике о продолжении действия экономических законов.
5. Там же, т. 19, с. 18.
6. Там же, 1-е изд., т. XIV, с. 288—289.
7. *К. Маркс*. *Капитал*, т. III, гл. X.
8. Маркс различал понятия «распределение» (*Verteilung*) и «обмен» (*Austausch*). Первое «определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам». Второе «определяет те продукты, в которых индивид требует ту часть, которая досталась ему при распределении»; первое представляет общественное, а второе — индивидуальное решение (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, с. 25).
9. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, ч. I, с. 31—32.
10. Там же, с. 36. Маркс добавлял, что тем не менее «между различными моментами имеет место взаимодействие». Это «свойственно всякому органическому целому».
11. Там же, т. 19, с. 19.
12. Все ранние социалисты считали торговцев в отличие от производителей паразитами на теле общества: Оуэн в своем «Проекте законов» 1835 г. для «Ассоциации всех классов и всех наций» стремился к обществу «без священников, юристов, солдат, покупателей и торговцев».
13. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 18. Та же идея повторена почти в тех же выражениях в «Капитале», т. III, гл. XVIII.
14. Там же, т. II, гл. XVI, с. 354.
15. Там же, т. III, гл. XXXIV.
16. Сен-Симон использовал слово «industriels», которое охватывало всех, кто занят в производстве. После его смерти ученики, возможно, заботясь о его несколько неопределенной репутации «социалиста», заменили это слово на «travailleurs», говоря об «ассоциации рабочих» (*Doctrine de Saint-Simon: Exposition, Première Année, 1830*, p. 197).
17. «ВКП(б) в резолюциях...», 1914, с. 20.
18. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.
19. Техника планирования, принятая со временем в СССР, была основана на категориях, которыми пользовался Маркс в «Капитале» при анализе системы капитализма. Однако в первые годы Советской власти она применялась ограниченно либо не применялась совсем.
20. См. ниже, приложение В: «Маркс, Энгельс и крестьянин».
21. *Г. В. Плеханов*. Соч., т. III, с. 119.
22. *A. von Haxthausen*. *Etudes sur la Situation Integricure, la vie Nationale, et les Institutions Rurales de la Russie*, i, 1847, p. 151.

23. По утверждению Плеханова, крестьянство являлось в целом не классом, а «состоянием»; реформа 1861 г. разделила его на два класса: оземеленную «деревенскую буржуазию» и безземельных «бедняков» — эксплуататоров и эксплуатируемых (*Г. В. Плеханов. Сочинения*, т. III, с. 419). В 1905 г. Ленин отмечал нерешительное отношение крестьянства к разделению на «петти-буржуазный» и «поупролетарский» слои (*В. И. Ленин. Сочинения*, 2-е изд., т. VI, с. 369—370).

24. Там же, т. 27, с. 378.

25. Судя по соответствующим исследованиям, иностранные капиталовложения в промышленность России до 1914 г. превышали два млрд. рублей, из них: французские составляли 32,6%, английские — 22,6, германские — 19,7, бельгийские — 14,3 и американские — 5,2% (цит. по: *Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР*, 1926, с. 44).

26. Один из наиболее мощных сторонников промышленного прогресса — Витте — сделал в своих мемуарах важное замечание: «Говорят, что я использовал искусственные методы для развития промышленности. Что означает эта глупая фраза? Какими способами, кроме как искусственными, можно развивать промышленность? («Воспоминания». Берлин, 1922, с. 451).

27. В 1913 г. 24,5% российских промышленных рабочих были заняты на предприятиях, насчитывавших более тысячи рабочих, и 9,5% — от 500 до 1000 рабочих; соответствующие цифры для Германии в 1907 г. были 8,1 и 6,1 (*Я. С. Розенфельд. Цит. соч.*, с. 46).

28. Т. I, гл. 2.

29. Программа 1903 г. напечатана в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 19—23.

30. Там же, с. 46—47.

31. *В. И. Ленин. Сочинения*, т. VIII, с. 185—186 (источник указан неверно. — *Ред.*); о дальнейшем анализе идей Ленина в это время см. т. I, гл. 3.

32. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 58—59; *Крупская* (Воспоминания о Ленине, ч. I (англ. пер. 1930 г.), с. 131—133) отмечает, что Ленин впервые сделал выводы из опыта революции 1905 г. на Таммерфорской конференции.

33. Отчет комиссии содержится в: *В. И. Ленин. Сочинения*, 2-е изд., т. IX, с. 458—460. Свой проект, получивший поддержку большинства комиссии, Ленин с обоснованием предложений опубликовал в отдельной брошюре в марте 1906 г. (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 12, с. 239—270).

34. Там же, с. 249—250.

35. Там же, с. 361—371, 184—200.

36. Год спустя Ленин писал: «Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного общественного производства» (там же, т. 15, с. 225—226).

37. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 76; дебаты Стокгольмского съезда приводятся в: «IV (Объединительный) съезд РСДРП», 1934.

38. В примечании Ленин добавляет: «Речь идет здесь не о разделе в собственность, а о разделе в хозяйственное положение. Такой раздел возможен — а при господстве мелкой культуры неизбежен на известное время — и при муниципализации и при национализации» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 16, с. 213—214).

39. Там же.

40. *Л. Троцкий*. 1905, 2-е изд., 1922, с. 18.

41. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 16, с. 219.

42. Там же, с. 215—217, 219.

43. Там же, с. 217, 416.

44. Цит. по: *G. T. Robinson. Rural Russia under the Old Regime*, 1932, p. 194.

45. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 17, с. 311—312.

46. *П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР*, т. II, 1948, с. 349.

47. Т. I, гл. 2.

48. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 13, с. 27.

49. Слово «общественный» не лишено той же двусмысленности, что и соответствующее существительное во фразе «социализация земли»: «для общественной пользы» здесь может означать «для общей пользы» или «для государственной пользы».

50. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.

51. Там же, с. 21.

Глава 16. Воздействие революции

1. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 344, 350.

2. *Троцкий* (История русской революции, т. I. Берлин, 1931, с. 429—445; т. II. Берлин, 1933, ч. II, с. 5—39) дает множество примеров крестьянских волнений в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.

3. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 419. Идея главенствующей роли революционного акта уже была выражена Лениным в 1906 г. на проходившем в Стокгольме IV съезда партии, когда он в своем собственном варианте проекта резолюции исправил слово «захваченные» на слово «конфискованные», объясняя это тем, что «конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом» (там же, т. 13, с. 11).

4. Там же, т. 31, с. 272.

5. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 229—230.

6. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, с. 43.

7. Там же, с. 187—188.

8. «Первый Всероссийский съезд Советов», 1930, т. II, с. 304.

9. Согласно сведениям Е. А. Луцкого, опубликованным в: «Вопросы истории», № 10, 1947, с. 17, — в августе 1917 г. существовало 52 губернских комитета, 422 уездных комитета и неизвестное количество волостных комитетов.

10. «Первый Всероссийский съезд Советов», 1930, т. II, с. 306—310.

11. В официальной статистике зафиксировано 152 случая насильственного захвата имений крестьянами в мае 1917 г., 112 — в июле, 440 — в августе и 958 — в сентябре («Развитие советской экономики». Под ред. А. А. Арутюняна и В. Л. Маркуса, 1940, с. 60).

12. Об этом положении см. с. 39—40.

13. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 108—116. Ленин, таким образом, пересмотрел точку зрения, которую он выражал до 1917 г., что национализация земель является лишь шагом в осуществлении буржуазной революции: теперь национализация уже «не только „последнее слово“ буржуазной революции, но и шаг к социализму» (там же, с. 233).

14. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 1, 2-е изд., ст. 3; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 23. Поспешный характер всех этих мероприятий является примером нерешенных противоречий между главным Декретом о земле и Примерным наказом; первый оставлял решение вопроса о компенсации на усмотрение Учредительного собрания, второй же высказывался за конфискацию без компенсации.

15. Чернов впоследствии с негодованием писал, что «Ленин копирует наши решения и публикует их в виде декретов» («Дело народа», 17/30 ноября 1917 г.).

16. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 23. Позднее Ленин развил этот аргумент в более законченном виде: «Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотя и не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики ни слова своего на вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эс-эрами в эс-эровской газете» (там же, т. 40, с. 13—14).

17. Там же, т. 35, с. 102—104.

18. Там же, с. 96—97.

19. Там же, т. 34, с. 324.

20. Там же, т. 35, с. 68.

21. В Декрете о земле содержался пункт, предостерегавший крестьян, что любая порча «конфискованного имущества, принадлежащего отныне всему народу», будет караться «революционным судом», и возлагал ответственность за упорядоченное проведение этого декрета на уездные Советы.

22. «Развитие советской экономики...», с. 93.

23. Е. А. Луцкий в: «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. V, 1948, № 6, с. 510—514 — показал на основании сведений с мест, что в Тверской и Рязанской губерниях, где Советская власть была установлена сразу же после Октябрьской революции, передача земель крестьянам проходила в большинстве случаев в организованном порядке, в то время как в более отдаленной Тамбовской губернии, где Советская власть установилась только в конце января 1918 г., «ликвидация помещичьей собственности имела место в значительной степени в форме стихийных грабежей «имений». Согласно мнению одного из сотрудников Наркомзема, беспорядки происходили в основном в черноземных областях Украины и на средней Волге, где земельный голод был особенно острым («О земле», т. I, 1921, с. 20).

24. В. П. Милютин. Аграрная политика СССР, 2-е изд., 1929, с. 60. Другой комментатор говорил об аграрном местном «самоопределении» (S. N. Prokovich. The Economic Condition of Soviet Russia, 1924, p. 68).

25. В общем и целом в период Временного правительства, в котором в его руках находилось министерство сельского хозяйства, эсеры стабильно сдвигались вправо. Последний министр сельского хозяйства Маслов достиг компромисса с кадетами по поводу предложения, в соответствии с которым компенсация экспроприированным помещикам должна была выплачиваться из ренты; ее должны были платить крестьяне, между которыми была поделена помещичья земля. Ленин осудил это (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 428—433) как «новый обман крестьян партией эс-эров». Враждебный, однако хорошо документированный анализ позиции эсеров по аграрному вопросу в период между Февральской и Октябрьской революцией содержится в: Е. А. Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 г., 1929, с. 103—116.

26. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 68. Чтобы подчеркнуть авторитарный характер этого заявления Ленина, заметим, что оно было опубликовано в: «Собрание узаконений, 1917—1918», № 2, ст. 24.

27. «Воля народа», 31 октября 1917 г.; цитируется в: «Вопросы истории», № 10, 1947, с. 19.

28. «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», 1918, с. 29.

29. «В первые дни народный комиссариат сельского хозяйства не имел централизованной организации, все взаимодействия и вся работа проводились в Смольном» (В. П. Милютин. Цит. соч., с. 60); Милютин говорил также о «саботаже» и о «сопротивлении служащих».

30. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 7, ст. 105.

31. «Вопросы истории», 1947, № 10, с. 38.

32. Информация о том, как проходили заседания этого съезда, взятая из современных периодических изданий и неопубликованных архивов, содержится в: «Вопросы истории», 1948, № 10, с. 29—30, а также в: «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, 1949, № 3, с. 231. Единственный сохранившийся текст этого выступления Ленина, весьма неудовлетворительного качества стенографический отчет, печатавшийся в прессе, опубликован в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 330—331.

33. «Третий Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 86.

34. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 25, ст. 346; дальнейшие переговоры, которые велись до закрытия съезда 18/31 января 1918 г., а также обнаружение через 19 дней этого декрета описаны в: «Вопросы истории», 1948, № 10, с. 32—33.

35. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 25, ст. 436. Позднее, в 1918 г., Ленин дважды с особым удовлетворением ссылался на эту статью (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 352—364); он даже, слегка преувеличивая, хвастался, что в этом законе о земле «Советская власть дала *прямое*

преимущество коммуна и товариществам, поставив их на первое место» (там же, с. 322).

36. Там же, с. 321.

37. Там же.

38. «Вопросы истории» (1947, № 11, с. 6—8) приводит подробный список, состоящий из 28 губерний. Похоже, что раздел земли имел место и в отдельных частях азиатской части России; однако здесь этот процесс был менее организованным, и подробной информации об этом не имеется.

39. «О земле», т. I, 1921, с. 24—25. Согласно сведениям, опубликованным в: «Вопросы истории», 1947, № 11, с. 14, — «основным органом, решавшим практические вопросы о разделе земель между волостями и селениями, был уездный земельный отдел»; можно предположить, что более высокие органы сыграли в этом менее существенную роль.

40. Там же, с. 160.

41. См. сведения, приведенные в: *Bungan and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917—1918.* Stanford, 1934, p. 679—683.

42. «Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 6; эти проценты с незначительными вариациями повторены в: «О земле», т. I, 1921, с. 23.

43. Примеры применения этих различных практических подходов можно найти в: «Развитие советской экономики...», с. 94—95, а также в: «Известия Академии наук СССР...», т. VI, 1949, № 3, с. 231—235; оба эти источника частично основываются на неопубликованных архивах.

44. Тем не менее раздавались жалобы, что с крестьянской секцией ВЦИКа с тех пор более не консультировались по важным вопросам («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», 1920, с. 403—404) и что ее преднамеренно лишали необходимых средств («Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 53—54).

45. Требования левых эсеров были рассмотрены и отклонены Центральным Комитетом партии 3 мая 1918 г. («Ленинский сборник», т. XXI, 1933, с. 147): большинство левозеро-эсеровских деятелей было уволено из Наркомзема только после июльского мятежа.

46. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», 1920, с. 294.

47. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 311.

48. «Известия», 18/31 января 1918 г.

49. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 297.

50. «Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 141—142.

51. Т. I, гл. 2.

52. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 331.

53. Там же, т. 36, с. 56.

54. Там же, с. 298.

55. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 35, ст. 468; этот декрет получил у своих противников прозвище «декрета о продовольственной диктатуре» и позже обычно назывался именно так.

56. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 356; первоначальный проект Ленина см. там же, с. 357.

57. Там же, с. 363—364.

58. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 38, ст. 498; общие сведения об этом декрете см. ниже, с. 123. Несколько дней спустя был выпущен дополнительный декрет — «О порядке сдачи хлеба в распоряжение государства» (там же, ст. 502).

59. Сведения, данные некоторое время спустя одним английским путешественником, содержат описание метода, применявшегося при проведении выборов: «Собиралось собрание всего села, на котором председатель (сельского Совета) зачитывал список кандидатов в «комитет бедноты». Каждое из названных имен, по мере прочтения, обсуждалось, и несколько кандидатур было отклонено, поскольку они не были признаны «бедными». Голосование проводилось поднятием руки. Всего было избрано около 40 человек с «президиумом» из трех человек» (*British Labour Delegation to Russia, 1920, p. 134*). Зиновьев, желая несколько месяцев спустя дискредитировать эти комитеты, заявил на

VI Всероссийском съезде Советов, что при их назначении не осуществляется «настоящего выборного принципа»: они «назначались съезжими представителями И.К. или партийной организацией» («Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов», 1919, с. 87—88).

60. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 43, ст. 524.

61. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 505.

62. Там же, т. 37, с. 314.

63. Там же, с. 354.

64. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 237.

65. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 446.

66. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 182, ст. 1015.

67. S. Zagorsky. State Control of Industry in Russia during the War. Yale, 1928, p. 173.

68. Общие сведения о фабрично-заводском движении в период между февралем и октябрём 1917 г. содержатся в: «Вопросы истории», № 10, 1947, с. 40—64. Г. Циперович в книге «Синдикаты и тресты в России», 3-е изд., 1920, с. 145, говорит об «искусственном сокращении производства» и «массовом закрытии предприятий», осуществившимися предпринимателями до октября 1917 г.; согласно статистическим данным, приведенным в: В. П. Милютин. Цит. соч., с. 45,— в период между мартом и августом 1917 г. было закрыто 568 предприятий, на которых было занято более 100 тыс. рабочих, причем их число увеличивалось от месяца к месяцу.

69. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 302.

70. Там же, т. 32, с. 38.

71. Там же, с. 106.

72. До тех пор пока много позже он не стал страстным сторонником электрификации, Ленин к техническим процессам в промышленном производстве интереса не проявлял; хотя он до тонкостей понимал политическое сознание заводских рабочих, он знал меньше о повседневной трудовой жизни заводского рабочего, чем о жизни крестьянина.

73. Т. I, гл. 6.

74. Н. Осинский (Оболенский). Строительство социализма, 1918, с. 34.

75. Первоначальный проект, составленный Лениным, опубликован в В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 195—197; о материалах этого совещания см.: «Октябрьская революция и фабзавкомы», 1927, т. 1, с. 63—137.

76. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 240; об этом выступлении сохранился лишь небольшой газетный отчет.

77. Там же, с. 292.

78. Роль профсоюзов и отношение к ним большевиков будут рассмотрены в следующем разделе.

79. Это совещание полностью освещалось в: «Известия», 2 июля 1917 г.; никакого официального стенографического издания, насколько известно, не существует.

80. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 34—36. Один меньшевистский делегат сказал на I Всероссийском съезде профсоюзов, прошедшем в январе 1918 г., что его Центральный Совет в течение предшествующих шести месяцев «не сделал абсолютно ничего» и что Лозовский был его «единственным активным работником» (там же).

81. Отчеты обо всех этих совещаниях опубликованы в: «Октябрьская революция и фабзавкомы», 2-томное издание, 1927.

82. «Октябрьская революция и фабзавкомы», т. II, 1927, с. 186—188, 193; Рязанов, выступавший за полное слияние этих комитетов с профсоюзами (там же, с. 191—192), описывал позднее эту резолюцию как «смертный приговор» фабрично-заводским комитетам, которые «согласились окончательно уступить профсоюзам всю область руководства в борьбе за улучшение положения рабочего класса», однако признавал, что сами комитеты с такой их интерпретацией согласны не были («Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 233—234).

83. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 156.

84. Там же, с. 162—177.

85. Там же, с. 317; этот отрывок процитирован и рассмотрен в гл. 20.
86. Там же, с. 306.
87. Там же, с. 307.
88. Там же, с. 101; концепция рабочего государства как «одного обширного синдиката» повторена там же, с. 97.
89. «Народное хозяйство», 1919, № 1—2, с. 23.
90. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2—5.
91. Там же, с. 474, прим. 90.
92. Там же, с. 30—31.
93. *А. Лозовский*. Рабочий контроль, 1918, с. 20. Автор рецензии на эту брошюру в: «Вестник Народного комиссариата труда», 1918, № 2—3 (февраль — март), с. 385—387 — обвинял Лозовского в том, что он преувеличивал как вред, наносимый рабочим контролем, так и масштабы взаимной враждебности между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами; на деле такое слияние оказалось не так уж трудно осуществить.
94. «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», 1918, с. 60.
95. Об этой дискуссии см. там же, с. 60—62; декрет см. в: «Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 35.
96. Всероссийский Совет рабочего контроля собрался лишь один раз, как заявил об этом Рязанов в январе 1918 г. («Первый Всероссийский съезд профсоюзов», 1918, с. 234), или же вообще ни разу не собирался, как утверждал тот же оратор четыре месяца спустя («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 104); согласно другой версии, он принимал попытки собраться, но не смог набрать кворума (там же, с. 72).
97. Статья в «Известиях» от 23 ноября/6 декабря 1917 г. характеризовала рабочий контроль как необходимый инструмент, чтобы «парализовать... деятельность локautчиков», и утверждала, что без этого декрета «грозила гибель страны и революции».
98. «Первый Всероссийский съезд профсоюзов», 1918, с. 175, 194.
99. *Г. Циперович*. Цит. соч., с. 157.
100. *А. Лозовский*. Цит. соч., с. 33—34.
101. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 339—340.
102. Первый из них, хоть и оформленный в виде декрета («Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 30), носил характер призыва, обращенного 9/22 ноября 1917 г. «Народным комиссаром по Министерству почт и телеграфов» ко всем служащим почт и телеграфов прекратить саботаж. Он заканчивался следующими словами: «Я заявляю, что никакие так называемые инициативные группы и комитеты по управлению учреждениями почтово-телеграфного ведомства не могут присваивать себе функций, принадлежащих общей власти и мне, как Народному Комиссару». Декрет о роспуске Совета Адмиралтейства датировался 28 ноября/11 декабря 1917 г. (там же, № 4, ст. 58).
103. См. Приложение Г «Рабочий контроль на железных дорогах».
104. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 234.
105. *The Lansing Papers, 1914—1920, v. II. Washington, 1940, p. 369.*
106. Эта идея была позднее подробно развита Бухариным (см. ниже, с. 197).
107. Дальнейшее развитие профсоюзов будет рассмотрено в следующем разделе (см. с. 81—84).
108. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 38; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 494; «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 12. Согласно Ларину (цит. соч., с. 16), Ленин сказал ему несколько дней спустя после революции: «Вы занимались вопросами организации германского хозяйства, синдикатами, трестами, банками, — займитесь этим у нас».
109. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 128.
110. Там же, с. 129; к сожалению, стенографического отчета об этом заседании ВЦИКа не имелось. Ларин («Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 17) свидетельствовал, что проект этого декрета был составлен Бухариным; Бронский же («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 162) приписывает авторство Бухарину, Савельеву и самому себе.

111. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 5, ст. 83.
112. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 274.
113. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 8; Рыков говорил позднее, что ВСНХ «вышел из петроградских фабзавкомов» («Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (плenumy), с. 7).
114. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 9, ст. 129; «Большая Советская Энциклопедия», т. XIII, 1929, с. 561, статья «ВСНХ».
115. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 11—12.
116. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 134.
117. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 12.
118. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 10, ст. 158.
119. Там же, ст. 159; далее см. с. 93—95.
120. См. с. 114—115.
121. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 174—175.
122. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 11—14.
123. «Собрание узаконений, 1918—1918», № 11, ст. 167.
124. *M. Philips Price*. My Reminiscences of the Russian Revolution, 1921, p. 213—215.
125. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 13, ст. 196.
126. Похоже, что в губерниях делалось мало или вообще не делалось никакого различия между совнархозами, экономическими секциями местных Советов и местными органами рабочего контроля, если таковые там вообще существовали; так, в Нижнем Новгороде обязанности всех трех выполнял всего один орган («Год пролетарской диктатуры». Нижний Новгород, 1918, с. 28—31); другой пример приводится в: «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 219).
127. Там же, с. 485—488.
128. Ленин в своей вступительной речи по поводу открытия I Всероссийского съезда Советов развивал тему, что ВСНХ «предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место», поскольку он должен выжить как «аппарат» при социализме, когда политические органы правительства отомрут (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 377).
129. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 71.
130. «Большая Советская Энциклопедия», т. XIII, 1929, с. 559—560, статья «ВСНХ».
131. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 10, ст. 149; несколькими днями раньше декрет сходного содержания был выпущен народным комиссариатом по торговле и промышленности (там же, ст. 155), который, однако, вскоре уступил ВСНХ все полномочия заниматься вопросами промышленной организации.
132. «Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства», апрель 1918 г., № 1, с. 42.
133. Согласно утверждению, содержащемуся в: *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 112, — на текстильную промышленность приходилось только 5% всех концернов, национализированных до 1 июня 1918 г.
134. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 9, ст. 137.
135. «Народное хозяйство», 1918, № 10, с. 32; 1918, № 11, с. 43—46.
136. Там же, 1918, № 2, с. 43—44.
137. *S. Zagorsky*. Op. cit., p. 129. Здесь содержатся сведения о создании комитетов в хлопковой, шерстяной, кожевенной, льнообрабатывающей и бумажной отраслях промышленности.
138. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 18; «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 95.
139. «Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства», № 1, март 1918 г., с. 28; декрет об образовании Главного сахарного комитета (Главсахар) опубликован в: «Собрание узаконений, 1917—1918», № 29, ст. 377; подробности об основании чайного центра (Центрочай) опубликованы в: «Известия Центрочая», № 1, 25 апреля 1918 г.
140. «Народное хозяйство» (1918, № 3, с. 7—12) опубликовало статью

одного «специалиста» по фамилии Макевецкий, который был экспертом по отравляющим газам и бывшим инструктором Технологического института, где он утверждал, что прогресс и эффективность в российской химической промышленности могут быть обеспечены только при условии государственного контроля, и ратовал за национализацию этой отрасли. В книге: *V. N. Ipatiev. The Life of a Chemist*, Stanford, 1946, p. 237 — содержатся факты об образовании Главхима — Главного комитета по химической промышленности, — который был учрежден на основе Главного артиллерийского управления царского военного министерства.

141. *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 137; на прошедшем в январе 1918 г. III Всероссийском съезде Советов Ленин, осуждая капиталистических врагов строя, описывал проведение «национализации банков и конфискации имущества» как меру, направленную на то, чтобы «привести их к повиновению» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 268).

142. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 92; «За пять лет», 1922, с. 238; о русском слове «стихийный» см. т. 1, гл. 1.

143. Наиболее ранние примеры можно найти в: «Собрание узаконений, 1917—1918», № 4, ст. 69; № 6, ст. 95; № 13, ст. 190, 191, 192; согласно сведениям, содержащимся в: *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 115, — 70% всех проведенных в этот период актов национализации произошло из-за предпринимателей, которые либо отказывались подчиниться рабочему контролю, либо покидали свои предприятия.

144. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 9, ст. 140.

145. «Собрание декретов по народному хозяйству», 1918, с. 270—271.

146. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 9, ст. 130.

147. Там же, № 27, ст. 350, 351, 346—360, где опубликован ряд декретов по национализации, выпущенных в феврале и марте 1918 г.

148. Один из первых декретов, касавшийся прежде всего обеспечения продовольствием, случайно предоставлял местным Советам право секвестровать «все торговые и промышленные предприятия» («Собрание узаконений, 1917—1918», № 1, ст. 9); однако вопросы юридической правомочности играли в то время весьма незначительную роль.

149. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 97.

150. Согласно статистическим данным, приведенным в: *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 113, — из 521 предприятия, национализированного до 1 июня 1918 г., 50% — совнархозами и Советами более низкого уровня и только 20% — Совнаркомом и, вне всякого сомнения, достаточно полные в том, что касается более высоких властей, — не очень, разумеется, надежны в том, что касается национализации, осуществлявшейся на низших уровнях; никакая статистика не может показать и того, какая часть официальных актов национализации была результатом «стихийных» действий со стороны рабочих. Рыков, комментируя ненадежность статистических данных по национализации, говорил: «Цифр указывалось несколько, и никто не знает, насколько верны эти цифры» («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 92).

151. Там же, с. 92.

152. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 19, ст. 290.

153. Там же, № 34, ст. 457; № 45, ст. 546. Обе эти отрасли промышленности были в особенно угрожаемом состоянии вследствие германской оккупации Украины. Явное исключение из утверждения, приведенного в тексте, составляет национализация предприятий по производству спичек и свечей, проведенная декретом от 7 марта 1918 г. (там же, № 29, ст. 385). Этот случай был аномальным. Целью этого декрета было создание государственной монополии над распределением некоторых товаров первой необходимости, включая рис, перец и кофе. «Национализация» предприятий по производству спичек и свечей была применительно к этой цели случайной, и, несмотря на использованную терминологию, эти предприятия не были подчинены контролю со стороны ВСНХ, который выпустил этот декрет, или какого бы то ни было другого государственного органа, а переданы в ведение Центрального совета кооперативов — Центросоюза. На прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде

Советов народного хозяйства было особо заявлено, что до настоящего времени ВСНХ провел целиком лишь национализацию двух отраслей: водного транспорта и сахарной промышленности («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 93).

154. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 69.

155. Эти цифры были приведены Радеком в докладе, сделанном в мае 1918 г. на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 15); более подробные подсчеты связанных с этим убытков приведены в: «На новых путях», 1923, т. III, с. 161—163.

156. В январе 1918 г. Оболенский был направлен в Харьков для подготовки к национализации Донецких месторождений («Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 14); в марте 1918 г. он сделал на пленуме ВСНХ доклад в пользу проведения национализации Донецких месторождений («Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства», № 1, апрель 1918 г., с. 34—41).

157. Первый номер журнала ВСНХ «Народное хозяйство», датированный мартом 1918 г., был выпущен под руководством редакционной коллегии в составе: Осинский, Ломов и Смирнов; начиная со второго номера (апрель 1918 г.) и далее редактором стал Милютин.

158. См. заявление Савельева, который после ухода Оболенского стал действующим председателем, зафиксированное в: *Bunyan and Fisher. Op. cit.*, p. 624.

159. Т. 1, гл. 3.

160. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», 1918, с. 311—315.

161. Два выступления Милютина см. в: *В. П. Милютин. Цит. соч.*, с. 130—141; доклад Ларина в: «Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства», № 1, апрель 1918 г., с. 23—24. Судя по всему, никаких официальных публикаций, которые освещали бы подробно это мероприятие, выпущено не было. В выступлении Милютина есть раздел по трудовой политике, о которой см. с. 94—95.

162. Согласно сведениям, опубликованным в: «Народное хозяйство», № 11, 1918, с. 22, — это решение было принято большинством с перевесом всего в один голос на собрании президиума ВСНХ «с некоторыми руководящими работниками Совнаркома».

163. *Г. Циперович. Цит. соч.*, с. 161—162.

164. Т. 1, гл. 8.

165. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 36, с. 165—208; фрагмент первоначального проекта, написанного в конце марта и значительно отличающегося по форме от окончательного текста, был сохранен: см. там же, с. 127—164. Одобрение Центральным Комитетом зафиксировано предположительно, по неопубликованным партийным архивам в публикации: *В. И. Ленин. Соч.*, 3-е изд., т. XII, с. 590, прим. 177. «Коммунист» (№ 1, 20 апреля 1918 г., с. 13) упрекал Ленина в том, что он не удосужился опубликовать контр-тезисы.

166. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», 1920, с. 206—238. Два выступления Ленина, второе из которых является ответом Бухарину, также опубликовано в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 36, с. 239—276, шесть тезисов напечатаны там же, с. 277—280.

167. Там же, с. 308.

168. Подробностей о ходе переговоров с Мещерским было вообще опубликовано не так-то много. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства наметкнул, что большевики «целых четыре месяца учились и брали уроки у довольно недурного трестера — Мещерского»; согласно утверждению Рыкова, проект был оговорен Мещерским с Лариным, но отклонен большинством в президиуме ВСНХ («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 72, 112). Согласно статье Осинского (Оболенского) в: «Коммунист», № 2, 27 апреля 1918 г., с. 17, — Ленин в ходе партийной дискуссии, проходившей 4 апреля, поддержал этот проект, сказав, что он вполне готов дать Мещерскому «взятку» в 200—250 миллионов рублей,

если эта группа возьмет на себя организацию крупного металлургического треста.

169. *Г. Циперович*. Цит. соч., т. 165.

170. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 32, 67, 416.

171. Как ни странно, но это долго оставалось поводом для упреков в их адрес. «Капиталистический класс, — с негодованием сказал Шляпников на I Всероссийском съезде профсоюзов, — отказался от отведенной ему организующей роли в производстве» («Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 2).

172. Крицман, способный толкователь экономических теорий того времени, писал, что ВСНХ является «наследником и преемником (в смысле объединения народного хозяйства) органов финансового капитала» (*Ю. Ларин и Л. Крицман*. Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России, 1920, с. 122).

173. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 254—255.

174. Там же, с. 296.

175. Там же, с. 82. Бронский, ездивший в Берлин для проведения экономических переговоров с Германией после Брест-Литовска, вспоминал, что, когда он объяснял германским официальным представителям советскую экономическую политику, то они ответили: «То, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете «коммунизмом», а у нас это называется „государственным контролем“» («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 157). Ленин был вынужден согласиться с этим сравнением, но никогда не называл это ни коммунизмом, ни социализмом.

176. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300; приводя этот отрывок три года спустя, Ленин намеренно или случайно опустил ссылку на Петра (там же, т. 43, с. 251).

177. Там же, т. 36, с. 172—184, 269. В английском языке нет точного идиоматического перевода знаменитой фразы «грабь награбленное»; Ленин здесь называет это эквивалентом выражения «экспроприация экспроприаторов», только «без латинских слов».

178. Там же, с. 262; упреки в адрес Бухарина, пытавшегося дискредитировать характерные для того времени позиции Ленина, напомнив антигосударственные взгляды, высказанные им в «Государстве и революции», были повторены им и в: «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» (там же, с. 313—314).

179. Там же, с. 262.

180. Там же, т. 36, с. 271—272.

181. Там же, с. 348; сведения об этой конференции см. там же, т. XXIII (3-е изд.), с. 538—539, прим. 4, а также в: *J. Bunyan*. *Intervention Civil War and Communism in Russia*. Baltimore, 1936, p. 379—381.

182. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 34, ст. 457.

183. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. VI—X, 82 (где допущена явная опечатка относительно общего количества делегатов).

184. Безукоризненная большевистская репутация Рыкова и его бесцветные убеждения, возможно, обеспечили ему предпочтение перед бывшим меньшевиком Лариным; Ларин и Милютин остались директорами «секции хозяйственной политики» ВСНХ.

185. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 7, 63, 73, 75.

186. Там же, с. 98.

187. Там же, с. 113.

188. Там же, с. 473.

189. Там же, с. 273—274, 460—463.

190. Взлет ВСНХ был отчасти достигнут за счет народного комиссариата торговли и промышленности, который, будучи вытеснен из сферы промышленной политики, ограничил свои функции осуществлением контроля за внешней торговлей. Эволюция этого комиссариата была описана заместителем его комиссара Бронским на прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (там же, с. 161—162). ВСНХ учредил даже секцию

внешней торговли с персоналом в 39 человек («Народное хозяйство», 1918, № 1, с. 11), однако никаких сведений о ее деятельности в этой области неизвестно.

191. Никаких явных доказательств существования планировавшихся Германией акций нет, однако тот факт, что такие действия послужили мотивом для поспешного выпуска этого всеобъемлющего декрета, подтверждается двумя независимыми свидетелями (*M. Philips*. Op. cit., p. 285—286; *S. Liberman*. Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 24—26). Радек месяц спустя говорил на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства о необходимости «выкупить акции немецких граждан в русских предприятиях» и сетовал, что буржуазия «старается всеми мерами продать свои акции немецким гражданам, старается получить защиту немецкого права путем всяких подделок, всяких фиктивных сделок» («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 16). Бронский (его высказывание приводится в: *Ю. С. Розенфельд*. Цит. соч., с. 99—100) дает несколько иную версию. С момента подписания Брест-Литовского договора в Берлине велись переговоры с германским правительством (Бронский был главой советской делегации) с целью определить, среди прочих вопросов, и общий размер компенсации за захваченную в России германскую собственность; поэтому Советское правительство было обеспокоено тем, что национализировать как можно больше имущества, до тех пор пока не будет подписано это соглашение.

192. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 47, ст. 559.

193. Эта резолюция была основана на адресованной к делегатам «инструкции» Центрального Совета, написанной Марксом, который сам на конгрессе не присутствовал. «Повседневная деятельность» профсоюзов в борьбе против предпринимателей признавалась «не только законной, но и необходимой». С другой стороны, «если профессиональные союзы нужны для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они еще более важны как организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала»: их главной задачей может быть не что иное, как «полное освобождение» рабочего класса (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, 13, 200—202).

194. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, с. 169—172; о разногласиях с «экономистами» см. т. 1, гл. 1.

195. Там же, т. 6, с. 112—113.

196. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 79—80.

197. Там же, с. 108.

198. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, с. 105.

199. Там же, с. 427.

200. Знаменательно, что в Великобритании, где профсоюзы старше, чем лейбористская партия, любой шаг в направлении более тесных взаимоотношений между ними означал более действенный контроль над партией со стороны профсоюзов, а в Германии, где они развивались более или менее одновременно, длительное соперничество завершилось принятием доктрины равного партнерства; большевистская позиция была прямой противоположностью британской.

201. См. выше, с. 58—59.

202. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 257.

203. Важной причиной, по которой — как до Октября 1917 г., так и после — Советы неизменно значили больше, чем профсоюзы, было то обстоятельство, что они представляли не только рабочих, но и солдат, то есть крестьян. Зиновьев, противопоставляя в январе 1918 г., на Всероссийском съезде профсоюзов, Советы 1917 г. Советам 1905 г., заметил, что их «сила заключается в том, что солдаты соединились с рабочими» («Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 72). Однако то ощущение, что Советы и профсоюзы частично перекрывали друг друга, явилось неким предзнаменованием дилеммы профсоюзов при социализме: там, где органы правительства демонстративно провозглашались органами рабочих, какое место оставалось здесь профсоюзам обычного типа? И напротив, утверждая за профсоюзами исключительные права представлять рабочих, меньшевики совершенно логично отрицали, будто бы Советы представляют рабочих (см. упоминаемую ниже, на с. 200, меньшевистскую резолюцию на II Всероссийском съезде профсоюзов).

Соперничество между Советами и профсоюзами еще явно давало о себе знать, во всяком случае, в отдельных местностях зимой 1920/21 г.: во время развернувшихся в то время разногласий по поводу профсоюзов в губернских партийных кругах была, по свидетельству Зиновьева, широко распространена точка зрения, что существование Советов делает профсоюзы излишними («Партия и союзы». Под ред. Г. Е. Зиновьева, 1921, с. 3—4). Среди тех, кто отстаивал эту точку зрения, был Мясников (там же, с. 282—287), который был несколько месяцев спустя исключен из партии (см. т. 1, гл. 8). Та же самая проблема возникла и когда в ноябре 1918 г. Советы были созданы в Германии. На состоявшемся в декабре 1918 г. учредительном съезде Германской коммунистической партии один делегат выдвинул лозунг «Прочь из профсоюзов», и даже Роза Люксембург считала, что профсоюзы должны исчезнуть, а на их место должны были прийти Советы рабочих и солдатских депутатов и фабричные комитеты (Bericht über die Verhandlungen des Gründungs-parteitages der KPD, 1919, S. 16, 80); левое крыло Германской независимой социал-демократической партии тоже в то время придерживалось точки зрения, что профсоюзы должны поглотиться системой Советов рабочих депутатов (E. Prager. Geschichte der USPD, 1922, S. 192).

204. Томский сказал находившейся в 1920 г. с визитом британской лейбористской делегации: «Наша тактика полностью отличается от той, которая принята в Англии или в Соединенных Штатах. В этих странах союзы стремятся улучшить условия только для своих членов; мы же здесь стремимся улучшить условия для всего рабочего класса в целом» (British Labour Delegation to Russia, 1920: Report, 1929, p. 118).

205. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 1, ст. 6. Год спустя Наркомтруд выпустил инструкцию, где требовалось усилить ту часть этого декрета, где говорилось об ограничении рабочего дня для подростков и запрещении найма на работу детей, что, судя по всему, так и не было проведено в жизнь; в конце 1918 г. был выпущен еще один декрет, запрещавший нанимать на работу детей («Собрание узаконений, 1919», № 1, ст. 7). Подобные запреты в период гражданской войны, когда ощущалась острая нехватка рабочей силы, особых практических результатов не имели.

206. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 8, ст. 111; № 13, ст. 108.

207. Начало приобретения профсоюзами официального статуса относится к еще более раннему периоду, когда в состав расширенного ВЦИКа было включено 50 представителей профсоюзов (см. т. 1, гл. 1).

208. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 338. Процесс, с помощью которого обеспечивался контроль со стороны большевиков, различался от союза к союзу и требует отдельного изучения. В некоторых случаях большевики доминировали среди рядовых членов профсоюзов и симпатизировали им с самого начала: на учредительном съезде Всероссийского союза рабочих-металлистов, прошедшем в январе 1918 г., присутствовало 75 делегатов-большевиков, 20 меньшевиков, 52 беспартийных и горстка левых эсеров и других небольших группировок («Профессиональные союзы СССР». Под ред. Ю. К. Милонова, 1927, с. 119); на I Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности, прошедшем в том же месяце, большевики составляли 52% делегатов (там же, с. 135). С другой стороны, в профсоюзе работников почт и телеграфа такого большинства — за счет более или менее активного внешнего воздействия — удалось добиться лишь к марту 1918 г. (там же, с. 325—326); ход событий там в общем и целом был сходен с тем, что происходило в профсоюзе железнодорожников (см. ниже, с. 394—395); профсоюз печатников долго оставался бастионом меньшевиков.

209. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 38, 73—75, 97—98, 364—365.

210. Там же, с. 364.

211. Там же, с. 85, 101, 374.

212. «Вестник Народного комиссариата труда», 1918, № 2—3, с. 27—28.

213. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 188; термин «трудовая повинность» был основан на аналогии с «военной повинностью» и всегда подразумевал элемент принуждения.

214. Там же, т. 16, с. 412.
215. Там же, т. 34, с. 310—311.
216. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 21, ст. 319.
217. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 108.
218. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 20—23.
219. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 278.
220. «Съезды Советов в постановлениях», 1939, с. 69.
221. Ларин как раз только что опубликовал по этому вопросу брошюру «Трудовая повинность и рабочий контроль» (1918), где широко обращался к опыту трудовой мобилизации в Германии во время войны; главной целью посвященной этой брошюре передовой статьи, напечатанной в официальном «Вестнике Народного комиссариата труда», 1918, № 2—3, с. 385—387, явно была попытка сгладить неблагоприятное впечатление, которое мог произвести этот прецедент.
222. *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 137—138; опубликованный стенографический отчет об этой сессии ВСНХ в распоряжении не имелся. Согласно: *В. И. Ленин*. Сочинения, т. XXII, 2-е изд., с. 622, прим. 186, Ленин присутствовал на двух заседаниях президиума ВСНХ, на которых обсуждались эти предложения. В то время еще не было решено, доверить ли этот вопрос профсоюзам; среди обсуждавшихся проектов стоял вопрос о «рабочих книжках». Мнение о трудовой дисциплине следовало спросить также у «капиталистов, инженеров и мастеров».
223. «Народное хозяйство», 1918, № 2, с. 38.
224. Об этих тезисах и журнале левой оппозиции см. выше, с. 89—90.
225. Цитировалось в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 261.
226. Там же.
227. Там же, т. 24, с. 369—371.
228. Там же, т. 36, с. 261.
229. Там же, с. 162.
230. Там же, с. 189. Работа «Система Тейлора» была опубликована в Москве в 1918 г.; в 1922 г. Ленин упоминал о втором издании этой работы (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 206).
231. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, с. 58; Ленин в работе «Государство и революция» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 96) охарактеризовал различия в заработной плате как главный источник «современного общественного неравенства», а их преодоление — как условие отмирания государства.
232. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 16, ч. II, с. 93; т. 14, с. 204.
233. Там же, т. 15, с. 274—276.
234. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 51.
235. Там же, т. 34, с. 309; такая позиция была принята и в партийной программе марта 1919 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 291).
236. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 46; декрет от 2 июля 1918 г. фиксировал жалование народного комиссара на уровне 800 рублей в месяц, а жалование других советских работников — не выше 350 рублей, однако разрешал платить жалование вплоть до 1200 рублей «специалистам», в случае, если это получило одобрение Совнаркома (там же, № 48, ст. 567).
237. Похоже, что первоначально установленное правило так никогда и не публиковалось, однако на него часто делались ссылки в более поздних партийных резолюциях (см., например: «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 434, 470).
238. «Протоколы II Всероссийского съезда комиссаров труда и представителей бирж труда и страховых касс», 1918, с. 11. На I Всероссийском съезде профсоюзов, прошедшем в январе 1918 г., упоминалось о проекте Ларина «путем налогов свести заработок лиц, проживающих в России, к сумме не более 600 рубл. в месяц» («Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 82); однако больше ничего об этом слышно не было.
239. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 16, ст. 242.
240. Там же, № 18, ст. 262.
241. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 10.
242. Там же, с. 66.

243. Там же, с. 78, 393.
244. Там же, с. 477—478, 481—482.
245. «Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства, 1917», № 60, ст. 358; № 85, ст. 478; № 103, ст. 574. Это министерство, так же как и пришедший ему на смену комиссариат (Наркомпрод), часто называли министерством или комиссариатом по обеспечению продуктами питания, однако русское слово «продовольствие» имеет такое же более широкое значение (по сравнению с английским словом «food»), как и французское слово «ravitaillement». — *Ред.*
246. П. И. Ляшенко. Цит. соч., с. 676.
247. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 237.
248. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 307.
249. Там же, т. 36, с. 330.
250. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 5, ст. 88.
251. Там же, № 1 (2-е изд.), ст. 9; см. также: «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», 1918, с. 5—6.
252. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 29.
253. Там же, ст. 33; этому военном-революционному комитету было суждено вскоре породить первый Чека (см. т. I, гл. 4).
254. Эти сведения приведены в: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 330; согласно данным, приведенным в: Л. Крицман. Геройский период Великой Русской Революции, 1924, с. 135, — эта практика началась после установления Временным правительством хлебной монополии.
255. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 12, ст. 181.
256. Об одном из примеров, взятых из текстильной промышленности, см. выше, с. 65; в марте 1918 г., «при явном превышении спроса над предложением», все еще наблюдалось наличие значительных запасов металлоизделий, а 60% всех продаж осуществлялось через «черный рынок» («Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства», № 1, апрель 1918 г., с. 44—45). См. также: «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 413.
257. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 9, ст. 134; № 12, ст. 181; № 29, ст. 385.
258. Там же, № 25, ст. 344.
259. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства привел подробности о повышении цен на ржаной хлеб, основной продукт питания в городах: в период между началом 1916 г. и Февральской революцией она возросла на 170%, между Февральской и Октябрьской революциями — на 258, а в период между Октябрьской революцией и маем 1918 г. — на 181%, в результате общее повышение цен составило начиная с января 1916 г. 800% («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 384).
260. Л. Крицман. Цит. соч., с. 136.
261. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 409; т. 36, с. 297. Много позднее Ленин назвал мешочника «существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки» (там же, т. 44, с. 160).
262. Там же, т. 38, с. 39.
263. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 30, ст. 398. ВСНХ выдвинул предложение, чтобы распределение было передано в руки местных совнархозов и местных отделений главков и центров; Совнарком осуществлял руководство в пользу Наркомпрода как ведомства, занимавшегося обеспечением запасов зерна («Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», б. д., с. 47). Таким образом, декрет от 2 апреля 1918 г. ознаменовал возникновение Наркомпрода как ведомства, на которое возлагалась ответственность за внутреннюю торговлю и распределение. Установление твердых цен оставалось в совместной компетенции ВСНХ и Наркомпрода (там же).
264. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, с. 243.
265. О проекте этой резолюции см. там же, т. 19, с. 349; о комментариях Ленина см. там же, с. 345—354.

266. *E. Fuckner*. Die Russische Genossenschaftsbewegung, 1865—1921, 1922, S. 114.
267. *В. И. Ленин* (Полн. собр. соч., т. 36, с. 185) оценивал количество членов как «свыше 10 миллионов».
268. Там же, т. 35, с. 208—209.
269. Там же, т. 36, с. 161.
270. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», 1920, с. 104.
271. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 437.
272. Согласно одному бывшему официальному работнику кооперативов, кооперативы должны были не только возвращать своим членам 5%-ный торговый сбор, но и сами платить налог государству, так что на самом деле налог выплачивался дважды (*E. Fuckner*. Op. cit., S. 106—107).
273. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 32, ст. 418.
274. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 436.
275. См. выше, с. 48—49.
276. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 38, ст. 498.
277. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 291—296, 395—436; декрет от 27 мая 1918 г. был выпущен, когда съезд все еще работал, однако о нем, судя по всему, ни разу не упоминалось в ходе заседаний.
278. Там же, с. 291—296, 395—420.
279. Там же, с. 483—484.
280. Там же, с. 484—485.
281. Там же, с. 429.
282. *Foreign Relations of the United States, 1918: Russia, v. I, 1931, p. 266—267*; насколько можно судить, никакого официального уведомления относительно прекращения поставок в Россию со стороны союзных государств так никогда сделано и не было.
283. «Известия», 14/27 ноября 1917 г.
284. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 10, ст. 159.
285. Там же, № 14, ст. 197; Ларин утверждал, что являлся одним из авторов этого декрета («Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 19).
286. Там же, № 19, ст. 290.
287. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», 1920, с. 9—11.
288. «Мирный договор», 1918, с. 12—13; *Texts of the Russian «Peace»*. Washington, 1918, p. 26—28.
289. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 33, ст. 432.
290. Похоже, что Бронский натолкнулся на известные трудности, отстаивая на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства эту практику от нападков «левых» пуристов («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 160).
291. *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 109—110.
295. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 21; это заявление было включено в доклад Чичерина на прошедшем несколько недель спустя V Всероссийском съезде Советов.
293. «Народное хозяйство», № 11, ноябрь 1918 г., с. 20. Надежды на американскую помощь были широко распространены; один из выступавших на проходившем в январе 1918 г. I профсоюзном съезде выразил уверенность, что Соединенные Штаты как страна, «которая лопается от избытка золотого запаса, будет ли она терпеть, чтобы не экспортировать свой финансовый капитал в такую страну, как Россия и — в частности — Сибирь» («Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 167).
294. Это предложение будет рассмотрено в части V.
295. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 163.
296. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 257.
297. Ленин неточно приводит важный отрывок из Сен-Симона в конце

своей работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 425—426).

298. R. Hilferding. Das Finanzkapital, 1906, S. 506; Зиновьев не вполне точно процитировал этот отрывок на прошедшем в октябре 1920 г. Галльском конгрессе Независимой социал-демократической партии Германии (USPD: Protokoll über die Verhandlungen des ausserordentlichen Parteitags in Hall, n. d. S. 149, 182).

299. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 70; этот пункт был особо подчеркнут в Программе партии 1919 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 302).

300. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 106; т. 34, с. 461—465.

301. Там же, т. 31, с. 223; т. 34, с. 162. Эта концепция была характерна не только для большевиков; Отто Бауэр полагал, что при социализме национальный банк превратится в «высшую» экономическую власть, главный административный орган всей экономики и что национализация банков сама по себе даст обществу «власть регулировать его труд в соответствии с планом и распределять свои ресурсы рационально среди различных отраслей производства» (Der Weg Zum Sozialismus, 1921, S. 26—27). Сходная вера в финансовое регулирование как главный рычаг контролирования национальной экономической политики бытовала в капиталистическом мире и в более поздние времена.

302. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 237, 257.

303. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.

304. М. С. Атлас. Национализация банков в СССР, 1948, с. 6. Статистические данные, приведенные в указ. соч., с. 10, показывают, что капитал акционерных банков увеличился в период между 1900 и 1917 гг. почти в четыре раза и что иностранные акционеры, доля которых была незначительной в 1900 г., составили в 1917 г. 34% общего объема капитала; из всего зарубежного капитала 47% приходилось на долю Франции, а 35% — на долю Германии.

305. Полное — хоть и весьма недоброжелательное — описание национализации банков, автором которого является вице-президент Центрального Комитета Российских банков в Петрограде, можно найти в: E. Epstein. Les banques de commerce russes, 1925, p. 74—108.

306. Ibid., p. 75—76; согласно более поздним большевистским заявлениям, существовало «соглашение между фабрикантами и банками о том, чтобы банки не давали денег тем заводам, на которых вводится рабочий контроль» («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 174).

307. «Денежное обращение и кредитная система Союза СССР за 20 лет», 1939, с. 1.

308. Приказ перепечатан из неопубликованных архивов в: М. С. Атлас. Цит. соч., с. 72—73.

309. «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», 1918, с. 44.

310. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 3, ст. 42.

311. Наиболее полная информация об этих переговорах содержится в: E. Epstein. Op. cit., p. 77—80.

312. Московские банки были заняты на следующий же день (E. Epstein. Op. cit.).

313. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 171—173. Месяц спустя, на III Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил уже в другом тоне: «Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: — у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером Ц.И.К. вынес постановление...» (там же, с. 272).

314. «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва», 1918, с. 149.

315. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 10, ст. 150. Когда много лет спустя этот декрет рассматривался в Палате лордов английского парламента, лорд Кейв высказал мысль, что он производит впечатление «скорее политического заявления, чем позитивного законодательного акта, от которого ожидают-

ся непосредственные результаты» («Law Reports (House of Lords)», 1925, р. 124). Спустя еще некоторое время один русский юрист комментировал это высказывание следующим образом: «Я бы не сказал, что могу с этим согласиться, и каждый человек в России почувствовал на своей шкуре, что это отнюдь не было политическим заявлением» («Law Reports (King's Bench Division)», 1932, v. I, р. 629). Ранние советские декреты, проекты которых составлялись членами Совнаркома, а не профессиональными юристами, часто грешили отступлением от установленных правил в части формулировок.

316. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 10, ст. 151.

317. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 273.

318. М. *Philips Price*. Op. cit., р. 211. Ленин сообщал о капитуляции 50 000 банковских служащих 12/25 января 1918 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 308). Интересно отметить, что при национализации банков и промышленных предприятий применялись различные методы и встречались различные трудности: в случае с банками отсутствовал пролетарский элемент и опускаясь стадии рабочего контроля.

319. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 19, ст. 295.

320. Подробности этих переговоров содержатся в: *E. Epstein*. Op. cit., р. 96—106, — где отмечается «великое удивление представителей банков» в связи с готовностью советских участников переговоров подписать подобное соглашение. По свидетельству Садуля, Гуковский обеспечил поддержку «основных Народных комиссаров», включая Ленина и Троцкого, в пользу денационализации банков и отказа от аннулирования иностранных долгов (*J. Sadoul. Notes sur la revolution bolshévique*, 1919, р. 309). Слухи, будто Гуковский был сторонником денационализации банков, продолжали циркулировать и были опровергнуты им на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 133).

321. См. выше, с. 78—80.

322. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 4, ст. 56; то, что этот декрет — так же как и другие декреты этого периода — было легче выпустить, чем осуществить, показывает распоряжение народного комиссариата финансов, выпущенное более года спустя и содержавшее подробную инструкцию по ликвидации этих двух банков («Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917—1919», 1919, с. 54—55).

323. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 90, ст. 912. Крестинский впоследствии откровенно заявил о причинах задержки с захватом Московского народного банка: «Октябрьская революция была проделана нами в союзе со всем крестьянством, боровшимся вместе с нами за власть и за землю. Если бы в то время мы покусились на Московский Народный Банк, это несомненно оттолкнуло бы от нас часть шедшего с нами крестьянства и ослабило бы наш удар по общему врагу. Но когда мы увидели, что в деревне начался процесс расслоения, мы решились овладеть и московским банком, зная, что будем поддержаны в этом сочувствующими нам слоями деревни — беднотой и середняками» («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 76).

324. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 90, ст. 907.

325. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 273.

326. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 13, ст. 185.

327. Там же, № 27, ст. 353. Согласно докладу, опубликованному в: «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. III, 1932, р. 31—32, — этот декрет был одобрен Совнаркомом 1/14 января 1918 г. и ВЦИКом 21 января/3 февраля 1918 г.; задержка с его обнародованием «по международным соображениям» была подтверждена в: «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 19.

328. Положение относительно обмена вкладов, не превышающих 10 000 рублей, на соответствующий заем РСФСР выполнено не было по причине отсутствия такого займа; в октябре 1918 г. был выпущен декрет, в соответствии с которым эти суммы должны были быть записаны на имя их владельцев в кредит счета в Государственном банке («Собрание узаконений, 1917—1918», № 79, ст. 834).

329. «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. III, 1932, p. 33.
330. «На новых путях», 1923, т. II, с. 2.
331. Статистическая информация за период 1914—1917 гг. собрана в удобном виде в: *A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia*. N. Y., 1937, p. 27—52. Наблюдалось также и быстрое расширение банковского кредита, подробности о котором даны в: *М. С. Атлас*. Цит. соч., с. 28, 36—37.
332. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 19.
333. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 24, ст. 331; № 39, ст. 509.
334. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 21.
335. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 19.
336. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 5, ст. 71; № 12, ст. 169.
337. Там же, № 14, ст. 205.
338. В оценке и взимании этих контрибуций, естественно, случались и злоупотребления: так, народный комиссар финансов Гуковский приводил в качестве примера случай, когда с небольшого городка в Пермской губернии с 5000 жителей потребовали уплатить 2 млн. руб. («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 142).
339. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 31, ст. 408.
340. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 34. ВЦИК просто официально подтверждал то, чего он не мог предотвратить. «Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, — сказал Ленин в ходе дискуссий, — мы сейчас натолкнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 226).
341. Т. I, гл. 6.
342. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 18—19; впоследствии раздавались жалобы, что это совещание было проведено в полной изоляции от Наркомфина и «в атмосфере местных интересов: местных нужд, местных налогов, местных бюджетов» («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 4).
343. Аргументы Гуковского можно изучить на основании его пространного выступления на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства («Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 129—143).
344. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. XXIII, 2-е изд., с. 19—20.
345. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 140; в другом месте (там же, с. 133) Гуковский заявлял, что запросы от ведомств составляли сумму в 24 млрд. руб. и были урезаны до 14 млрд., однако эти цифры явно неполны. Бюджет на первую половину 1918 г. был одобрен Совнаркомом 11 июля 1918 г. («Собрание узаконений, 1917—1918», № 50, ст. 579); согласно официальным цифрам, суммарные расходы на этот период составили 17,6 млрд. руб., а доходы — 2,8 млрд. (*C. Y. Sokolnikov etc. Soviet Policy in Public Finance*. Stanford, 1931, p. 126).
346. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 147—149.
347. Там же, с. 116—128, 173.
348. Там же, с. 483.

Глава 17. Военный коммунизм

1. «Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 55.
2. Там же, с. 75.
3. Там же, с. 56—57; цитаты из эсеровских журналов того периода приводятся в: «Известия Академии наук СССР...», т. VI, 1949, № 3, с. 235—236. Неприятие наемного труда всегда было одним из пунктов партийной программы эсеров; Ленин задолго до этого заявлял, что «главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, с. 226).
4. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 42, ст. 522; «Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 56.

5. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 57, ст. 633; № 62, ст. 677.
6. Там же, № 58, ст. 638.
7. «Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 143—144.
8. Одному из членов английской лейбористской делегации, посетившей два года спустя несколько деревень в Поволжье, рассказывали об «одной из окрестных деревень, где в то время возникли беспорядки, в результате которых погибло много крестьян» (British Labour Delegation to Russia 1920: Report, p. 132).
9. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 170; другой делегат привел данные о том, что всего рабочими организациями было направлено в такие отряды 30 тыс. человек (там же, с. 174).
10. «Собрание узаконений, 1919», № 1, ст. 13.
11. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 219—220.
12. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 82, ст. 864; № 91—92, ст. 928.
13. См. выше, с. 198.
14. «Собрание узаконений, 1919», № 1, ст. 10, 11.
15. По официальным данным Наркомпрода, общий сбор (в миллионах пудов) за эти годы был следующим: 1917—1918 гг. — 47,5; 1918—1919 гг. — 107,9; 1919—1920 гг. — 212,5; 1920—1921 гг. — 283,0 («Пять лет власти Советов», 1922, с. 377). Эти цифры не представляют особой ценности, частично из-за того, что вряд ли в эти первые годы велась точная статистика, а частично потому, что районы, о которых идет речь, не были постоянными; Поволжье было включено впервые в 1918—1919 гг., а Украина, Закавказье и Средняя Азия — в 1919—1920 гг. Те же данные с некоторыми изменениями приводятся в: С. У. Sokolnikov etc. Op. cit., p. 93.
16. На следующий год, когда официальная политика начала направляться в пользу среднего крестьянства, было заявлено, что оно больше предрасположено к коллективному хозяйствованию, чем мелкие крестьяне, которые «еще не порывают с мелким хозяйством» (Бухарин и Преображенский. Азбука коммунизма, 1919, гл. XIII, § 114); в действительности же как мелкие, так и средние крестьяне были одинаково сильно привязаны к старым формам земельного владения.
17. В мае 1918 г. все земли, кроме (в ст. 457 говорится обо всех землях, включая крестьянские земельные участки. — *Ред.*) крестьянских земельных участков, которые хоть раз, начиная с 1914 г., засеивались свеклой, объявлялись «неотъемлемым земельным фондом национализированных сахарных заводов» («Собрание узаконений, 1917—1918», № 34, с. 457); декретом от 13 июля 1918 г. управление этой землей передавалось Главному сахарному комитету (Главсахар) ВСНХ («Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства», б. д., с. 16). В октябре 1918 г. Наркомзем получил полномочия национализировать образцовые фермы, хозяйства со сложным «техническим оборудованием» и «бывшие крупные имения с развитыми специальными отраслями» («Собрание узаконений, 1917—1918», № 72, ст. 787).
18. В феврале 1919 г. Наркомзем издал «нормальный устав» для сельскохозяйственных коммун, который был написан чисто в духе примитивного коммунизма: «Желающий вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства... Коммунар должен отдавать все свои силы и способности на служение коммуне... Коммуна берет от каждого своего члена по его силе и способностям и дает ему по его насущным потребностям» («Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун», 1919, с. 4—5).
19. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 327.
20. В. П. Милютин. Цит. соч., с. 171—172.
21. Об этом решении говорится в одной из сносок в: В. И. Ленин. Избранные произведения, т. 8, с. 409; оригинальный источник не найден.
22. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 81, ст. 856.
23. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 352—364, 609, сн. № 159.
24. Н...ский. Второй Всероссийский съезд профсоюзов, 1919, с. 85.

25. «Собрание узаконений, 1919», № 4, ст. 43.
26. Там же, № 91—92, ст. 927.
27. Там же, № 9, ст. 87; в более позднем декрете сделана попытка ограничить эту систему крупными организациями, контролирующими группы советских хозяйств, хотя «временно, в качестве исключения» отдельные хозяйства все же могут передаваться в пользование отдельных фабрик (там же, № 24, ст. 277).
28. «Два года диктатуры пролетариата», 1919, с. 47—50; восторженный автор описывает проект строительства санаториев в приобретенных таким образом хозяйствах.
29. Приведенные выше данные взяты из: «О земле», т. I, 1921, с. 30—40, издание Наркомзема; «Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 106—107; *В. П. Милютин*. Цит. соч., с. 171. В последнем источнике приводятся более низкие показатели о совхозах в 1918 и 1919 гг.
30. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 200.
31. Там же, с. 27—30.
32. «Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 143.
33. Стычка с обеих сторон не была полностью непредумышленной; один из представителей эсеров во ВЦИКе охарактеризовал создание комитетов как план «ити войной на упразднение Советов Крестьянских депутатов» («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», 1920, с. 403).
34. О Петроградском съезде см.: доклад Зиновьева («Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов», 1918, с. 89) и *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 144, 581—582, сн. № 63; о заседании VI съезда Советов см.: «Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов», 1918, с. 86—93; эта резолюция есть также в: «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 120—121. За день до внесения петроградской резолюции на рассмотрение Всероссийского съезда Советов Ленин, выступая на Областном съезде комитетов деревенской бедноты Северной области в Москве, следующим образом охарактеризовал возможный результат этих предложений: «Мы сольем комбеды с Советами, сделаем так, чтобы комбеды стали Советами» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 181); похоже, московский съезд причинил меньше хлопот, чем петроградский.
35. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 86, ст. 901.
36. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 192.
37. Дифференциация между процветающими кулаками и голодными безземельными крестьянами была более разительной на Украине, особенно после столыпинской реформы, чем в Центральной России. Ленин в беседе с английским наблюдателем заметил в это время, что гражданская война, вероятно, будет более ожесточенной на Украине, чем где-либо, так как там инстинкт собственности в крестьянстве более развит, а меньшинство и большинство более равны между собой (*A. Ransome*. Six Weeks in Russia in 1919, 1919, p. 151). То же самое мнение было высказано им два года спустя (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 156). Похоже, такой механизм, как комитеты деревенской бедноты, был поэтому особенно приспособлен для Украины. Однако и он не гарантировал от ошибок в аграрной политике. Согласно официальному исторiku партии, ошибки, допущенные в РСФСР, повторились весной 1919 г. на Украине. Здесь была предпринята та же попытка «механического насаждения совхозов и коммун при разрушенной индустрии, без малейших технических предпосылок (не говоря уже о политической подготовке) и без учета потребностей среднего крестьянина»; III съезд партии в Харькове в марте 1919 г. упрямо продолжал настаивать на «переходе от единоличного хозяйства к коллективному» (*Н. Н. Попов*. Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5-е изд., 1933, с. 181, 185—186). Ленин в это же время, на VIII съезде партии в Москве, осторожно заметил, что, может быть, «на те окраины России», включая Украину, придется, как это было в РСФСР, эту политику видоизменить, и было бы ошибкой списывать декреты «для всех мест России... без разбора, огулом» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 144). Тем не менее украинские комитеты незаможных крестьян (Комнезаможи) пе-

режили введение НЭПа: в поддержку их деятельности выступил один из делегатов VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. («Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 202).

38. В. П. Милютин. Цит. соч., с. 161—162.

39. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 161.

40. Там же, т. 36, с. 508; т. 37, с. 36.

41. «Известия», 18 августа 1918 г., цитируется в: В. И. Ленин. 2-е изд., т. XXIV, с. 767—768, прим. № 61.

42. Т. 1, гл. 7.

43. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 196.

44. Ленин отмечал, что среднее крестьянство «будет, конечно, колебаться и согласится перейти к социализму лишь тогда, когда увидит прочный, на деле показательный пример того, что этот переход необходим» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 361); впоследствии он охарактеризовал его как «такой класс, который колеблется», так как он «отчасти собственник, отчасти труженик» (там же, т. 38, с. 196).

45. Там же, т. 43, с. 218.

46. См. ниже, с. 392—393; Ленин уже цитировал этот отрывок во время обсуждения аграрной политики в ноябре 1918 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 208—210).

47. Там же, т. 38, с. 128, 145, 146, 187—205.

48. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 292, 303—309.

49. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 224, 255.

50. Там же, т. 39, с. 312, 315.

51. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 142—144.

52. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 204.

53. Там же, с. 294; Ленин обратился вновь к этому лозунгу два года спустя, когда привел его в такой форме: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства» (там же, т. 44, с. 43).

54. «Народное хозяйство», 1919, № 6, с. 18.

55. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 314.

56. «7-й Всероссийский съезд Советов», 1920, с. 199, 219.

57. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 428.

58. Der Zweite Kongress der Kommunist. Internationale Hamburg, Hamburg, 1921, S. 318; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 252. Для «передовых капиталистических стран» резолюция Конгресса по аграрному вопросу рекомендовала «сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу советских хозяйств в России», хотя и признавала, что в России в силу ее экономической отсталости «сравнительно редким исключением» было обращение имений в так называемые «советские хозяйства» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 136).

59. Должно быть, урожай на Украине сильно пострадал от польского нашествия в мае и июне: нельзя подсчитать, насколько плохие результаты могут быть объяснены этой причиной, насколько — засухой и насколько — предыдущими разорениями.

60. «Собрание узаконений, 1920», № 66, ст. 298.

61. Согласно подсчетам в: Л. Крицман. Цит. соч., с. 131—133, — примерно треть решающего урожая 1920 г. была припрятана крестьянами.

62. Там же, с. 68; другая таблица (там же, с. 67) показывает, что больше половины хозяйств, располагавших участками до четырех десятин, имели меньше двух десятин. Аналогичную картину вскрывает таблица (там же, с. 67), показывающая число лошадей на каждое хозяйство. Процент хозяйств без лошадей сократился с 29 в 1917 г. до 7,6 (очевидно, опечатка: до 27,7.— *Ред.*) в 1920 г., процент хозяйств с одной лошадию возрос с 49,2 до 63,6, а процент хозяйств с более чем двумя лошадьми упал с 4,8 до 0,9.

63. «Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 22.

64. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 123.

65. Летом 1920 г., когда Ленин прочитал замечание Варги, вызванное опытом Венгерской революции, о том, что «реквизиции не ведут к цели, так как они влекут за собой сокращение производства», он сопроводил его двумя вопросительными знаками («Ленинский сборник», т. VII, 1928, с. 363); несколько месяцев спустя заявление Бухарина в «Экономике переходного периода» о том, что принуждение в отношении крестьянства не должно рассматриваться как «чистое насилие», поскольку оно «является фактором, идущим по главной линии обще-экономического развития», было сопровождено ленинским «очень хорошо» («Ленинский сборник», т. XI, с. 345—403).

66. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 37—38; в течение зимы Наркомпрод был вынужден временно прекратить сбор зерна в общей сложности в 13 губерниях (там же, с. 231).

67. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 363.

68. Там же, т. 42, с. 147.

69. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 42.

70. Там же, с. 122.

71. Там же, с. 201.

72. Там же, с. 202.

73. Там же, с. 123—125.

74. Там же, с. 148.

75. Этот проект был разработан Осинским в брошюре «Государственное регулирование крестьянского хозяйства», 1920: Осинский осудил любое предложение «заменить монополию на распределение продовольствия натуральным налогом» как ведущее к свободной торговле, а значит, и к «прокулацкой» политике (там же, с. 16).

76. Эта резолюция («Съезды Советов в постановлениях», 1939, с. 170—175) была опубликована вместе с другими резолюциями съезда в: «Собрание узаконений, 1921», № 1, ст. 9; в начале января был выпущен декрет, провозгласивший официальное создание комитетов по расширению посевов (там же, № 2, ст. 14), а в конце месяца — еще один декрет, определяющий их функции (там же, № 7, ст. 52) — последнее мертворожденное дитя сельскохозяйственной политики военного коммунизма.

77. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 47, ст. 559; об этом декрете см. выше, с. 99—100.

78. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 83.

79. Народники прославляли эти сельские народные промыслы в качестве здоровой альтернативы капиталистической промышленности городов; русские марксисты, напротив, охарактеризовали их определением «кустарный» и применяли его в метафорическом смысле слова ко всему мелкому, неорганизованному и отсталому. Перед революцией эти сельские промыслы уже подвергались процессу проникновения мелких предпринимателей, которые организовывали и «потогонили» труд крестьянских семей.

80. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 290.

81. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 396.

82. «Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 30—32. Другая резолюция этого съезда, предложенная Троцким, показала, насколько ревниво относились профсоюзы к сельским промыслам: поддержка оказывалась только «абсолютно необходимым отраслям. Причем общая политика была направлена на то, чтобы «заменить кустарную промышленность фабрикой» (там же, с. 28).

83. «Собрание узаконений, 1920», № 93, ст. 512.

84. Результаты переписи полностью суммированы в: «На новых путях», 1923, т. III, с. 165—178.

85. Эти цифры собраны в: *Л. Крицман*. Цит. соч., с. 127—128 — без какой-либо попытки сгладить противоречия; *В. П. Милютин* (Цит. соч.) приводит цифру на февраль 1920 г., составляющую немногим меньше 65 тыс. национализированных предприятий, из которых почти 3 тыс. были «третированы как осо-

бо важные предприятия», а остальные 3500 управлялись местными совнархозами.

86. Эта точка зрения была подчеркнута в Манифесте I-го конгресса Коминтерна, по всей вероятности, подготовленном Троцким: «Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад — не только к свободной конкуренции, но и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов — возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударственного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 55—56; *Троцкий. Сочинения*, т. XII, с. 41).

87. См. гл. 16.

88. В. П. Милютин. Цит. соч., с. 170. Текстильная промышленность, которая была слишком велика и слишком распылена для полного трестирования, была в это время организована в 40 «союзов» под единым центральным управлением (там же, с. 171).

89. «Народное хозяйство», 1918, № 10, с. 31.

90. Эти и другие подобные декреты этих месяцев собраны в «Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 9—10, 121—134; многочисленные декреты того же периода о национализации индивидуальных предприятий опубликованы там же, с. 137—167.

91. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 58, ст. 644; В. П. Милютин. Цит. соч., с. 168. Подобное описание организации ВСНХ в это время содержится в: Л. Крицман. Цит. соч., с. 99—105.

92. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 396—400; об этой резолюции см. ниже, с. 253—254. На том же съезде была принята подробная резолюция об управлении промышленностью (там же, с. 402—403).

93. «Бюллетени Высшего Совета народного хозяйства», 1918, № 6—8, с. 34—38.

94. «Главабак», № 1, август 1918 г., с. 50.

95. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 66; о «Центротекстиле» см. выше, с. 79—80.

96. Там же, с. 37, 39, 72.

97. Список есть в: Л. Крицман. Цит. соч., с. 100—101; в более позднем списке на ноябрь 1920 г. насчитывалось всего 74 главка, центра и отделения ВСНХ («Народное хозяйство», 1921, № 4, с. 48).

98. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 428.

99. «Народное хозяйство», 1918, № 12, с. 30—31.

100. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 406—408. На этом съезде было подчеркнуто, что «все производство местного значения и его организации... остаются в руках местных (т. е. губернских) Совнархозов» и что «главки и центры, которые регулируют промышленность во всероссийском масштабе, должны поддерживать прямой контакт с президиумами местных Совнархозов» (там же, с. 208); однако маловероятно, что эти утешительные заверения получили широкое практическое распространение.

101. См. выше, с. 166—167.

102. «Народное хозяйство», 1919, № 4, с. 16—19.

103. Там же, 1919, № 5, с. 40—45.

104. Т. I, гл. 9.

105. «7-й Всероссийский съезд Советов», 1920, с. 197, 218, 222.

106. «Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 6—7, 15—16.

107. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 331.

108. См. гл. 16.

109. «Народное хозяйство», 1918, № 1, с. 19.

110. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 312.

111. Там же, т. 36, с. 178.

112. Там же, с. 309.

113. Там же, с. 380—381.
114. «Народное хозяйство», 1918, № 10, с. 31.
115. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 213. Согласно данным, приведенным Рыковым два года спустя, президиумы ВСНХ и губернских совнархозов состояли тогда на 57% из рабочих, главки и центры — на 51, а заводская администрация — на 63%; весь хозяйственный аппарат, находившийся под управлением ВСНХ, на 61% состоял из рабочих и на 30% из специалистов («Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 103). Правда, многие рабочие выполняли главным образом «представительские» функции.
116. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 25—26.
117. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 58.
118. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 291.
119. Г. К. Джинс. Сибирь, союзники, Колчак. Пекин, 1921, т. II, с. 429; заявление Л. Крицмана (Цит. соч., с. 200) о том, что сразу же после национализации все представители капиталистов были изгнаны из главков, противоречит всем другим источникам.
120. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 356.
121. Там же, с. 426—429; Милютин в это время также говорил о «скрытом, если не явном, саботаже» специалистов и рассматривал «процесс подготовки организаторов из рабочих рядов» как средство против этого (В. П. Милютин. Цит. соч., с. 168).
122. Любопытным и показательным в этом отношении документом является письмо, адресованное Ленину бывшим профессором Воронежского сельскохозяйственного института, в то время являвшимся председателем Центрального управления государственными предприятиями кожевенной промышленности, которое было опубликовано вместе с ответом Ленина в «Правде» 28 марта 1919 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 218—222). Автор письма выражал недовольство по поводу преследований «местными властями» «мелких буржуев» — специалистов и представителей интеллигенции, работающих на Советскую власть. Сюда входили «постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации». Ленин предположил, что некоторые из жалоб были преувеличены, и намекнул на то, что буржуазные специалисты слишком злоупотребляют своим привилегированным положением, однако признал наличие грубого отношения и предложил от имени партии придерживаться «товарищеского отношения к интеллигентам». Одной из причин для возмущения было требование одного официального служащего — коммуниста, чтобы профессор спал с женой в одной кровати; Ленин отмечал, что «в среднем» на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось. Примерно через три года Ленин резко осудил факты «убийства инженеров рабочими на социализированных рудниках не только Урала, но и Донбасса» и самоубийство главного инженера московского водопровода в результате непрерывной травли (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 350).
123. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 334.
124. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 148.
125. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 214.
126. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 592.
127. Об этом декрете см. приложение Г.
128. В. И. Ленин. Соч., т. XXII, с. 627 (источник указан неправильно. — Ред.).
129. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 200.
130. Там же, т. 37, с. 397.
131. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 393.
132. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 428—429.
133. Там же, т. 40, с. 76; стенографический отчет этого съезда не был опубликован, и единственное изложение выступления Ленина сохранилось в виде газетного отчета. О «трудовых армиях» см. ниже, с. 211—214.

134. «Резолюция Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 13.
135. Сообщение об этих дискуссиях дано в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 378, прим. 35; там же, с. 259.
136. Т. 1, гл. 8.
137. Проект резолюции Троцкого и два набора контртезисов приводятся в: «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 513, 535, 537—539.
138. Там же, с. 140, 168, 169.
139. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 248—257, 258—267.
140. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 332—333, 339.
141. «Девятый съезд ВКП(б)», 1934, с. 257.
142. См. выше, с. 172—173.
143. «Народное хозяйство», ноябрь 1920 г., с. 12.
144. Там же, 1921, № 4, с. 56.
145. Согласно одному подсчету, производительность труда рабочего в крупной промышленности в 1920 г. составляла 39% уровня 1913 г., а в мелкой промышленности — 57% (*Л. Крицман. Цит. соч.*, с. 190); мелкая промышленность представляла собой главным образом сельскую промышленность, и условия в ней приближались к условиям в сельском хозяйстве.
146. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 49.
147. Полная картина кризиса на транспорте показана в докладе Троцкого на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. («Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 154—175); о знаменитом «Приказе № 1042» и успешных попытках Троцкого исправить положение на транспорте см. гл. 20.
148. «Резолюция Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 22.
149. «Седьмой съезд Российской коммунистической партии», 1924, с. 33, 45.
150. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», с. 75.
151. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (плenumy), с. 138.
152. Цифры взяты из исследования С. Г. Струмилина в публикации ВСНХ «Два года диктатуры пролетариата, 1917—1919» (б.д.), с. 17—18, который откровенно признает невозможность каких-либо точных оценок; в данных профсоюзов на 1919 г., возможно, преувеличено число работающих в это время.
153. *Ю. С. Розенфельд. Цит. соч.*, с. 317.
154. «Народное хозяйство», 1920, № 9—10, с. 2—6; статистика этого периода по конкретным фабрикам или отдельным отраслям промышленности (там, где она велась), по всей вероятности, более надежна, чем общие статистические данные.
155. «Резолюция Третьего съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 25.
156. *British Labour Delegation to Russia, 1920: Report*, 1920, p. 18.
157. «Экономическая жизнь», 1 декабря 1920 г.
158. «За пять лет», 1922, с. 406—408; подробные данные об угольных шахтах Донецкого бассейна есть в: «На новых путях», 1923, т. III, с. 47—49.
159. Там же, с. 180—181.
160. Это было обычным предметом насмешек меньшевиков и других оппонентов режима; в мае 1921 г. Ленин ответил, что «...даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности... он... свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 311).
161. *Л. Крицман*, который обратил внимание на снижение влияния ВСНХ, привел несколько примеров передачи его функций в течение 1920 г. Наркомпроду и другим комиссариатам (*Цит. соч.*, с. 208); Ленин в 1921 г. охарактеризовал Наркомпрод как «один из лучших наших аппаратов» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 72). Об СТО см. гл. 20.
162. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 256.
163. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 89—90. С другой стороны, Рыков предупреждал съезд: «То готовое, что получили от буржуазии»,

теперь полностью истощено, и поэтому «предстоящие годы... должны показать, могут ли рабочие и крестьяне не только проживать то, что они получили, но и сами сделать все то, что для них нужно» (там же, с. 94).

164. Н. Бухарин. Экономика переходного периода, 1920, с. 48; цитируемая работа Гиневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности» была написана в 1918 г. Троцкий еще в январе 1920 г. успокаивал участников III Всероссийского съезда Советов народного хозяйства размышлениями о том, что «переход от одного хозяйственного строя к другому всегда покусался неисчислимыми жертвами и в том числе жертвами в области хозяйства» (Троцкий. Соч., т. XV, с. 55).

165. Л. Крицман. Цит. соч., с. 56.

166. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 48, с. 568.

167. Там же, № 87—88, ст. 905.

168. См. гл. 16.

169. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 64, ст. 704.

170. Там же, № 80, ст. 838.

171. Там же, № 73, ст. 73, 792. Трудовая книжка имела для Ленина символическое значение, и он не далее как в сентябре 1917 г. писал: «Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он теперь, несомненно, является документом капиталистического наемного рабочего, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу. Советы введут рабочие книжки для богатых, а затем с постепенностью и для всего населения... Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был работником» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 311). Трудовые книжки для рабочих (в то время только для Москвы и Петрограда) были впервые введены декретом в июне 1919 г.; военнослужащие Красной Армии и флота также обязаны были иметь трудовые книжки («Собрание узаконений, 1919», № 28, ст. 315).

172. См. выше, с. 148.

173. Три проекта резолюции есть в: «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 72—78, 92—94, 94—96, а данные голосования — там же, с. 97.

174. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 449; это слово, «огосударствление», стало расхожим в спорах о профсоюзах; оно применялось и как эквивалент национализации промышленности, хотя здесь более часто использовалось слово «национализация».

175. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 96—97; Рязанов, поддерживая большевистскую резолюцию, заявил, что «нашим идеалом является не дальнейшее огосударствление, а деогосударствление всей нашей общественной жизни» (там же, с. 69) — поистине уникальный пример того, как концепция умирающего государства была использована для того, чтобы прикрыть прямое сращивание с государственной властью.

176. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 98—99.

177. Н...ский. Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов, 1919, с. 96; Зиновьев, который на I съезде профессиональных союзов выступил с предложением учредить государственные субсидии для забастовочного фонда (см. выше, с. 91), на III съезде в январе 1920 г. заявил, что, коль скоро профсоюзы больше не нуждаются в забастовочном фонде, эти средства могут быть использованы для того, чтобы создать международный фонд для революционных профсоюзов в других странах («Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, с. 14). Даже в разгар гражданской войны неофициальные забастовки время от времени продолжали иметь место: в 1919 г. Шляпников в ВЦСПС выдвинул резолюцию, призывающую профсоюзы стараться не давать рабочим повода для недовольства и таким образом «бороться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами против дезорганизующих тенденций к забастовкам, объясняя им гибельный характер этих методов» (цитируется по неопубликованному архиву X съезда РКП(б), 1933, с. 869—870).

178. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 156—157.
179. Там же, с. 153—154.
180. Это показано в: *A. Bergson. The Structure of Soviet Wages.* Harvard, 1944, p. 182.
181. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», т. I (пленумы), с. 152, 157.
182. «Собрание узаконений, 1919», № 5, ст. 52; № 15, ст. 171; ставки для Петрограда составляли 120% ставок для Москвы, а для железнодорожников Мурманской линии к северу от Петрозаводска поднялись до 125% (вероятно, из-за особенно тяжелых условий). Во всех других городах (за исключением Ярославля, где ставки составляли 100%) они были ниже, чем в Москве, а в сельских районах — ниже, чем в городах; самые низкие ставки были на Северном Кавказе (45%). Правда, можно сомневаться в том, как точно эти тщательно разработанные правила осуществлялись на деле.
183. Там же, № 18, ст. 206; в октябре 1919 г. жалование «ответственных политработников» вновь увеличилось, чтобы компенсировать повышение цен, причем высшая категория работников получала 4200 руб. в месяц (там же, № 50, ст. 489); в июне 1920 г. было еще одно повышение, доведя эту категорию до 7600 руб. («Собрание узаконений, 1920», № 53, ст. 231). После того как при военном коммунизме жалование в денежном выражении потеряло свой смысл и после введения НЭПа, данные об окладах служащих, как правило, больше не публиковались.
184. Там же, № 41, ст. 396.
185. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1918, с. 375.
186. «Профессиональные союзы СССР». Под ред. *Ю. К. Милонова*, 1927, с. 164.
187. «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1919, т. I (пленумы), с. 191—193.
188. Эти цифры привел на X съезде партии Зиновьев («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 188). Он признал, что этими цифрами не надо обманываться, но заявил, что для сравнения они годятся; вероятно, это так и было. Другие источники приводят лишь не намного отличающиеся данные.
189. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 290—291; о дисциплинарной роли профсоюзов в окончательном тексте резолюции сказано в гораздо более сильных выражениях, чем в ленинском первоначальном проекте, очевидно, написанном в феврале 1919 г., в котором тем не менее содержалось требование максимального использования «всей имеющейся в государстве рабочей силы» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 435); в этот период положение на фронтах гражданской войны в значительной степени осложнилось.
190. «Известия», 11 апреля 1919 г.
191. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 271—274, 275—296.
192. «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (пленумы), с. 87.
193. «Собрание узаконений, 1919», № 14, ст. 163; этим декретом был открыт путь для более позднего широкого привлечения «трудовых армий» на шахтах.
194. *Н. Бухарин. Экономика переходного периода*, 1920, с. 105.
195. «Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства: сборник декретов», б. д., 1921, с. 446—448.
196. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 39, с. 5—6.
197. Согласно Бухарину и Преображенскому («Азбука коммунизма», гл. XII, § 100), число работавших на коммунистических субботниках возросло с 5 тыс. в августе до 10 тыс. человек в сентябре 1919 г.; приводятся примеры того, что квалифицированные рабочие достигали 213% обычной выработки, а неквалифицированные — 300%.
198. См. выше, с. 162.
199. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 51, с. 120.
200. «Собрание узаконений, 1919», № 57, ст. 543.

201. Там же, 1920, № 8, ст. 49; был принят дополнительный декрет, побуждающий сельские Советы принять участие в мобилизации сельских труженников в трудовые армии (там же, № 11, ст. 68). Весной 1920 г. один из участников общественных работ в Коломенском рассказывал членам делегации английских лейбористов, «что очень часто бывают побеги с общественных работ и что солдаты ловят дезертиров и возвращают их в деревню» (British Delegation to Russia, 1920: Report, 1920, p. 18).

202. Летом 1920 г. Московский комитет выпускал еженедельный официальный бюллетень «Известия Московского комитета по трудовой повинности», анализ которого в сочетании с современной прессой мог бы пролить значительный свет на то, как функционировала система трудовой повинности. Декрет от 4 мая 1920 г. («Собрание узаконений, 1920», № 35, ст. 168) возложил на Главкомтруд и его местные органы всю ответственность за борьбу с дезертирством с трудового фронта.

203. Вся эта информация была приведена в обстоятельном и откровенном докладе на III Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 г. («Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (плenumy), с. 50—51).

204. «Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов» (1922), с. 83.

205. Л. Крицман. Цит. соч., с. 106.

206. «Собрание узаконений, 1919», № 12, ст. 124; № 20, ст. 235.

207. Там же, № 12, ст. 130.

208. Ю. Ларин и Л. Крицман. Цит. соч., с. 126—127; именно отождествление исправительных работ с наиболее тяжелыми видами труда, в которых нуждалось общество, придало этому учреждению особенно жестокий характер.

209. Протоколы заседаний съезда сн были опубликованы, однако речь Троцкого была издана в виде брошюры и позднее перепечатана в его собрании сочинений (Л. Троцкий. Сочинения, т. XV, с. 52—78).

210. См. выше, с. 158—159.

211. Первый «рабочий дисциплинарный товарищеский суд» на фабрике был создан в середине 1919 г. («Собрание узаконений, 1919», № 56, ст. 537); вскоре они стали повсеместным средством налаживания производственной дисциплины. Существует очень мало подробных данных о том, как функционировали товарищеские суды, но некоторые цифры о судебных разбирательствах дел фабричных служащих и рабочих показывают характер обвинений, выдвигаемых против них, и налагаемых на них взысканий. Почти половина из 945 зафиксированных случаев нарушений представляли собой несвоевременный приход на работу и уход с работы; затем в порядке частотности идут обвинения в «неправильном поведении в отношении к клиентам», «неприсутствие на сверхурочной работе по субботам», «неподчинение профсоюзной дисциплине», «отказ выполнить указание», «самовольный уход с работы» и «пропаганда за сокращение рабочего дня». Оправдательные приговоры выносились в более чем четверти случаев, увольнение — почти в половине случаев (Д. Антошкин. Профдвижение служащих, 1927, с. 152). Годы спустя после того, как военный коммунизм стал мучительным воспоминанием, Томский со стыдом вспоминал, что некоторые профсоюзы в то время дошли до того, что «открыли тюрьмы» для своих провинившихся членов («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1929, с. 42—44).

212. «Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 25—30.

213. «Собрание узаконений, 1920», № 3, ст. 15; Троцкий в последующем докладе во ВЦИКе утверждал, что первая армия была сформирована из третьей армии «по ее собственной инициативе» (Л. Троцкий. Сочинения, т. XV, с. 5; там же, с. 263—342, собраны многие документы, относящиеся к первой трудовой армии). На IX съезде партии Троцкий хвалился, что «везде, где создавались трудовармии... вокруг них кристаллизовался областной хозяйственный центр», и заявил, что «это в высшей степени хорошая работа, но это работа нелегальная» («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 114). Сразу же после этого было решено «возложить на Революционный совет первой трудовармии общее

руководство работой по восстановлению и укреплению хозяйственной и военной жизни на Урале» («Собрание узаконений, 1920», № 30, ст. 151). В августе 1920 г. такими же функциями был наделен Революционный совет трудовой армии юго-восточной России (там же, № 74, ст. 344) и не далее как в ноябре 1920 г. Совет трудовой армии Украины был признан в качестве «местного органа Совета труда и обороны» (там же, № 86, ст. 428). Статьи и выступления Троцкого в первые месяцы 1920 г. (*Л. Троцкий. Сочинения*, т. XV, с. 3—206) представляют собой богатый источник данных о трудовых армиях: одна армия предоставила рабочую силу для строительства железной дороги для транспортировки нефти в Туркестане, другая обеспечивала работу Донского угольного бассейна (там же, с. 6).

214. «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 101.

215. «Известия», 2 апреля 1920 г., которые поместили сильно сокращенное изложение доклада. Текст доклада не был помещен в официальном протоколе съезда на том основании, что он будет опубликован отдельной брошюрой («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 277); согласно примечанию во втором издании протокола (там же, с. 575), брошюра так и не была напечатана.

216. Шляпников до начала работы съезда распространил тезисы, в которых Советы характеризовались как «выражение политической власти», а профсоюзы — как «единственный ответственный организатор народного хозяйства»: эти тезисы предназначались в качестве контрмеры против троцкистской милитаризации труда, и, хотя они формально не обсуждались, на них во время работы съезда ссылались Крестинский и Бухарин («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 88, 225; там же, с. 564, прим. 32, в котором даются цитаты из этих тезисов). Сам Шляпников не был на съезде, поскольку был направлен (возможно, чтобы он не мешал) за границу с профсоюзной делегацией (там же, с. 62).

218. Понятие «командный состав» охватывает и сержантов. Эта фраза отражает имевшую в то время хождение идею о возможности создания «офицерского корпуса» квалифицированных рабочих (которых противники этой идеи называли «рабочей аристократией»), для того чтобы организовывать и направлять массы рабочих. Полностью эта идея была изложена в статье Гольцмана в «Правде» за 26 марта 1920 г., которая цитировалась на IX съезде партии («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 171). В поддержку этой статьи выступил Троцкий, а Рязанов — решительно против (там же, с. 210—212, 247—249). Ленин сделал отдаленную, но сочувственную ссылку на точку зрения Гольцмана (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 273). Зиновьев подверг критике эту идею в «тезисах», представленных участникам съезда: «Задача коммунистов — работников профсоюзного движения ни в коем случае не может заключаться в том, чтобы выделить и замкнуть в особую группу квалифицированных рабочих, составляющих меньшинство в рабочем классе» (*Г. Зиновьев. Сочинения*, т. VI, с. 344).

218. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 330, 335—336; сразу же после съезда в официальном декрете в тех же выражениях был сделан упор на резолюцию о дезертирстве с трудового фронта («Собрание узаконений, 1920», № 35, ст. 168).

219. 70 из 1000 делегатов были меньшевиками. Представитель меньшевиков заявил, что они все еще представляют большинство в профсоюзах печатников, химиков, металлистов и текстильщиков («Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (плenum), с. 43, 110); за исключением союза печатников, это заявление вряд ли отвечало действительности. Позиция меньшевиков относительно милитаризации труда была изложена в меморандуме о профсоюзах, врученном находившейся с визитом делегации английских лейбористов (*British Labour Delegation to Russia, 1920: Report*, 1920, p. 80—82).

220. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 297.

221. Там же, с. 299—307.

222. «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (плenum), с. 28.

223. Там же, с. 87.

224. Там же, с. 88—90. Этот аргумент был частично использован Троцким еще раньше, на IX съезде партии («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 104—105);

большой кусок в работе Л. Троцкого «Терроризм и коммунизм», 1920, с. 124—150 (перепечатанный в: Сочинения, т. XII, с. 127—153), является объединением двух вариантов его речей.

225. Н. Бухарин. Экономика переходного периода, 1920, с. 107; Бухарин, наиболее последовательно из большевистских лидеров отстаивавший принципы военного коммунизма, на этот раз объединился с Троцким по вопросу о профсоюзах (см. выше, с. 182).

226. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 330—331, 336.

227. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 299—307.

228. Ю. С. Розенфельд. Цит. соч., с. 138; один из выступавших на IV Всероссийском съезде профсоюзов в мае 1921 г. заметил, что «концепция «ударного» труда настолько расширилась, что сейчас больше «ударных», чем не «ударных» предприятий» («Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. II (секции), с. 48).

229. См. выше, с. 164—165.

230. «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1920, т. I (пленумы), с. 112, приводит дополнительные свидетельства тенденции к большей дифференциации в заработной плате в это время.

231. См. выше, с. 85.

232. См. выше, с. 171.

233. «ВКП(б) в резолюциях...», 1934, т. I, с. 331; «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 11—114.

234. «Собрание узаконений, 1920», № 55, ст. 239.

235. Там же, № 92, ст. 497; Ленин назвал этот декрет «одним из крупнейших декретов и постановлений Совнаркома и Совета Обороны» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 150).

236. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 29, 114—115.

237. Л. Троцкий. Моя жизнь, т. II. Берлин, 1930, с. 198; см. также гл. 20.

238. «Собрание узаконений, 1920», № 8, ст. 52; № 10, ст. 64.

239. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 13, 2 марта 1920 г.

240. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 335.

241. На X съезде партии Троцкий дважды, не встретив возражений, заявлял, что решение о создании Цектрана (которое, по-видимому, исходило от него) было принято Центральным Комитетом партии 28 августа 1920 г. при поддержке Ленина, Зиновьева и Сталина, несмотря на протест Томского («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 195, 214).

242. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 26, 20 декабря 1920 г.

243. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 202; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 234—236; Сочинения, 2-е изд., т. XXVI, с. 631, прим. 49.

244. Об этих тезисах с похвалой отзывался Ленин, который их дословно процитировал (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 221—226).

245. Резолюция перепечатана в: «Протоколы X съезда РКП(б)», 1933, с. 798—799. Проект резолюции Троцкого был опубликован в: «Партия и союзы». Под ред. Г. Зиновьева, 1921, с. 354—360. Некоторые подробности двухдневной дискуссии, включая голосования в первый день, когда предложенный Лениным проект прошел 8 голосами против четырех (резолюция Ленина прошла 10 голосами против четырех. — *Ред.*), а проект Троцкого — отклонен 8 голосами против семи, приводятся Лениным (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 235—236), который признает, что «при этом в споре некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные, «выпады» допускает Ленин» (там же, с. 476, прим. 95; с. 477, прим. 99); Троцкий отказался работать в комиссии, за что подвергся резкой критике со стороны Ленина (там же, с. 236).

246. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 26, 20 декабря 1920 г., с. 3.

247. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 236—237.

248. Об отмене запрета Зиновьева по приказу Ленина говорил Троцкий («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 216).
249. Чтобы показать беспрецедентный размах дискуссии, можно привести несколько основных вех на ее пути: 24 декабря 1920 г. Троцкий выступил на огромном митинге профсоюзных деятелей и делегатов VIII Всероссийского съезда профсоюзов (его речь на следующий же день была опубликована в виде брошюры «Роль и задачи профсоюзов»); на этом митинге также выступали Томский и другие (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 476, прим. 95). 30 декабря 1920 г. на митинге такого же масштаба выступали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Шляпников и другие: эти выступления были изданы в виде брошюры «О роли профессиональных союзов в производстве», 1921. Неделью спустя Зиновьев выступил на собрании в Петрограде (*Г. Зиновьев. Сочинения*, т. VI, 1929, с. 403—431). В течение января 1921 г. в «Правде» почти ежедневно печатались статьи сторонников той или другой платформы. Вклад Сталина в полемику с Троцким был напечатан 19 января (*И. Сталин. Соч.*, т. V, с. 4—14), статья Ленина «Кризис партии» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 234—244) — 21 января. Ленин подвел итог этой дискуссии в конце января в брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (там же, с. 264—304). До начала съезда по указанию Центрального Комитета основные документы были изданы отдельным томом под редакцией Зиновьева («Партия и союзы», 1921). О том, что зауклисная роль Сталина не ограничилась единственной опубликованной статьей, свидетельствует язвительное замечание на съезде одного из делегатов, который утверждал, что, покуда Зиновьев проявлял активность в Петрограде, «этот военный стратег и архидемократ, товарищ Сталин» был занят в Москве подготовкой».
250. Партия и союзы. Под ред. *Г. Зиновьева*, 1921, с. 116—117, 126, 250.
251. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 352—359.
252. Там же, с. 360—364; о «рабочей оппозиции» см. т. 1, гл. 8.
253. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 344—351; Лозовский вновь вступил в партию в 1919 г.
254. Там же, с. 196; Ленин возразил, что Энгельс говорил только о «коммунистическом обществе» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 55).
255. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 190.
256. Ленин особенно настаивал в своей речи по вопросу о профсоюзах на съезде на том, что «прежде всего мы должны убедить, а потом принуждать» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 54).
257. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 214.
258. См. гл. 19.
259. См. гл. 16.
260. См. выше, с. 124.
261. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 52—53.
262. Там же, т. II, с. 721; собственный отчет Красина о деятельности комиссии см.: «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 78—80.
263. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 742—743; О Совете рабочей и крестьянской обороны (впоследствии Совете труда и обороны (СТО)) см.: т. I, гл. 9.
264. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 75.
265. «Комиссия использования» за короткий срок превратилась в значительный орган; Я. С. Розенфельд в: *Цит. соч.*, с. 125, — называет ее «венцом системы главков». О ее кратковременной роли в предплановый период см. гл. 20.
266. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 83, ст. 879.
267. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 293.
268. Декреты за 1918 г. могут быть найдены в: «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 473—656, а более поздние —

в: «Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства» (б. д.), 1920, с. 231—409.

269. Милютин объяснял на Всероссийском съезде заведующих финотделами в мае 1919 г., что, когда в октябре предыдущего года были повышены цены на хлеб, необходимо было поднять цены соответственно и на другие продукты, «перегнув палку в сторону городской промышленности». В январе 1919 г. в связи с 50-процентным повышением заработной платы цены на промышленные товары повысились в два с половиной раза по сравнению с осенью прошлого года, хотя цены на хлеб остались без изменения. Цены на промышленные товары, которые в 25 раз превышали в октябре 1918 г. уровень 1914 г., в январе 1919 г. уже в 60 раз превышали этот уровень («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 50—51). Тот же процесс продолжался, правда, не такими быстрыми темпами, вплоть до введения НЭПа; аршин ткани, который стоил 1,3 фунта ржаного хлеба в марте 1919 г., два года спустя стоил уже 2,2 фунта (*Л. Крицман*. Цит. соч., с. 212). Ленин вновь и вновь признавал, что крестьянин не получал справедливого вознаграждения за свою продукцию и его просили оказать «ссуду» или «доверие» городскому пролетариату в качестве вклада в победу революции (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 122—123, 316).

270. *Л. Крицман*. Цит. соч., с. 110.

271. «Всероссийское совещание представителей распределительных продорганов», 1920, с. 13—16, 28, 51—52.

272. «Съезды Советов РСФСР в резолюциях», 1939, с. 144.

273. «Собрание узаконений...», № 34, ст. 165.

274. Тем не менее об оплате труда в натуральном исчислении см. выше, с. 175.

275. См. выше, с. 125.

276. Ленин, защищая увеличение цен на хлеб как непереносимое условие декрета об обязательном обмене, предусмотрительно добавил, что цены на промышленные товары должны быть пропорционально (и даже больше, чем пропорционально) увеличены.

277. «Собрание узаконений, 1919», № 41, ст. 387.

278. Там же, № 58, ст. 638.

279. Там же, № 83, ст. 879.

280. Т. 1, гл. 7.

281. В ответ на жалобы участников I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства о том, что местные власти распустили или «национализировали» кооперативы, говорилось, что их руководителя «бежали вместе с чехословаками и белогвардейцами в Уфу», и поэтому передача распределения кооперативам означала бы «передать всю работу тем элементам, с которыми вы боретесь» («Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 110, 114).

282. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 230.

283. См. выше, с. 117. Народный банк был преобразован в кооперативный отдел Государственного банка. Несколько месяцев спустя народный комиссариат финансов мог поздравить себя с тем, что ничего не изменилось и что старые служащие остаются на своих местах, поскольку это способствует вовлечению кооперации в советскую систему контроля («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 77).

284. По словам Крестинского, «наша партия преуспела в получении большинства в ведущем центре идей рабочих кооперативов» («Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 277); *E. Fuckner* (*Die Russische Genossenschaftsbewegung, 1865—1921, 1922*, S. 116) обвиняет большевиков в том, что они обманом получили мандаты на съезд.

285. «Девятый съезд ВКП(б)», 1934, с. 278.

286. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 293.

287. «Собрание узаконений, 1919», № 17, ст. 191; три месяца спустя другой декрет (там же, № 34, ст. 339) заменил название «потребительские коммуны» на старое — «потребительские общества» — символ живучести кооперативных традиций.

288. «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 280—281.

289. «Всероссийское совещание представителей распределительных продорганов», 1920, с. 20.

290. II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. дал осторожное благословение сельскохозяйственным кооперативам при условии, что они будут включены «в общую систему государственного регулирования народного хозяйства», причем в перспективе предполагалось развить сельскохозяйственную кооперацию «вплоть до организации земледельческих производственных коммун» («Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 395; а в Программе партии, принятой в марте 1919 г., провозглашалась «всемерная государственная поддержка сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 292).

291. «Собрание узаконений, 1920», № 6, ст. 37; *E. Fuckner* (Op. cit., S. 150) приводит список производственных кооперативов, ликвидированных на основании этого декрета путем перевода их в отделения либо Центросоюза, либо Наркомзема.

292. Справедливо предположить, что Ленин в данном случае руководствовался соображениями главным образом внешнеполитического порядка. В январе 1920 г. была официально снята блокада, а в конце марта английское правительство выразило готовность принять делегацию Центросоюза для обсуждения вопроса о возобновлении торговли; при этом оно проводило четкое различие между переговорами с кооперативами и переговорами с Советским правительством. Поэтому в данный момент интерес Советов в поддержании этого различия имел существенное значение.

293. Дискуссия на IX съезде партии, включая текст нескольких противостоящих друг другу проектов, приводится в: «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 277—319, 381—400; речь Ленина на съезде: Полн. собр. соч., т. 40, с. 276—280; резолюция съезда: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 340—342.

294. «Современные записки». Париж, 1920, № 1, с. 155.

295. См. гл. 16.

296. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 71, ст. 775; Махно в своих мемуарах «Под ударами контрреволюции» (Париж, 1936, с. 151) рассказывает о «множестве тысяч мешочников», пересекавших украинско-русскую границу летом 1918 г.

297. Цит. по: *В. И. Ленин*. Соч., т. XXIII, с. 585, прим. № 147.

298. «Известия», 3 января 1919 г.

299. См. выше, с. 131.

300. *G. Y. Sokolnikov etc.* Op. cit., p. 82. Эти расчеты относятся к осени 1919 г., и авторы утверждают, что в 1920 г. это соотношение увеличилось.

301. «Народное хозяйство», 1920, № 9—10, с. 43—45; по тогдашней терминологии к «потребляющим» относились губернии, где продовольствия потреблялось больше, чем производилось, а к «производящим» — те, которые производили больше, чем потребляли.

302. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 119.

303. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 237.

304. «Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1921, с. 40, 57.

305. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 434.

306. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 393.

307. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 66, 119.

308. См. гл. 16.

309. По некоторым данным, зимой 1920/21 г. получали пайки в общей сложности 34 млн. человек, включая практически все городское население, и 2 млн. сельских кустарей («Четыре года продовольственной политики», 1922,

- с. 61—62); правда, скорее всего эта цифра выдает желаемое за действительное.
310. Ю. Ларин и Л. Крицман. Цит. соч., с. 133; первоначально эта брошюра предназначалась для информации находившейся с визитом в России делегации английских лейбористов.
311. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 320.
312. «Экономическая жизнь», 18 февраля 1920 г.
313. Этапы восстановления торговых отношений Советской России с Западной Европой будут прослежены в части V.
314. «Собрание узаконений, 1920», № 53, ст. 235.
315. «Экономическая жизнь», 3 сентября 1920 г.
316. «Собрание узаконений, 1920», № 91, ст. 481; обстоятельства возрождения этого проекта о концессиях будут описаны в части V.
317. Там же, 1917—1918, № 80, ст. 841; № 82, ст. 864. Еще за три месяца до этого Ленин выдвинул предложение о введении натурального налога (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 32); по словам Ларина, утверждавшего, что это предложение исходило от него, оно было одобрено Совнаркомом, но отклонено ВЦИКом («Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 21).
318. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 20.
319. Эти циркуляры перепечатаны в: «Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917—1919», 1919, с. 151—162.
320. См. выше, с. 197.
321. «Собрание узаконений, 1919», № 12, ст. 121.
322. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 21—23, 33—35; согласно другим, вероятно, преувеличенным данным, было собрано около полутора миллиардов до середины 1919 г., когда этот налог был отменен (G. Sokolnikov etc. Op. cit., p. 115).
323. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 50.
324. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 82, ст. 864.
325. «Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917—1919», 1919, с. 169.
326. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 28.
327. См. гл. 16.
328. «Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917—1919», 1919, с. 291; расходная часть бюджета составляла 29 млрд. руб., а доходная — 12,7 млрд. руб. (G. Sokolnikov etc. Op. cit., p. 126).
329. «Собрание узаконений, 1919», № 23, ст. 272.
330. В сборнике «На новых путях» (1923, т. II, с. 1—49) есть статья ответственного работника Наркомфина по бюджетам за эти годы, в которой приводятся одобренные цифры; похоже, никаких выводов о значении бюджетов не публиковалось.
331. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 81, ст. 846; № 93, ст. 931. Оба эти декрета были встречены в штыки Наркомфином; Крестинский впоследствии назвал их «данью прошлому, наследием острых споров, происходивших до нашего прихода в Комиссариат финансов» («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 18).
332. По-видимому, о местных бюджетах этого времени не было опубликовано каких-либо статистических данных; этот процесс описан автором, на себе испытанным, как это все происходило в Смоленской губернии (G. Sokolnikov etc. Op. cit., p. 133—137).
333. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 130—131.
334. «Собрание узаконений, 1919», № 59, ст. 558.
335. G. Sokolnikov etc. Op. cit.
336. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 294.
337. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 24, ст. 332.
338. Государственный банк и его отделения до марта 1918 г. «роздали на несколько сот миллионов рублей ссуд частным предприятиям» («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 75).

339. А. Потяев. Финансовая политика Советского правительства, 1919, с. 31.
340. См. гл. 16.
341. В. И. Ленин. Соч., т. XXII, с. 568 (источник указан неправильно. — *Ред.*); о меморандуме от 4 апреля 1918 г. см.
342. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 36, ст. 477.
343. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 121—127.
344. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 397. Народный банк подвергся на съезде острой критике; по словам одного из делегатов, «Народный банк в лице старых деятелей еще слишком рабски придерживается этих норм, которые до сих пор как будто не отменены» (там же, с. 272).
345. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 26—27; попытка исправить это положение была предпринята в постановлении ВСНХ от 22 ноября 1918 г. («Собрание узаконений, 1917—1918», № 96, ст. 960).
346. Там же, 1919, № 10—11, ст. 107; на «соглашение» между ВСНХ и Наркомфином имеется ссылка в: «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 79.
347. «Собрание узаконений, 1919», № 23, ст. 273.
348. Там же, № 4—5, ст. 25. Сберегательные кассы оставались нетронутыми до 10 апреля 1919 г., когда они слились с Государственным банком (там же, № 18, ст. 200); можно предположить, что к январю 1920 г. вклады потеряли свою реальную ценность.
349. Там же, № 90, ст. 913.
350. В мае 1919 г. Крестинский ссылается на предположения Ленина и свои собственные «об обмене денег старого образца на новый, сопряженном с аннулированием значительной части старых денег, находящихся у крупных держателей» («Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 29); однако к тому времени от таких предположений отказались как от безнадежных, хотя Крестинский все еще говорил о сохраняющейся необходимости в «коренной денежной реформе» (там же, с. 30).
351. «Собрание узаконений, 1919», № 10—11, ст. 102.
352. Там же, № 16, ст. 179.
353. Z. Katzenellenbaum. Russian Currency and Banking, 1914—1924, 1925, p. 80—81.
354. Тем не менее спекуляции на обменной стоимости рубля, которая время от времени варьировалась, продолжались как в Москве, так и в заграничных центрах; декретом от 8 октября 1918 г. («Собрание узаконений, 1917—1918», № 72, ст. 781) не допускалось советским гражданам или предприятиям держать иностранную валюту или переводить средства за границу или в оккупированные местности без особого в каждом отдельном случае разрешения Наркомфина.
355. L. Yurovsky. Currency Problems and Policy of the Soviet Union, 1925, p. 27.
356. «Большая Советская Энциклопедия», т. XII, 1928, с. 374, статья «Военный коммунизм». Согласно этому же источнику, в указанные периоды общее количество реквизированного хлеба оценивалось в 121, 223 и 480 млн. золотых рублей соответственно; следовательно, коль скоро денежная инфляция не являлась более эффективным средством получения продукции у крестьян, становилось необходимым прибегать к прямой реквизиции.
357. «Два года диктатуры пролетариата, 1917—1919» (б. д.), с. 56.
358. «Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г. Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 140.
359. В. П. Милютин (Цит. соч., с. 197) приводит некоторые нормы обмена, имевшие место в начале 1920 г.: кило мыла за кило жиров, 5,92 метра льняной пряжи за 100 г воска, 2,5 кг крахмала за 100 кг картофеля.
360. См. выше, с. 192—193; эта система была настолько отрегулирована, что разрешение на ее применение вначале давалось Наркомпродом, а позднее — одним из отделов Всероссийского центрального совета профсоюзов («Собрание узаконений, 1920», № 84, ст. 415).

361. Там же, 1919, № 20, ст. 238.
362. Там же, 1920, № 4—5, ст. 21.
363. Там же, № 85, ст. 422; льготы, предусматривавшиеся этим декретом, распространялись также на такие институты, как Коминтерн, Всероссийский центральный совет профсоюзов и Центросоюз, а также на таких лиц, как красногвардейцы и инвалиды войны, включая членов их семей, кроме того, на всех лиц, находившихся на попечении народного комиссариата социального обеспечения. Декрет был в первую очередь направлен на упразднение не только денежной платы, но и всех форм денежных расчетов за текущие услуги.
364. Там же, № 93, ст. 50; № 100, ст. 539; там же, 1921, № 6, ст. 47.
365. Там же, 1920, № 84, ст. 413.
366. «Пять лет власти Советов», 1922, с. 393.
367. *Е. Преображенский*. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры, 1920, с. 4. На X съезде партии в марте 1921 г. Преображенский полусуто поздравил его делегатов с тем, что если ассигнации Французской революции обесценились всего в 500 раз, то рубль обесценился в 20 000 раз: «Значит мы в 40 раз перегнали Французскую революцию» («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 232).
368. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 293; этот пункт имелся также в подготовленном Лениным проекте (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 441).
369. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 30. Примерно тогда же Крестинский высказал аналогичную мысль иностранному журналисту, но на этот раз без ссылки на революцию на Западе: «Вы можете просто сказать, что наша гибель или спасение зависят от состязания между понижением ценности денег (и возникающей в результате необходимостью печатать знаки в еще больших количествах) и нашей растущей способностью вообще обходиться без денег» (*A. Ransome*. Op. cit., p. 89).
370. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 123.
371. *Бухарин и Преображенский*. Азбука коммунизма, 1919, гл. XV, § 121.
372. «Два года диктатуры пролетариата, 1917—1919» (б. д.), с. 57.
373. *Г. Зиновьев*. Двенадцать дней в Германии, 1920, с. 63—64.
374. *В. И. Ленин*. Сочинения, т. XXII, с. 568 (источник указан неправильно. — *Ред.*).
375. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 35, ст. 460; это указание впоследствии приобрело форму декрета, принятого в августе 1918 г. (там же, № 63, ст. 691).
376. В одной из статей, опубликованных в «Народном хозяйстве» (1920, № 1—2, с. 7), система, использованная советскими учреждениями, сравнивается фактически с клиринговой системой английских банков.
377. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 266—286; это обсуждение проходило не на пленарном заседании, а в «секции по финансовой промышленности» и в печати было отражено в сильно сокращенном виде.
378. Там же, с. 192.
379. Там же, с. 396—400.
380. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 293.
381. «Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами», 1919, с. 9—10.
382. Там же, с. 51—52.
383. Там же, с. 84.
384. «Два года диктатуры пролетариата, 1917—1919» (б. д.), с. 58.
385. Цит. по: *L. Yurovsky*. Op. cit., p. 34; она не была включена в число опубликованных резолюций съезда.
386. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б. д.), с. 96.
387. Цит. по: *L. Yurovsky*. Op. cit., p. 33—34.
388. «Собрание узаконений», 1920, № 67, ст. 305.
389. Эта дискуссия исключительно широко освещалась в экономической литературе 1920 г. и первых месяцев 1921 г.; конкурентом «тред» была выдви-

нута «единица энергии» (энед). Детальное исследование этой дискуссии могло бы иметь определенный теоретический интерес, однако она оказала слабое влияние, если вообще оказала, на дальнейший ход событий. Эта дискуссия проходила под влиянием двух работ немецкого экономиста Отто Нойрата, которые подробно изучались советскими авторами того периода: *Otto Neurath. Durch die Kriegswirtschaft zur Naturwirtschaft. München, 1919, и Von der Nächsten und Übernächsten Zukunft. Jena, 1920.*

Глава 18. От военного коммунизма к НЭПу

1. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 202.
2. Там же, т. 36, с. 295.
3. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 75.
4. Эта аналогия приводится в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 69.
5. См. гл. 17.
6. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 16, 17.
7. «Известия революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта», № 1, 3 марта 1921 г., перепечатано в «Правде о Кронштадте» (Прага, 1921, с. 46—47). Распространенное утверждение о том, что толчком к НЭПу послужил Кронштадтский мятеж, не отвечает действительности: резолюция о НЭПе была представлена в Центральный Комитет партии 24 февраля 1921 г., то есть за пять дней до восстания (см. выше, с. 223).
8. Кажется, впервые фраза «новая экономическая политика» (без заглавных букв и без кавычек) была использована в резолюции партийной конференции в мае 1921 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 405), однако она не имела широкого применения. В статье Ленина в «Правде» от 18 октября 1921 г., написанной в ходе подготовки к 4-й годовщине революции, эта фраза дается в кавычках (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 150), а в резолюции партийной конференции в декабре 1921 г. о ней говорится как о «так называемой „новой экономической политике“» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941). Сокращение «НЭП» появилось в марте 1922 г. в ленинских заметках к докладу на XI съезде партии и в устном варианте самого доклада (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 81), однако полная фраза по-прежнему применялась в официальных вариантах доклада и в резолюциях съезда. Позднее сокращение «НЭП» стало широко применяться повсюду.
9. См. гл. 16.
10. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 60, 79. Так называемая окончательная официальная точка зрения нашла свое выражение в статье «Военный коммунизм» в «Большой Советской Энциклопедии», 1928, т. XII, ст. 376: «Было бы глубокой ошибкой за явной экономической утопичностью военно-коммунистических попыток немедленной безрыночно-централизованной реорганизации нашего хозяйства не видеть того, что в основном экономическая политика эпохи военного коммунизма была вынуждена ожесточенной борьбой за победу... Исторический смысл военного коммунизма заключался именно в том, чтобы, опираясь на военную и политическую силу, овладеть хозяйственной базой... Но было бы неправильно видеть в военном коммунизме только вынужденные военной обстановкой мобилизационные мероприятия. Работая по приспособлению всего хозяйства к нуждам гражданской войны, строя выдержанную систему военного коммунизма, рабочий класс одновременно закладывал основы для дальнейшего социалистического строительства».
11. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 219.
12. Там же, с. 232.
13. Там же, с. 329; «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 396.
14. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 330; т. 44, с. 464; в другом месте он сравнил политику военного коммунизма с первой попыткой японцев штурмом взять Порт-Артур — дорогая, но необходимая ошибка, чтобы найти и применить правильную тактику для проведения операций по-иному (там же, с. 195—197).

15. Там же, с. 210.
16. Там же, т. 45, с. 10, 86.
17. Т. 1, гл. 3.
18. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 58—59.
19. Там же, с. 59; «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 255.
20. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 319.
21. Там же, т. 44, с. 41, 47.
22. Там же, т. 45, с. 73; через несколько минут он добавил, что они «еще» не достигли «смычки с крестьянской экономикой» (там же, с. 75).

Глава 19. НЭП: первые шаги

1. См. гл. 17.
2. Эти факты были приведены Троцким и заслушаны без возражений на X съезде партии («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 191). Позднее он опубликовал «основную часть» своей памятной записки в Политбюро в феврале 1920 г. под заголовком «Основные вопросы продовольственной и земельной политики» в своей работе «Новый курс» (1924, с. 57—58), добавив, что она была написана «под влиянием настроений армии и опыта хозяйственной поездки на Урал» (там же, с. 53).
3. См. гл. 17.
4. Подробности обсуждения в Политбюро наряду с текстом ленинского проекта, взятые из неопубликованных партийных архивов, изложены в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 433—434, прим. № 14. Дебаты на партийном съезде были ограничены одним заседанием в предпоследний день работы съезда («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 221—224), после того как 140 делегатов отправились в Кронштадт, а другие уехали домой (там же, с. 184). Почти половина заседания была посвящена вступительному и заключительному докладам Ленина (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 57—84); за Лениным выступил народный комиссар продовольствия Цюрупа, который в принципе одобрил, но выразил несогласие с той степенью свободы, которая предоставлялась кооперативам (см. выше, с. 264). Остальное участие в дискуссии было ограничено шестью ораторами, каждому из которых было дано по десять минут; никто из них не высказал принципиальных возражений против этого предложения, хотя некоторые высказались критически относительно ряда деталей. Эта тема, очевидно, не получила достаточного освещения из-за Кронштадтского мятежа и из-за волнующих противоречий по вопросам о единстве партии и о профсоюзах, которые занимали основное внимание делегатов съезда, и ее значимость была вряд ли ими осознана в тот момент. Текст, одобренный партийным съездом 15 марта 1921 г., взят из «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 388—389; декрет в том виде, как он был опубликован 23 марта 1921 г. в «Известиях», приводится в «Собрании узаконений, 1921», № 26, ст. 147.
5. Там же, № 26, ст. 149.
6. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 396—397; о развитии торговли при НЭПе см. гл. 18.
7. См. гл. 17.
8. «Собрание узаконений, 1921», № 57, ст. 364.
9. Там же, № 44, ст. 223. Первоначальный проект Ленина, датированный 21 мая 1921 г., см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 266—291; там же дается краткое изложение сферы приложения НЭПа, как это представлялось Ленину в то время.
10. «Собрание узаконений, 1921», № 26, ст. 148. Согласно сообщению Цюрупа на X съезде партии в марте 1921 г., «мы к этому приближаемся» («Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 228); по более осторожным подсчетам, эта цифра «до сих пор» составила 265 млн. (там же, с. 236). Соответствующие оценки по сбору картофеля (60 млн. пудов вместо 112 млн.), масличных (12 млн. против 24 млн. пудов) и яиц (400 млн. шт.

против 682 млн.) даются в двух декретах от 21 апреля 1921 г. («Собрание узаконений, 1921», № 38, ст. 204, 205).

11. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 153, 311, 322—324; эти цифры неоднократно приводились в выступлениях Ленина весной 1921 г.

12. «Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 70—75.

13. «Собрание узаконений, 1921», № 49, ст. 250.

14. Т. I, гл. 7.

15. «Собрание узаконений, 1921», № 59, ст. 396, 397.

16. Там же, № 64, ст. 484.

17. «Отчет Народного комиссариата...», с. 80.

18. «Пять лет власти Советов», 1922, с. 373.

19. «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 23—33; с сообщениями о голоде выступили на съезде очевидцы из Саратовской губернии и области Немцев Поволжья (там же, с. 110—117, 135—136). Калинин выступил с дополнительным докладом во ВЦИК в мае 1922 г. («III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 1, 22 мая 1922 г., с. 1—5).

20. «Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг.», 1922, с. 24; далее в статье Каменева выражается сомнение в том, «какими именно интересами внутренней политики или какими соображениями внешней политики была продиктована американская помощь, а также говорится, что благодаря существенной помощи Америка располагала лучшими по сравнению с другими странами возможностями для ознакомления с хозяйственными и другими условиями жизни в России. О подробностях американской продовольственной помощи см. в: F. Surface and R. Bland. American Food in the World War and Reconstruction Period. Stanford, 1931, p. 244—257.

21. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 408—409; «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 212—213 (также опубликованы в: «Собрание узаконений, 1922», № 4, ст. 41).

22. «Новое законодательство в области сельского хозяйства: сборник декретов», 1923, с. 64.

23. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 213—214; открытие выставки затем было отложено до осени 1923 г. («Законодательство в области сельского хозяйства: Сборник декретов», 1923, с. 452).

24. «О земле», т. I, 1921, с. 6.

25. «Новое законодательство...», с. 432—433.

26. Циркуляр Наркомзема от 16 мая 1919 г. подтвердил право крестьян на отказ от общинного землепользования в пользу индивидуального хозяйства (так называемые «хутор» и «отруб»). Однако вопрос о необходимости получения согласия всех членов общины так и не был решен: различные местные власти занимали различную позицию, а некоторые продолжали чинить препятствия на пути к любым формам единоличного землепользования («О земле», т. I, 1921, с. 7).

27. «О земле», т. I, 1921, с. 16; в этой же работе приводится пространная аргументация одного из сотрудников Наркомзема в поддержку легализации арендования земли (там же, с. 105—115).

28. «Новое законодательство...», с. 40.

29. «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 103—104.

30. «Съезды Советов в постановлениях», 1939, с. 209.

31. «Новое законодательство в...», с. 441—446.

32. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 148.

33. См. выше, с. 238—240.

34. «Новое законодательство...», с. 42—47.

35. Там же, с. 167.

36. Там же, с. 47—49; «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 230—231.

37. Наиболее полный отчет о деятельности совхозов при НЭПе приводится в: «На новых путях», 1923, № 5, с. 582—618. Основная масса представленной подробнейшей информации не скрывает общей картины неэффективности и за-

пущенности: на наш взгляд, весьма показательно, что составители этого тома снимают с себя ответственность за приводимые автором статьи статистические данные.

38. Эти чувства были ярко выражены Максимом Горьким во время беседы летом 1921 г. с гостем из Франции: «...пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае — несколько миллионов). Крестьяне же — это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего» (*A. Morizet. Chez Lénine et Trotski à Moscou* (n. d.), 1922, p. 240). Подобные чувства, несомненно, разделяли многие большевики, правда, не столь, откровенно.

39. См. гл. 17.

40. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 69.

41. «Всероссийская конференция РКП (большевиков)», № 3, 21 декабря 1921 г., с. 20.

42. *В. И. Ленин*. Сочинения, т. XXVII, с. 440—446 (источник указан неправильно. — *Ред.*).

43. О записке Ленина в Политбюро см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 43—47; о решении Центрального Комитета — там же, с. 507, прим. № 29.

44. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 88; «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, с. 428—429. О доле участия Ленина в подготовке проекта резолюции можно судить по его письму Осинскому, в котором он предупреждает против того, «чтобы неумелым вмешательством не затруднять успешного развития сельскохозяйственного производства», и предлагает подождать, пока будет проведено критическое исследование (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 132—133).

45. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 108.

46. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 76, 80, 86.

47. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Зиновьев официально оценил урожай 1922 г. как составлявший «три четверти среднего урожая довоенного времени»; промышленное производство достигало 25% довоенного уровня («Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1923, с. 25). Более поздние оценки в стоимостном выражении, приведенные в: *Я. С. Розенфельд*. Цит. соч., с. 432, — показывают, что сельскохозяйственное производство того периода составляло 75%, а промышленное — одну треть от цифр 1913 г.

48. См. выше, с. 245—246.

49. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 285—286.

50. «Собрание узаконений, 1922», № 68, ст. 901.

51. Право индивидуума покидать «мир» было самым спорным вопросом кодекса, и решение по нему пришлось принимать Совнаркому («IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 1, 25 октября 1922 г., с. 33). Докладчик по кодексу во ВЦИКе признавал, что было невозможно принять адекватное решение по проблемам дробления земельных участков: было дано право губерниям устанавливать свои собственные низшие пределы для земельных наделов (там же, с. 35—36).

52. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 388.

53. «Мелкая» промышленность охватывает три основные категории производства: ремесленники, работающие самостоятельно на себя, без привлечения или с привлечением одной-двух пар наемных рабочих рук; «домашнее» или сельское производство (кустарная промышленность), в которой крестьяне и члены их семей заняты неполный рабочий день, и производственные кооперативы, объединяющие и организующие работников одной из двух названных категорий. В «мелкой» промышленности использовались исключительно самые простые машины, и она была преимущественно сельской в отличие от фабричной промышленности городов.

54. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 220—221.
55. Там же, с. 270; «Собрание узаконений, 1921», № 44, с. 223.
56. «Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1921, с. 42, 53.
57. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (плenum), с. 49, 115. Делегат с юга России на V съезде профсоюзов в сентябре 1922 г. жаловался, что в то время, как крупная сигаретная фабрика в Ростове увольняла своих рабочих, местное мелкое производство сигарет процветало и очень быстро расширялось («Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 91—92).
58. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 306.
59. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 397.
60. «Собрание узаконений, 1921», № 47, ст. 230.
61. Там же, № 48, ст. 240. Этот декрет представляет собой прекрасную иллюстрацию двусмысленности термина «национализация», как он использовался в тот период. Все промышленные предприятия (за незначительным исключением) были «национализированы» в юридическом смысле этого термина декретом от 29 ноября 1920 г. Очевидно, в декрете имелось в виду, что предприятия, до сих пор не взятые государством в административном плане, не подлежали национализации. 14 июня 1921 г. Наркомат юстиции выступил с разъяснением по этому вопросу, сделав логическое заключение о том, что предприятия, не национализированные до 17 мая 1921 г., «не считаются национализированными» («Новая экономическая политика...», с. 38—40). Очередная попытка покончить с этой неразберихой была предпринята декабрьским декретом 1921 г., из которого явствовало, что решение о том, является ли конкретное предприятие национализированным или нет, принимается президиумом ВСНХ («Собрание узаконений, 1921», № 79, ст. 684). Тем же декретом предусматривалась денационализация предприятий, на которых работало менее 20 человек и которые уже были национализированы, в случае если они не используются эффективно государственными органами.
62. Там же, № 53, ст. 322; № 58, ст. 382.
63. Там же, ст. 323.
64. «Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1921, с. 12.
65. См. гл. 17.
66. Телеграмма и циркуляр ВСНХ губернским совнархозам с предупреждением против огульной сдачи в аренду и с просьбой подождать выхода в свет декрета опубликованы в: «Новая экономическая политика...», 1921, с. 45—46.
67. «Собрание узаконений, 1921», № 53, ст. 313.
68. Приведенные статистические данные взяты из: *Милютин*. На новых путях, 1923, т. III, с. 69—84; статистические данные, приведенные на XI съезде партии в марте 1922 г. («Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 268), показывают большее число сданных в аренду предприятий, на которых работало в среднем меньшее число рабочих.
69. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 34, 15 ноября 1921 г.
70. «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 20.
71. Я. С. Розенфельд. Цит. соч., с. 211—212.
72. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 289.
73. «Собрание узаконений, 1921», № 59, ст. 403. «Наказ» был подготовлен ВСНХ («Пять лет власти Советов», 1922, с. 318) и может рассматриваться как первое «воздание по заслугам» крупной промышленности после шока НЭПа. Он принял скорее форму политической директивы, чем законодательного акта, но такие официальные заявления обычно включались в официальные сборники декретов и носили такой же обязательный характер.
74. Там же, № 63, ст. 462.
75. См. выше, с. 252—253.
76. См. выше, с. 248—249.
77. См. выше, с. 271—272.

78. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 218.

79. «Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 60—61. Бывший председатель ВСНХ Рыков писал в то время, что существовавшие статистические данные не позволяют вести «и речи о настоящем хозрасчете» и что «у нас пока нет даже данных для установления основного капитала» (А. И. Рыков. Статьи и речи, т. II, 1928, с. 97).

80. «На новых путях», 1923, т. III, с. 133—137.

81. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 32, 6 августа 1921 г.

82. «На новых путях», 1923, т. III, с. 49—50.

83. «Новая экономическая политика...», с. 95—103, 110—120.

84. «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 72, 89.

85. «На новых путях», 1923, т. III, с. 51.

86. Там же, с. 11.

87. Там же, с. 27—30; в работе, выпущенной в свет в ознаменование 5-й годовщины революции в ноябре 1922 г., приводится цифра в 430 трестов (65 — в пищевой, 57 — в металлургической и 52 — в текстильной отраслях промышленности), объединявших 4144 предприятия, на которых работало почти миллион рабочих («Пять лет власти Советов», 1922, с. 321). Несколько более высокие цифры на 1923 г. приводятся в: Я. С. Розенфельд. Цит. соч., с. 216—220.

88. Делегат, направленный во ВЦИК, сообщил некоторые особенности создания этого треста. В него были включены крупнейшие текстильные фабрики, а более мелкие вначале были сданы в аренду, однако позднее они были объединены под управлением торгово-промышленного отдела местного Совета («IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 2, 26 октября 1922 г., с. 25—26).

89. Я. С. Розенфельд. Цит. соч., с. 220.

90. «Собрание узаконений, 1921», № 72, ст. 577.

91. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 410.

92. «Новое законодательство...», с. 216—218.

93. «На новых путях», 1923, т. III, с. 53.

94. «Собрание узаконений, 1923», № 22, ст. 336.

95. Приведенные расчеты были произведены в рублях к ценам 1912 г. и взяты из: «На новых путях», 1923, т. III, с. 186—189; вполне очевидно, что они показывают грубо приблизительную картину. Цифры за 1922 г. основываются на фактических результатах девяти месяцев и имеют тенденцию несколько преуменьшать окончательные итоги за год.

96. Этот поразительный результат объясняется тем, что мелкие кожевенные предприятия, которые не вошли в статистические данные 1912 г. или, возможно, были включены в мелкую «кустарную» промышленность, теперь оказались национализированными (там же, с. 185).

97. «Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевики)», 1923 с. 339.

98. На партийной конференции в декабре 1921 г. Каменев указал на фундаментальную дилемму НЭПа: «Только за счет крестьянина или рабочего, или того и другого можем мы восстановить промышленность, а значит наше хозяйство в целом» («Всероссийская конференция РКП (большевиков)», № 1, 19 декабря 1921 г., с. 20).

99. Новый государственный банк, имевший полномочия выдавать авансы промышленным предприятиям на коммерческих началах, открылся только 16 ноября 1921 г., причем он располагал совершенно недостаточными ресурсами (см. выше, с. 272).

100. Согласно таблице в: «На новых путях», 1923, т. III, с. 15, — которая вряд ли может претендовать на большую точность, а может служить лишь приблизительным показателем, запасы готовой продукции на 1 января 1922 г. во всех отраслях, за исключением металлургической и текстильной промышленности, превышали запасы сырья. Очередная оценка, которая может быть еще более умозрительной, показывает, что этих запасов было совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности промышленности в рабочем капитале.

101. Этот термин, предваряемый словами «так называемое», применялся на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. («Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 95).

102. «На новых путях», 1923, т. III, с. 34, 138.

103. Эти цифры взяты из статьи Кондратьева (там же, т. I, с. 11); подобные цифры с некоторым разбросом, характерным для советской статистики этого периода, приводятся в: С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, 1925. Разница между двумя таблицами заключалась, по сути, в том, что Кондратьев использовал официальные данные по ценам 1920 г. и на 1 января 1921 г., а Струмилин — тогдашние цены «черного» рынка, а следовательно, в таблице Кондратьева падение стоимости товаров по отношению к ржаной муке начинается лишь с 1 января 1922 г., в то время как в таблице Струмилиной за 1 января 1922 г. стоимость уже показывает снижение по сравнению со стоимостью на вольном рынке в период перед НЭПом.

104. С. Г. Струмилин. Цит. соч., с. 212.

105. «Одиннадцатый съезд РКП(б)....», 1936, с. 111.

106. «На новых путях», 1923, т. III, с. 17.

107. Я. С. Розенфельд. Цит. соч., с. 428.

108. Там же, с. 230—237. К концу 1922 г. насчитывалось 18 синдикатов, из которых важнейшими были текстильный, уральский горнодобывающий, кожевенный, прядильный, табачный и сельского машиностроения («На новых путях», 1923, т. I, с. 336—342); список синдикатов см. там же, т. III, с. 36. Вопреки предыдущей практике именно потребительские отрасли промышленности гораздо охотнее, чем отрасли тяжелой промышленности, прибегали в начальный период НЭПа к созданию синдикатов.

109. «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 42. Несколько месяцев спустя, на XII съезде партии, Богданов выдвинул более осторожную версию функций синдикатов, что было, вероятно, попыткой как-то смягчить свою предыдущую откровенность; согласно этой версии; «тресты и синдикаты стали сейчас на путь понижения своих накладных расходов, и лозунг уменьшения себестоимости является основным лозунгом наших синдикатов; они воздействуют в этом смысле на тресты, заставляя их считаться с требованиями рынка» («Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1923, с. 332).

110. «Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 507—509. Томский, выступавший с основным докладом на съезде, процитировал слова Ленина о том, что без тяжелой промышленности не может быть строительства, а следовательно, и самого социализма, даже плохого (там же, с. 114).

111. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 286, 288.

112. «IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 5, 29 октября 1922 г., с. 5.

113. «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 36, 40.

114. Там же, с. 17—18, 29.

115. Там же, с. 102—102, 110—111.

116. Там же, с. 121, 136.

117. См. гл. 17.

118. «Собрание узаконений, 1921», № 30, ст. 164.

119. Там же, № 23—24, ст. 142; о судах см. гл. 17.

120. Там же, № 36, ст. 188.

121. Там же, № 27, ст. 155.

122. Там же, № 55, ст. 337.

123. Там же, ст. 343.

124. Там же, № 74, ст. 607. Эта инициатива, согласно Шмидту («Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 83), исходила от Наркомтруда; принципиальное решение было принято ВЦИКом по докладу Наркомтруда («Собрание узаконений, 1921», № 72, ст. 591).

125. Там же, 1922, № 17, ст. 179.

126. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 116, 134.
127. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 376.
128. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 30.
129. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 410.
130. «Собрание узаконений, 1921», № 67, ст. 513.
131. Там же, № 76, ст. 617.
132. Этот способ оплаты все еще имел место в сентябре 1922 г. и был неправильно на V съезде профсоюзов назван «старой системой пайков» («Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 97). Таблица, приведенная в: «На новых путях», т. III, с. 108, — показывает, что денежный элемент в заработной плате, который упал до 6% в 1921 г., в первом квартале следующего года поднялся лишь до 32%.
133. См. выше, с. 242.
134. «Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 47.
135. Эта взаимосвязь не была чисто теоретической: обещание натурального обеспечения являлось стимулом, который делал принудительный труд при военном коммунизме терпимым и даже желательным. Еще в декабре 1921 г. один из выступавших на IX Всероссийском съезде Советов сказал: «Я уже 1-й раз мобилизовывал шахтеров и не уверен, что в четвертый раз мне эта мобилизация удастся, ибо у нас нет продовольствия» («Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 86).
136. «Собрание узаконений, 1921», № 68, ст. 536; № 77, ст. 646.
137. С. Г. Струмилин. Цит. соч., с. 86.
138. «На новых путях», 1923, т. III, с. 14.
139. См. выше, с. 251.
140. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 111.
141. Число безработных достигало 150 тыс. человек в октябре 1921 г., 175 тыс. — в январе 1922 г., 625 тыс. — в январе 1923 г. и 124 тыс. человек в январе 1924 г. (Я. И. Гиндин. Регулирование рынка и борьба с безработицей, 1928, с. 13, 18). Проблема безработицы была более острой в Москве, чем в губерниях, а острее всего — в Петрограде («Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 191). К весне 1924 г. из-за острой нехватки финансов на нужды социального обеспечения только 15—20% безработных «получали регулярное пособие» (Report to the British Labour Delegation, 1924, p. 154).
142. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 66—67.
143. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 372—373.
144. Основным источником, послужившим для описания этого эпизода, являлся доклад специальной комиссии, созданной Центральным Комитетом под председательством Сталина для разбора ошибки Томского («Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 32, 6 августа 1921 г.). Рязанов говорил на XI партийном съезде о своем участии в этом деле, безуспешно пытаясь опротестовать решение Центрального Комитета об отстранении его от дальнейшей работы в профсоюзном движении («Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 277—279).
145. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 18, 185.
146. Т. I, гл. 11.
147. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (пленумы), с. 153—162; т. II (секции), с. 202; поскольку при военном коммунизме с его системой натуральной оплаты сбор членских взносов повсеместно был прекращен и профсоюзы существовали главным образом за счет государственных субсидий, выдаваемых через Центральный Совет, в руках последнего было сосредоточено довольно мощное оружие («Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 44—45).
148. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 576, прим. № 142.

149. Там же, с. 341—353.

150. «Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 105; в своем выступлении на съезде (там же, с. 40—54) Андреев многозначительно со всеми подробностями останавливался на элементах преемственности при проведении нового курса и на том, какими рамками ограничивались обязанности профсоюзов во второй половине 1921 г., то есть в тот период, когда он отвечал за политику Центрального Совета.

151. «Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 48, 88—89, 109. Было признано, что введение добровольного членства посеяло «сомнения» среди руководства (там же, с. 34), однако эти сомнения оказались безосновательными. Косвенного нажима и вычитания взносов из заработной платы оказалось достаточным, чтобы рабочие оставались в профсоюзах. Сокращение численности членов профсоюзов с 8400 тыс. человек в июле 1921 г. до 6700 тыс. в январе 1922 г. и 5800 тыс. человек в апреле 1922 г. (два месяца спустя после введения добровольного членства) просто объяснялось ростом безработицы. Правда, эти цифры, как и приводимые выше, можно использовать с некоторой оговоркой (см. гл. 17).

152. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 424.

153. «Собрание узаконений, 1922», № 29, ст. 338; декрет от 15 ноября 1921 г. («Собрание узаконений, 1921», № 76, ст. 627) ввел денежную плату за эти услуги, в результате чего впервые социальное обеспечение стало отвечать своему названию.

154. «Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 511—512.

155. Там же, с. 51, 109, 529—530.

156. См. гл. 17.

157. Кодекс вступил в силу 15 ноября 1922 г. («Собрание узаконений, 1922», № 70, ст. 903). Обсуждение во ВЦИКе см.: «IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 1, 25 октября 1922 г., с. 1—20; о принятии кодекса сообщается там же, № 7, 1 ноября 1922 г., с. 6.

158. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 246—247.

159. Общее число получавших пайки до введения НЭПа сократилось к осени 1921 г. с 34 млн. до 7 млн. человек, главным образом из числа рабочих, частично получавших заработную плату в виде пайков («Четыре года продовольственной политики», 1922, с. 61—62).

160. «В тюрьмах нас торговать не учили», — горько воскликнул старый большевик (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 216); Ленин, призвав не давать себя «во власть социализму чувств», тем не менее осторожно охарактеризовал торговлю как одну из «экономически-переходных форм» (там же, с. 227).

161. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 27.

162. «Собрание узаконений, 1921», № 26, ст. 147.

163. Там же, № 28, ст. 156.

164. См. гл. 17.

165. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», 1921, т. I (плenum), с. 117—118; поначалу опыт, очевидно, ограничивался периодом до 31 мая 1921 г., но спорадически продолжался до полного восстановления денежного хозяйства.

166. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 308—309.

167. «Собрание узаконений, 1921», № 44, ст. 223; это пространное заявление ВЦИКа о началах НЭПа было подготовлено Лениным (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 266—291).

168. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 397.

169. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 160.

170. «Собрание узаконений, 1921», № 26, ст. 149.

171. Там же, № 40, ст. 212.

172. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 207—208; позднее Ленин сравнил Советское государство при НЭПе с машиной, которая вырывается из рук: «Как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда... куда ее направляют» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 86).

173. Цит. по: *В. И. Ленин. Сочинения*, т. XXVII, с. 430 (этой резолюции в Полн. собр. соч. нет. — *Ред.*); о денежной реформе, в защиту которой говорится в резолюции, см. выше, с. 271.

174. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 44, с. 322—323.

175. «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 60.

176. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 222, 225—226.

177. «Собрание узаконений, 1921», № 57, ст. 356.

178. Сообщение о возрождении ярмарок см. в: «На новых путях», 1923, т. I, с. 272—280; это возрождение было результатом решений СТО, причем на ярмарках преобладала государственная торговля. Согласно одному из участников Нижегородской ярмарки, товарооборот на ней достиг 75% уровня 1917 г. и 50 — 1913 г. («Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов», 1922, с. 160—162).

179. Подробный анализ на основе разрешений на торговлю, выданных в 1921 и 1922 гг., дает интересную, хотя и не очень точную информацию о сравнительной значимости соответствующих форм торговли. Торговые разрешения на 1921 г. подразделялись на три категории: разрешения для корабельников, для торговли на открытых рынках и базарах и для торговли в закрытых помещениях, то есть в лавках; в 1922 г. торговцы третьей категории были подразделены на три вида в соответствии с масштабами дела, которое они вели. Таким образом, общее число категорий было доведено до пяти. В первую категорию входили главным образом частные торговцы, во вторую — частные торговцы и кооперативы. В течение 1921 г. первая категория значительно сократилась, поскольку торговля приобрела более организованный вид; на вторую категорию всегда приходилось большее число торговых лицензий. Однако наиболее значимыми в отношении объема торговли, хотя и не по числу лицензий, были третья, четвертая и пятая категории, в которых каждая конкурировала друг с другом. По оценке 1922 г., основывавшейся на статистических данных по трем губерньским городам, 84% лицензий всех категорий было выдано частникам, 15 — кооперативам и менее 1% — государственным торговым заведениям. В Москве эти цифры составляли в 1922 г. соответственно 95,1, 3,6 и 1,3%; в то же время на долю государственного сектора в четвертой категории приходилось 12,9%, а в пятой (самой малочисленной из всех категорий) — 45,9% («На новых путях», 1923, т. I, с. 179—185).

180. Ленин писал в это время: «Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму... Но «кооперативный» капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас, — разумеется, в известной мере» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 225).

181. Там же, с. 64—65; о резолюции IX партийного съезда см. гл. 18.

182. «Собрание узаконений, 1921», № 26, ст. 150.

183. «На новых путях», 1923, т. I, с. 143; Ленин назвал его «соглашением» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 321). С докладом о кооперации на партийной конференции в мае 1921 г. выступил Хинчук (см. гл. 18); в резолюции конференции кооперативы охарактеризованы как основной аппарат «для проведения товарообмена» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 397).

184. В результате постепенного отказа от пайков и натурального обеспечения при НЭПе Наркомпрод потерял свой престиж и значимость, которыми он обладал при военном коммунизме («Двенадцатый съезд Коммунистической партии (большевиков)», 1923, с. 334); о его окончательном исчезновении см. гл. 20.

185. «Собрание узаконений, 1921», № 72, ст. 576.

186. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 33, октябрь 1921 г.; это было дополнением к усилению партийного контроля над профессиями (см. гл. 17).

187. Некоторые жалобы, равно как и статистические данные, приводятся в: «На новых путях», 1923, т. I, с. 144—146, — источнике, явно расположенном в пользу кооперативов.

188. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 460—463; заключительная часть резолюции, из которой взята вторая часть цитаты, не включена в указанный том. Ее можно найти в: «Директивы ВКП(б) в области хозяйственной политики». Под ред. *М. Савельева*, 1928, с. 356—364.

189. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.

190. «Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1923, с. 328.

191. «На новых путях» (1923, т. I, с. 107—108) приводит список государственных учреждений, открывших в первые месяцы НЭПа свои торговые секции. В их число входили народные комиссариаты здравоохранения и просвещения, а также Государственный банк.

192. «Собрание узаконений, 1921», № 68, ст. 527; в то же время они были уполномочены привлекать подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами.

193. «На новых путях», 1923, т. I, с. 185—188; кроме сообщений с мест, в этом отчете говорится, что «богатейший материал по этому вопросу» можно найти в книге, выпущенной Рабкрином, «Наша трестированная промышленность», которую не удалось найти.

194. «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 93.

195. Меншевик Дан, знавший Москву и обладавший практическим мышлением, заметил по выходе из тюрьмы в январе 1922 г., что наблюдалось изобилие всевозможных продуктов питания по ценам, которые были по карману только новым богатеям; что повсюду бросались в глаза спекулянты; что слово «барин» вновь стало общепотребительным среди официантов, извозчиков и т. п.; что на Тверской улице вновь появились проститутки («Два года ски-таный». Берлин, 1922, с. 252—255). В сентябре 1922 г. Красин писал своей жене из Москвы: «Москва выглядит нормально, в некоторых местах так же, как до войны» (*L. Krasina. Leonid Krasin: His Life and Work* (n. d.), 1929, p. 202).

196. См. выше, с. 234—235, 259—260.

197. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 248.

198. «IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 3, 27 октября 1922 г., с. 7—8.

199. Там же, № 5, 29 октября 1922 г., с. 3.

200. «Собрание узаконений, 1921», № 60, ст. 406.

201. Отчет об этой неудаче дан в: «Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 112—116.

202. Возражения Наркомфина против регулирования цен, основывавшиеся на сугубо ортодоксальных финансовых принципах, зафиксированы в: «На новых путях», 1923, т. I, с. 47.

203. Там же, с. 386—387.

204. «Собрание узаконений, 1922», № 34, ст. 400.

205. Только при НЭПе внешняя торговля впервые стала играть заметную роль в советской экономике: Англо-Советское торговое соглашение, являвшееся символом ее возрождения, было подписано в день провозглашения Лениным НЭПа на X партийном съезде. Попытка привлечь иностранный капитал за счет предложения концессий, хотя и предпринимавшаяся раньше (см. гл. 19), зачастую считалась характерной чертой НЭПа, однако в тот период не дала материальных результатов. Как внешняя торговля, так и предложение о предоставлении концессий в то время имели значение главным образом в связи с внешней политикой. Об этих вопросах будет подробно рассказано в пятой части.

206. «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 232—234.

207. «Собрание узаконений, 1921», № 52, ст. 301.

208. «Новая экономическая политика...», с. 94.

209. «Собрание узаконений, 1921», № 63, ст. 462.

210. См. гл. 18.

211. «Собрание узаконений, 1921», № 56, ст. 354.

212. Там же, № 59, ст. 394. 9 июля специальным декретом был введен новый железнодорожный тариф, причем в первом пункте декрета провозгла-

шался принцип обязательной оплаты за перевозки, хотя и опускались исключения в пользу государственных предприятий и кооперативов (там же, № 54, ст. 327); результатом нового тарифа было резкое увеличение оплаты, подняв ее на 40% к довоенному уровню в довоенном денежном выражении («Пять лет власти Советов», 1922, с. 401). В августе 1921 г. была введена новая такса за услуги, оказываемые Наркоматом почт и телеграфов («Собрание узаконений, 1921», № 56, ст. 351). С 15 сентября 1921 г. вновь стала обязательной плата за все услуги, оказываемые предприятиями коммунального характера, начиная с канализации и кончая очисткой дымовых труб (там же, № 2, ст. 445); был отменен декрет от 27 января 1921 г. о квартирной плате.

213. «Сборник декретов и распоряжений по финансам», т. IV, 1921, с. 120—121.

214. «Собрание узаконений, 1921», № 62, ст. 446.

215. «Сборник декретов и распоряжений по финансам», т. IV, 1921, с. 121—122.

216. «Собрание узаконений, 1921», № 72, ст. 593, 594; № 75, ст. 615.

217. Его название было изменено два года спустя на «Государственный банк СССР» («Собрание узаконений, 1923», № 81, ст. 786).

218. «На новых путях», 1923, т. II, с. 192.

219. На 1 января 1922 г. ссуды Госбанка промышленности составляли в общей сложности лишь 10 млн. руб. (образца 1922 г.), или 400 тыс. в довоенных рублях; кредиты под товары также достигали 10 млн. руб.; учет векселей начался только с мая 1922 г. (там же, с. 201—205). После этого сумма ссуд и кредитов медленно начала повышаться, но вплоть до осени 1922 г. они не достигали существенных размеров.

220. «За пять лет», 1922, с. 331.

221. «Собрание узаконений, 1921», № 77, ст. 643; какой бы психологический эффект ни ожидался от количественного сокращения, введение денег нового достоинства, похоже, потерпело неудачу, поскольку деньги старого образца продолжали иметь широкое хождение. Год спустя был издан декрет («Собрание узаконений, 1922», № 66, ст. 867), по которому рубль государственного денежного знака приравнивался к десяти тысячам рублей кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков.

222. «Сборник декретов и распоряжений по финансам», т. IV, 1921, с. 126.

223. Там же, с. 127.

224. «Новое законодательство...», с. 273—274.

225. «Сборник декретов и распоряжений по финансам», т. IV, 1921, с. 136.

226. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 221—228.

227. Т. 1, гл. 8: о его назначении на пост народного комиссара финансов в 1918 г. и его неофициальном мнении о финансах см. гл. 17.

228. Его выступление на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства цитируется в гл. 16.

229. В разгар НЭПа не чувствовалось нужды скрывать кооперацию с экспертами предреволюционных режимов. V. Ipatieff (The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 402) рассказывает, как осенью 1922 г. Шейнман и Кутлер выступали на массовом митинге в здании консерватории, чтобы отпраздновать «первую годовщину Государственного банка и введения стабильной валюты». С другой стороны, под влиянием различных факторов, оказывавших воздействие на работу Наркомфина, он стал объектом нападок со стороны промышленных кругов, выступавших против его политики. Согласно хорошо информированному меньшевистскому журналу «Социалистический вестник», издававшемуся в Берлине (№ 2, 17 января 1923 г., с. 16), Ларин на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. обвинил Сокольника в том, что его водят за нос «бывшие царские министры, Кутлеры и т. п.»; однако это замечание не было зафиксировано в официальном отчете.

230. «Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: отчет к IX Всероссийскому съезду Советов», 1921, с. 35—43.

231. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 407.
232. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939; «Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 53.
233. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 312.
234. Т. I, гл. 8. Как уже отмечалось, широко используемый английский эквивалент для перевода русских слов «чистка» или «чистить», имеет более резкое звучание; эти слова означают не что все коммунисты должны быть исключены из членов партии, а что они сами и их работа должны быть подвергнуты тщательному анализу и те из них, кто не отвечает званию коммуниста, должны быть исключены.
235. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 112—113.
236. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 425—428.
237. «На новых путях», 1923, т. II, с. 2.
238. «Собрание узаконений, 1922», № 22, ст. 233.
239. «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 138.
240. «Собрание узаконений, 1922», № 6, ст. 75.
241. Там же, № 16, ст. 167.
242. Там же, № 76, ст. 940; «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 138—139.
243. «На новых путях», 1923, т. II, с. 134—135.
244. «Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 138.
245. «Собрание узаконений, 1922», № 36, ст. 430.
246. «III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 7, 21 мая 1922 г., с. 16—17.
247. «IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 4, 28 октября 1922 г., с. 26.
248. «Собрание узаконений, 1922», № 67, ст. 887; Г. Я. Сокольников. Государственный капитализм и новая финансовая политика, 1922, с. 31—34.
249. На X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. Сокольников заметил: «Если человек имеет возможность заем поддерживать, и его не поддерживает, то мы сможем и будем это расценивать, как отказ от поддержки советского правительства вообще» («Десятый Всероссийский съезд Советов», 1923, с. 140).
250. A. Arnold. Op. cit., p. 324; 10 апреля 1919 г. Народный банк взял старые сберегательные кассы под свое управление (см. гл. 17).
251. Ibid., p. 325—326.
252. «Собрание узаконений, 1922», № 67, ст. 871; № 81, ст. 1029.
253. A. Arnold. Op. cit., p. 287. Первым директором Промбанка был Краснощек, бывший глава правительства Дальневосточной Республики (т. I, гл. 11); в 1924 г. он был приговорен к тюремному заключению за злоупотребления и расточительство банковских фондов (V. Ipatieff. Op. cit., p. 402).
254. «Собрание узаконений, 1922», № 16, ст. 163; A. Arnold. Op. cit., p. 296.
255. Ibid., p. 307—308.
256. Ibid., p. 318—319.
257. «Собрание узаконений, 1922», № 26, ст. 310; № 31, ст. 377. В августе произошло очередное изменение; обменный курс был установлен специальной комиссией, в которой были представлены Наркомфин и Госбанк на основе обменного курса на твердую иностранную валюту (там же, № 55, ст. 692). Бюджет на 1922—1923 гг. был разработан не в довоенных, а золотых рублях.
258. A. Arnold. Op. cit., p. 128.
259. Г. Я. Сокольников. Цит. соч., с. 6.
260. «Собрание узаконений, 1922», № 46, ст. 578.
261. Там же, № 64, ст. 827.
262. «IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва», № 5, 29 октября 1922 г., с. 2.

Глава 20. Начало планирования

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, 2-е изд., т. 22, с. 234; Маркс говорит о том, что «капиталистические акционерные предприятия», как и кооперативные фабрики самих рабочих, следует рассматривать как «переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному» (Сочинения, т. 25, ч. I, с. 484).

2. О том значении, которое Ленин придавал роли банков, и его ссылке на Сен-Симона см. гл. 16.

3. «Вестник Европы», апрель 1915 г., с. 303; август 1915 г., с. 300; статьи Ларина были опубликованы в виде книги в Москве в 1928 г. (год начала Первого пятилетнего плана) под названием «Государственный капитализм военного времени в Германии».

4. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 309.

5. Там же, с. 191, 193.

6. *C. Sorel*. Op. cit., p. 35.

7. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 320; это первое обсуждение Лениным вопроса о планировании тесно связано с его выступлением в защиту «рабочего контроля» (см. гл. 16).

8. Там же, т. 36, с. 300; с другой стороны, в марте 1917 г. Ленин охарактеризовал германскую систему как «гениально организованный голод» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 21).

9. Сами по себе созданные Временным правительством военные комитеты ведущих отраслей промышленности и экономические советы и главный экономический комитет (см. гл. 16) не являлись сколь-либо серьезным вкладом в планирование, хотя и послужили основанием, на котором строились впоследствии советские органы.

10. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 405.

11. Там же, т. 36, с. 258.

12. Там же, с. 379—380.

13. В мае 1915 г. Имперская академия наук образовала Комиссию по изучению естественных производительных сил России; она пережила революцию и начиная с 1918 г. получала фонды от Советского правительства («Обзор научной деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России». Под ред. *Г. П. Блока*, 1920, с. 6; в этой брошюре содержится длинный список научных публикаций комиссии, а более поздний отчет о ее деятельности приводится в: «Работы Академии наук в области исследования природных богатств России», 1922).

14. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

15. Там же, с. 171.

16. «Бюллетень Высшего совета народного хозяйства», № 1, апрель 1918 г., с. 27.

17. «Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1918, с. 180—181, 202; доклад, который занимает 25 страниц стенограммы съезда (там же, с. 176—202), является тем не менее одним из ранних примечательных примеров планирования на бумаге.

18. «Народное хозяйство», 1918, № 10, с. 42.

19. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», т. II, 1920, с. 45—46; примерно в то же самое время Совнарком по предложению Красина создал «Центральный электротехнический совет» («Труды 8-го Электротехнического съезда» (б.д.), 1921, т. I, с. 128—129). Мало какие из бесчисленных органов, создаваемых в то время, стали эффективными.

20. *A. Ransome* (Op. cit., p. 65—72) рассказывает о визите в феврале 1919 г. к Павловичу, который жаловался, что «война все портит» и что «этот комитет должен быть задействован в мирных делах, делая Россию более полезной для себя и для всего мира».

21. «Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства» (б.д.), с. 19.

22. Там же, с. 391.

23. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 290.

24. Об отделе военных заготовок и чрезвычайной комиссии см. гл. 17. Органом, через который ВСНХ пытался проводить первые наброски плановой политики, являлась «комиссия использования» (см. гл. 17). В 1920 г. Милютин описал скорее теорию, чем практическую деятельность этого органа: «План распределения устанавливается комиссией использования и поступает на утверждение президиума ВСНХ; затем идет исполнение в соответствующих производственных отделах, которые и получают с центральных складов необходимое им количество сырья, которое они развозят по фабрикам и заводам» (В. П. Милютин. Цит. соч., с. 197). Есть данные о том, что комиссия утвердила «планы» для 19 продуктов в 1918 г., для 44 — в 1919 г. и для 55 — в 1920 г. («Большая Советская Энциклопедия», т. XXIII, 1928, с. 619, ст. «Комиссия использования»). В марте 1921 г. эта комиссия была переведена из ВСНХ под начало СТО, а в декабре 1921 г. полностью упразднена (см. выше, с. 302).

25. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 91—92, ст. 924.

26. «Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1920, с. 42—44.

27. Первоначальный проект резолюции Троцкого есть в: «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 511—512; он признал на съезде, что невключение им какого-либо упоминания о планировании представляло собой «серьезное и важное упущение» (там же, с. 102). Похоже, не было зафиксировано, кто из членов Центрального Комитета предложил включить этот пункт.

28. Там же, с. 103. Некоторые замечания, сделанные Троцким три года спустя, проливают значительный свет на его первоначальный подход к планированию: «Каковы основные устои планового хозяйства? Во-первых, армия: она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность, которая работает у нас либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности» («Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1923, с. 306—307).

29. «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 139; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 273.

30. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 337.

31. Декрет, который ввел это изменение, был повторен в резолюции VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. («Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 181); см. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 457, прим. № 39.

32. См. выше, с. 305.

33. В. И. Ленин. Сочинения, т. XXV, с. 22 (сохранился только газетный отчет о его выступлении). Полностью это выступление приводится в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 87—111; а об электрификации говорится там же, с. 109. — *Ред.*

34. «Известия», 8 февраля 1920 г.: похоже, что не было опубликовано никакого официального отчета о работе этой сессии ВЦИКа, и данное решение не зафиксировано ни в одном официальном сборнике законов и декретов.

35. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 455, прим. № 29; Кржижановский при поощрении Ленина опубликовал в «Правде» 30 января 1920 г. статью «Задачи электрификации в промышленности» (там же, т. 40, с. 62—63).

36. Там же, т. 51, с. 159—160.

37. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 329.

38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 179; «Коммунистический интернационал в документах», 1933, с. 137—138.

39. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 307.

40. K. Ballod. Der Zukunftsstaat была впервые опубликована в 1906 г. (Эта книга была впервые опубликована в 1898 г. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 488, прим. № 135. — *Ред.*). Доработанное издание, содержащее

программу электрификации, появилось на свет в 1919 г., а русский перевод — в 1920 г. Впервые она была упомянута Лениным в феврале 1921 г. (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 342); однако он наверняка читал ее до своего выступления в ноябре 1920 г., поскольку десятилетний срок, о котором говорилось там, был в конечном счете упомянут самим Лениным (там же, т. 44, с. 51) в связи с подсчетами Баллода в три-четыре года для Германии.

41. Там же, т. 42, с. 30.

42. Там же, т. 43, с. 228.

43. О транспортном кризисе в этот период см. гл. 17.

44. Приказ № 1042 приводится в: *Троцкий. Сочинения*, т. XV, с. 345—347. О его выполнении см. доклад Троцкого на съезде («Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 174—175), перепечатанный с другими документами того периода в: *Троцкий. Цит. соч.*, с. 348—485. Ленин также комментировал этот приказ в своем докладе на съезде (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 153, 160).

45. *В. П. Милютин. Цит. соч.*, с. 192.

46. Рыков, который на протяжении всего этого периода времени отходил вправо, был одним из наиболее последовательных противников планирования в широком смысле слова. На VIII Всероссийском съезде он высказывал мысль о том, что «до такого производственного плана, который охватил бы все стороны нашей экономической жизни, мы не доживем еще много лет», и пошутил, сказав, что «глубоко ошибаются те, которые думают, что производственный план лежит на конце пера литератора, откуда можно взять этот производственный план и нанести его на бумагу» («Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 101—102). XIII партийная конференция в 1924 г. застала его в склонном к воспоминаниям настроении: «Я недавно рассказывал, что у меня во время военного коммунизма в ВСНХ было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными, и синими кружочками, квадратами и т. п.» («Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 18).

47. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 110—111.

48. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 181—182.

49. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 157.

50. Там же, с. 155.

51. Там же, с. 339, 346; через месяц Сталин, впервые прочитав план ГОЭЛРО, написал Ленину письмо, в котором нападал на Троцкого и Рыкова и закончил такими словами: «Помытуя, что существует **только один** «единый хозяйственный план» — это «план электрификации», что все остальные «планы» — одна болтовня, пустая и вредная» (*И. Сталин. Соч.*, т. V, с. 50—51).

52. «Собрание узаконений, 1921», № 17, ст. 106; согласно *В. П. Милютину* (Цит. соч., с. 303), Ленин, Милютин и Ларин — каждый из них выступил с отдельным докладом на совещании Совнаркома, который принял это решение.

53. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 52, с. 80—82.

54. *V. Ipatieff. Op. cit.*, p. 308; Ипатьев был назначен в Госплан в мае 1921 г.

55. «Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства», 1921, с. 83—84; декрет о создании этих плановых комиссий содержится в: «Собрание узаконений, 1921», № 38, с. 203.

56. *В. И. Ленин. Сочинения*, т. XXVI, с. 296 (этого письма в Полн. собр. соч. нет. — *Ред.*).

57. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 43, с. 260; т. 44, с. 63.

58. Меморандум 7 августа 1921 г. взят из архива Троцкого.

59. «Собрание узаконений, 1921», № 59, ст. 403.

60. Решение о созыве этого съезда «в целях всестороннего обсуждения технико-экономических вопросов, связанных с осуществлением плана электри-

фикации России», было принято не далее как в феврале 1921 г. («Собрание узаконений, 1921», № 10, ст. 66). Официально он был назван «Восьмой Всероссийский электротехнический съезд», чтобы сохранить официальную преемственность с его предшественником в 1913 г. На нем было зачитано обращение Ленина (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 135—136). Его стенограмма («Труды 8-го Всероссийского съезда») были опубликованы Госпланом в 2 томах (б. д.). Эта резолюция была зачитана на IX Всероссийском съезде Советов Кржижановским, который также упомянул о двух достижениях, о которых на съезде было сказано как об открытиях, которые в скором времени будут сделаны наукой, — передаче изображения на расстоянии и о получении энергии за счет разложения малейших частиц материи («Девятый Всероссийский съезд Советов», 1922, с. 219).

62. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 320—321.

63. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 236—239; о топливном плане см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 317—318.

64. Ленин писал в это время, что «...новая экономическая политика не меняет единого хозяйственного плана... а меняет *подход* к его осуществлению» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101).

65. Бухарин еще в 1920 г. писал: «В городах главная борьба за тип хозяйства *кончается* с победой пролетариата, в деревне она кончается, поскольку речь идет о победе над крупным капитализмом. Но в тот же момент она — в других формах — *возрождается*, как борьба между государственным планом пролетариата, воплощающего обобществленный труд, и товарной анархией, спекулятивной разнузданностью крестьянства, воплощающего раздробленную собственность и рыночную стихию. Но т. к. простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства, то борьба вышеописанных тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом» (Н. И. Бухарин. Экономика переходного периода, 1920, с. 86).

66. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 118; причиной протеста (этих троих деятелей было упразднение комиссии использования (см. выше, с. 287)).

67. «Собрание узаконений, 1922», № 40, ст. 468.

68. Развитие этих разногласий, которые усугублялись в результате споров по поводу предполагавшихся назначений дополнительного числа заместителей председателя Совнаркома во время болезни Ленина (до сих пор Рыков был единственным заместителем), можно проследить в архивах Троцкого. Эти разногласия приобрели особую остроту в декабре 1922 г. Записка Ленина от 27 декабря 1922 г., содержавшая частичное признание им взглядов Троцкого, цитировалась Троцким в его письме членам Политбюро от 22 октября 1923 г., пространные отрывки из которого были опубликованы в: «Социалистический вестник». Берлин, № 11, 28 мая 1924 г., с. 11. С одной стороны, похоже, было выдвинуто предложение, чтобы Троцкий, уже отказавшийся стать заместителем председателя Совнаркома, был назначен председателем Госплана: его противники, очевидно, подозревали, имея или не имея на то оснований, что он вынашивает это заветное желание. Очевидным фактом в данной ситуации была привязанность Ленина к Кржижановскому, которого Троцкий считал неспособным.

69. Протокол заседания Политбюро, на котором было принято решение не публиковать записку Ленина, имеется в архивах Троцкого. Последним шагом Троцкого в споре о Госплане, по-видимому, является его письмо от 25 января 1923 г. ко всем членам Центрального Комитета; в феврале 1923 г. он перенес свое внимание на вопрос о кредитах для промышленности (см. гл. 19).

70. Троцкий заявляет (Stalin. N. Y., 1946, p. 366), что он информировал Сталина перед съездом о том, что у него имеются «серьезные разногласия по хозяйственным вопросам» с большинством Центрального Комитета. Эти раз-

ногласия, которые не получили огласки на съезде, будут проанализированы в последней части настоящей работы; в какой-то степени взгляды Троцкого на планирование были отражением этих разногласий.

71. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 478—480.

72. «Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большеви-ков)», 1923, с. 26—27; Зиновьев вновь перешел в наступление, еще раз прибегнув к авторитету Ленина в конце своего доклада (там же, с. 45). О статье Ленина в феврале 1921 г. см. выше, с. 292; это было, вероятно, самым первым случаем злоупотребления ленинским авторитетом за счет выборочного цитирования его произведений.

73. Там же, с. 306, 313.

74. Там же, с. 321. Троцкий приписывает эту фразу Смирнову, который работал в Госплане; она стала знаменитой на более поздней стадии споров о планировании.

75. Там же, с. 373.

Приложение В. Маркс, Энгельс и крестьянин

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, с. 106.

2. Там же, т. 5, с. 352.

3. Там же, т. 4, с. 8.

4. Там же, т. 7, с. 436.

5. Там же, т. 29, с. 37 (пр процитированные слова даны в оригинале по-английски).

6. В крупных прусских поместьях, обрабатываемых находившимися в полукрепостном состоянии сельскохозяйственными рабочими, положение также было совершенно другим; Энгельс в письме 1865 г. писал, что «...в такой преимущественно феодальной стране, как Пруссия, низко нападать от имени промышленного пролетариата исключительно на буржуазию и наряду с этим ни единым словом не упомянуть о патриархальной палочной эксплуатации сельского пролетариата со стороны крупного феодального дворянства». Здесь Энгельс перескакивает с феодальной эксплуатации крепостных крестьян на капиталистическую эксплуатацию сельского пролетариата в виде батраков (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, с. 47).

7. Там же, т. 18, с. 545—546.

8. Там же, т. 19, с. 119, 120.

9. Том I, гл. I.

10. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, с. 136—137.

11. Там же, т. 19, с. 305.

12. Там же, т. 39, с. 35.

13. Там же, т. 22, с. 444.

14. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 208 (Ленину впоследствии пришлось процитировать этот отрывок в защиту политики умиротворения середняка, который по русским условиям соответствовал мелкому крестьянину, о котором говорил Энгельс, — мелкому собственнику кусочка земли, работающему на себя без привлечения наемного труда).

15. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, с. 265.

16. Там же, т. 22, с. 501—525.

Приложение Г. Рабочий контроль на железных дорогах

1. Данные о составе Викжеля цит. по: *Bunyan and Fisher. Op. cit.*, p. 153.

2. «Второй Всероссийский съезд Советов», 1928, с. 87—90.

3. *Bunyan and Fisher. Op. cit.*, p. 155—156.

4. Т. I, гл. 5.

5. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 292—310. Съезд проходил одновременно с I Всероссийским съездом профсоюзов в январе 1918 г., однако, похоже, между этими двумя съездами не было установлено никаких взаимо-

отношений, причем о значимости каждого из них и относительно влиянии можно судить по тому факту, что Ленин нашел время, чтобы лично выступить на съезде железнодорожников, а на профсоюзный съезд с докладом от имени партии направил Зиновьева.

6. Это положение было опубликовано в официальном органе «Наркомпутъ». Выдержки из него цит. по: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 653—654.

7. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». 1920. с. 44—45.

8. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», 1918, с. 820—822.

9. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 266.

Э. КАРР
**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**
2

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923**
Том 2

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *И. В. Леонтьева*

Сдано в набор 23.11.1988 г.
Подписано в печать 28.12.1988 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,75. Уч.-изд. л. 28,31.
Изд. № 24/44503

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17